Class PA
Book E75
YUDIN COLLECTION

3

757
3

К. С. АПОЛЛИНАРІЙ СИДОНІЙ,

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ

ГАЛЛІИ V ВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ

С. Ешевскаго.

МОСКВА.
1855.

Eshevskii Stepan Vasil'evich, 1829-1865. K.S Apollinarii Sidonii.

К. С. АПОЛЛИНАРІЙ СИДОНІЙ,

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ

ГАЛЛІИ V ВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ

С. Ешевскаго.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.
1855.

PA6694
.S8E8
1855

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета печатать дозволяется. Москва. Марта 22 дня 1855 года.

Секретарь Совѣта *Алексѣй Жигаревъ.*

ПАМЯТИ ОСНОВАТЕЛЕЙ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
БЛАГОГОВѢЙНО
ПОСВЯЩАЕТЪ СОЧИНИТЕЛЬ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляя на судъ публики мою монографію, считаю не лишнимъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ объясненій. Эпоха, къ которой относится жизнь Аполлинарія Сидонія, безспорно одна изъ самыхъ великихъ и поучительныхъ эпохъ въ исторіи. Время паденія древняго римскаго міра съ его государственными учрежденіями, съ его литературой и бытомъ, время основанія новыхъ европейскихъ государствъ, неодолимо влечетъ къ себѣ вниманіе историка. Быть можетъ никогда такъ наглядно и полно не обнаруживался весь процессъ общественнаго разложенія и созиданія.

Аполлинарій Сидоній дастъ возможность историку, не выходя почти изъ предѣловъ его біографіи, коснуться всѣхъ сторонъ современной ему дѣйствительности. Прославленный литераторъ, близкій свидѣтель почти всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событій, участникъ во многихъ изъ нихъ, наконецъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и уважаемыхъ епископовъ Галліи, Аполлинарій Сидоній своими сочиненіями представляетъ драго-

цѣннѣйшій источникъ для политической и литературной исторіи своего времени. Говоря объ его многосторонней дѣятельности, біографъ Сидонія почти противъ воли дѣлается историкомъ Галліи, а иногда и историкомъ всего западно-римскаго міра и въ его же произведеніяхъ находитъ полнѣйшій матеріалъ для своего труда. Съ другой стороны время Сидонія принадлежитъ къ числу самыхъ разработанныхъ эпохъ средневѣковой исторіи. Начальная исторія Франціи была предметомъ наиболѣе внимательнаго и счастливаго изученія. Гизо, Петиньи, Форіель, Легюеру, братья Тьерри не оставили безъ вниманія ни одного сколько нибудь важнаго явленія, въ политической, умственной и нравственной жизни этого времени; Бенедиктинцы Конгрегаціи Св. Мавра съ рѣдкою добросовѣстностію собрали въ своей Литературной исторіи Франціи всѣ даже самые мелочные факты, относящіеся къ дѣятельности и жизни писателей V вѣка. Для исторіи Церкви достаточно указать на Неандера. Не говорю уже объ изданіи самихъ памятниковъ. Біографу Аполлинарія Сидонія остается только добросовѣстно воспользоваться обильнымъ матеріаломъ и многочисленными пособіями въ трудахъ предшествовавшихъ историковъ, свести отдѣльныя изслѣдованія и сгруппировать около своего героя разнообразныя явленія политической и умственной жизни этой эпохи, чтобы представить полную картину состоянія Галліи во второй половинѣ V вѣка. Такого рода трудъ

предпринялъ я съ убѣжденіемъ, что для русской публики подобныя монографіи могутъ принести болѣе существенную пользу нежели спеціальныя изысканія, относящіяся къ одному какому нибудь событію, тѣмъ болѣе что и въ настоящемъ случаѣ не исключалась возможность собственныхъ частныхъ изслѣдованій. Говоря объ ученыхъ пособіяхъ, не могу не упомянуть съ особенною благодарностію о превосходномъ трудѣ Петиньи: Etudes sur l'époque Mérovingienne. Болѣе глубокаго изученія, болѣе тонкаго и остроумнаго анализа источниковъ едва ли можно найти въ исторической литературѣ Франціи. Чтобы вполнѣ выразить мое мнѣніе объ ученыхъ достоинствахъ Петиньи, я могу сказать, что сравнительно съ его трудомъ во многихъ частяхъ оказывается недостаточно полнымъ, недостаточно провѣреннымъ критически изслѣдованіе самого Форіеля о томъ же времени. Для меня Петиньи не только былъ надежнымъ руководителемъ относительно политической исторіи Галліи, не только замѣнялъ иногда самые источники; но ему же обязанъ я и тѣми немногими результатами собственнаго изученія, въ которыхъ я расхожусь нѣсколько съ его мнѣніемъ. Я сочту себя вполнѣ вознагражденнымъ, если въ моемъ трудѣ найдутъ добросовѣстную и отчетливую передачу и сводъ тѣхъ выводовъ, которые добыты нашими старшими братьями по наукѣ.

При внимательномъ изученіи сочиненій Аполлинарія Сидонія, я дошелъ до нѣкоторыхъ ре-

зультатовъ, существенно разнящихся отъ мнѣній бо́льшей части историковъ. Мнѣ кажется, Сидоній, доставившій своими произведеніями возможность имѣть исторію Галліи V вѣка, недостаточно безпристрастно оцѣненъ до сихъ поръ. Какъ будто преувеличенный восторгъ хваленныхъ имъ современныхъ писателей и наивное преклоненіе передъ авторитетами ученыхъ среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія до сихъ поръ еще препятствуютъ строгому разбору его политической и литературной дѣятельности на основаніи его же собственныхъ показаній и произнесенію заслуженнаго приговора. Понятенъ восторгъ современниковъ и ближайшаго потомства; очевидно тутъ не можетъ быть и рѣчи о настоящемъ пониманіи и оцѣнкѣ. Можно удивляться мнѣнію цѣнителей уже свободныхъ отъ вѣковаго, передававшагося по преданію и часто безсознательнаго уваженія къ литературнымъ достоинствамъ ліонскаго поэта. До сихъ поръ встрѣчаются еще такіе поклонники Сидонія, для которыхъ строгій и по нашему мнѣнію справедливый приговоръ Казобона (Sidonius.... in re latinitatis improbus intestabilisque) кажется дерзостію (1). Въ другихъ, болѣе безпристрастныхъ и вполнѣ понимающихъ всю бѣдность поэтическаго таланта и вообще всякого внутренняго содержанія въ сочиненіяхъ Сидонія, замѣтна однако же большая наклонность къ тому, чтобы

(1) Germain, Essai historique sur Apollinaris Sidonius p. 114.

выставить по возможности въ лучшемъ свѣтѣ панегириста Авита и его преемниковъ. Если одни за удачныя частности, за попадающіяся нерѣдко остроумныя выходки забываютъ общій характеръ произведеній клермонтскаго епископа; то другіе берутъ во вниманіе всю его литературную дѣятельность и все таки какъ бы сдерживаютъ себя, не желая произнести полнаго осужденія и какъ бы намѣренно смягчая рѣзкость вполнѣ заслуженнаго приговора. Когда дѣло идетъ о мнѣніи Форіеля, Петиньи, Нибура, Ампера и другихъ, стоитъ остановиться, чтобы объяснить себѣ причину такого увлеченія. Неужели Сидоній, издавшій только лучшія изъ своихъ произведеній, не обманулся въ расчетѣ и до сихъ поръ является передъ судомъ потомства если не вполнѣ такъ, какъ желалъ бы, все таки лучше чѣмъ былъ въ дѣйствительности? Объяснимся. Сочиненія Сидонія читаются и могутъ читаться только для спеціальныхъ литературныхъ и историческихъ изслѣдованій. Трудно представить себѣ человѣка, который бы прочелъ Сидонія безъ необходимости. Дилеттанта съ перваго же шага оттолкнетъ трудность чтенія, не вознаграждаемая немедленно получаемымъ удовольствіемъ. Для изслѣдователя исторіи литературы, съ какой бы стороны, отъ предшествовавшаго ли или послѣдующаго столѣтій, ни подошелъ онъ къ сочиненіямъ Сидонія, въ нихъ найдется многое, что если не вполнѣ обезоружитъ его, по крайней мѣрѣ значительно смягчитъ его приговоръ. Сра-

вивая внѣшнюю форму сочиненій клермонтскаго епископа съ произведеніями его современниковъ, нельзя не признать ея превосходства. Языкъ стихотвореній и переписки кажется почти правильнымъ и яснымъ, если сличить его, напримѣръ, съ языкомъ Евхаристикона Павлина. Преданія классической литературы еще не совершено забыты и на каждомъ шагу встрѣчаются слѣды близкаго по видимому знакомства съ лучшими писателями древности.

Едва ли кто, вмѣстѣ съ Жерменомъ, рѣшится сравнить съ сатирами Ювенала отвратительное и нисколько не остроумное изображеніе безстыднаго и злобнаго обжоры (2); но многіе, оглядѣвши дошедшіе до насъ памятники литературы V вѣка, остановятся съ удовольствіемъ на Сидоніи. Непринужденная веселость, остроуміе, блещущее весьма часто, и наконецъ драгоцѣнныя свѣдѣнія, имъ доставляемыя, заставляютъ изслѣдователя забыть и простить многое изъ его недостатковъ. Еще легче клермонтскому епископу закупить въ свою пользу историка. Можно сказать, что безъ его сочиненій и безъ его литературныхъ недостатковъ не возможна была бы исторія его времени. Трудно представить, не испытавъ на себѣ, съ какимъ наслажденіемъ переходишь отъ отчаянно сухихъ и краткихъ показаній современныхъ анналистовъ къ письмамъ Сидонія. Какъ историку обвинить его въ мно-

(2) Sidon. Epist. III, 13. Germain, p. 98.

гословіи, въ введеніи излишнихъ подробностей, въ анатомическомъ характерѣ описаній, когда только благодаря этимъ недостаткамъ и можно составить себѣ сколько нибудь живое и ясное понятіе о политическихъ событіяхъ, о взаимномъ отношеніи дѣйствующихъ лицъ, объ образѣ жизни этого времени? Жалкая вещь въ художественномъ отношеніи Панегирикъ Авиту, а чтоже безъ него мы знаемъ о предшествовавшей избранію жизни тестя Сидонія, о самомъ избраніи и т. д? Въ современныхъ анналахъ находимъ только извѣстія въ родѣ слѣдующаго: «Въ Галліи провозглашенъ Авитъ императоръ и вошелъ Теодерихъ, король Готовъ, съ братьями своими въ Арль мирно». Тоже самое можно сказать о панегирикахъ Маіоріану, Антемію, Ейриху и о другихъ сочиненіяхъ Сидонія. Обрадованный находкою драгоцѣнныхъ документовъ, историкъ забываетъ, что передъ нимъ литературныя произведенія; а если и вспомнитъ объ этомъ, благодарность не позволяетъ ему сказать жесткаго слова осужденія. Смягчается судъ не только надъ литературными достоинствами сочиненій, но и надъ нравственнымъ характеромъ, надъ политическою дѣятельностію самого автора. Когда исчерпается и уйдетъ въ дѣло весь историческій матеріалъ, доставляемый произведеніями Сидонія, читателю останется только литературная оцѣнка ихъ и приговоръ произнесется со всею надлежащею строгостію; но до тѣхъ поръ трудно защититься отъ нѣкотораго пристрастія.

Всего замѣтнѣе обнаруживается эта несправедливая снисходительность къ Сидонію въ разсказахъ историковъ о послѣдней отчаянной борьбѣ Оверни съ Вестготами. Подробнымъ изложеніемъ всей дѣятельности Сидонія я старался представить его характеръ въ настоящемъ его свѣтѣ. Главнымъ виновникомъ геройской защиты Оверни былъ, по моему крайнему убѣжденію, Эдидій, своимъ присутствіемъ и личнымъ вліяніемъ поддерживавшій слабую волю самого Сидонія. Чѣмъ болѣе всматривался я въ предшествовавшую и послѣдующую жизнь клермонтскаго епископа, тѣмъ необъяснимѣе становилось для меня непонятное увлеченіе историковъ, предполагавшихъ въ немъ какое-то нравственное перерожденіе, отдававшихъ всю честь славнаго подвига малодушному ритору и оставлявшихъ на второмъ планѣ, какъ бы въ тѣни, благородную, достойную и лучшей эпохи и болѣе правдивой оцѣнки, личность Эдидія.

Представить по поводу біографіи Сидонія и на основаніи его сочиненій сколько возможно полную картину современнаго ему положенія Галліи и въ тоже время въ характерѣ и жизни этого блестящаго представителя образованной аристократіи Галліи прослѣдить всю полноту нравственнаго и умственнаго паденія свѣтскаго общества, вотъ двѣ цѣли, которыхъ я старался достигнуть. Успѣлъ ли я въ этомъ, судить не мнѣ.

Отдѣльныхъ сочиненій объ Аполлинаріи Сидоніи мнѣ извѣстно только два. Одно принадле-

житъ Жермену, профессору исторіи въ Монпелье: Essai littéraire et historique sur Apollinaris Sidonius, par A. C. Germain. Montpellier (1840) и представляетъ любопытный примѣръ довольно полнаго изученія предмета вмѣстѣ съ полнѣйшимъ его непониманіемъ и съ отсутствіемъ всякой критики. Двѣ небольшія главы, посвященныя Сидонію Ампеpомъ въ его Histoire littéraire de la France avant le douzième siècle безспорно даютъ болѣе ясное и вѣрное понятіе о характерѣ клермонтскаго епископа, о литературномъ и историческомъ значеніи его сочиненій нежели все сочиненіе Жермена. Относительно пониманія характера Сидонія Жерменъ не многимъ ушелъ впередъ отъ наивныхъ сужденій Бенедиктинцевъ. Единственная польза, какую я могъ извлечь изъ труда монпельескаго профессора состояла въ томъ, что подобравъ указанія и мѣста изъ сочиненій Сидонія, онъ значительно облегчалъ мнѣ справки. Другое сочиненіе: C. S. Apollinaris Sidonius und seine Zeit, nach seinen Werken dargestellt von Dr. Michæl Fertig. 3 Abtheil. Würzburg. 1845, 46 и 1848, получено мною въ то время, когда моя книга уже оканчивалась печатаніемъ. Не смотря на заманчивое заглавіе, обѣщающее нѣчто въ родѣ превосходной монографіи Лобелля: Gregor von Tours und seine Zeit, vornehmlich aus seinen Werken geschildert, сочиненіе Фертига по объему и по достоинству стоитъ еще ниже нежели опытъ Жерменя. Это Einladungsschrift zu den Schlussfeierlichkeiten des Studienjahres 1844—45 am königlichen

Gymnasium zu Münnerstadt и самъ авторъ объявляетъ, что единственными источниками и пособіями для него служили: изданіе Сидонія, помѣщенное въ Bibliotheca Veterum Patrum cura Andreæ Gallandii, Французскій переводъ Сидонія, изданный Грегуаромъ и Колломбе, и твореніе Гиббона. Пересматривая книгу или, лучше сказать, 3 брошюры Фертига, я не замѣтилъ ни малѣйшихъ признаковъ знакомства автора съ трудами знаменитыхъ французскихъ историковъ; онъ не пользовался даже и литературной исторіей Франціи Бенедиктинцевъ конгрегаціи Св. Мавра (3). Новаго только попытки стихотворнаго перевода Сидонія, попытки иногда довольно удачныя, и нѣсколько забавныхъ предположеній (4).

Существенно важна была для меня невозможность пользоваться знаменитыми Acta sanctorum Болланда. Maxima Bibliotheca veterum Patrum и трудъ Бенедиктинцевъ (Histoire littéraire de France) только частію могли замѣнить мнѣ этотъ важный источникъ. Нѣкоторыя подробности я могъ найти также у Годескара: Vies des Pères, des Martyrs et

---

(3) Скудость ученыхъ средствъ и пособій Фертига лучше всего видна изъ слѣдующаго. Упомянувъ о трудѣ Гиббона, авторъ спѣшитъ сдѣлать особое примѣчаніе. Den Gebrauch dieser Werke danke ich der *seltenen Güte und Liberalität* meines verehrten Freundes des Herrn Professors und Universitäts-Bibliothekars Dr. Ludwig in Würzburg.

(4) Напримѣръ догадка Фертига, что благочестивую Павлу, умершую въ началѣ V вѣка, поили во время ея предсмертной болѣзни *чаемъ*. Fertig, 2 abth. 42.

des autres principaux Saints. 1794, XII v.; тѣмъ не менѣе безъ самыхъ житій Германа Оксеррскаго, Женевьевы Парижской, Лупа Труаскаго и м. др. я не могъ воспользоваться дорогими подробностями о правахъ и образѣ жизни того времени.

Скажу въ заключеніе о тѣхъ изданіяхъ, которыми я пользовался. Для 1 и 2 главъ моего сочиненія у меня было подъ руками только то изданіе Сидонія, которое помѣщено въ VI томѣ Maxima Bibliotheca Patrum, изданіе неисправное и безъ всякихъ примѣчаній.

Парижское изданіе Сирмонда 1652 года я успѣлъ только бѣгло просмотрѣть въ Императорской публичной Библіотекѣ. Только подъ конецъ я получилъ текстъ и переводъ Сидонія, изданные ліонскими учеными Грегуаромъ и Колломбе. Это значительно облегчило мою работу и я могъ заимствовать изъ него нѣсколько примѣчаній для 1 и 2 главъ и вполнѣ воспользоваться имъ для 3. Привожу это обстоятельство въ нѣкоторое оправданіе на случай, если найдутся неточности или невѣрности въ моихъ переводахъ, хотя совершенно избѣжать ихъ небыло возможности. Если современники Сидонія нуждались въ комментаріяхъ на его сочиненія (5), если Петрарка

(5) См. 25 письмо II книги переписки Рурицiя Лиможскаго. Cujus (Sidonii) lectio sicut mihi antiquum restaurat affectum, ita præ obscuritate dictorum non accendit ingenium. Quid enim justius, quam ut ipse sis paterni interpres eloquii, прибавляетъ Рурицій, обращаясь къ сыну Сидонія. Bibl. Max. Patr. VIII, 572.

жаловался на темноту и непонятность его остротъ и ученые издатели и переводчики произведеній клермонтскаго епископа отказываются совершенно отъ перевода двухъ мѣстъ, передавая многія другія только отдаленной перифразой (6), я не думаю, чтобы можно было ставить мнѣ въ особую вину нѣкоторые промахи. Сверхъ необыкновенно изысканнаго и запутаннаго способа выраженія, одно изъ важныхъ затрудненій для перевода представляетъ частое употребленіе у Сидонія словъ, ему только свойственныхъ, оборотовъ и соединенія словъ, нигдѣ болѣе не встрѣчающихся. Лексиконъ Форчеллини не всегда могъ помочь мнѣ. Впрочемъ знающіе дѣло поймутъ неизбѣжно представлявшіяся мнѣ трудности.

---

(6) Oeuvres de C. S. Apollinaris Sidonius traduites en français par J. F. Grégoire et F. L. Collombet. Lyon 1836. t. p. XI.

ГЛАВА I.

Фамилія Сидонія, воспитаніе, характеръ школьнаго образованія въ Галліи V вѣка, преподаваніе философіи, права; греческій языкъ, грамматика, риторика, поэзія; общій выводъ; жалобы на упадокъ литературы. Сидоній по выходѣ изъ школы; его характеръ, женитьба. Жизнь высшаго сословія; виллы; положеніе женщины; день знатнаго Галло-Римлянина; ужинъ въ Арлѣ при Имп. Майоріанѣ; охота; путешествія; отношеніе къ низшему сословію; письмо къ Ерифію о праздникѣ въ Ліонѣ; литературный кружокъ въ Галліи V вѣка.

Во второй половинѣ 407 года, когда толпы Свевовъ, Аланъ и Вандаловъ грабили беззащитную Галлію отъ Рейна до Пиринеевъ и крики негодованія раздавались повсюду и противъ Гонорія, остававшагося равнодушнымъ зрителемъ опустошенія одной изъ лучшихъ провинцій (1), и противъ Стиликона, котораго обвиняли даже въ злоумышленномъ призывѣ варваровъ (2), въ Британскихъ легіонахъ произошло движеніе, довольно впрочемъ обыкновенное въ исторіи Римской Имперіи. Легіоны возстали и провозгласили своего Императора. Послѣ одной или двухъ смѣнъ, съ необыкновенною быстротою слѣдовавшихъ другъ за другомъ, выборъ легіоновъ окончательно остановился на одномъ изъ простыхъ солдатъ, никакими заслугами не выдѣлявшихся изъ

(1) Cujus agendi spectator vel causa fui. Claudian. VI Cons. Honor. 439.

(2) Орозій кн. VII Bibliotheca Maxima Patrum VI. стр. 446.

толпы сослуживцевъ, но за то носившемъ имя Константина— счастливое предзнаменованіе успѣха (3). Избранный вождь поспѣшилъ исполнить желаніе легіоновъ и тотчасъ переправился въ Галлію. Онъ нашелъ себѣ союзниковъ во Франкахъ, въ толпахъ разноплеменныхъ и разноязычныхъ варваровъ, разсыпавшихся по Галліи послѣ вторженія 406 года; но еще большею помощію было для него беззащитное положеніе этой провинціи, изъ которой бо́льшая часть войскъ была отозвана въ Италію Стиликономъ, приготовлявшимъ тогда въ союзѣ съ Аларихомъ экспедицію противъ Восточной Имперіи. На ходъ событій не осталось безъ вліянія и то чувство ненависти къ вандалу Стиликону, управлявшему судьбами имперіи—одно изъ послѣднихъ проявленій оскорбленной римской гордости, которое произвело Павійскую катастрофу и погубило знаменитаго варвара. Константинъ занялъ Арль, сдѣлавшійся съ 402 года центромъ управленія Галліи на мѣсто Трира, столько разъ опустошеннаго Франками. Вся Галлія признала его законнымъ главою Имперіи. На мѣсто Лименія, префекта преторіи, сохранившаго вѣрность Гонорію и бѣжавшаго въ Италію, чтобы сложить свою голову въ Павійскомъ лагерѣ, главою администраціи и суда въ Галлію назначенъ былъ Аполлинарій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ гражданъ Ліонскихъ, дѣдъ нашего писателя и первый изъ его предковъ, который оставилъ имя въ Исторіи.

Фамилія, къ которой принадлежалъ онъ, привыкла считать высшія должности какъ бы наслѣдственными въ своемъ родѣ (4). Можетъ быть подъ клас-

---

(3) Constantinus, ex infimâ militiâ, propter solam spem nominis, sine merito virtutis eligitur. Орозій Bibl. Max. Patr. VI. p. 447. Просперъ Аквитанскій повторяетъ слова Орозія, ibid. VIII. p. 195.

(4) Sidon. epistolarum lib. I. ep. 3.

спическимъ именемъ Аполлинаріевъ скрывалось потомство одного изъ начальниковъ клановъ еще независимой Галліи. По крайней мѣрѣ таково было большею частію происхожденіе высшей аристократіи Галліи, той аристократіи, которая до конца сохранила большое вліяніе въ провинціяхъ и почти безъ раздѣла владѣла высшими административными должностями. Въ одно время съ Аполлинаріемъ— другой членъ галльской аристократіи—Децимъ Рустикъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ Овергни, получилъ отъ похитителя санъ Magistri officiorum. Замѣщая высшія дожности представителями старшиныхъ родовъ Галліи, Константинъ очевидно имѣлъ въ виду не только привлечь ихъ на свою сторону; но, что̀ гораздо важнѣе, слить свои личные интересы съ вѣковымъ стремленіемъ Галліи къ самостоятельности. Только въ этомъ союзѣ могъ найдти узурпаторъ надежную точку опоры для своей власти и средства для предстоявшей борьбы съ Гоноріемъ. Мысль о независимости не умирала въ Галліи. Ея не могли заглушить ни несчастныя попытки, только яснѣе обнаружившія все могущество Рима, ни вліяніе римской цивилизаціи, такъ легко привившейся къ высшимъ слоямъ Галльскаго общества. Измѣняясь во внѣшней формѣ, стремленіе къ политической самостоятельности упорно хранилось до самаго конца Римской Исторіи. Когда возстаніе Виндекса доказало невозможность разорвать связи, со временъ Цезаря приковавшія Галлію къ судьбамъ Рима, это стремленіе, оставаясь въ сущности тѣмъ же, приняло только другое направленіе. Не отдѣлиться отъ Имперіи, а управлять ею посредствомъ Императоровъ, избранныхъ въ Галліи, сдѣлалось цѣлію новаго ряда попытокъ. Отъ этого такое множество искателей престола, являвшихся одинъ за другимъ въ Галліи, начиная со второй половины

I-го вѣка и оканчивая V-мъ. До конца, основныя черты Кельтскаго характера остались неизмѣнны и населеніе Галліи оставалось gens inquietissima et avida semper vel faciendi principis, vel imperii, какъ характеризовалъ его Флавій Вопискъ въ III вѣкѣ. Говоря объ Авитѣ, мы будемъ имѣть случай подробнѣе разсмотрѣть это явленіе.

О дѣятельности префекта преторіи Аполлинарія мы почти ничего не знаемъ. Его внукъ передалъ намъ, что Аполлинарій снискалъ себѣ извѣстность не только военною, но и судебною дѣятельностію, что онъ первый въ своемъ родѣ, осѣнясь крестомъ и очистивъ тѣло водою крещенія, отказался отъ нечестивыхъ обрядовъ язычества (5). За тѣмъ остается два или три указанія, вскользь брошенныя современными лѣтописцами. Утвердившись въ Галліи, Константинъ хотѣлъ распространить свою власть и на третій викаріатъ, принадлежавшій къ префектурѣ Галліи—на Испанію. Тамъ держались родственники Гонорія, Дидимъ и Вераніанъ, незадолго передъ тѣмъ съ помощію горныхъ жителей отбившіе толпы Свевовъ Аланъ и Вандаловъ, пытавшихся прорваться за Пиренеи. Въ 408 г. Константинъ отправилъ въ Испанію отрядъ Германскихъ и Галльскихъ Гоноріанцевъ подъ начальствомъ Бретона Геронція. Съ войсками отправился и сынъ Константина, Константъ, изъ монаховъ попавшій въ Цезари. Въ этой экспедиціи, кончившейся гибелью великодушныхъ защитниковъ Гонорія и грабежемъ фискальныхъ имѣній, можетъ быть принималъ участіе и

(5) Sidon. epist. III, 12 Epitaph.
Consultissimus, utilissimusque
Ruris, militiæ, forique cultor....
.... frontem cruce, membra fonte purgans
Primus de numero patrum suorum
Sacris sacrilegis renuntiavit.

Аполлинарій, въ качествѣ префекта сопровождавшій Константа (6). Въ промежутокъ времени отъ 409 до 411 г. онъ лишился своей должности. Мѣсто его занялъ бывшій Magister officiorum, Децимъ Рустикъ, съ которымъ, по словамъ Сидонія, тѣсною дружбою связывала его одинаковость образованія, почестей, опасностей и убѣжденій (7); но и Рустикъ былъ смѣненъ очень скоро. Префектомъ преторіи былъ назначенъ Постумъ Дарданъ бывшій квесторомъ и правителемъ Вьенской провинціи. Чѣмъ объясняются эти быстрыя смѣны префектовъ Галліи, сказать трудно. Пострадалъ ли Аполлинарій за то, что хотѣлъ не во время быть liber sub dominantibus tyrannis, какъ сказано въ эпитафіи его внукомъ (8), или причина заключалась въ непостоянномъ, измѣнчивомъ характерѣ Константина (9)? Едва ли не съ большею вѣроятностію объясняется дѣло самымъ положеніемъ новаго властителя. Галлія легко признала его Императоромъ точно такъ, какъ въ IV вѣкѣ она пристала къ Франку Магненцію и потомъ къ Сильвану, какъ она приставала къ каждому, кто, поднимая знамя возмущенія противъ Рима, могъ служить ей средствомъ для осуществленія вѣковой мечты ея о независимости. Передавая высшія должности въ руки самымъ вліятельнымъ лицамъ Галль-

---

(6) Fauriel въ своей Histoire de la Gaule Méridionale говоритъ t. I p. 95. Son fils Constant, *assisté du préfet du Prétoire*, accompagna l'expedition. За этими словами слѣдуетъ ссылка на Орозія Histor. VII, 40. Но у Орозія находимъ только слѣдующее: Adversus hos (Didymum et Veranianum) Constantinus Constantem, filium suum, proh dolor, ex monacho Cæsarem factum, cum barbaris quibusdam.... in Hispanias misit. Bibl. Max. Patrum VI p. 447.

(7) Sidon. epist. V, 9. Quos laudabili familiaritate conjunxerat litterarum, dignitatum, periculorum conscientiarum similitudo.

(8) Sidon. III, 12.

(9) Sidon. V, 9 Constantini inconstantia.

ской аристократіи, Константинъ удовлетворялъ вначалѣ ожиданіямъ, но послѣдствія обнаружили, какъ мало могло быть симпатіи между солдатомъ Британскихъ легіоновъ и этой аристократіей, какъ далеко расходились интересы и цѣли, вначалѣ казавшіеся общими. Начавшіеся переговоры Константина съ Гоноріемъ, вѣроятно, не остались безъ вліянія на отчужденіе отъ него партіи, мечтавшей объ окончательномъ разрывѣ съ Италіей, точно такъ какъ въ этомъ сближеніи съ Гоноріемъ видятъ нѣкоторые историки ближайшую причину возмущенія Геронція и провозглашенія въ Испаніи новаго эфемернаго Императора Максима ([10]). Отсюда подозрительность Константина, отсюда также и новыя попытки передать власть въ руки такого лица, которое бы не могло отдѣлить личныхъ интересовъ отъ интересовъ избравшей его страны—однимъ словомъ попытки къ возведенію новаго Галльскаго Императора. Въ то время, когда Константинъ еще боролся съ одной стороны съ возставшимъ противъ него Геронціемъ, съ другой съ войсками Гонорія, рѣшившагося наконецъ сдѣлать что нибудь для возстановленія своей власти въ Галліи, въ Майнцѣ уже облекался пурпуромъ Іовинъ, одинъ изъ самыхъ родовитыхъ членовъ мѣстной аристократіи. За него стояли прирейнскіе варвары; сообщники нашлись и въ самой Италіи. Атталъ, эта жалкая и унизительная пародія на власть, еще такъ недавно дававшую законы всему извѣстному міру ([11]), склонилъ Атаульфа Вестготскаго двинуться со всѣмъ

---

(10) Fauriel t. I. p. 93.

(11) Нельзя не привести энергическаго и вмѣстѣ скорбнаго отзыва Орозія объ Аттилѣ: in hoc Alaricus imperatore facto, infecto, refecto ac defecto, citius his omnibus actis pene quam dictis, mimum risit et ludum spectavit imperii. Bibl. Max. Patrum VI 447.

народомъ въ Галлію, чтобы подать помощь новому претенденту или, лучше сказать, воспользоваться смутами Имперіи для окончательнаго поселенія на ея территоріи. Едва только погибъ Константинъ и власть Гонорія была признана въ Галліи и Испаніи, какъ ей пришлось бороться съ новымъ противникомъ, могшимъ казаться опаснѣе прежнихъ. Децимъ Рустикъ, недавно смѣненный Константиномъ, снова получилъ санъ префекта Галліи изъ рукъ Іовина. Впрочемъ дѣло Іовина разыгралось быстро и притомъ совершенно не такъ, какъ можно было ждать по началу. Дарданъ, этотъ послѣдній префектъ преторіи при Константинѣ, какимъ-то образомъ сохранившій свое мѣсто и при возстановленіи власти Гонорія,—не только отвлекъ Атаульфа отъ Іовина, мало того, заставилъ Готскаго вождя самого взять и выдать законной власти несчастнаго претендента. Говорятъ, что Іовинъ и братъ его Себастіанъ, провозглашенный было Цезаремъ, погибли отъ руки самого Дардана. Преслѣдованія и казни обрушились на главныхъ приверженцевъ Іовина. Децимъ Рустикъ сложилъ свою голову на плахѣ вмѣстѣ съ другими. Дарданъ, другъ блаженнаго Іеронима, который называлъ его въ письмахъ благороднѣйшимъ изъ христіанъ и лучшимъ христіаниномъ между вельможами (12), совопросникъ Августина—Дарданъ на этотъ разъ оказался главнымъ орудіемъ мести Гонорія. Есть указаніе, что Аполлинарій, вмѣстѣ съ Рустикомъ поддерживавшій Іовина, раздѣлилъ съ своимъ другомъ и гоненія, непосредственно слѣдовавшія за вторичнымъ возстановленіемъ власти Гонорія. Такъ по крайней мѣрѣ кажется изъ словъ его внука, который, говоря о

(12) Christianorum nobilissime, nobilium christianissime. Hist. litter. de France II p. 129.

дружбѣ Аполлинарія съ Рустикомъ, прибавляетъ, что они вмѣстѣ проклинали непостоянство Константина, легкомысліе Іовина, коварство Геронція и соединеніе всѣхъ преступленій въ лицѣ Дардана ([13]). — Преслѣдуя приверженцевъ Іовина, Равеннскій дворъ не могъ однако же обойтись безъ содѣйствія Галльской аристократіи, долженъ былъ заискивать ея расположеніе. При томъ же Гоноріѣ мы видимъ сына Аполлинарія трибуномъ, при Валентиніанѣ III въ консульство Астерія (449 года) префектомъ преторіи ([14]). Въ это время родъ Аполлинаріевъ пріобрѣлъ еще болѣе значенія чѣмъ прежде: онъ породнился съ знаменитой Овернской фамиліей Авитовъ ([15]). Вотъ все, что мы знаемъ о предкахъ нашего писателя.

Родиной Каія Соллія Аполлинарія Сидонія былъ, какъ кажется, Ліонъ, хотя нѣкоторые писатели и считаютъ его уроженцемъ Оверни, которой онъ посвятилъ послѣдніе и безспорно лучшіе годы своей дѣятельности ([16]). Онъ родился 5 Ноября 431 или 432 года; воспитаніе получилъ Сидоній въ Ліонѣ, этомъ gymnasium mundi, какъ называли его современники. Сидоній не оставилъ подобно Авзонію характеристики своихъ преподавателей. Въ его письмахъ и стихотвореніяхъ, служащихъ однимъ изъ самыхъ пол-

---

(13) Sid. epistol. V. 9.

(14) Sid. epis. V, 9—VIII, 6.

(15) Ibid. III, epist. 1.

(16) Уроженцемъ Оверни считаетъ Сидонія Саваронъ, ученый издатель его сочиненій (изданія 1599 и 1609 г.). Доказательство въ пользу Ліона и также изслѣдованіе о годѣ рожденія Сидонія у Germain Essai littéraire et historique sur Apollinaris Sidonius. Montpellier 1840 см. 1 excursus. Г. Перико (Péricaud), библіотекарь въ Ліонѣ годомъ рожденія Сидонія полагаетъ 430 согласно съ авторами Histoire Litéraire de la France. См. Oeuvres de C. S. Apollinaris Sidonius, traduites par Grégoire et Collombet Lyon. 1836. Notice sur Sidonius.

ныхъ и драгоцѣнныхъ источниковъ для литературной исторіи V вѣка, мы находимъ только нѣсколько именъ, нѣсколько бѣглыхъ воспоминаній о школьной жизни: молчаніе тѣмъ болѣе досадное, что никто лучше Сидонія не могъ бы дать намъ понятіе о характерѣ образованія этого времени, объ устройствѣ школъ, о пріемахъ и объемѣ преподаванія. Въ другихъ современныхъ источникахъ мы найдемъ еще менѣе свѣденій. Тѣмъ не менѣе, на основаніи этихъ скудныхъ показаній, руководясь аналогическими извѣстіями, относящимися къ предшествовавшему столѣтію, а главное, присматриваясь внимательно къ замѣчательнѣйшимъ литературнымъ дѣятелямъ, очевидно сохранившимъ на себѣ общіе слѣды первоначальнаго воспитанія, мы постараемся составить себѣ понятіе о характерѣ школьнаго образованія V вѣка.

Менѣе всего можно пожаловаться на малочисленность заведеній для образованія. Почти въ каждомъ сколько нибудь замѣчательномъ городѣ, не говоря уже о главныхъ, мы находимъ школы, изъ коихъ нѣкоторыя, напримѣръ Марсельская, могли похвалиться нѣсколькими вѣками цвѣтущаго существованія. Нельзя также сказать, чтобы воспитаніе юношества не находило покровительства и поощренія какъ со стороны правительства, такъ и со стороны общества. Рядъ императорскихъ эдиктовъ въ IV столѣтіи опредѣлилъ и обезпечилъ участь профессоровъ и преподавателей: профессоръ съ его семействомъ былъ освобожденъ отъ тягостныхъ должностей муниципалитета (munera), не исключаясь изъ почетныхъ (honores) ([17]); онъ и его дѣти свободны отъ военной службы и отъ тяжелой обязанности постоя ([18]); онъ

(17) Эдиктъ Константина 1 августа 321 года.
(18) Эдиктъ Константина 27 сентября 333 года.

получаетъ отъ правительства довольно большое содержаніе натурой (annona), смотря по каѳедрѣ имъ занимаемой и по важности города. Передъ риторомъ или поэтомъ открывалась въ будущемъ не только надежда на лестную извѣстность во всѣхъ концахъ римскаго міра ([19]), но еще болѣе заманчивая возможность достиженія высшихъ почестей въ государствѣ. Примѣры Фронтона, Тиціана, Арборія были передъ глазами; Авзоній изъ преподавателей грамматики въ Бордосской школѣ сдѣлался префектомъ преторіи и наконецъ консуломъ и стихъ Ювенала

Si fortuna volet....
....fies de rhetore consul.

оправдался въ дѣйствительности. Бездарный или безпечный изживалъ свой вѣкъ въ школѣ, довольствуясь скудной платой и неболѣе завидной репутаціей ([20]) или думая на другой каѳедрѣ получить большой успѣхъ, а слѣдовательно и большую прибыль — мѣнялъ только городъ, а не положеніе ([21]). Даровитому, а главное дѣло ловкому преподавателю, умѣвшему угадать и исполнить требованія современнаго общества, открыта была блестящая дорога. Города переманивали его другъ у друга ([22]). Его

---

(19) Авзоній въ своемъ Commemoratio professorum Burdegalensium говоритъ объ ораторѣ Викторѣ Минервіи· «Его лекціями гордились нѣкогда Константинополь, Римъ и наконецъ его родина, немогшая правда равняться съ величіемъ тѣхъ городовъ, за то сильная своимъ именемъ отчизны. Ausonius edit. Panckoucke tome I p. 160.

(20) Fructus exulis, tenuisque sermo Ausonii Profess. VIII.

(21) Et tu Concordi,
Qui, profugus patria
Mutasti sterilem
Urbi alia cathedram. Ibid. X.

(22) См. Сидонія кн. VIII письмо XI. Лупъ поэтъ и риторъ преподаетъ то въ Аженѣ, то въ Перигорѣ, чтобы удовлетворить требованіямъ того и другаго города.

званіе давало ему завидное положеніе среди высшаго общества, такъ цѣнившаго таланты ритора или поэта, такъ увлекавшагося мѣткою остротою или легкой импровизаціей. Вознагражденіе преподавателя не ограничивалось денежной платой, иногда весьма высокой; умѣнье привлечь слушателей доставляло и связи и почести. Далмацій и Анабаліанъ, племянники Константина В., дорогою цѣною купили уроки Эксуперія, Тулузскаго ритора, который звучными словами, прикрывавшими бѣдность внутренняго содержанія, легкостію изложенія и важной осанкой, умѣлъ производить сильное впечатлѣніе на многочисленную аудиторію (23). Уроки царственнымъ юношамъ доставили наставнику мѣсто правителя одной изъ Испанскихъ провинцій. Тѣло другаго знаменитаго профессора Арборія, умершаго въ Константинополѣ, было перевезено по приказанію императора въ Галлію на фамильное кладбище его предковъ (24). Жизнь многихъ риторовъ и ораторовъ могла бы представить доказательство того почета и завиднаго общественнаго положенія, которымъ пользовался даровитый или считавшійся такимъ профессоръ. Стоитъ указать на Авзонія въ IV, на Леона Нарбоннскаго и нѣкоторыхъ другихъ въ V вѣкѣ, хотя V вѣкъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, далеко не можетъ идти въ сравненіи съ предшествовавшими столѣтіями.

Нѣтъ сомнѣнія, что положеніе школъ въ V вѣкѣ значительно измѣнилось къ худшему. IV столѣтіе было блестящимъ временемъ школьной жизни не только сравнительно съ послѣдующимъ, но и съ предыдущимъ вѣкамъ. Это нѣсколько исключительное положеніе объясняется пребываніемъ многихъ

---

(23) Ausonii Profess. XVII отзывъ объ Эксуперіи.

(24) Auson. Professores XVI.

императоровъ въ Галліи. Какъ бы ни было впрочемъ, во внѣшней обстановкѣ школы V вѣка мы не находимъ рѣзкихъ различій противъ прежняго. Предметы преподаванія были тѣже, что и въ IV вѣкѣ: философія, право, греческая и латинская грамматика, риторство и поэзія. Относительно преподаванія философіи мы, по счастію, находимъ нѣкоторыя подробности въ письмахъ Сидонія. Платонъ и Аристотель дѣлили между собою философовъ Галліи V вѣка. Евсевій, учитель Сидонія, объяснялъ въ Ліонѣ и, какъ кажется, на греческомъ языкѣ (25) категоріи Аристотеля. «Боже мой! что за драгоцѣнныя объя-«сненія, восклицаетъ Сидоній, кажется столько же «увлеченный воспоминаніемъ о славномъ учителѣ, «какъ и о школьныхъ декламаціяхъ. — Если бы кто «перенесъ ихъ или къ Сикамбрамъ, жителямъ бо-«лотъ, или къ Аланамъ, уроженцамъ Кавказа, или «къ Гелонамъ, доящимъ кобылицъ; нѣтъ сомнѣнія, «затвердѣлыя сердца этихъ звѣрскихъ и суровыхъ «народовъ, ихъ ледяныя нервы смягчились бы и «растаяли, и мы бы не видали, не осмѣивали, не «страшились безумныхъ вспышекъ ихъ звѣрскаго и «дикаго невѣжества» (26). Подъ руководствомъ Евсевія образовывались достойные ученики, обѣщавшіе со временемъ превзойдти учителя, какъ нѣкогда Платонъ превзошелъ Сократа (27). Вотъ отзывъ современника о качествѣ преподаваемой философіи. Замѣтимъ мимоходомъ, можно ли думать послѣ этого, что Сидоній сколько нибудь сознавалъ паденіе науки?

---

(25) Это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ Сидонія къ Пробу: tu sub Evsebio nostro, inter Aristotelicas categorias artifex dialecticus *atticisabas*. Sid. Epistolarum l. IV. I.

(26) Ibid.

(27) Сидоній говоритъ это о Пробѣ, товарищѣ своемъ по воспитанію.

Въ другихъ школахъ господствовалъ Платонъ, философское ученіе котораго едва ли не болѣе было распространено въ Галліи, чѣмъ система Стагиритскаго философа. Многочисленные послѣдователи Платона составляли какъ бы особенное братство—collegium Complatonicorum, какъ называетъ его Сидоній. Разумѣется это былъ Платонъ, приспособленный ко времени. Знаменитѣйшимъ изъ представителей этой школы былъ Мамертъ Клавдіанъ, сочиненіе котораго, сохранившееся по счастію, даетъ возможность судить о настоящемъ состояніи философіи въ Галліи V вѣка. Слушатель Евсевія, Сидоній, сохранилъ намъ воспоминаніе и о способѣ философствованія Мамерта. Правда, онъ слушалъ его не въ школѣ; Мамертъ былъ священникъ Вьеннской церкви; но по словамъ самого же Сидонія ([28]), хотя Мамертъ не носилъ длинныхъ волосъ, не отпускалъ бороды, презрительно смѣялся надъ философскимъ плащемъ и дубиной, внушавшими ему даже отвращеніе, тѣмъ не менѣе только платьемъ и вѣрою отличался отъ общества Платониковъ. «Боже мой, говоритъ Сидоній, какъ «радушно и открыто принималъ онъ всѣхъ, кто «приходитъ къ нему за объясненіемъ. Ему было «наслажденіе, когда случайно возникшая, по види«мому неразрѣшимая, запутанность вопросовъ да«вала ему возможность обнаружить сокровища сво«ихъ знаній. Если насъ сходилось много; всѣ были «слушателями, но только одному, кого быть можетъ «мы сами избрали бы, давалось право говорить. «Такимъ образомъ въ порядкѣ, передъ каждымъ по «очереди расточались богатства его ученія и счаст«ливо приспособленныя движенія сопровождали каж«дую фигуру рѣчи. Едва только онъ выставлялъ извѣ«стное положеніе, мы встрѣчали его логическими

(28) Sid. lib. IV ep. II.

« доказательствами противнаго и онъ долженъ былъ « разрушать наши задорныя возраженія. Такимъ обра- « зомъ ни одно положеніе не принималось иначе какъ « взвѣшенное, доказанное» ([29]). Сочиненіе Мамерта de statu animae до нѣкоторой степени оправдываетъ этотъ отзывъ Сидонія. Авторъ очевидно цѣлой головой выше большей части современныхъ философовъ, которымъ въ такомъ изобиліи расточались пышные эпитеты и сравненія Сидонія. Не совсѣмъ утрачена была память и о другихъ философскихъ школахъ. Доказательства этому мы найдемъ въ томъ же сочиненіи Клавдіана Мамерта, хотя господствующей системой было ученіе Платона, находившее себѣ послѣдователей особенно между христіанскими учеными. Скептическій матеріализмъ и ученіе Эпикура были въ особенномъ ходу въ аристократическомъ обществѣ Галліи, болѣе другихъ системъ согласуясь съ нравами и образомъ жизни этого еще полуязыческаго класса. На сколько возможно было процвѣтаніе философіи въ западноримскомъ мірѣ V вѣка, она процвѣтала въ Галліи болѣе чѣмъ гдѣ либо, болѣе даже чѣмъ въ самой Италіи. Къ философіи же относились кромѣ діалектики также ариѳметика, геометрія и музыка, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ современныхъ свидѣтельствъ ([30]).

Нужно ли говорить, что изученіе права, науки созданной практическимъ гѐніемъ Рима, занимало не послѣднее мѣсто въ числѣ предметовъ школьнаго образованія, если въ VI столѣтіи, въ сѣверной Галліи, занятой Франками, мы находимъ еще людей посвящавшихъ себя изученію Римскаго права. Въ V вѣкѣ, каѳедры права были почти во всѣхъ главныхъ городахъ Гал-

---

(29) Sidon. l. IV ep. II ad Petrejum.

(30) См. Carm. XIV pr. praef. ad Polemium. musicam et astrologiam, quae sunt infra arithmeticam consequentia membra philosophae.

ліи. Какъ преподаватель, особенно славился Леонъ Нарбоннскій, предъ которымъ, по словамъ Сидонія, замолчалъ бы самъ Аппій Клавдій, услышавъ объясненіе законовъ XII таблицъ ([31]). Были и другіе, напримѣръ Марцеллинъ въ той же Нарбоннѣ, Тетрадій въ Арлѣ и др. ([32]) Какой былъ характеръ преподаванія, опредѣлить нельзя по совершенному недостатку указаній. По всей вѣроятности практическія цѣли стояли на первомъ планѣ, хотя вѣроятно и въ V вѣкѣ встрѣчались люди въ родѣ Викторія, надъ которымъ нѣсколько подсмѣивается Авзоній, говоря объ его разысканіяхъ объ jus pontificum, объ узаконеніяхъ древнихъ Квиритовъ, о законахъ Дракона и Солона, объ установленіяхъ Миноса въ царствованіе Юпитера и о тѣхъ, которыя даны были Ѳемидой еще до того времени ([33]).

Философія и право не были однакоже главными предметами преподаванія. Первое мѣсто занимали: грамматика, риторство и поэзія, въ особенности послѣдняя. Знаніе ихъ было необходимою принадлежностію всякаго образованаго человѣка. Сидоній, говоря о философахъ и поэтахъ своего времени, не забываетъ прибавить о поэтическихъ достоинствахъ почти каждаго. Изученіе греческаго языка, до сихъ поръ процвѣтавшее въ Галліи благодаря вліянію Фокейскихъ колоній, совершенно упало въ V вѣкѣ. Этотъ упадокъ обнаружился еще въ предшествовавшемъ столѣтіи. Эдиктъ Граціана 376 года свидѣльствуетъ о маломъ числѣ греческихъ грамматиковъ, ораторовъ, способныхъ занимать каѳедры. Въ «профессорахъ» Авзонія мы найдемъ доказательство незавиднаго положенія преподавателей. Даже въ Марселѣ,

---

(31) Sidon, Carm. XXIII vers. 446 et sequ.
(32) Carm. XXIII v. 465, Epist. III, 10.
(33) Auson Professores XXII.

главномъ пунктѣ Греческой образованности въ Галліи, мы находимъ въ V вѣкѣ только латинскихъ риторовъ и грамматиковъ. Тѣмъ не менѣе во время Сидонія мы встрѣчаемъ еще не только преподаваніе греческаго языка въ нѣкоторыхъ школахъ, но и греческихъ поэтовъ галло-римскаго происхожденія. Изъ отзыва Сидонія объ Евсевіи видно, что ученіе Аристотеля объяснялось на греческомъ языкѣ. Лампридій въ Бордосской школѣ декламировалъ на обоихъ языкахъ; Леонъ Нарбоннскій, Rex Castalii chori, какъ называетъ его Сидоній, едва ли не болѣе славился греческими стихотвореніями, нежели латинскими (34). Нужно читать похвалы Нарбонскимъ Консенціямъ, дѣду и внуку. Стоило бы старшему явиться на Аѳинскомъ театрѣ и передъ нимъ смолкли бы Софоклъ и Эврипидъ. Если бы онъ взялся за строгую исторію, гремящій Гомеръ и стремительный Геродотъ едва ли могли бы сохранить свое первенство (35). Младшій сравнивается съ Пиндаромъ (36). О Прокулѣ говоритъ Еннодій, что Аполлонъ призвалъ бы его на помощь въ случаѣ состязанія съ новымъ Марсіемъ (37). Принимая эти похвалы въ ихъ настоящемъ

---

(34) Sidon. l. IX ep. 15.

(35) Sid. Carm. XXIII v. 133.

Aut cum se historiae dabat severae
Primos vix poterant locos tueri
Torrens Herodotus, tonans Homerus,

Чтобы дать понятіе о похвалахъ Сидонія, приведемъ о томъ же Консенціи.

Hic cum Amphioniæ studebat arti
Plectro, pollice, voce, tibiaque,
Thrax vales, deus Arcas atque *Phoebus*.
Omni carmine poeterant et ipsas.
Musas non ita musicas putares. Ib. v. 120.

(36) Si d. Epistol. IX, 15.

(37) Histoire litter. de France II, 539.

значеніи, мы можемъ однакоже заключить изъ нихъ, что греческій языкъ не совершенно еще былъ забытъ въ Галліи. Въ Арлѣ для нѣкоторой части жителей онъ былъ еще языкомъ народнымъ, въ IV вѣкѣ, какъ видно изъ жизни св. Цезаря. Самъ Сидоній зналъ по-гречески и перевелъ сочиненіе знаменитаго Аполлонія Тіанскаго ([38]).

Въ ряду словесныхъ наукъ низшее мѣсто занимала грамматика, цѣль которой было объясненіе классическихъ писателей, особенно древнихъ. Грамматики получали отъ правительства содержаніе вдвое меньшее сравнительно съ риторами. — Чтобы судить о томъ, на что преимущественно устремлено было вниманіе преподавателей грамматики, намъ должно обратиться къ писателямъ IV вѣка. Въ V вѣкѣ, по энергическому выраженію Клавдіана Мамерта ([39]), отталкивали ногою даже варварскую грамматику, гнали солецизмами и варваризмами, и современныя сочиненія почти оправдываютъ этотъ отзывъ. — До насъ дошелъ трудъ Агрэція, грамматика IV или, какъ думаютъ нѣкоторые, V вѣка. Это сочиненіе « о правописаніи, свойствѣ и различіи словъ » ([40]), написанное въ видѣ дополненія къ подобному же труду Капера и посвященное Епископу Евхерію, заключаетъ въ себѣ разсужденіе объ употребленіи словъ въ томъ или другомъ значеніи, объясненіе синонимовъ (на пр. columbæ и palumbes; consuescimus, insuescimus, и assuescimus; dignitus и honestus и т. д.),

---

(38) Sid. Epist. VIII. 3.

(39) Epistola ad Sapaudem in Baluzii Miscell. VI p. 536. Video grammaticam uti quondam barbaram, barbarismi et solecismi pugno et calce propelli.

(40) De orthographia et proprietate et differentia sermonis помѣщенъ въ Bibliothéque Latine-française ed. Panckoucke въ приложеніи къ сочиненіямъ Авзонія I т. 393.

также различіе въ значеніи словъ, иногда смѣшиваемыхъ по однозвучности на пр. rubor, robur и robor; derectum и directum; примѣры употребленія изъ лучшихъ писателей Римскихъ, Цицерона, Виргилія и другихъ. Въ стихотвореніи Авзонія Grammaticomastix т. е. мученіе грамматикамъ, мы находимъ вопросы, почитавшіеся особенно трудными для разрѣшенія, на пр. «Виргилій въ Буколикахъ говоритъ sepes, отчего же у Цицерона seps? Отчего слово res имѣетъ три совершенно различныя значенія (Imperium litem, Venerem cur una notet res)? двѣ связанныя лодки будутъ ли называться понтономъ или мостомъ (ponto sit, aut pons) и т. д. (41). Такимъ образомъ преподаваніе первыхъ элементовъ языка, лексическое и этимологическое толкованіе было дѣломъ большой части грамматиковъ, дѣломъ скромнымъ, не доставлявшимъ ни большой извѣстности, ни большихъ выгодъ (42), но едва ли не самымъ необходимымъ въ эту эпоху порчи Латинскаго языка, когда лучшіе писатели утратили уже чистоту и правильность слога, когда лучшіе поэты забывали долготу и краткость слоговъ и страсть къ неологизмамъ грозила окончательнымъ разрывомъ съ языкомъ золотаго вѣка.—У лучшихъ преподавателей грамматика расширяла впрочемъ свои предѣлы, и часто грамматикъ переходилъ въ область ритора. Комментаріи древнихъ авторовъ, бывшіе главною обязанностію грамматиковъ, давали возможность вводить эстетическія, историческія и миѳологическія объясненія, и грамматика получала значеніе Филологіи въ современномъ смыслѣ этой науки. По мѣрѣ того какъ слабѣло самостоятельное изученіе краснорѣчія и по-

---

(41) Ausonii edit. Panckoucke II, 102.

(42) О незавидномъ положеніи грамматиковъ смотри Авзонія Professores passim.

эзіи, грамматика выигрывала, если не въ содержаніи, то въ объемѣ, такъ что въ концѣ VIII вѣка грамматикъ явился единственнымъ представителемъ всѣхъ словесныхъ наукъ, поэтомъ, ораторомъ и философомъ.

Грамматикъ пролагалъ дорогу риторамъ и поэтамъ; анализируя лучшія сочиненія древнихъ, онъ работалъ надъ матеріаломъ уже прежде даннымъ. Дѣло ритора было научить пользоваться этимъ матеріаломъ для самостоятельнаго труда. Объясненіе ораторскихъ пріемовъ, правила расположенія рѣчи, употребленія фигуръ и троповъ, средства для достиженія эффекта—однимъ словомъ, вся внѣшняя сторона краснорѣчія была предметомъ риторики. Внутреннее содержаніе очевидно должно было, при такой постановкѣ, сойти на второй планъ и можно сказать, что каждый новый успѣхъ риторики, каждый шагъ впередъ въ объясненіи законовъ краснорѣчія производился въ ущербъ самой сущности истиннаго ораторства. Среди толпы риторовъ трудно, если не невозможно, отыскать хотя одного оратора. Главнымъ средствомъ для изученія риторики были школьныя декламаціи т. е. сочиненія, написанныя на извѣстную тему, съ цѣлью впрочемъ не столько развитія мысли, сколько доведенія формы до возможной степени совершенства. Предметы декламаціи были очень разнообразны и общаго имѣли только одну нелюбовь къ простотѣ и естественности, одно постоянное исканіе эффектовъ, во что бы то ни стало. Это были или рѣчи на замѣчательнѣйшіе судебные казусы, или вымышленныя рѣчи и письма историческихъ лицъ, или сочиненія въ родѣ похвалы глупости и безобразію, или наконецъ панегирики, любимый родъ сочиненій риторовъ временъ упадка, родъ можно сказать изобрѣтенный ими. Содержаніе декламаціи не имѣло ничего общаго съ

дѣйствительностію. Gemini languentes, venenum effusum, cadaveris pasti и прочее въ этомъ родѣ очевидно могло только болѣзненно раздражить воображеніе; чувство было такъ напряжено, что не могло казаться искреннимъ. Страстное выраженіе шло изъ головы, а не изъ сердца и единственное вліяніе декламацій, вліяніе въ высшей степени вредное, тѣмъ болѣе, что оно проникало всюду, состояло въ замѣненіи дѣйствительнаго чувства фальшивой напряженностію и головной экзальтаціей. Чѣмъ менѣе было настоящаго увлеченія, тѣмъ свободнѣе было декламатору выражать его. Среди школьныхъ декламацій безвозвратно утрачивалось чувство простоты. Привыкшему къ этимъ упражненіямъ, по замѣчанію одного изъ древнихъ сатириковъ, было также трудно сохранить чистоту вкуса, какъ человѣку, цѣлый вѣкъ прожившему на кухнѣ — тонкость обонянія. За то литература, теряя во внутреннемъ достоинствѣ, выигрывала во внѣшнемъ объемѣ. Говоря о декламаціяхъ, мы упомянули о панегирикахъ, какъ о главномъ родѣ. Возникшій въ Греціи, перешедшій въ Римъ въ значеніи похвальнаго слова, панегирикъ сдѣлался какъ бы исключительнымъ достояніемъ Галльскихъ ораторовъ. По крайней мѣрѣ большая часть изъ дошедшихъ до насъ панегириковъ, написана въ Галліи. Здѣсь не мѣсто разсматривать этотъ родъ сочиненій, скажемъ только, что въ литературѣ нигдѣ такъ рѣзко не обнаруживалась утрата нравственнаго достоинства, нигдѣ лесть не являлась въ такомъ возмутительномъ видѣ, какъ въ этихъ похвальныхъ рѣчахъ, произносимыхъ въ присутствіи самаго предмета хвалы. Нравственное чувство читателя страдаетъ столько же за автора, сколько почти и за того, къ кому обращается ораторъ. Такъ низко становится обыкновенно панегиристъ, что невольно роняетъ и того, для возвеличенія котораго

истощалъ онъ всю мѣру собственнаго униженія. Говоря о панегирикахъ Сидонія, мы будемъ имѣть случай представить образецъ такого рода сочиненій. Замѣтимъ здѣсь только то, что панегирикъ Плинія Траяну былъ прототипомъ позднѣйшихъ, хотя нигдѣ мы не находимъ большаго разнообразія внѣшнихъ пріемовъ, хотя панегиристы III и IV вѣковъ далеко оставили за собою первоначальный образецъ относительно утонченности и, если можно такъ выразиться, дерзости лести.

Риторика составляла одинъ изъ главныхъ предметовъ образованія во всемъ древнемъ мірѣ; но нигдѣ, по крайней мѣрѣ въ западной его половинѣ, она не принялась такъ быстро, не пріобрѣла такого значенія какъ въ Галліи. Кельтскій народный характеръ заключалъ въ себѣ всѣ условія риторства; къ тому же, въ западной половинѣ Римскаго міра, Кельты, благодаря вліянію Фокейскихъ колоній, ранѣе другихъ народовъ познакомились съ этой наукой. Первый преподаватель риторики въ Римѣ на латинскомъ языкѣ былъ Галлъ и ни одна провинція не доставила Риму бо́льшаго числа риторовъ. Въ Галліи риторство явилось отличительными особенностями Кельтскаго народнаго характера, особенностями замѣченными Римлянами при первомъ появленіи Галльскихъ ораторовъ. Эти особенности: легкость рѣчи, плодовитость воображенія, эффектность, argute loqui, сохранили Галльскіе риторы до послѣднихъ временъ Римской литературы. Во время Сидонія школы еще были наполнены риторами. Въ Бордосской, которая приготовила, по словамъ Авзонія, тысячу изъ своихъ воспитанниковъ для форума, двѣ тысячи для сената и для тогъ, обшитыхъ пурпуромъ (43), преподавалъ Лами-

(43) Ausonii Professores I. v. 9.
Mille foro dedithæc juvenes, bis millia Senatus
Adjecit numerö, purpureisque togis.

рицій, одна изъ литературныхъ знаменитостей своего времени. Въ Вьеннѣ читалъ не менѣе знаменитый риторъ Сапаудъ, въ дѣятельности котораго полагалъ Мамертъ Клавдіанъ единственную надежду на возрожденіе наукъ ([44]), который соединялъ въ себѣ, по словамъ, Сидонія «правильное расположеніе рѣчи Полемона, важность Галліона, плодовитость Дельфидія, силу Альцима, деликатность Адельфа, точность Магна Арборія и нѣжность Викторія» ([45]). Эти сравненія безполезны для насъ, потому что отъ знаменитостей IV и V вѣковъ остались одни имена; но Сидоній, истощивъ запасъ славныхъ современниковъ и ближайшихъ по времени предшественниковъ, уже не задумывается поставить Сапауда рядомъ съ Квинтиліаномъ. Къ нему и Прагмацію примыкали не многіе, еще заботившіеся о красотѣ и правильности латинскаго языка ([46]). Въ Клермонѣ славились Домицій, отличавшійся строгостію своихъ сужденій ([47]) и впослѣдствіи Іоаннъ, одинъ изъ послѣднихъ представителей краснорѣчія среди гибели Римской образованности. Современники и потомство должны бы, по мнѣнію Сидонія, воздвигнуть ему статую какъ Демосѳену и Цицерону ([48]). Въ Ліонѣ и Марселѣ были преподаватели, составившіе себѣ извѣстность, напримѣръ Марій Викторъ Марсельскій. Наконецъ профессоромъ же риторики былъ по всей вѣроятности

---

(44) Epistola ad Sapaudem. Baluzii Miscell. VI, 535. Quorum egomet studiorum quasi quondam mortem flebili velut epitaphio tumularem, nisi tute eadem venerabili professione, laudabili solertia, acri ingenio, profluente eloquio resuscitavisses.

(45) Sidon. Epist. V, 10.

(46) Ibid.

(47) Sidom. Carm. XXIV. v. 13.

Tam Censorius haud fuit vel ille;
..... Hic si te probat, omnibus placebis.

(48) Sid. Epist. l. VIII, ep. 2.

и Северіанъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ Галліи въ половинѣ V вѣка ([49]). Кажется отъ этого Северіана дошло до насъ сочиненіе: Syntomata sive præcepta artis Rhetoricæ выборка изъ разныхъ писателей о риторикѣ. Мы знаемъ также и тѣ образцы, изученіе которыхъ по мнѣнію лучшихъ людей этого времени было необходимо для образованія оратора. Это были Нэвій и Плавтъ для изящной рѣчи, Катонъ для важности, Варронъ для искусства, Гракхъ для ѣдкой остроты, Хризиппъ для выработанности, Фронтонъ для пышности рѣчи, наконецъ Цицеронъ для усвоенія самой сущности краснорѣчія ([50]). Такимъ образомъ внѣшняя обстановка была еще довольно завидная. Стоитъ только повѣрить на слово современникамъ, даже тѣмъ, жалобы которыхъ на паденіе древней науки заставляютъ по видимому не предполагать въ нихъ излишняго и ни на чемъ неоснованнаго увлеченія, и мы можемъ подумать, что перенеслись въ цвѣтущее время римскаго краснорѣчія; такъ много мы найдемъ славныхъ преподавателей, знаменитыхъ ораторовъ по всѣмъ родамъ ораторскаго искусства. Къ сожалѣнію, дошедшіе до насъ образцы не оставляютъ и тѣни сомнѣнія относительно дѣйствительнаго достоинства знаменитѣйшихъ произведеній тогдашняго времени. Надобно имѣть дѣтскую довѣрчивость ученыхъ Бенедиктинцевъ Конгрегаціи св. Мавра и какое-то наивное благоговѣніе къ тогдашнимъ авторитетамъ, чтобы безъ улыбки повторять отзывы другъ о другѣ писателей V вѣка и основывать на нихъ свое сужде-

---

(49) Что Северіанъ былъ преподавателемъ риторики, можно заключить изъ слѣдующаго стиха Сидонія:

Severianus ista rhetor altius. Epist. l. IV, ep. 15.

(50) Claudiani Mamert. Epistola ad Sapaudem ap. Baluzium loco citato.

ніе ([51]). Все вниманіе писателей V вѣка было обращено на форму. Эффектное сопоставленіе словъ и мыслей, мелочная отдѣлка каждой фразы, щегольство необыкновенными, изысканными выраженіями и словами, дешевое остроуміе, игра антитезами и другими фигурами и какой-то страхъ передъ естественностію мысли и выраженія—вотъ отличительныя черты тогдашняго риторства, черты, лучше всякихъ современныхъ сожалѣній, свидѣтельствующія о глубокомъ паденіи вкуса и преданій цвѣтущаго времени литературы. Старческимъ безсиліемъ и въ тоже время дѣтствомъ, въ которое впадаютъ иногда отживающіе люди и народы, отзываются произведенія риторовъ и ораторовъ. Если свѣжая, сильная мысль пробивается часто сквозь риторическую оболочку, заставляя богатствомъ внутренняго содержанія забывать о формѣ, въ которой она выражена — эта мысль возникла не изъ древней науки, не изъ языческаго сознанія, она явилась извнѣ, порождена христіанствомъ и если облеклась въ формы языческой литературы, то это потому, что эти формы были пока единственными, что не выработались еще новыя, ей свойственныя. Въ V вѣкѣ должно строго отличать по содержанію двѣ литературы: языческую и христіанскую, одну впадшую въ дѣт-

---

(51) Иногда отзывы современниковъ передаются такъ, что при всей увѣренности въ простодушіи и довѣрчивости ученыхъ издателей литературной исторіи Франціи, невольно западаетъ мысль о скрытной ироніи. Вотъ на пр. какъ оканчивается біографія Сапауда. De même Sapaude lisoit les meilleurs auteurs, en choisissoit les plus beaux endroits, puis en formoit des raïons d'éloquence dont il nourrissoit ses disciples, qu'il chérissoit comme ses enfants. En suite cette jeunesse ainsi abreuvée du nectar des sciences Grecques, comme d'un miel Attique sitôt qu'elle commençoit à prendre l'essor, travailloit à son tour à former elle même des raïons d'éloquence. Hist. Litt. de France v. II, p. 500.

ство отъ дряхлости и доживающую, не подозрѣвая того, послѣдніе годы своего существованія,—другую богатую свѣжими силами, которой принадлежало будущее. Относительно формы, въ V вѣкѣ, различіе между христіанской и языческой литературой еще не замѣтно. Разрывъ еще не совершился и христіанская мысль еще заковывается въ современныя классическія формы, какъ ни тѣсны, какъ ни несвойственны эти формы для ея богатаго содержанія. Напоръ варваровъ скоро унесетъ послѣдніе остатки древняго образованія и христіанское ученіе сброситъ съ себя мишурныя украшенія, полинялую одежду риторства, заговоритъ языкомъ грубымъ, неправильнымъ, но несравненно болѣе ей приличнымъ, чѣмъ вычурныя фразы школьныхъ декламаторовъ. До тѣхъ же поръ мы можемъ представлять какъ образчики современнаго ораторскаго искусства безразлично произведенія и духовныхъ—христіанскихъ и свѣтскихъ, полуязыческихъ писателей. Сальвіанъ Марсельской точно такой же риторъ по формѣ, какъ и Авзоній. Дѣло только въ томъ, что Марсельской священникъ, указывающій среди варварскаго погрома и развалинъ Римской Имперіи на законность и необходимость этого переворота и видящій въ этомъ только новое доказательство существованія Провидѣнія — заставляетъ насъ забыть о томъ, въ какой формѣ являются его мысли, а панегиристъ Граціана только яснѣе обнаруживаетъ всю несостоятельность риторства искуственнымъ способомъ замѣнить недостатокъ истиннаго краснорѣчія.

Все, что сказали мы о судьбѣ риторики, еще съ бо́льшимъ основаніемъ можетъ быть приложено къ поэзіи V вѣка. Точно также теорія поэзіи или лучше сказать версификаціи преподавалась въ каждой школѣ; такое же множество поэтовъ, о которыхъ говорятъ съ восторженными похвалами. Если рито-

ры V вѣка безъ зазрѣнія совѣсти называютъ другъ друга Квинтиліанами и Гракхами; licentia poëtica идетъ еще далѣе. Не только встрѣчаемъ на каждомъ шагу Алкеевъ, Флакковъ и Виргиліевъ, мы находимъ Орфеевъ, Амфіоновъ и даже самого Феба. Правда Сидоній, получившій это послѣднее названіе отъ Орфея — Лампридія ([52]), говоритъ, вѣроятно изъ авторской скромности, что это не болѣе какъ дружеская шутка, но мы знаемъ изъ приведенной выше похвалы самого Сидонія Консенцію старшему, что подобныя сравненія дѣлались весьма серьезно. Чѣмъ полнѣе было паденіе истинной поэзіи, тѣмъ болѣе чувствовалась потребность взаимными похвалами, круговой порукой удивленія и восторга скрыть отъ другихъ и отъ самихъ себя настоящее положеніе дѣла. Только при этой системѣ взаимнаго застрахованія отъ сознанія печальной дѣйствительности возможно было существованіе поэзіи въ V вѣкѣ и это множество болѣе или менѣе знаменитыхъ стихотворцевъ. Нельзя сказать, чтобы утратилась совершенно всякая память о цвѣтущихъ временахъ римской поэзіи, чтобы позабыты были лучшія поэтическія произведенія Греціи и Рима. Въ IV и V вѣкѣ мы находимъ многочисленныя доказательства противнаго. Главное дѣло грамматиковъ былъ подробный анализъ и комментарій древнихъ поэтовъ и эстетическій разборъ ихъ. Въ посланіи къ внуку Авзоній разказываетъ намъ планъ занятій, по которому Гомеръ и Менандръ должны быть прочитаны вполнѣ, а за тѣмъ слѣдовали Горацій, Виргилій и Теренцій ([53]). Едва началъ Павлинъ, внукъ Авзонія, родившійся въ Македоніи и окруженный потомъ въ Галліи греческими служителями, едва началъ онъ по-

(52) Sidon. Epist. l. VIII, 11.

(53) Ad nepotem Ausonium protrepticon de studio puerili.

нимать нѣсколько латинскій языкъ, какъ его усадили за Виргилія ([54]). Во второй половинѣ V вѣка, Сидоній читалъ съ своимъ сыномъ Теренція и Менандра ([55]). Въ сочиненіяхъ этого времени мы находимъ не только имена древнихъ поэтовъ, но и доказательства, убѣдительно говорящія въ пользу довольно близкаго повидимому знакомства съ ними. Утратилась слѣдовательно не память о лучшихъ представителяхъ классической поэзіи, а самая способность понимать ихъ, чувствовать красоты истинной поэзіи, и возможность подражать великимъ образцамъ въ ихъ духѣ и направленіи, не смотря на то, что внѣшнее подражаніе было одной изъ особенностей временъ упадка. Употребилъ же Тиціенъ, Ліонскій риторъ III вѣка, большую часть своей дѣятельности на рабское подражаніе, на передразниваніе Виргилія и другихъ поэтовъ. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ безплодно самое близкое знакомство съ лучшими писателями, если изсякъ самый источникъ поэтическаго вдохновенія,— представляетъ Авзоній. Побѣжденіе трудностей было главною цѣлію поэтовъ IV и V вѣковъ. Это было, если можно такъ выразиться, время гимнастики и фокусничества поэзіи. Валентиніанъ I вызвалъ однажды Авзонія на поэтическое состязаніе. Дѣло состояло въ томъ, чтобы составить изъ подобранныхъ искусно стиховъ Виргилія піесу на заданную тему. Такого рода ребяческія упражненія назывались центонами. Для составленія каждаго стиха складывали два полустишія, подобранныя изъ разныхъ мѣстъ. Позволялось также для составленія двустишія взять полтора стиха изъ одного мѣста и прибавить недостающее полустишіе изъ другаго. Взять два стиха сряду счита-

(54) Paulini Eucharisticon Deo.
(55) Sidon. Epistol. l. IV, 12.

лось неловкостію, три—непозволительнымъ промахомъ (56). Написавъ брачный центонъ, Авзоній доказалъ въ одно и тоже время и свою ловкость царедворца, потому что, не уклонившись отъ лестнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ опаснаго состязанія, онъ сохранилъ доброе расположеніе своего вѣнчаннаго соперника,— и свою необыкновенную память, потому что его поэма въ 130 стиховъ вся подобрана изъ Виргилія съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ центона и наконецъ отсутствіе всякаго пониманія настоящихъ требованій искусства, отсутствіе вкуса и эстетическаго чувства. Центонъ Авзонія нельзя читать безъ глубокаго отвращенія. Изъ стиховъ Виргилія онъ съумѣлъ составить самую циническую, самую безнравственно-грязную и даже не остроумную поэму. Въ стихотвореніяхъ самого Авзонія трудно отыскать какое-нибудь родственное сходство съ тѣми великими образцами, которыхъ онъ зналъ почти на память. Тоже можно сказать и о поэтахъ V вѣка. Подражали размѣрамъ древнихъ, нѣкоторымъ внѣшнимъ пріемамъ, употребленію извѣстныхъ оборотовъ того или другаго. Самая сущность древней поэзіи была недоступна для версификаторовъ IV и V вѣковъ, потому что ускользала отъ ихъ пониманія. Звучность ритма и мелочная отдѣлка въ соединеніи съ извѣстными уже намъ пріемами риторства—вотъ все, чѣмъ должны были довольствоваться непризванные поэты послѣднихъ временъ римской литературы. Поэзія понималась только какъ версификація, достиженіе легкости было главною цѣлію и то, что составляетъ только побочную принадлежность, заступило мѣсто самой сущности. Отъ того-то голово-ломныя упражненія играютъ такую важную роль. Центонъ Авзонія познакомилъ насъ съ однимъ изъ родовъ

(56) См. Идиллія Авзонія XIII ad Paulum. и Cento nuptialis.

подобныхъ упражненій. У него же найдемъ и нѣсколько другихъ. Таковъ напримѣръ eu Technopaegnion ([57]), гдѣ каждый стихъ оканчивается односложнымъ словомъ и притомъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій. Иногда каждый стихъ долженъ начинаться тѣмъ односложнымъ словомъ, которымъ оканчивается предыдущій; иногда односложныя находятся только въ концѣ стиха, но за то они должны означать извѣстные предметы. У Авзонія есть стихотворенія, въ которыхъ односложныя слова означаютъ или боговъ, или кушанья, или члены тѣла. Сидоній сохранилъ намъ еще образчикъ трудныхъ задачъ версификаціи: это стихи recurrentes или reciprocі т. е. такіе, которые читаются и съ начала до конца и съ конца до начала, сохраняя тотъ же смыслъ напр.

Roma tibi subito motibus ibit amor. ([58])

Сидоній самъ писалъ такіе стихи съ тою только разницею, что у него можно читать двустишія съ конца, но отдѣльныя слова читаются обыкновеннымъ порядкомъ. ([59]) Были также стихотворенія, изображавшія кресты, сѣкиры и т. д. Фортунатъ, писатель VI вѣка, ломалъ голову, чтобы написать стихотвореніе въ 33 стиха такъ, чтобы въ каждомъ стихѣ было ровно 33 буквы.

Мы остановились, быть можетъ, долѣе нежели слѣдовало на этихъ ребяческихъ упражненіяхъ; но это

---

(57) Авзоній Идиллія XII.

(58) Sid. Epistol l. IX ep. 14.

(59) Praecipiti modo quod decurrit tramite flumen
Tempore consumptum jam cito deficiet
Читая съ конца получимъ:
Deficiet cito jam consumptum tempore flumen
Tramite decurrit quod modo praecipiti. Ibid.

потому, что занятіе ими въ извѣстную эпоху всего лучше можетъ дать настоящую мѣрку для опредѣленія характера самой литературы этого времени; особенно когда подобные признаки упадка вкуса являются не у отдѣльныхъ только личностей, а характеризуютъ общее направленіе. Разсматривая дошедшія до насъ поэтическія произведенія IV и V вѣковъ, мы найдемъ новыя доказательства старческаго безсилія, о которомъ уже говорили. Особенно въ ходу тѣ роды поэзіи, въ которыхъ менѣе всего требуется творческой силы. Эпопея и лирика не подъ силу поэтамъ послѣдняго времени; на первомъ планѣ стоятъ описательный и дидактическій роды, также посланія и стихи на извѣстные случаи. Авзоній безспорно плодовитѣйшій изъ поэтовъ временъ упадка. Что же написалъ онъ? 146 эпиграммъ (въ томъ числѣ 11 на мѣдную телицу работы Мирона, множество описаній статуй и т. д.); кромѣ того 4 эпиграммы, гдѣ онъ говоритъ о своемъ консульствѣ; эфемериды, 30 стихотвореній, посвященныхъ памяти родственниковъ, 26 посвященныхъ профессорамъ Бордовской школы, 38 эпитафій древнимъ героямъ, 24 четырестишія объ Императорахъ отъ Цезаря до Геліогабала, 14 описаній знаменитыхъ городовъ, 7 мудрецовъ съ приложеніемъ главныхъ положеній каждаго въ седмистишіяхъ, 20 идиллій (въ томъ числѣ поэма о Мозеллѣ, стихи по поводу картины изображавшей распятаго купидона, Технопегніонъ, Брачный центонъ и пр.) 22 различныхъ стихотвореній напр. моностихи, дистихи, четырестишія на мѣсяцы, иды и ноны, 25 писемъ къ разнымъ лицамъ и краткое изложеніе содержанія пѣсенъ Иліады и Одиссеи. Уже простой перечень стихотвореній Авзонія даетъ понятіе о господствующемъ направленіи. Возьмемъ теперь стихотворенія Сидонія. — Это 3 панегирика съ 5 предисловіями и посвященіями, 2

эпиталамы и 3 относящіяся къ нимъ стихотворенія, 4 посланія, описаніе Парбонны, описаніе виллы Леонція, стихотвореніе по поводу четырехъ рыбъ пойманныхъ ночью, четырестишіе о рыбномъ садкѣ, стихотвореніе о банѣ въ Авитакумѣ, просьба въ стихахъ Майоріану, заключательное обращеніе къ книгѣ стихотвореній. Въ собраніи переписки мы находимъ посланія въ стихахъ, надписи, эпитафіи и прочее въ этомъ родѣ. Изъ этого преобладанія описательной поэзіи можно уже вывести заключеніе объ упадкѣ поэзіи, хотя въ стихотвореніяхъ этого рода и встрѣчаются иногда граціозные образы и довольно счастливыя изображенія картинъ природы. Въ поэтахъ этого времени нѣтъ даже сознанія, что описательная поэзія еще не самый высшій родъ. Сидоній думаетъ совершенно опровергнуть тѣхъ, которые вздумали бы упрекнуть его въ длиннотѣ и мелочности описанія виллы Леонція; онъ ссылается на Стація, на Вописка, не подозрѣвая, что самое подражаніе такимъ образцамъ сильно говоритъ объ упадкѣ вкуса и истиннаго пониманія поэзіи (60).

Какъ впрочемъ ни сильно понизился уровень внутренняго достоинства поэтическихъ произведеній V вѣка, поэзія занимала важное мѣсто въ жизни современнаго общества. Въ письмахъ Сидонія мы встрѣчаемъ въ высшей степени любопытныя подробности. Для высшихъ слоевъ общества поэзія въ томъ видѣ, какъ мы ее находимъ въ это время, была одною изъ первыхъ необходимостей. Безъ нея нарушилась бы полнота наслажденія жизнію. Высшіе государственные сановники находили время для занятія ею и владѣли стихомъ не хуже зашисныхъ версификаторовъ. Въ числѣ знаменитыхъ поэтовъ Галліи считались Консенцій, одинъ изъ дѣятельныхъ и счастливыхъ дипломатовъ

(60) Sidon. Carm. XXIII, in fine.

римскихъ, занявшій при Авитѣ должность comitis palatii ([61]), Домнулъ, квесторъ имперіи около 461 года ([62]), Петръ, государственный секретарь при Майоріанѣ ([63]), Валеріанъ, префектъ Галліи прежде 456 года ([64]), Полемонъ, бывшій префектомъ преторіи въ 475 году ([65]) и другіе члены высшей аристократіи. Императоры любили окружать себя литературными знаменитостями и легкія импровизаціи мѣшались съ серьезными рѣчами на придворныхъ обѣдахъ ([66]). Панегирикъ въ прозѣ, обыкновенно являвшійся при началѣ каждаго царствованія, не удовлетворялъ уже болѣе. Лесть не такъ пріятно щекотала самолюбіе, если не была облечена въ поэтическую форму. За то стихотворный панегирикъ доставлялъ автору если не всегда славу, за то вѣрную выгоду ([67]). Наградой счастливому панегиристу бывала не только статуя въ библіотекѣ, но и болѣе положительныя выгоды. Просьба, выраженная въ стихахъ, скорѣе всего доводила до желаннаго результата ([68]). Каждое новое стихотвореніе читалось съ жадностію и переходило изъ рукъ въ руки. При первомъ слухѣ о появленіи литературной новости, къ автору обращались со всѣхъ сторонъ съ просьбами о сообщеніи. По смерти Викторія, одного изъ поэтовъ Галліи, Сидоній обращается къ его наслѣдникамъ съ требованіемъ выслать ему сочиненія умер-

---

(61) Sid. Carm. XXIII v. 223 et sequ.

(62) Sidon. Epist. l. IX ep. 15.

(63) Ibid. l. IX ep. 13 и 15.

(64) Sid. Carm. VIII.

(65) Sid. Carm. XV.

(66) Sid. l. II ep. 11.

(67) Sid. l. I ep. 9. Сидоній говоритъ о своемъ панегирикѣ Антемію: Hic ipse panegyricus, etsi non iudicium, certe eventum boni operis accepit.

(68) Sid. Carm. XIII.

шаго ([69]). «Вы были близки къ покойному по крови, пишетъ онъ, я по профессіи.» И не только свѣтское общество вполнѣ удовлетворялось современнымъ состояніемъ поэзіи. Не строже были требованія и другаго класса людей, стоявшаго, по видимому, несравненно выше, и по образу жизни, и по богатству и силѣ мысли, я разумѣю духовенство. Мы имѣли уже случай замѣтить, что свѣтская и духовная литература V вѣка, столь непохожія другъ на друга по внутреннему содержанію, не представляютъ почти никакого различія относительно формы. Эта одинаковость внѣшней оболочки мысли кажется нѣсколько неестественною и въ прозаическихъ сочиненіяхъ. Еще страннѣе видѣть христіанскую идею, облеченную въ суетныя, лишенныя даже внѣшней красоты и правильности, формы свѣтской поэзіи со всѣми ея мелочными условіями. Просперъ Аквитанскій изложилъ высокое ученіе Августина въ 392 эпиграммахъ точно такъ, какъ въ предшествовавшемъ столѣтіи Авзоній—ученіе 7 мудрецовъ. Разница только въ томъ, что между Авзоніемъ и Просперомъ около полустолѣтія; а въ это время порча языка и упадокъ поэзіи сдѣлали быстрые шаги. Клавдій Марій Викторъ облекъ свои комментаріи на книгу Бытія въ классическіе гекзаметры. Одной уступчивостію духу времени, во имя успѣшнѣйшаго дѣйствія на общество, нельзя объяснить этого явленія. Скорѣй нужно допустить, что формы современной версификаціи брались не только какъ средство оправдываемое цѣлію, но и въ слѣдствіе убѣжденія въ ихъ достоинствѣ. Воспитаніе, полученное въ юности, оставило привычки, мнѣнія, отъ которыхъ не легко было освободиться; со вкусомъ, испорченнымъ съ дѣтства, трудно было понять пошлость и неприличіе этой

(69) Sid. l. V ep. 21.

формы. Тотъ же Марій Викторъ пишетъ посланіе въ стихахъ къ аббату Салмону объ испорченности нравовъ своего времени, и въ этомъ случаѣ трудно найти другую причину, кромѣ укоренившихся привычекъ первоначальнаго воспитанія. Наконецъ Евхаристиконъ Павлина, внука Авзонія, — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній V вѣка, столько же по интересу самого содержанія, сколько и по искреннему чувству, сдѣлавшемуся рѣдкостію въ это время аффектаціи и искуственности,—Евхаристиконъ, котораго цѣль прославленіе верховной благости, а не исканіе литературной извѣстности — написанъ тѣмъ не менѣе стихами. Напрасно Павлинъ умоляетъ случайнаго читателя этого сочиненія, вовсе не назначеннаго для публики, предать его забвенію; форма гекзаметра невольно заставляетъ сомнѣваться въ искренности желанія, и въ литературной исторіи V вѣка мы не знаемъ примѣра, который бы такъ наглядно доказывалъ могущественное вліяніе прежнихъ занятій на человѣка, искренне разорвавшаго всѣ связи съ прошедшимъ, искренне отрекшагося отъ прежнихъ вѣрованій и образа жизни.

Мы пересмотрѣли въ бѣгломъ очеркѣ, и на сколько позволяли отрывочныя и скудныя извѣстія, всѣ предметы школьнаго образованія V вѣка. Какое же общее заключеніе можно вывести изъ всего сказаннаго? Послѣдній вѣкъ существованія западно-римской имперіи, V столѣтіе было и послѣднимъ временемъ римской литературы, остававшейся въ своихъ основаніяхъ языческою. Декламаціи риторовъ, легкія импровизаціи на случай, какъ-то странно звучали среди варваровъ, въ качествѣ союзниковъ или врагами, рыскавшихъ во всѣхъ владѣніяхъ западно-римской имперіи и особенно въ Галліи. Школы были еще довольно многочисленны, но аудиторіи языческихъ и полуязыческихъ риторовъ и ораторовъ за-

мѣтно пустѣли съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ. Церковь и христіанство завоевывали всѣ лучшія силы, всѣ серьезные умы высшаго общества, до сихъ поръ главнымъ образомъ поддерживавшаго запоздалыхъ ревнителей языческой образованности. Еще въ IV столѣтіи Авзоній напрасно заклиналъ самаго любимаго изъ своихъ учениковъ, св. Павлина, возвратиться къ литературнымъ занятіямъ, къ беззаботной жизни свѣтскаго человѣка, къ почестямъ и славѣ, встрѣтившимъ юношу почти тотчасъ по выступленіи его на поприще практической дѣятельности. Бэотійскія музы не вняли мольбамъ Авзонія, и Павлинъ не возвратился къ служенію латинскимъ Каменамъ (70). Блестящаго поэта, прославленнаго адвоката и сановника, неудержимо влекла въ даль одинокая гробница св. Феликса въ Нолѣ. У нея, въ смиренныхъ подвигахъ христіанскаго благочестія, нашелъ ученикъ Авзонія то нравственное успокоеніе, котораго недоставало ему прежде, ту вѣру, необходимость которой онъ сознавалъ, но собственному признанію, среди ужасовъ сомнѣнія. Въ V вѣкѣ такое отступничество отъ служенія музамъ встрѣчалось все чаще и чаще. Чтобы узнать суетность свѣта, св. Павлину надобно было долго жить среди общества, извѣдать на опытѣ всю обманчивость жизни во всей ея полнотѣ; въ другихъ перемѣна совершалась необыкновенно быстро, почти безъ участія собственной воли. Св. Германъ Оксеррскій, даровитый юристъ знатнаго рода, начальникъ военной границы, преданный до старости охотѣ, вдругъ сдѣлался епископомъ, жаркимъ ревнителемъ чистоты христіанскаго ученія, избранникомъ галльскаго духовенства для борьбы съ пелагіанизмомъ на самой его родинѣ.

(70) Hæc precor! hanc vocem, Bœotia numina, Musæ,
Accipite; et Latiis vatem revocate Camœnis.
Auson. epist. XXV, ad Paulinum.

Святость жизни св. Германа и увлекательное краснорѣчіе обаятельно дѣйствовали на самыхъ варваровъ. Близилось время, когда новое христіанское общество позабудетъ на нѣсколько столѣтій литературныя преданія языческой Греціи и Рима, будетъ враждебно смотрѣть на нихъ. Уже въ концѣ V или въ началѣ VI столѣтія пророческое видѣніе отвратило св. Цезаря Арльскаго отъ занятій свѣтской литературой. Плечо и рука, касавшіяся книги, надъ которой заснулъ онъ, были изъѣдены страшнымъ дракономъ. Такъ въ благочестивой легендѣ отразилась вражда къ языческой свѣтской литературѣ. Скоро занятія грамматикой будутъ считаться соблазномъ, и величайшіе поэты древности, Горацій, Виргилій, Ювеналъ, будутъ являться воображенію какъ демоны-соблазнители, влекущіе своихъ неосторожныхъ почитателей къ неминуемой гибели (71). Это время еще было далеко въ будущемъ, но симптомы его приближенія уже начинали чувствоваться. Можно бы даже подумать, что отъ лучшихъ людей V вѣка не укрылось предчувствіе печальной участи, которая должна была скоро постигнуть свѣтскую литературу. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описываетъ Мамертъ Клавдіанъ современное состояніе науки. «Я почти уже готовъ печальной эпитафіей оплакать смерть науки.... потому что я вижу, какъ римляне не только пренебрегаютъ, но какъ будто стыдятся латинскаго языка. Грамматика почти варварская; но и ту гонятъ солецизмами и варваризмами, отталкиваютъ ногою; діалектики боятся какъ Амазонки, съ обнаженнымъ мечемъ стремящейся въ битву; риторика, какъ знатная госпожа, не находитъ пріема въ убогомъ жилищѣ; отъ музыки, геометріи и ариѳметики отворачиваются какъ отъ трехъ фурій; наконецъ философію считаютъ едва ли не за какое-нибудь зловѣщее жи-

(71) См. любопытную исторію Вильгарда Равеннскаго въ XI столѣтіи, разсказанную Раулемъ Глабьеромъ. Bouquet X, 23.

вотное ([72]).» Жалобы на упадокъ знанія находимъ и у другихъ современныхъ писателей. Павлинъ, разсказывая въ своемъ Евхаристиконѣ о годахъ дѣтства и ученья, прибавляетъ съ грустнымъ раздумьемъ. «Этотъ способъ воспитанія давно уже исчезъ среди порчи нашего вѣка; но признаюсь, я бы радъ былъ сохраненію стараго римскаго обычая: старику всегда нравится его время» ([73]). У Сидонія мы часто находимъ подобныя же сѣтованія ([74]). Будемъ впрочемъ на сторожѣ противъ этихъ жалобъ. Ясное представленіе современной дѣйствительности едва ли было у кого нибудь въ V вѣкѣ. Рядомъ съ жалобами, мы найдемъ и надежду, чтобы не сказать увѣренность, въ возможности возрожденія науки. Мамертъ Клавдіанъ откладываетъ въ сторону свою эпитафію, потому что Сапаудъ, риторъ Вьеннской школы, воскресилъ уже своими трудами цвѣтущее состояніе науки. Сидоній возлагалъ свои надежды на Іоанна, Клермонтскаго ритора, и на другихъ. Если бы даже и не высказывались эти надежды такъ ясно и положительно, мы и тогда имѣли бы право заподозрить искренность сожалѣній о прошломъ и опасеній за будущее. Какое-то внутреннее самодовольствіе слышится въ самыхъ жалобахъ; иногда кажется, что онѣ не что иное какъ риторическія фигуры и высказаны только за тѣмъ, чтобы нагляднѣе представить заслуги современныхъ знаменитостей, Цицероновъ, Пиндаровъ, Гораціевъ и Платоновъ V вѣка. Не вѣрится этимъ жалобамъ, когда тутъ же встрѣчаемъ разительныя доказательства отсутствія всякаго правильнаго пониманія, отсутствіе сколько нибудь высшихъ требова-

(72) Epistola ad Sapaudem apud Baluzium. Miscell. VI 537.

(73) Paulini Eucharisticon Deo sub ephemeridis meae textu. Bibliothéque Latine-française, edit. Panckoucke, въ приложеніи къ 1 тому Авзонія стр. 354.

(74) Напр. Sid. Epist. VIII, 2 и 6,—V, 10,—IV, 17 и мн. друг.

ній, авторское самоуслажденіе и скрытное довольство настоящимъ. Для потомства, возобновившаго прерванное знакомство съ памятниками классической литературы и воротившаго даръ пониманія, V столѣтіе кажется временемъ полнаго, окончательнаго упадка; для современниковъ, оно не только не было ниже III и IV вѣковъ, едва ли многимъ уступало золотому вѣку Августа. Внѣшняя обстановка еще существовала. Школы были еще довольно многочисленны; въ нихъ толпились какъ прежде риторы, поэты, философы; внутреннихъ же признаковъ разложенія и порчи не видно было людямъ, страдавшимъ общею болѣзнію своего времени. Пятый вѣкъ былъ вѣкомъ абревіаторовъ. Наука, потерявшая давно уже свое жизненное начало, постепенно съуживалась, вмѣщаясь наконецъ въ тѣсныя рамки сокращеній и извлеченій; въ этомъ только видѣ она и была по плечу современникамъ, вполнѣ довольнымъ жалкими сборниками, вѣровавшимъ, что все громадное содержаніе науки какимъ-то чудомъ утѣснилось въ предѣлахъ одного томика. Мы слышали отзывъ Сидонія о философскихъ чтеніяхъ Евсевія. Заставьте дикаго Гелона, кормящагося кониною и пьющаго кобылье молоко, выслушать курсъ у Іонскаго философа, и римлянамъ нечего бояться его звѣрской свирѣпости. Если послѣ этого Сидоній вздумаетъ жаловаться на упадокъ литературы, трудно повѣрить ему на слово и видѣть въ жалобѣ что-нибудь кромѣ риторики. Нѣтъ; Римская литература, точно также какъ и Римская имперія, умирала, по энергическому выраженію Сальвіана Марсельскаго, со смѣхомъ на устахъ. Moritur et ridet. Тоже самое непонятное для насъ самообольщеніе, скрывавшее отъ большинства современниковъ безнадежное состояніе Римской имперіи, скрывало отъ нихъ и настоящее, не менѣе безотрадное, положеніе литературы.

Все, что мы знаемъ о школьной жизни Сидонія, ограничивается весьма немногимъ. Кромѣ извѣстнаго уже намъ Евсевія, онъ слушалъ лекціи поэта Гоенія ([75]) и, кажется, ученаго Виктора, бывшаго квесторомъ при Антеміѣ ([76]). Каково было вліяніе наставниковъ на воспріимчиваго юношу, опредѣлить невозможно, потому что кромѣ именъ ничего не сохранилось ни въ письмахъ Сидонія, ни въ другихъ современныхъ извѣстіяхъ. Въ школѣ положилъ начало Сидоній тѣмъ связямъ съ замѣчательнѣйшими людьми своего времени, которыя дѣлаютъ его переписку такимъ драгоцѣннымъ источникомъ для исторіи общества V вѣка.

Вмѣстѣ съ нимъ учился Авитъ, членъ одной изъ самыхъ аристократическихъ фамилій, родственникъ Сидонія по матери, впослѣдствіи сдѣлавшійся еще болѣе близкимъ ([77]). Тѣсною дружбою соединены были съ Сидоніемъ сыновья Магна, знаменитаго гражданина Нарбонны, бывшаго консуломъ около 462 года. Старшій изъ сыновей Магна, Пробъ, отличался своими успѣхами въ школѣ и сохранилъ до конца жизни любовь къ занятіямъ, средства къ которымъ доставляла ему богатая отцовская библіотека ([78]). Судьба втораго сына, Феликса, также

---

(75) .... Et mihi magistri
Musas sat venerabiles Hoëni.
Carm. IX v. 313.

(76) Audacter docto coram Victore canentes,
Aut Phœbi, aut vestro qui solet ore loqui;
Qui, licet æterna sit vobis Questor in aula,
Aeternum nobis ille magister erit.
Carm. I. v. 25.

(77) Sid. Epistolarum I. III, 1.

(78) Lib. IV, 1. Сестра Сидонія была потомъ за мужемъ за Пробомъ. Carm. XXIV v. 93.

школьнаго товарища и друга Сидонія, была тревожнѣе и богаче событіями. Болѣе серьезнаго по натурѣ, чѣмъ старшій братъ, его не такъ удовлетворили поверхностный дилетантизмъ и беззаботная жизнь свѣтскаго человѣка. Бросившись сначала въ практическую дѣятельность, онъ достигъ высшихъ почестей государственныхъ; въ 472 или 473 году онъ былъ уже Патриціемъ и вскорѣ за тѣмъ префектомъ преторіи, въ Галліи или Италіи, неизвѣстно. Въ занятія науками, философіей и политикой, онъ внесъ рѣдкую въ то время добросовѣстность. Мы имѣемъ объ его ученой дѣятельности согласные отзывы лицъ, совершенно различныхъ. Геннадій, Марсельскій священникъ, оставившій сочиненіе о современныхъ литературныхъ и ученыхъ знаменитостяхъ, и Теодерихъ, король Остготовъ, или лучше сказать Кассіодоръ съ одинаковыми похвалами отзываются объ его ученыхъ занятіяхъ. Послѣдніе годы жизни Феликса всего лучше говорятъ за серьезное направленіе его ума. Не удовлетворенный ни практическою дѣятельностію, ни философіей, Феликсъ кончилъ жизнь монахомъ и письмо къ нему знаменитаго епископа Фауста свидѣтельствуетъ о строгой жизни новаго подвижника (79). Нѣтъ сомнѣнія, что съ этого же времени начались дружескія отношенія Сидонія и ко многимъ другимъ лицамъ, съ которыми онъ въ постоянной перепискѣ (80).

По выходѣ изъ школы встрѣтила Сидонія беззаботная жизнь свѣтскаго человѣка и литератора. По образованію, по происхожденію и характеру онъ дол-

---

(79) Fausti, Rhegiensis Galliarum Episcopi, de pœnitentia ad Felicem epistola. Bibliotheca Maxima Patrum VIII, 552.

(80) Такъ изъ школьныхъ товарищей Сидонія были, какъ кажется, Фаустинъ, о которомъ говоритъ онъ въ IV книгѣ 4 письмѣ, и Аквилинъ.

женъ былъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ обществѣ. Мы почти не имѣемъ прямыхъ указаній о жизни Сидонія до выступленія его на политическое поприще т. е. до вступленія на престолъ Авита въ 455 году; но его переписка даетъ намъ возможность составить о ней довольно ясное понятіе. Кромѣ того, что письма Сидонія рисуютъ передъ нами подробную картину общественной и частной жизни въ Галліи V вѣка, они даютъ намъ полное понятіе о характерѣ самого автора, какъ нельзя больше согласнаго съ общимъ характеромъ современнаго общества. Вотъ какъ изображаетъ себя Сидоній, уже бывшій епископомъ. «Ты любишь, какъ мнѣ извѣстно, людей «спокойныхъ, пишетъ онъ къ Филагріо ([31]); я люблю «даже трусовъ. Ты избѣгаешь варваровъ, кажущихся злыми; я бѣгаю даже отъ добрыхъ. Ты прилежно занимаешься чтеніемъ; я также мало даю «волю праздности. Ты человѣкъ религіозный; мнѣ «бы хотѣлось по крайней мѣрѣ такимъ казаться. Ты «не желаешь чужаго добра; я считаю прибылью, «когда не теряю своего. Ты пищешь общества ученыхъ;—въ толпѣ невѣждъ, какъ бы она велика ни «была, мнѣ кажется, что я въ совершенной пустынѣ. Говорятъ, что ты очень веселъ; я считаю безполезными слезы, если онѣ пролиты не на молитвѣ. «Разсказываютъ, что ты очень привѣтливъ; никто «изъ посѣтителей не бѣжитъ и отъ моего скромнаго обѣда, какъ изъ пещеры Полифема. Говорятъ о «твоемъ необыкновенномъ благодушіи къ слугамъ; я «тоже не мучусь, если мои не такъ часто наказаны, «какъ виноваты. Ты думаешь, что должно черезъ «день поститься; мнѣ не тяжело послѣдовать твоему «примѣру, хотя я и не постыжусь предупредить «тебя, если дѣло коснется обѣда.» Уничтожимъ въ

(81) Sid. Epist. l. VII, 14.

этой характеристикѣ нѣкоторыя, не слишкомъ впрочемъ замѣтныя черты, напоминающія о новой дѣятельности Сидонія, сдержанность въ слѣдствіе новаго положенія, очевидно не позволявшаго вполнѣ предаваться врожденной живости, а главное—представимъ Сидонія 20 годами моложе и мы будемъ имѣть понятіе объ его веселомъ, безпечномъ, легкомысленномъ характерѣ, полномъ выраженіи Кельтскаго народнаго типа. Ни лѣта, ни обстоятельства, иногда весьма трудныя, ни наконецъ серьезная дѣятельность, которой посвятилъ Сидоній послѣдніе годы своей жизни, не могли сгладить первоначальнаго направленія. Сидоній епископъ въ частыя минуты задушевной откровенности лучше всего дастъ намъ понятіе о Сидоніѣ—юношѣ, богатомъ аристократѣ и свѣтскомъ литераторѣ. До насъ не дошли всѣ сочиненія Сидонія. Собраніе писемъ издано уже во время епископства и въ него вошли только лучшія; стихотворенія изданы по просьбѣ Феликса не прежде 468 года и тоже послѣ строгаго пересмотра. Большая половина поэтическихъ и прозаическихъ произведеній остались неизданными и навсегда потеряны. Этой участи подверглись едва ли не всѣ, написанныя въ первой молодости, а вмѣстѣ съ ними утрачена и возможность сравненія Сидонія въ различныхъ возрастахъ его нравственнаго и литературнаго развитія. «Я не могу припомнить, говоритъ Сидоній, тѣхъ произведеній, которыя были написаны мною въ первомъ жару юности. О если бы большая часть изъ нихъ могли исчезнуть и позабыться (82).» Желаніе Клермонтскаго епископа исполнилось.

---

(82) Nec recordari queo quanta quondam
Scripserim primo juvenis calore,
Unde pars major utinam taceri
Possit et abdi.
Sid. Epis. IX, 16.

До насъ дошло только то, что, по его мнѣнію, могло послѣ тщательнаго пересмотра и передѣлки достойно передать его память потомству, которое имѣлъ въ виду Сидоній въ самой искренней перепискѣ съ друзьями. Потомство можетъ судить его только на основаніи тѣхъ документовъ, которые онъ приготовилъ и подобралъ съ такою осмотрительностію. Но если погибла память объ юношескихъ произведеніяхъ Сидонія, то оставшихся слишкомъ достаточно, чтобы имѣть о немъ полное понятіе какъ о человѣкѣ, литераторѣ и епископѣ, хотя быть можетъ это понятіе существенно разнится отъ того, которое желалъ внушить о себѣ осторожный епископъ. Потеря большей части его сочиненій не важная, когда дѣло идетъ объ его личной оцѣнкѣ, возбуждаетъ сильное сожалѣніе, потому что вмѣстѣ съ ними утрачено много дорогихъ подробностей о нравахъ, составѣ общества, объ историческихъ событіяхъ и дѣятеляхъ.

Что касается до погибшихъ сочиненій Сидонія, мы можемъ судить о нихъ по оставшимся. Главный характеръ, очевидно, долженъ быть тотъ же; позднѣйшія имѣютъ только преимущество болѣе тщательной обработки. Самое признаніе Сидонія, что онъ много писалъ въ молодости, не прибавляетъ ничего къ суммѣ нашихъ свѣдѣній о немъ. Читая сохранившіяся сочиненія, мы уже знаемъ, что онъ долженъ былъ писать много. Сидоній самъ мѣтко характеризовалъ себя какъ писателя, нисколько впрочемъ не подозрѣвая, что потомство утвердитъ его приговоръ, произнесенный изъ авторской скромности и въ который не вѣрили ни онъ, ни его современники. «У меня болѣе легкости сочиненія, нежели таланта, говоритъ онъ ([85])». И въ самомъ дѣлѣ Григорій Турскій удив-

(83) Sid. l. III ep. 7. ad Felicem. a me officium paupertini sermonis expectas, *cui scribendi*, si bene perspicis, *magis est facilitas quam facultas.*

ляется быстротѣ его импровизаціи ([84]) и Сидоній не упускаетъ самъ случая сказать, сколько времени стоило ему то или другое произведеніе. Епитафію дѣду въ 20 стиховъ онъ написалъ въ одну ночь ([85]); рѣчь по поводу избранія Епископа въ Буржи стоила ему двухъ лѣтнихъ ночей ([86]); для импровизаціи въ нѣсколько стиховъ ему не нужно было почти вовсе приготовленія. Скорость работы была отличительнымъ признакомъ этого времени; усвоить ее, совладать съ формой было главною цѣлію школьныхъ упражненій. Люди V вѣка и жили и писали быстро. Не было ни времени, ни охоты, остановиться долго на одной мысли, выносить ее въ себѣ, тѣмъ менѣе предпринять какой-нибудь серьезный трудъ, требовавшій и продолжительныхъ приготовленій и долгой внутренней переработки. Надобно было спѣшить, чтобы удовлетворить потребностямъ настоящей минуты. Чрезвычайно вѣрно замѣтилъ Мамертъ Клавдіанъ, говоря, что въ его время чувствовался недостатокъ не въ способностяхъ, а въ серьезномъ трудѣ ([87]). Но для серьезныхъ трудовъ не было мѣста въ литературѣ и общественной жизни V вѣка. Люди съ болѣе богатой и глубокой натурой, съ умомъ неспособнымъ расходоваться по мелочамъ на ежедневное употребленіе, не уживались въ свѣтѣ. Оставляя легкомысленное общество, они, или смолкали на вѣкъ въ тишинѣ монастырскаго уединенія, или обращали свою умственную дѣятельность на вопросы христіанскаго ученія, туда, гдѣ былъ просторъ для пытливаго ума, гдѣ тяжелая работа мысли поддержива-

---

(84) Gregor. Turon. Hist. II, 22.

(85) Sid. III, 12.

(86) Ib. VII, 9.

(87) Unum illud procul ambiguo dixerim, nostro sæculo non ingenia deesse sed studia. Epistola ad Sapaud. Baluzii Miscell. VI, 535.

лась и вознаграждалась важностію добытыхъ результатовъ. Свѣтской литературѣ и свѣтскому обществу V вѣка допустить серьезный, сознательный трудъ, сильную и свѣтлую мысль значило добровольно осудить себя на самоубійство. Другое дѣло мелкое, самодовольное труженичество; оно не мѣшало никому, не затрогивало разстроенныхъ, наболѣвшихъ нервовъ дряхлаго организма, не подымало вопросовъ, тревожно смущавшихъ беззаботную веселость высшаго общества, старавшагося какъ нибудь забыться среди печальной дѣйствительности, уйдти отъ сознанія страшнаго будущаго. Мало того—такое труженичество могло способствовать самообольщенію, принимая видъ серьезнаго, дѣльнаго занятія. Оттого-то такъ высоко и становили его, подымая ребяческія упражненія риторовъ на высоту великихъ произведеній древности.

Постараемся войдти нѣсколько въ жизнь высшаго общества V-го вѣка, въ которомъ по всѣмъ правамъ видное мѣсто занималъ Сидоній, давшій намъ и возможность посмотрѣть на нее довольно близко. Тамъ и здѣсь въ сочиненіяхъ современныхъ писателей мы найдемъ еще нѣсколько отрывочныхъ, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ указаній, которыя дополнятъ и пояснятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣдѣнія, доставляемыя Клермонтскимъ Епископомъ. Но прежде мы должны замѣтить, что Сидоній, уже принадлежавшій къ кружку галльскихъ аристократовъ, скоро пріобрѣлъ еще болѣе вѣса и общественнаго значенія. На 20-мъ году, т. е. скоро послѣ выхода изъ дѣтства, оканчивавшагося по римскимъ понятіямъ на 17 году, Сидоній уже былъ женатъ на Папіаниллѣ, дочери Овѣрица Авита, одного изъ самыхъ родовитыхъ людей Галліи и пользовавшагося огромнымъ вліяніемъ въ своей родинѣ. Папіаниллa принесла въ приданое мужу, кромѣ сильнаго родства, богатое помѣстье

Авитакумъ, расположенное по всей вѣроятности въ окрестностяхъ нынѣшней деревни Эйдатъ (Aydat) и обезпечившее вполнѣ матеріальное благосостояніе Сидонія ([88]). Такимъ образомъ послѣ женитьбы, Сидоній связями и богатствомъ становился рядомъ съ самыми знатными лицами. Тѣмъ съ большимъ правомъ мы можемъ, дѣлая общій очеркъ общественной и частной жизни высшаго общества, имѣть въ виду, что мы пишемъ и его біографію.

Трудно найдти въ исторіи болѣе рѣзкую противуположность, чѣмъ та, которую представляла жизнь высшаго общества Галліи V вѣка съ общимъ ходомъ дѣлъ въ этой странѣ и вообще въ Римской Имперіи. Варвары втѣснились уже въ лучшія провинціи. Для того, чтобы овладѣть остальными, имъ нужно было только двинуться, а не сражаться ([89]). Центральная власть не имѣла силъ защищать сколько нибудь провинціи; она сама готова была уничтожиться при первомъ капризѣ варваровъ, своевольно игравшихъ судьбами имперіи. Римскихъ гражданъ давно уже почти совсѣмъ не было въ войскахъ римскихъ; Франки, Саксы, Бретоны, Бургунды и Готы составляли главную силу, на которую опиралась власть префекта преторіи Галліи. Къ этимъ варварамъ, поселившимся въ самой Галліи или близкимъ отъ нея, присоединялись толпы, пришедшія съ береговъ Чернаго моря, изъ степей Панноніи и горъ Кавказа: Сарматы, Гунны, Аланы и Гелоны. Присутствіе этихъ союзниковъ едва ли не также было тяжело для страны, какъ и вторженіе непріятелей. Враги не сдѣлали бы больше опустошенія, чѣмъ гуннская и аланская конница Литорія въ Оверни въ 436 году ([90]). Не было

(88) Описано владѣльцемъ во II книгѣ, 2 письмѣ.

(89) Nec erat pugnare necesse, sed migrare Getis.
Panegyr. in Avit. v. 303.

(90) См. панегирикъ Авиту, v. 253 et sequ.

провинціи, не было города, гдѣ бы судьба, ожидавшая римскую имперію, не являлась видимо глазамъ каждаго въ опустошеніи, крови и пожарахъ, среди своихъ и враждебныхъ варваровъ. Съ тупымъ равнодушіемъ, мало того съ чувствомъ злобной радости смотрѣли массы народонаселенія на паденіе Имперіи; безпечно веселилось высшее общество среди варваровъ, готовившихся раздѣлить послѣдніе остатки погибавшаго Рима. Никто не думалъ объ его защитѣ. Среди развалинъ раздавался только голосъ церкви, но и онъ гремѣлъ не въ защиту падающаго государства; онъ призывалъ варваровъ совершить волю Провидѣнія надъ государствомъ и обществомъ, истощившимъ мѣру божественной благости. Не будемъ упрекать населеніе провинцій въ недостаткѣ патріотизма. Патріотизмъ возможенъ только тамъ, гдѣ сохранилась хоть искра жизни, и нѣсколько вспышекъ, послѣднее проявленіе этого чувства только увеличиваетъ мрачный колоритъ картины. И откуда бы взяться патріотизму въ массахъ населенія, когда каждое десятилѣтіе существованія Рима прибавляло только новую тяжесть къ нихъ и безъ того тяжелому положенію, истощая послѣдніе остатки жизненныхъ силъ и энергіи. Только отчаяніе могло породить такія явленія, каковы были возстаніе багодовъ (bagaudi), въ теченіи двухъ слишкомъ столѣтій опустошавшія Галлію и Испанію. Отверженники общества ведутъ съ нимъ безпощадную войну не во имя какого нибудь принципа, а во имя мести за поруганіе человѣческаго достоинства, за столѣтія неслыханныхъ безмолвно переносимыхъ страданій. Разграблены города, выжжены жатва и виноградники, а грабители находятъ сочувствіе и помощь повсюду и нужны цѣлыя арміи, чтобы подавить возстаніе. Центральная власть можетъ эдиктомъ запретить, чтобы не отдавали на воспитаніе дѣтей багодамъ; она не можетъ

уничтожить симпатіи большинства населенія. Мало того, она безмолвствуетъ передъ грознымъ запросомъ церкви: кто довелъ ихъ до этого положенія, кто обратилъ мирнаго поселянина въ разбойника, не дающаго пощады; кто наконецъ, переполнивъ мѣру выносимыхъ притѣсненій, нѣкоторымъ образомъ снялъ на себя отвѣтственность за страшныя послѣдствія? Средняго сословія, единственнаго, отъ котораго можно бы ожидать энергическаго отпора противъ враговъ, мы не находимъ въ послѣднее время Римской Имперіи. Оно было уничтожено финансовой системой правительства, добровольно перешло въ полусвободное или несвободное состояніе. Повсюду встрѣчаемъ инквилиновъ, манзіопаріевъ, колоновъ, трибутаріевъ, кліентовъ, плебеяновъ; нигдѣ не встрѣчаемъ гражданъ въ прежнемъ значеніи этого слова.

Центральная власть съумѣла своими эдиктами не только уничтожить все значеніе курій, одного изъ самыхъ жизненныхъ учрежденій римскаго міра, мало того обратить ихъ въ орудіе притѣсненія, сдѣлать изъ куріаловъ ближайшихъ и опаснѣйшихъ враговъ для низшаго класса. Не мудрено, что большинство населенія ждало какъ избавленія варварскаго владычества, что враги Римской Имперіи находили въ немъ скорѣе союзниковъ, нежели противниковъ. Ѳракійскіе поселяне указываютъ дорогу Готамъ во внутреннія области восточной имперіи, при осадѣ Рима Аларихомъ должно было грозить безуспѣшно страшными казнями, чтобы удержать ихъ отъ попытокъ впустить враговъ въ городъ. Въ Галліи, возстаніе багодовъ, около 435 года совпадаетъ съ попыткой Бургундовъ утвердиться по ту сторону Вогезовъ, и, отбивши варваровъ, Аэцій тотчасъ долженъ былъ обратить силы противъ враговъ домашнихъ. Нашествіе Атиллы едва ли не нашло союзниковъ между тѣмъ же классомъ. Осада города варварами весьма

часто сопровождалась возстаніемъ внутри, и защитникамъ осажденнаго города приходилось отбиваться въ одно и то же время отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ ([91]). Жить подъ владычествомъ Готовъ и Бургундовъ было во всякомъ случаѣ легче, нежели съ оружіемъ въ рукахъ отражать варварскихъ защитниковъ государственной цѣлости, какъ пришлось въ 412 году несчастнымъ жителямъ Валенсіи отбиваться отъ Алановъ, поселенныхъ на ихъ земляхъ по волѣ Валентиніана III. Единственнымъ желаніемъ населенія провинцій, уступленныхъ варварамъ, было не возвращаться болѣе подъ власть Рима ([92]).

Чѣмъ глубже понижался уровень нищеты и несчастія для тѣхъ, кто на своихъ плечахъ выносилъ всю тяжесть борьбы съ варварами, кто кровавымъ потомъ платилъ унизительную дань врагамъ Рима и жалованье татарскимъ и германскимъ его союзникамъ; тѣмъ завиднѣе становилось положеніе высшихъ классовъ общества. Можно сказать, что безсиліе и паденіе Имперіи обратилось въ ихъ пользу, увеличивъ ихъ матеріальное благосостояніе. Куріалы, которые, въ III и IV столѣтіяхъ, разбѣгались по лѣсамъ, шли въ солдаты или въ духовное званіе, чтобы только избавиться отъ своего положенія, въ V вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ Галліи, начинаютъ подымать голову, гордиться своимъ званіемъ и разыгрывать роль маленькихъ сатраповъ въ своихъ городахъ ([93]). Финансовая система Рима, приготовившая его паденіе, истощивъ всѣ свѣжія силы государства, послужила въ пользу высшему сословію. Чтобы избѣжать притѣсненій фиска, земледѣлецъ становился

(91) См. Евхаристиконъ Павлина объ осадѣ Готами Базаса.
(92) Сальвіанъ. De gubernatione Dei, V.
(93) Ibid. Bibl. Maxima Patrum VIII, 361.

колономъ знатнаго и богатаго владѣльца, пользовавшагося иммунитетомъ. Рядъ эдиктовъ напрасно старался уничтожить патронатъ, увеличивавшій значеніе аристократическихъ фамилій, но уменьшавшій число лицъ, отбывавшихъ государственныя повинности. Не возможно было закономъ уничтожить зло, когда самые исполнители закона находили прямую выгоду въ его нарушеніи. Число колоновъ и клієнтовъ росло съ необыкновенною быстротою, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и могущество небольшаго числа лицъ, составлявшихъ аристократію Галліи (94). Прямымъ слѣдствіемъ было образованіе огромныхъ помѣстій, дававшихъ небольшому числу владѣльцевъ возможность не только роскошною жизнію скрывать отъ себя печальное положеніе отечества, но и средства для предпріятій, превышавшихъ, повидимому, силы частнаго человѣка. Съ толпами своихъ и наемныхъ колоновъ отбили Дидимъ и Вераніанъ Свевовъ и Алановъ, стремившихся въ Испанію; съ ними же они сопротивлялись похитителю престола, Константину, располагавшему силами Галліи. До сихъ поръ въ верхнемъ Провансѣ сохранились остатки крѣпости Дардана (префекта Галліи), описанныя Форіелемъ; устройство укрѣпленія стоило огромныхъ усилій и пожертвованій. Жизнь галльскаго аристократа V вѣка нѣсколько можетъ напоминать жизнь средневѣковыхъ бароновъ: точно такія же владѣнія, пространствомъ равняющіяся провинціямъ и населенныя толпами колоновъ и клієнтовъ; одинаковое

---

(94) Замѣчательны слова Сальвіана о распространеніи колоната: Nam suscipiuntur ut advenæ, fiunt præjudicio habitationis indigenæ; et exemplo quodam illius maleficæ præpotentis, quæ transferre homines in bestias dicebatur; ita et isti omnes, qui intra fundos divitum recipiuntur, quasi Circei poculi transfiguratione mutantur. De Gubern. Dei. Bibl. Max. Patr. VIII. 361.

презрѣніе къ вилланамъ, одинаковая фактическая независимость отъ центральной власти, потерявшей свое значеніе. Прибавимъ еще одну черту, общую тѣмъ и другимъ — это отсутствіе національнаго чувства и, слѣдствіе этого, отсутствіе патріотизма. Каждый преслѣдуетъ или только личные, эгоистическіе интересы, или много-много провинціальные. Этимъ впрочемъ и ограничивается сходство. Личная храбрость не была совершенно чужда галльскимъ аристократамъ V вѣка. Майоріанъ, Авитъ, Эдиціи представляютъ блестящія доказательства противнаго, но она была исключеніемъ, и мужественная энергія послѣднихъ объясняется частно исключительнымъ положеніемъ Оверни, ихъ родины, долѣе другихъ провинцій сохранившей простоту нравовъ и образа жизни. Суровый феодалъ среднихъ вѣковъ точно также похожъ на блестящаго, изнѣженнаго вельможу V вѣка, какъ пѣснь Нибелунговъ на изысканное описаніе Авзонія картины распятаго купидона, или на поэтическія ребячества Сидонія Аполлинарія.

Обратимся къ внѣшней обстановкѣ жизни богатыхъ Галлоримлянъ и начнемъ съ жилища. Сидоній оставилъ намъ подробное описаніе Авитакума и виллы Леонція. Въ другихъ письмахъ встрѣчаются подробности о расположеніи зимнихъ и лѣтнихъ резиденцій. Виллы строились обыкновенно на красивыхъ мѣстоположеніяхъ, на берегу рѣки или озера, на возвышеніяхъ, покрытыхъ оливами и виноградниками (95). Передъ виллой Сидонія была равнина, окаймленная холмами, и владѣлецъ оставилъ намъ картинное описаніе озера, разстилавшагося подъ самыми

(95) Ad hoc agris, aquisque, vinetis atque olivetis.... campo, amœnissimus. Вилла Консенція. Sid. l. VIII, 4.

Colles ædibus superiores exercentur vinitori et olivitori. Вилла Ферреола. 11, 9.

окнами столовой ([96]). Замокъ Леонція стоялъ на высокой горѣ при самомъ владѣніи Дордоны въ Гаронну ([97]). На красивое мѣстоположеніе старались обратить вниманіе посѣтителей; близость воды была необходимымъ условіемъ; безъ термъ, купаленъ нельзя представить себѣ римской виллы. Купальни были двухъ родовъ: горячія и холодныя. Въ помѣстьѣ Сидонія теплая ванна помѣщалась подъ лѣсистой скалою, такъ что дрова рубились почти у самой печи. Ванна устроена была полукружіемъ и горячая вода, проведенная гибкими свинцовыми трубками, струилась изъ многочисленныхъ отверстій въ стѣнкахъ. Обиліе свѣта заставляло скромниковъ, по словамъ Сидонія, еще болѣе стыдиться своей наготы. Холодная купальня была не далеко отъ теплой. Это было квадратное зданіе съ крышей, сведенной конусомъ, съ черепичными желобами по угламъ и съ окнами въ сводѣ, сквозь которые снаружи можно было видѣть искусно расписанный потолокъ. Размѣры были такіе, чтобы имѣть все нужное подъ руками, не стѣсняясь присутствіемъ толпы служителей. Лощеныя стѣны блистали бѣлизною. Сидоній говоритъ, что въ его купальнѣ нѣтъ картинъ, которыя своимъ содержаніемъ, быть можетъ, возвышаютъ искусство, но за то унижаютъ художника. Эта похвала скромности изображеній заставляетъ предполагать, что въ купальняхъ другихъ владѣльцевъ встрѣчалось противное. По стѣнамъ и у входа были написаны легкія стихотворенія, которыя читались въ первый разъ безъ принужденія, хотя и не возбуждали охоты ко вторичному чтенію ([98]). Ку-

---

(96) Sid. Epist. l. II, 8.

(97) Sid. Carm. XXII vers. 114.

(98) Quia eos nec relegisse desiderio est, nec perlegisse fastidio. l. II, 2.

нальни украшались мраморами. Если скромныя термы Сидонія довольствовались мраморомъ, добытымъ въ Галліи, за то въ баняхъ Леонція многочисленныя колонны изъ дорогаго краснаго камня поддерживали золоченую крышу (99). Имя строителя или хозяина читалось на надписи, врѣзанной у входа (100). Къ теплымъ ваннамъ присоединялся водоемъ (piscina), наполняемый водою, проведенной съ горъ каналами (101). Въ Авитакумѣ къ нему велъ тройной входъ, раздѣленный колоннами; вода лилась изъ шести львиныхъ головъ, которыя могли, по словамъ Сидонія, устрашить входящаго гривистой шеей, рядомъ зубовъ и сверкающими глазами. Шумъ воды заглушалъ разговоры; приходилось говорить на ухо и смѣшно было видѣть, какъ таинственно говорили о пустякахъ купающіеся. На устройство купаленъ обращалось большое вниманіе. Тамъ, гдѣ онѣ еще не были выстроены, замѣняли ихъ временными помѣщеніями, удовлетворявшими одной изъ существенныхъ потребностей римскаго образа жизни. На берегу рѣки или озера выкапывали небольшой ровъ, надъ которымъ изъ гибкихъ вѣтвей орѣшника устроивали навѣсъ, покрытый сверху плотнымъ покрываломъ. Въ ровъ клали раскаленные до красна камни и поливали ихъ водою. Горячій паръ собирался подъ навѣсомъ, подъ который входили на нѣсколько времени, чтобы броситься потомъ въ холодныя волны рѣки (102). Изнѣженный римлянинъ сошелся въ привычкахъ съ русскимъ простолюдиномъ.

---

(99) Carm. XXII v. 140 et seqq.

(100) Ibid.

(101) Huic basilicæ appendix piscina forinsecus, seu, si græcari mavis, baptisterium ab oriente connectitur. l. II, 2.

(102) Sid. l. II, 9.

Самая вилла устроивалась въ двухъ отдѣленіяхъ, зимнемъ и лѣтнемъ. Портики, поддерживаемые колоннами, украшенные картинами, занимали одно изъ видныхъ мѣстъ. Здѣсь отдыхали послѣ обѣда, любуясь красотами природы, прогуливались и принимали гостей. Портики устраивались такъ, что могли доставлять прохладу и тѣнь во всякое время; съ разныхъ сторонъ примыкали они къ главному зданію. Въ замкѣ Леонція, стѣны портика, обращеннаго къ югу, были украшены картинами битвъ Лукулла съ Митридатомъ ([105]); на стѣнахъ зимней половины изображены были сцены изъ библейской исторіи ([104]). Устроивались также криптопортики, темныя галлереи, въ которыхъ всегда можно было найти освѣжающую прохладу. Здѣсь давались обѣды для кліентовъ и слугъ, и говорливая толпа не мѣшала покою хозяевъ ([103]). Расположеніе зимней и лѣтней половины деревенскаго дома было почти одинаково. Зимняя нагрѣвалась каминами ([106]) и желѣзными трубами, проводившими теплоту ([107]). Въ письмахъ Сидонія мы встрѣчаемъ описаніе вестибула, пріемной комнаты ([108]), гдѣ играли въ шары и кости, и гдѣ помѣщалась также библіотека, триклиніевъ зимнихъ и лѣтнихъ, столовыхъ (diaeta или coenatiuncula) ([109]). Въ Авитакумѣ, широкія ступени вели изъ столовой въ портикъ, гдѣ гость въ промежутокъ обѣда могъ любоваться видомъ озера, не

---

(103) Carm. XXII v. 163.
(104) Ibid. vers. 200.
(105) Epist. l. II, 2.
(106) Sid. Epist. II, 2.
(107 Sid. Carm. XXII.
(108) Sid. Epist. II. 9.
(109) Sid. II. 2.

оставляя почти своихъ собесѣдниковъ ([110]). Говорится о спальняхъ (dormitorium cubiculum), о сакраріумѣ и т. д. Статуи, картины, мраморы украшали комнаты богатыхъ Галло-римлянъ ([111]). Мы упомянули о библіотекахъ. У Сидонія мы встрѣчаемъ частыя указанія, изъ которыхъ можно заключить, что библіотека составляла почти необходимую принадлежность каждой виллы ([112]). Описывая Прузіанскую виллу Тонанція Ферреола, Сидоній входитъ въ любопытныя подробности объ устройствѣ библіотеки владѣльца. Она дѣлилась на три части. Книги, расположенныя подлѣ креселъ, предназначенныхъ для женщинъ, были исключительно религіознаго содержанія. Часть библіотеки, состоявшая изъ серьезныхъ произведеній языческой литературы Греціи и Рима, назначалась для мужчинъ. Наконецъ третій отдѣлъ состоялъ изъ книгъ духовнаго и свѣтскаго содержанія, читавшихся безразлично и мущинами и женщинами. Здѣсь встрѣчались творенія бл. Августина, рядомъ съ Гораціемъ и Варрономъ, Оригенъ, въ переводѣ Руфина, вмѣстѣ съ Пруденціемъ ([113]). Октавіанская вилла Консенція, не далеко отъ Нарбонны, могла похвалиться обширною и прекрасно составленною библіотекою. Есть указанія на музеи, находившіеся при виллахъ. Около господскаго дома или въ связи съ нимъ помѣщались хозяйственныя постройки ([114]). Галло-римскіе господа любили, что-

---

(110) Quo loci recumbens, si quid inter edendum vacas, prospiciendi voluptatibus occuparis. I II, 2.

(111) Sid. Carm. XXIII in fine.

(112) См. Sid. Carm. XXII, XXIV epistol I. II, 9—VIII, 4 и многія другія.

(113) Sid. I. II, 9.

(114) Apotheca, penusque. Carm. XXII v. 219, cella penuaria, textrinum. Epist. II, 2. Огромныя житницы въ замкѣ Леонція. Carm. XXII.

бы все нужное для дома приготовлялось ихъ собственными мастеровыми и среди многочисленной прислуги были не только рабочіе, но и художники ([115]). Не забудемъ одной характеристической особенности деревенскихъ жилищъ IV и V вѣковъ. Роскошныя виллы, расположенныя на смѣющихся мѣстоположеніяхъ средней и южной Франціи, были обнесены стѣнами и многія могли выдержать осаду въ случаѣ необходимости. Высокія стѣны и башни, не боящіяся осадныхъ машинъ, окружали жилище Леонція ([116]). Безпечная жизнь Галльскихъ вельможъ невольно должна была окружать себя предосторожностями. Толпы варваровъ бродили по Галліи и защитники Римской Имперіи мало чѣмъ отличались отъ непріятелей. Ограбить имѣніе, перебить служителей было для нихъ дѣломъ обыкновеннымъ ([117]). Багоды въ своихъ опустошительныхъ возстаніяхъ прежде всего обращались на помѣстья и загородныя виллы, гдѣ имъ представлялась болѣе легкая добыча, нежели въ городахъ, защищенныхъ стѣнами, и гдѣ кромѣ того обитали ихъ ближайшіе и опаснѣйшіе враги, главныя орудія невыносимыхъ притѣсненій фиска. Во второй половинѣ V вѣка, мы уже не встрѣчаемъ въ Галліи большихъ возстаній баго-

---

(115) Et diversae artis cito jussu explere periti
Artifices.
Eucharisticon Deo.

(116) .... ambiet altis
Mœnibus, et celsæ transmittent aëra turres;
.... non illos machina muros,
Non aries, non alta strues, vel proximus agger,
Non quæ stridentes torquet catapulta molares,
Sed nec testudo, nec vinea, nec rota currens,
Jam positis scalis, unquam quassare valebunt.
Sid. Carm. XXII v. 118.

(117) См. панегирикъ Авиту v. 245 и слѣд.

довъ, но частные грабежи болѣе чѣмъ когда-нибудь не были рѣдкостію. Шайки разбойниковъ нападали на деревни, уводили людей и продавали въ рабство. Населеніе Галліи звало ихъ именемъ варговъ — словомъ, безразлично употреблявшимся у Германскихъ и Скандинавскихъ народовъ въ значеніи хищнаго звѣря (werg-волкъ) , разбойника и отверженника общества ([118]). Время было такое, что стѣны и башни не были только украшеніемъ виллы, а одною изъ необходимостей. Къ V вѣку относится начало многихъ замковъ южной Франціи. Недалеко отъ деревни Дромонъ, въ верхнемъ Провансѣ, еще сохранилась надпись съ именемъ Дардана , указывающая мѣсто сильной крѣпости. Пользовались остатками древнихъ, еще Кельтскихъ, укрѣпленій, строили новыя въ горахъ, гдѣ самая мѣстность способствовала устройству убѣжищъ на случай опасности. Многочисленность горныхъ укрѣпленій, принадлежавшихъ Овернцу Авру, могла затруднить владѣльца въ выборѣ ([119]). Загородная вилла мало по малу обращалась въ рыцарскій замокъ. Въ VI столѣтіи мы увидимъ, какъ начинаютъ окружаться стѣнами не только дома богатыхъ вельможъ, но церкви и монастыри ([120]). Жизнь становилась трудною и опасною внѣ укрѣпленій, теряла подъ вліяніемъ обстоятельствъ непри-

---

(118) Сидоній, разсказывая о похищеніи одной женщины разбойниками, прибавляетъ: Quam forte Vargorum (hoc enim nomine indigenos latrunculos nuncupant) superventus abstraxerat Sid. l. VI, ep IV.

(119) An fortasse sedes montana circum castella, et in eligenda sede perfugii, quamdam pateris ex munitionum frequentia difficultatem ? l. V. 14.

(120) Et prope castellum haec casa sola fecit, говоритъ Фортунатъ о домѣ Епископа Нинетія, окруженномъ стѣною и 30 башнями.

нужденныя и своеправныя формы. Въ V вѣкѣ еще вся внѣшность носитъ на себѣ исключительный характеръ римскаго быта и римской образованности; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи начинаютъ уже выказываться начала новаго порядка вещей, которому суждено было навсегда упразднить старый, уже не совмѣстный съ потребностями и духомъ времени. Роскошная вилла Леонція съ крѣпостію подлѣ термъ можетъ служить лучшимъ представителемъ характера того времени. Расписные портики, термы, украшенныя статуями и колоннами, поникнутъ въ развалинахъ; но крѣпость, занимавшая второстепенное мѣсто въ планахъ строителя, доживетъ до XVII вѣка, сохранивъ прежнее имя (Burgus Leontii-le Bourg XVII столѣтія), хотя и мѣняя свой видъ вмѣстѣ съ образомъ жизни своихъ владѣтелей. Въ варварской номенклатурѣ средневѣковыхъ замковъ еще слышится иногда изысканное названіе первоначальнаго жилища, хотя въ Théouls XII и XIII столѣтій и трудно подозрѣвать Теополисъ Дардана.

Мы видѣли жилище богатыхъ Галло-римлянъ V вѣка: посмотримъ, какъ проходила жизнь въ стѣнахъ его. Первый вопросъ, невольно представляющійся, есть вопросъ объ образѣ жизни обитательницъ этихъ виллъ и бурговъ. Судьба ея лучше всего даетъ понятіе объ общемъ характерѣ жизни извѣстнаго времени. На ней рельефнѣе выступаютъ главныя особенности, характеризующія ту или другую эпоху историческаго развитія народа. Болѣе воспріимчивая по натурѣ, женщина полнѣе отражаетъ въ своей жизни нравственныя достоинства и недостатки своего времени; на ней всего замѣтнѣе паденіе нравственнаго чувства, въ ней же мы найдемъ и благороднѣйшіе порывы, лучшую сторону человѣческой натуры въ самомъ полномъ ея проявленіи. Однимъ словомъ, своею жизнію женщина всего лучше можетъ

представить намъ всѣ степени паденія и возвышенія нравственной стороны извѣстнаго времени. У Сидонія, съ такою полнотою изображающаго жизнь высшаго общества, мы находимъ мало подробностей о положеніи женщины. Даже немногія, мимоходомъ оброненныя указанія, такъ не опредѣленны и безцвѣтны, что нѣтъ возможности вывесть какое нибудь положительное и вѣрное заключеніе. Онъ представляетъ намъ благородную Галло-римлянку, занимающуюся рукодѣльемъ во внутренней половинѣ дома, въ комнатѣ, украшенной картинами библейской исторіи ([121]). Въ ея распоряженіи библіотека, наполненная книгами религіознаго содержанія. Та часть библіотеки мужа, доступъ къ которой не совершенно возбраненъ ей, заключаетъ въ себѣ избранныя сочиненія древней литературы ([122]). Есть указанія на существованія гинекеевъ, женской половины ([123]). Нѣтъ причинъ думать, что она осуждена на теремное заключеніе: мы находимъ ее въ обществѣ мужчинъ; но, въ тоже время, ея присутствіе тамъ почти незамѣтно. Самое молчаніе Сидонія, малочисленность или безцвѣтность указаній лучше всего говоритъ намъ, что она не занимала виднаго мѣста въ обществѣ, что ея присутствіе тамъ не считалось необходимостію, а развѣ только терпѣлось. Мы собрали почти все, что находится въ письмахъ и стихотвореніяхъ Сидонія. Если ограничиться только этимъ, можно вывести заключеніе объ однообразной, почти исключительно посвященной домашнимъ и семейнымъ занятіямъ, жизни Галло-римлянки V вѣка. Можно подумать, что, создавъ себѣ исключительное положеніе, очер-

---

(121) Sid. Carm. XXII.
(122) Sid. l. II, 9.
(123) Sid. l. II, 2.

тивъ себя тѣснымъ кругомъ семейныхъ обязанностей, она устранила себя отъ вліянія окружавшей ее дѣйствительности и жила жизнію существенно отличною отъ жизни мужской половины общества, правда болѣе скучною и монотонною, но за то болѣе серьезною. Къ сожалѣнію, другія современныя свидѣтельства дѣлаютъ этотъ выводъ слишкомъ поспѣшнымъ. Если Сидоній, описывая полуязыческіе нравы современнаго общества, не обратилъ вниманія на положеніе женщины, только необыкновенными порывами прекраснаго или порочнаго увлеченія заставлявшей говорить о себѣ; за то другіе, взглянувшіе на жизнь съ точки зрѣнія христіанской нравственности, дали намъ возможность поближе всмотрѣться въ черты галло-римской матроны V вѣка. Мы не можемъ заподозрить вѣрности изображеній, не смотря на то, что имѣемъ дѣло большею частію съ риторами, для общаго эффекта картины, быть можетъ, пролагавшими тѣни ярче, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности. Рядомъ съ преувеличенными, быть можетъ, изображеніями Сальвіана и Марія Виктора, мы находимъ совершенно согласное въ общихъ чертахъ показаніе Евхаристикона Павлина, искренности и простоты котораго еще никто не подвергалъ сомнѣнію. Незавидное положеніе женщины въ обществѣ, о которомъ мы заключили изъ немногихъ указаній, а главное изъ молчанія Сидонія, подтверждается прямыми свидѣтельствами другихъ современниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ становится несомнѣннымъ, что женщина V вѣка, послушно слѣдуя общему направленію, не ушла и отъ его гибельнаго вліянія. Мелочныя занятія, мелочныя интриги охватили ее со всѣхъ сторонъ и, мало по малу, сдѣлали изъ нея то безцвѣтное, лишенное всякой выразительности, существо, предъ которымъ не остановился Сидоній, съ такою жадностію описывавшій все, что попадалось

подъ руку, и на которое указываютъ христіанскіе сатирики только за тѣмъ, чтобы полнѣе выставить на свѣтъ нравственную порчу своего времени. Мрачными красками изображаетъ Сальвіанъ Марсельскій жалкое положеніе женщины въ ея семейномъ быту ([124]). «Кто изъ знатныхъ и богатыхъ, говоритъ онъ, не «погруженъ въ тину разврата, кто сохранилъ супружескую вѣрность и не унизилъ жены до положенія служанки? Святость брака уничтожена до такой степени, что презрѣннѣе всѣхъ въ глазахъ мужа «и собственномъ жилищѣ кажется та, кого званіе «супруги должно бы поставить на первое мѣсто. «Скажутъ, что я не вполнѣ справедливъ, потому «что матери семействъ сохранили еще права свои «и хозяйка дома пользуется почетомъ и властію. «Да, многія еще сохранили неприкосновенно права «госпожи, едва ли одна сберегла права супруги.... «Едва ли многимъ стоитъ выше благородная матрона надъ своими служанками, если должна дѣлить «съ ними ласки мужа». Не будемъ переводить далѣе. Напрасно Форіель предостерегаетъ насъ отъ излишней довѣрчивости къ этому знаменитому мѣсту Сальвіана ([125]). Риторская оболочка не можетъ навести сомнѣнія на вѣрность самой сущности, когда жалобы и упреки марсельскаго священника вполнѣ подтверждаются другими свидѣтельствами. «Скорѣе «влажная ночь скроетъ во мракѣ день, пишетъ Марій Викторъ къ Аббату Салмону, чѣмъ я буду въ «состояніи въ бѣгломъ очеркѣ изобразить нравы женщинъ» ([126]). Описавъ страсть къ нарядамъ, плотныя

---

(124) Salviani de Gubernatione Dei. Biblioth. Max. Patrum, t. VIII, p. 369.

(125) Fauriel. Histoire de la Gaule Méridionale, 1, 397.

(126) Claudii Marii Victoris de perversis suae aetatis moribus,

ткани, залитыя золотомъ, шерстяныя и шелковыя одежды, драгоцѣнные камни, купленные цѣною цѣлыхъ помѣстій, кокетство и средства для поддержанія или замѣненія прирожденной красоты, Марій Викторъ задаетъ вопросъ: кто же виноватъ въ томъ, что женщина его времени вся поглотилась этими мелочными, не стоющими ея интересами, добровольно промѣняла достоинство супруги, окруженной ореоломъ нравственной чистоты, на роль записной прелестницы? «Не мы ли постыднымъ образомъ, говоритъ онъ ([127]), подливаемъ масло въ огонь, не на насъ ли лежитъ главная отвѣтственность? Какъ блестящее зеркало отражаетъ, находящіеся предъ нимъ, образы, такъ женщина послушно слѣдуетъ примѣру мужчины. Да и какъ не найти ей наслажденія въ этомъ образѣ жизни, когда порочная супруга нравится безразсудному мужу?» Положимъ что это сатира, что Марій Викторъ, бывшій долго преподавателемъ риторики въ Марсельской школѣ, невольно поддался обычному преувеличенію школьныхъ декламацій; мы найдемъ еще свидѣтельства, заслуживающія полное довѣріе и говорящія въ тоже время и о незавидномъ положеніи женщинъ, и объ утратѣ ею вмѣстѣ съ значеніемъ и нравственнаго достоинства. Принося покаяніе въ увлеченіяхъ молодости, Павлинъ ставитъ себѣ въ нѣкоторую

---

epistola ad Salmonem Abbatem. Biblioth. Max. Patrum, t. VIII p. 428.

(127) Non horum nos causae sumus, nos turpiter istis
Nutrimenta damus flammis: Culpa ne caremus?
Nam velut acceptas referunt specula optima formas,
Sic exempla virum uxores accepta sequuntur.
Sed cur infelix in culpa est faemina tantum
Cum placet stolido conjunx vitiosa marito.
Ibid.

заслугу, что онъ старался сдерживать свои страсти, что онъ не прибѣгалъ къ насилію и нарушенію правъ другаго, что даже не поддавался многочисленнымъ искушеніямъ со стороны женщинъ свободнаго состоянія, добровольно спѣшившихъ на встрѣчу его желаніямъ, а довольствовался красотами, которыхъ могъ найти среди домашней прислуги ([128]). Согласіе этихъ показаній, къ которымъ можно бы прибавить много другихъ, выбранныхъ преимущественно изъ сочиненій христіанскихъ писателей, сильно говоритъ о нравственномъ паденіи женщины. Были конечно исключенія. Самый строгій обличитель пороковъ своего времени, Сальвіанъ считаетъ необходимымъ сдѣлать эту оговорку ([129]); но эти исключенія только рѣзче оттѣняютъ господствующее направленіе. Не надобно забывать, что мы имѣемъ въ виду исключительно жизнь высшихъ слоевъ общества. Христіанство совершенно измѣнило положеніе женщины, снявъ съ нея тяготѣвшее до тѣхъ поръ вѣчное несовершеннолѣтіе, поставивъ ее не только въ уровень съ мужчиной, во многихъ отношеніяхъ даже выше. Бракъ и отношенія супруговъ, принадлежавшіе въ понятіяхъ древнихъ къ кругу гражданскихъ обязательствъ, для христіанъ были таинствомъ. Супружеская жизнь имѣла

---

(128) Paulini Eucharisticon Deo. Bibliothèque Latine française, въ приложеніи къ Авзонію I v. p. 360.

Attamen in quantum lasciva licentia cauto
Stricta coërcere potuit moderamine freni,
Congererem graviora meis ne crimina culpis,
Hac mea castigans lege incentiva repressi,
Invitam ne quando ullam iurisve alieni
Appeterem, earumque memor servare pudorem,
Cedere et ingenuis oblatis sponte caverem,
Contentus domus illecebris famulantibus uti.

(129) Loco citato.

цѣлію не одно доставленіе гражданъ государству, не одно удовлетвореніе потребностямъ физической природы человѣка — это былъ таинственный союзъ душъ для взаимнаго усовершенствованія. Единеніе супруговъ не нарушается даже смертію одного изъ нихъ и церковь разрѣшаетъ вторые браки только какъ уступку человѣческой слабости. Подъ вліяніемъ христіанскихъ идей смягчились и измѣнились суровыя постановленія римскаго права, державшія женщину подъ постоянной опекой. Въ слѣдствіе того же вліянія, законъ впервые сталъ смотрѣть какъ на преступленія на незаконныя связи мужа и на посѣщеніе лупанаровъ; тогда какъ до сихъ поръ только женщина должна была строго хранить чистоту супружеской жизни. Постепенными измѣненіями въ законодательствѣ освобождалась женщина отъ вѣчнаго несовершеннолѣтія и зависимости, вступая во всѣ гражданскія права, бывшія до сихъ поръ исключительною принадлежностію мужчины. Христіанство, возвысивъ женщину въ ея семейномъ быту, сняло съ нея и юридическое неполноправіе (130). Но законодательство безсильно измѣнить нравы; оно напрасно будетъ пытаться проникнуть въ частную, домашнюю жизнь человѣка и опредѣлить его свободныя, задушевныя отношенія. Въ этой средѣ оно можетъ дѣйствовать только посредственно и должно отказаться отъ прямаго вторженія въ область, не подлежащую его вѣдѣнію. Тамъ, куда не проникли еще глубоко христіанскія идеи, гдѣ общество въ основаніи еще было

---

(130) См. Schmidt. Essai historique sur la société civile et sur sa transformation par le christianisme. 1853. Livre 1, Chap. II, § 1; l. II, chap. III § 1; l III, chap. IV, § 2 et chap. V, § 2.

языческимъ, женщина оставалась въ томъ незавидномъ положеніи, какое занимала она въ древнемъ мірѣ. Языческое богослуженіе было запрещено закономъ и послѣдніе чтители Юпитера и Аполлона должны были обратиться въ христіанство. Но, отказываясь отъ языческихъ жертвоприношеній, новообращенные не такъ легко отрекались отъ понятій, привычекъ и нравовъ прежняго времени. Послѣдніе, запоздалые ревнители язычества почти всѣ принадлежали или къ самымъ стариннымъ аристократическимъ фамиліямъ Рима и провинцій, у которыхъ древній культъ тѣсно связывался и съ образованіемъ, и съ фамильными преданіями, и съ образомъ жизни, или къ самому низшему, темному классу, гдѣ съ неменьшимъ упорствомъ держались за суевѣрія. Одержавъ довольно легкую побѣду надъ языческой религіей, давно уже утратившей власть надъ избранными умами, потушивъ огонь Весты и вынеся статую побѣды изъ Сената, Христіанство должно было вытѣснить язычество изъ его послѣдняго убѣжища, преслѣдовать его остатки въ правахъ, понятіяхъ и привычкахъ; а здѣсь встрѣчалось сопротивленіе болѣе упорное. Средніе классы общества уже покорились совершенно христіанскимъ понятіямъ, но на двухъ противуположныхъ оконечностяхъ преобразованіе далеко не было полнымъ. Высшее образованіе и темное невѣжество соединенными силами оспаривали побѣду. Во многихъ мѣстахъ Галліи простой народъ еще приносилъ жертвы, не смотря на строгіе эдикты ([131]). Нравы и образъ жизни

(131) Въ VI вѣкѣ въ области Трира статуя Діаны еще пользовалась поклоненіемъ. Reperi tamen hic Dianae simulacrum, quod populus hic incredulus quasi Deum adorabat. Gregor. Tur. Hist. Eccles. Francor. VIII, 15. Въ самомъ Римѣ праздновались еще Луперкаліи при императорѣ Анѳеміѣ.

высшаго сословія были проникнуты языческой старшой. Какъ ни высоко поставила Церковь таинство брака, какими ручательствами ни окружило законодательство права женщины, въ высшихъ слояхъ общества она стояла на той же степени нравственнаго униженія, какъ и въ послѣднее время республики. Въ своихъ собственныхъ глазахъ, точно такъ какъ и въ понятіяхъ всѣхъ ее окружающихъ, она возвысилась очень мало. До того еще сильны были прежнія понятія, что въ кодексѣ Ѳеодосія рядомъ съ многочисленными постановленіями, имѣющими цѣлію придать браку его христіанское значеніе, мы находимъ юридическое признаніе гражданскаго брака, недостаточнаго и незаконнаго въ глазахъ церкви. Бракъ былъ дѣломъ разсчета, его заключали изъ выгодъ, а не вслѣдствіе взаимной любви и согласія, которыхъ такъ настоятельно требуетъ церковь ([132]). Конкубинатъ, не окончательно еще уничтоженный и въ законодательствѣ, крѣпко держался въ нравахъ высшаго сословія. Отсылаемъ читателя къ IV книгѣ Сальвіана, изъ которой видно, какъ легко смотрѣли знатные Галло-римляне на святость супружескихъ обязанностей ([133]). До тѣхъ поръ, какъ еще не совер-

---

(132) Paulini Eucharisticon Deo.

(133) Salviani De Gubern. Dei IV Bibl. Max. Patr. VIII, 353. Cui non domus ac familia sua scortum sit?... Nam de concubinis quippiam dici forsitan etiam injustum esse videatur: quia hoc in comparatione supradictorum flagitiorum *quasi genus est castitatis, uxoribus paucis esse contentum, et intra certum conjugum numerum fraenum libidinum continere*. Conjugum dixi; quia ad tantam res impudentiam venit, ut ancillas suas multi uxores putent: atque utinam sicut putantur esse quasi conjuges, ita solae haberentur uxores. Illud magis tetrum ac detestabile, quod quidam matrimonia honorata sortiti, alias sibi rursum servilis status conjuges sumunt: deformantes sancti connubii honorem, per degeneris contubernii utilitatem; non erubescentes maritos se fieri ancillarum suarum, praecipitantes fas-

шлось нравственное перевоспитаніе высшаго общества, женщина не могла получить въ немъ мѣста, принадлежавшаго ей и по законамъ послѣднихъ императоровъ, и по ученію церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могла подняться и въ нравственномъ отношеніи. Соображая всѣ обстоятельства, мы не найдемъ преувеличенія въ изображеніяхъ Сальвіана и Марія Виктора, если будемъ относить ихъ не ко всему населенію Галліи, а только къ высшимъ классамъ общества. Зная характеръ этого общества, трудно представить себѣ положеніе женщины иначе, какъ представляютъ его христіанскіе сатирики. Если мы встрѣтимся съ представительницами христіанскаго типа женщины, то должно предупредить заранѣе, что ихъ окружаютъ люди, уже отрекшіеся отъ языческихъ преданій.

Послѣ этого довольно длиннаго отступленія, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію жизни высшаго общества, разумѣя исключительно мужескую его половину.

День начинался очень рано. Послѣ молитвы дома или въ церкви дѣлали визиты къ сосѣдямъ, кончавшіеся впрочемъ не позже 4 часовъ т. е. по нашему счету, въ 10 часовъ утра ([134]). Люди занятые дѣломъ проводили утро въ библіотекѣ. Здѣсь писались тѣ ямбы и округленные эндекасиллабы, которые составляли наслажденіе высшаго общества и иногда становились на нѣкоторое время любимыми пѣснями цѣлыхъ провинцій ([135]). Здѣсь читались сочиненія

---

tigia nobilium matrimoniorum, in cubilia obscoena servarum, digni prorsus etiam illarum statu, quarum se putant dignos esse consortio et caet.

(134) Hinc nos ad propriam domum vocabas,
Cum mane exieret novum et calescens
Horam sol dabat alteram secundam. Sid. Carm. XXIII v. 487.

(135) Sid. Epist. l. VIII, 4.

древнихъ о сельскомъ хозяйствѣ и архитектурѣ ([136]), приготовлялись судебныя рѣчи и письма къ друзьямъ, предназначавшіяся впрочемъ, быть можетъ, болѣе для публики, чѣмъ для лицъ, къ которымъ были адресованы. Въ библіотекѣ подготовлялись застольныя остроты и матеріалы для легкихъ, не смотря на ихъ кажущуюся дѣльность, разговоровъ во время обѣда ([137]). Въ вестибулѣ играли въ кости или въ мячь ([138]). Послѣдняя игра была любимымъ упражненіемъ Галло-римлянъ. Ею занимались самые важные люди, и Сидоній рисуетъ намъ живую и оригинальную картину игры въ мячь въ Ліонѣ, въ день Св. Юста, на разстояніи перелета стрѣлы отъ церкви и въ промежутокъ времени между заутреней и обѣдней. Епископъ Сидоній, любившій эту игру, по собственнымъ его словамъ, столько же какъ и книги, первый подаетъ примѣръ, а старикъ Филиманій, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ по краснорѣчію адвокатовъ, бывшій совѣтникомъ префекта преторіи, съ юношескою живостію бросаетъ мячь и падаетъ на бѣгу, стараясь избѣгнуть ударовъ ([139]). Эта игра требовала большой ловкости и искусства, и на нее смотрѣли какъ на одно изъ самыхъ полезныхъ гимнастическихъ упражненій. Большія дѣти, увлекавшіяся ею, нарочно выписывали изъ Рима эластическіе, золоченые мячи ([140]). Утромъ же посѣщали и купальни ([141]). Обѣдъ былъ ранній, въ 5-мъ часу дня; опъ

---

(136) Epist. VIII, 6.
(137) Sid. Epist. 11, 9.
(138) Ibid.
(139) Epist. V, 17.
(140) Romana et nuper ab urbe petita
Aurata instrueret nostrum sphaera concita ludum.
Eucharisticon Deo.
(141) Carm. XXIII vers. 495 et seqq.

былъ обиленъ, но не продолжителенъ и скорѣй походилъ на завтракъ. За стаканомъ вина сыпались остроты, разсказывались анекдоты; дѣльная мысль допускалась не иначе какъ въ легкой формѣ, пополамъ съ шуткой ([142]). Тамъ, гдѣ изъ столовой былъ выходъ въ портикъ, иногда выходили изъ-за стола, чтобы, лежа въ тѣни, любоваться красотами природы, не теряя изъ виду обѣдающихъ и участвуя въ ихъ разговорахъ ([143]). Послѣ обѣда слѣдовалъ непродолжительный сонъ; а тамъ верховой ѣздой и прогулками приготовлялись къ ужину, самому важному дѣйствію ежедневной жизни ([144]). Гастрономическія наслажденія имѣли слишкомъ много цѣны въ глазахъ галло-римскаго общества. «Что можетъ тебя задерживать, пишетъ Сидоній къ Тригенію, приглашая его пріѣхать въ Бордо ([145]), «зачѣмъ ты медлишь? «Мнѣ кажется, что земляная улитка со своимъ «жилищемъ явилась бы сюда скорѣе, чѣмъ ты. А «между тѣмъ, у тебя обильный запасъ всякаго рода «великолѣпныхъ вещей; только была бы рѣшимость «потратиться. Пріѣзжай отъѣдаться или откармливать «насъ, а всего лучше за тѣмъ и за другимъ. Пріѣзжай «съ твоей средоземной провизіей, чтобы сразиться и «побѣдить этихъ хлѣбосоловъ Медока. Пусть рыба «Адура заставитъ презирать головлей Гаронны и

---

(142) Prandebamus breviter, copiose, senatorium ad morem, quo insitum institutumque, multas epulas paucis paropsidibus apponi. Inter bibendum narratiunculae quorum cognitu hilariremur institueremurque quia eas bifariam orditas laetitia, peritiaque comitabantur. Ep. 11, 9.

(143) Sd. Epist. 11, 2.

(144) Excusso torpore meridiano, paulisper equitabamus, quo facilius pectora marcida cibis caenatoriae fami exacueremus. Sid. l. 11, ep. 9.

(145) Sid. Epist. VIII, 12.

«толпа презрѣнныхъ раковъ уступитъ мѣсто Лам-«пурдскимъ лёкустамъ (locusta,—langoustes). Ты мо-«жешь помѣряться силами со всѣми въ этомъ родѣ «борьбы; но если захочешь послѣдовать моему со-«вѣту (а не мѣшаетъ вѣрить опытности), — ты от-«странишь отъ этого состязанія нашего Сенатора, «моего хозяина, потому что, попавъ къ нему на «ужинъ, ты вспомнишь пиры Клеопатры и поди-«вишься великолѣпно помѣщенія». Самъ Сидоній без-престанно выказываетъ свои гастрономическія на-клонности. Будучи уже Епископомъ, онъ признается своему другу, что не отказываясь послѣдовать его примѣру, если бы тому вздумалось поститься черезъ день, онъ навѣрное не останется назади, когда дѣло коснется обѣда. Въ этомъ отношеніи, онъ напоми-наетъ своего предшественника Авзонія, пишущаго трактатъ о сравнительныхъ достоинствахъ устрицъ различныхъ мѣстностей ([146]), и еще болѣе своего по-слѣдователя Фортуната, котораго такъ баловали ла-комствами обитательницы монастыря Радегунды. Не будемъ думать однакожь, что одно только удовлетво-реніе потребностямъ и прихотямъ желудка прида-вало ужину такое значеніе. Пѣніе, импровизація, музыка, пантомимы (saltationes) были необходимыми условіями каждаго званаго ужина; а богатый Галло-римлянинъ не любилъ ужинать только въ кругу сво-его семейства.

Никто лучше Сидонія не можетъ намъ представить картины римскаго вечера. Тутъ онъ въ своей сферѣ и съ любовію останавливается на малѣйшихъ подробностяхъ. Самый слогъ его, иногда непріятно поражающій своею несоотвѣтственностію съ пред-метомъ, въ этихъ описаніяхъ удивительно гармони-руетъ съ содержаніемъ разсказа. Непринужденная,

(146) Ausonii Epistola IX ad Paulum Rhetorem.

ничѣмъ не возмущаемая веселость, безпрестанныя остроты, картинныя описанія, игра словъ и мыслей, полное увлеченіе настоящей минутой,—невольно переносятъ воображеніе читателя въ роскошную столовую, среди пирующихъ гостей. — Майоріанъ созвалъ въ Арль, центръ управленія Галліи, депутатовъ отъ провинцій и важнѣйшихъ сановниковъ. Нужно было устроить дѣла въ Галліи, гдѣ еще такъ недавно подавлено было возстаніе, и сдѣлать послѣднія распоряженія для экспедиціи въ Африку, чтобы уничтожить самый притонъ Вандаловъ, безнаказанно опустошавшихъ берега Средиземнаго моря. Двойной Арль, Римъ въ маломъ видѣ Галліи, какъ называетъ его Авзоній ([147]), Арль, прославленный стихами поэтовъ и прозою императорскихъ эдиктовъ ([148]), оживился еще болѣе присутствіемъ императорскаго двора. Вслѣдъ за военными и гражданскими сановниками, собранными для совѣщанія о дѣлахъ государственныхъ, явились блестящіе представители галльской молодежи, поэты, ораторы. Серьезныя конференціи мѣнялись съ пирами и зрѣлищами. За ужиномъ во дворцѣ читались импровизаціи и вопросъ о неизвѣстномъ сатирикѣ, стихотвореніе котораго переходило изъ рукъ въ руки, занималъ жителей Арля едва ли не также сильно, какъ и толки объ африканской экспедиціи ([149]). Избранное общество собралось въ роскошномъ жилищѣ одного изъ богатыхъ гражданъ. Сидоній нѣсколько дней тому назадъ пировалъ на маленькомъ вечерѣ у Майоріана вмѣстѣ съ первыми сановниками Галліи.

---

(147) Pande, duplex Arelate, tuos blanda hospita portus,
Gallula Roma Arelas....
Auson. edit. Panckoucke 1, 242. Clarae urbes VIII.

(148) Эдиктъ Гонорія 418 года.

(149) Sidon. Epist. l. I, 11.

Не болѣе какъ comes въ это время, онъ возлежалъ послѣдній съ правой стороны полукруглаго ложа, покрытаго пурпуромъ, и принужденъ былъ уступить первыя мѣста болѣе почетнымъ гостямъ, консулу этого года, консулярамъ и префектамъ; но за то нужно было видѣть, какъ бросился къ нему на шею консулъ тотчасъ послѣ обѣда, какъ крѣпко пожималъ ему руку префектъ преторіи. Майоріанъ удостоилъ за обѣдомъ переброситься съ нимъ нѣсколькими остротами и двустишіе, сказанное графомъ Сидоніемъ, возбудило громкія рукоплесканія, покрывъ стыдомъ Пеонія, хотѣвшаго было заподозрить нашего поэта въ сочиненіи сатиры противъ правительства ([150]). На вечеръ къ неизвѣстному намъ амфитріону явился Сидоній не въ качествѣ сановника: ужинъ былъ по преимуществу литературный. Прославленые поэты Галліи, вызванные въ Арль Майоріаномъ, собрались за столомъ радушнаго хозяина ([151]). Кромѣ Сидонія, здѣсь возлежалъ Домнулъ, родомъ изъ Африки, поселившійся въ Галліи около 440 года и бывшій квесторомъ Имперіи, кажется, въ 461 году ([152]). Домнулъ занимался философіей ([153]); но особенно славился своими стихотвореніями; каламбуромъ, не обличающимъ большаго вкуса, Сидоній даетъ замѣтить, что по гладкости и обдѣлкѣ стиха, Домнулъ стоялъ выше его ([154]); а это большая похвала со стороны литератора того времени. Тутъ же были: Северіанъ, риторъ, не уступавшій Квинтиліану ([155]), поэтъ съ одинаковою легкостію писавшій

(150) Ibid. Объ исторіи съ Пеоніемъ см. ниже.
(151) Sid. Epist. l. VIII, 13.
(152) Histoire Litter. de France II, 508.
(153) Sid. Carm. XIV.
(154) Afer; vaferque Domnulus politius.
Sid. Epist. l. IX, 15.
(155) Sid. Carm. IX, v. 313.

на латинскомъ и греческомъ языкахъ свои возвышенныя стихотворенія ([156]), и наконецъ Ламиридій, самый знаменитый изъ поэтовъ Галліи, уступавшій, по мнѣнію Сидонія, развѣ одному Леону Нарбонскому. Ламиридій, ораторъ бордосской школы, былъ особенно друженъ съ Сидоніемъ. Въ его домѣ останавливался владѣлецъ Авитакума, когда пріѣзжалъ въ Бордо. Въ дружеской перепискѣ въ стихахъ и прозѣ, они перебрасывались именами Феба и Орфея ([157]) и Клермонтскій Епископъ оплакалъ смерть Ламиридія, удавленнаго въ 479 году собственными рабами въ то самое время, какъ это было предсказано ему африканскими звѣздочетами. Въ письмѣ къ Лупу Сидоній оставилъ подробную характеристику Ламиридія какъ человѣка и писателя ([158]). Добрый по натурѣ, бордосскій поэтъ безпрестанно увлекался живостію своего характера. Пустяки могли тотчасъ раздражить его. Непостоянный и легкомысленный въ жизни, онъ былъ постояненъ только въ дружбѣ. Безпечный, въ слѣдствіе довѣрчивости, онъ не думалъ, чтобы кто нибудь вздумалъ сдѣлать ему зло, потому что самъ не былъ способенъ вредить другому. Никогда не говорилъ Ламиридій дурнаго о своихъ врагахъ, хотя рѣдкій изъ друзей могъ уйти отъ его, язвительныхъ иногда, насмѣшекъ. Съ перваго раза онъ казался не приступнымъ, хотя былъ очень простъ и привѣтливъ послѣ знакомства. Друзья любили его, не смотря на многочисленные недостатки, и прощали ему его странности. Ламиридій писалъ много, хотя еще болѣе оставалось только задуманнымъ, но не исполненнымъ ([159]). Сидоній весьма по-

(156) Sid. Epist. l. IX, 15.
(157) Sidon. Epist. l. VIII, 11
(158) Ibid.
(159) Scribebat assidue, quanquam frequentius scripturiret. Sid. l. VIII, 2

дробно вычисляетъ достоинства своего друга почти во всѣхъ родахъ поэзіи, сравнивая его съ Гораціемъ и Виргиліемъ въ латинскихъ стихотвореніяхъ и съ Алкеемъ въ греческихъ, потому что Лампридій одинаково владѣлъ тѣмъ и другимъ языкомъ. Такъ какъ до насъ не дошло ни одного сочиненія Бордосскаго поэта, мы можемъ избавить и себя и читателя отъ повторенія длиннаго похвальнаго слова Сидонія. Скажемъ только, что Лампридій читалъ прилежно и съ уваженіемъ сочиненія древнихъ, безъ зависти и осужденія произведенія современниковъ и, что̀ особенно замѣчательно, прибавляетъ Сидоній, едва ли уступалъ собственными достоинствами тѣмъ и другимъ. Какъ ораторъ, въ декламаціяхъ противъ тирановъ, онъ могъ напомнить Цицерона. Не смотря на живость характера, онъ жилъ скромно и не увлекался игрою въ мячь или въ кости. Въ обществѣ былъ Лампридій веселымъ, остроумнымъ собесѣдникомъ. Мы не знаемъ другихъ гостей. Вѣроятно впрочемъ собраніе было не многочисленное: человѣкъ 7 или 9, едва ли болѣе. День склонялся къ вечеру; виномъ и танцами провожались послѣдніе часы его (160). Пурпурныя покрывала на ложахъ скоро обагрятся пролитымъ виномъ. Дорогая мебель и ковры выписаны изъ мастерскихъ Азіи; по стѣнамъ картины представляютъ сцены охоты за хищными звѣрьми и битвы Парѳянъ. Приближается ночь и дымъ отъ аравійскихъ благовоній стремится къ высокой крышѣ; многочисленныя люстры подымаются къ блестящему потолку. Здѣсь не знаютъ масла и клейкаго

---

(160) Peragat diem cadentem
Dape, poculis, choreis
Genialis apparatus.
Sid. Ep. l. IX, 13.

жира и толстобокія лампы наполнены бальзамомъ ([161]). Огромныя корзины наполнены цвѣтами, пахучія гирлянды украшаютъ столъ и ложа; зеленый плющь и виноградныя лозы вьются по бѣлому полотну; розы обвиваютъ треножники и чаши, и вѣнчики цвѣтовъ колышутся надъ алебастровыми сосудами ([162]). Невольники носятъ кушанья, сгибаясь подъ тяжестію чеканеныхъ блюдъ; въ патерахъ и сифахъ фалерское вино смѣшивается съ нардомъ. Предсѣдатель пира (rex convivii) замедлилъ нѣсколько подачу кушанья и одинъ изъ обѣдающихъ вынялъ новую книгу Петра, государственнаго секретаря при Майоріанѣ. Петръ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени, былъ Меценатомъ галльскихъ Гораціевъ и Виргиліевъ. Онъ пользовался довольно большимъ вѣсомъ при дворѣ Май-

---

(161) Arabumque messe pinguis
Petat alta tecta fumus.
Veniente nocte nec non
Numerosus erigatur
Laquearibus coruscis
Cameræ in superna lychnus;
Oleumque nescientes,
Adipesque glutinosos,
Utero tumente fundant
Opobalsamum lucernæ.
Ib.

(162) Cytisos, crocos, amellos,
Casias, ligustra, calthas
Calathi ferant capaces,
Redolentibusque sertis
Abacum, torosque pingant....
Tripodasque cantharosque
Rosa sutilis coronet....
Iuvat ire per corollas
Alabastra ventilantes.
Ibid.

оріана; по его просьбѣ, на примѣръ, Императоръ освободилъ Ліонъ отъ тяготѣвшаго на немъ наказанія за возмущеніе. За то современные поэты и льстили ему безбожно. «Ступай моя книга, пишетъ Сидоній, посылая ему свой панегирикъ Майоріану, знай, что онъ поддержитъ нашу застѣнчивость; а такому цѣнителю, какъ онъ, пріятно даже и не понравиться» ([163]). Сочиненіе Петра было принято съ единодушными похвалами Императоромъ, Сенатомъ, сословіемъ всадниковъ и народомъ Римскимъ, читалось на площадяхъ, въ храмахъ, въ деревняхъ и лагеряхъ. Италія и Галлія встрѣтили его рукоплесканіями и суровые Иберы скоро должны были послѣдовать примѣру Галловъ. Не останавливаясь и въ этихъ предѣлахъ, оно должно было перейти далѣе и распространиться во всѣхъ концахъ свѣта. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ Сидоній ([164]). Неожиданное появленіе книги среди пирующихъ возбудило общую радость. Четыре поэта: Сидоній, Домнулъ, Ламиридій и Северіанъ должны были

---

(163) I liber, hic nostrum tutatur crede pudorem,
Hoc censore etiam displicuisse placet.
Sidon. Carm. III.

(164) Stupuit virum loquentem
Diadematis potestas,
Toga, miles, ordo equester,
Populusque Romularis:
Et adhuc sophos volutant
Fora, templa, rura, castra.
Super hæc, fragorem alumno
Padus, atque civitatum
Dat amor Ligusticarum.
Similis favor resultat
Rhodanitidas per urbes,
Imitabiturque Gallos
Feritas Ibericorum et cæt.
Sid. Epist. IX, 13.

импровизаціей привѣтствовать книгу Петра, такъ кстати явившуюся въ половинѣ ужина. Условились, что каждое стихотвореніе будетъ написано особымъ метромъ, какой достанется по жребію. Это сдѣлано было, какъ замѣчаетъ Сидоній, pro caritate collegii, чтобы дать менѣе повода къ зависти. До насъ дошло только стихотвореніе Сидонія, изъ котораго мы и заимствовали эти подробности. Это стихотвореніе одно изъ самыхъ лучшихъ нашего писателя не смотря на то, что здѣсь мы встрѣчаемъ всѣ его недостатки, тоже множество неупотребительныхъ словъ и неологизмовъ и туже изысканность въ выборѣ выраженій, которая такъ затрудняетъ чтеніе произведеній Сидонія, дѣлая часто почти совершенно непонятнымъ самый смыслъ. Эти недостатки выкупаются частію игривостію метра, легкостію стиха, совершенно французскимъ характеромъ этого живаго и одушевленнаго стихотворенія. «Такъ и хочется, пишетъ Сидоній, предаться танцу, подражая движе-«ніями, одеждой и голосомъ безумнымъ жрицамъ «Вакха. Коринѳъ, омываемый двумя морями, пусть «высылаетъ киѳаристокъ, равно искусныхъ въ сце-«ническихъ и пастушескихъ пѣсняхъ, у которыхъ «пальцы поютъ какъ звонкій голосъ и быстрыми «движеніями смычка потрясаютъ оживленныя стру-«ны. Дайте намъ скважистую трубку, любимую об-«наженными Сатирами; дайте флейтистовъ, у кото-«рыхъ стоналъ бы инструментъ, надуваемый трясу-«щимися щеками. Пусть соединятся, веселость ко-«медіи съ возвышенностію трагедіи, краснорѣчіе и «поэзія. Отпразднуемъ въ кругу друзей свѣтлый пра-«здникъ просвѣщенія ([165]).»

---

(165) Celebremus ergo, fratres,
Pia festa litterarum....
Juvat et vago rotatu

А между тѣмъ, когда шумнымъ пиромъ, подъ звуки застольныхъ пѣсенъ праздновался этотъ праздникъ просвѣщенія въ честь сочиненія Петра, по всей вѣроятности не лучшаго дошедшихъ до насъ произведеній того же времени, Бургунды уже утвердились подъ самыми стѣнами Ліона, родины Сидонія, Галлія только что стихла послѣ волненія, произведеннаго смертію Авита, и развалины Трира, преданнаго въ руки Франковъ Луціемъ, которому хроника даетъ титло сенатора, еще дымились. Спасшіеся отъ меча непріятелей, бродили какъ тѣни среди труповъ и, вѣроятно, много благородныхъ галлоримлянокъ доведено было до той крайности, въ какой мы видимъ родственницу Сальвіана, изъ-за куска хлѣба служившую въ Кельнѣ женамъ варваровъ, поселившихся въ ея же домѣ (166). Для защиты имперіи, за орлами Майоріана шли дикія племена, которыхъ имя едва ли не впервые услы-

---

Dare fracta membra ludo,
Simulare vel trementes
Pede, veste, voce Bacchas.
Bimari remittat urbe
Thymelen, palemque doctas...
Citharistrias Corinthus,
Digiti quibus canentes,
Pariter sonante lingua,
Vice pectinis fatigent
Animata fila pulsu.
Date et aera fistulata,
Satyris amica nudis;
Date et ravulos choraulas et cæt.

Sid. IX, 13.

(166) Tantæ illic inopiæ atque egestatis est, ut ei nec residendi, nec abeundi facultas suppetat... Cum jam non serviat conditione, servit paupertate. Сальвіанъ Bibl. Max. Patrum VIII p. 377. I. Epistola Salviani.

шали Римляне ([167]). Среди пировъ и зрѣлищъ забывалось отчаянное положеніе имперіи. «Галлію наво-«днили орды варваровъ, говоритъ Сальвіанъ ([168]), «неужели вы думаете, что преступленія развращен-«ныхъ Галловъ не тѣже, что и прежде? Въ Испанію «перешли племена Вандаловъ. Чтожъ! измѣнилась «участь Испаніи, но не измѣнилась ея безнравствен-«ность. Подъ стѣнами Цирты и Карѳагена звучитъ «оружіе варваровъ; народъ безумствуетъ въ циркѣ, «развратничаетъ въ театрахъ. Однихъ рѣжутъ на «стѣнахъ, другіе распутствуютъ внутри города. Въ «городѣ и за стѣнами сливаются въ одинъ гулъ «крики битвы и рукоплесканія театра, стоны умира-«ющихъ и крики бѣснующихся. Почти не различишь, «слышенъ ли то послѣдній вопль воиновъ, гибну-«щихъ въ злой сѣчѣ, или это реветъ толпа въ цир-«кѣ.» Зачѣмъ впрочемъ ходить такъ далеко за примѣрами, замѣчаетъ Сальвіанъ и изображаетъ страшную картину Трира, въ четвертый разъ взятаго, разграбленнаго и сожженнаго Франками. «Чтожъ «потомъ? говоритъ онъ, немногіе знатные, пережив-«шіе несчастіе, умоляютъ Императора возобновить «циркъ и представленія; въ этомъ видятъ они луч-«шее средство помочь разрушенному городу. И для «кого, для какого города и какихъ гражданъ тре-«буютъ они театра и цирка? Для вызженнаго и опу-«стошеннаго города, для гражданъ, которые или

(167) . . . . . Bastarna, Suevus
Pannonus, Neurus, Chunnus, Geta, Dacus, Alanus
Bellonothus, Rugus, Burgnudio, *Vesus*, *Alitis*,
Bisalta, Ostrogothus, *Procrustes*, Sarmata, Moschus
Post aquilas venere tuas: tibi militat omnis
Caucasus et Scythicæ potor Tanaiticus undæ.
Sid. Panegyr. Majoriano v. 474—480.

(168) Salviani de gubernat. Dei. VI. Bibl. Max. Patr. VIII. p. 367.

«перебиты, или въ плѣну; или погибли сами, или «носятъ трауръ по погибшимъ. Хотятъ публичныхъ «увеселеній; я спрошу: гдѣ же они будутъ даваться? «Среди грудъ пепла, на костяхъ и крови убитыхъ! «Рыдаютъ остатки несчастнаго народа на могилахъ «погибшихъ братій; а тутъ требуютъ цирка! Черны «обгорѣлыя зданія города; а они уже думаютъ о праз«днествахъ!» Самый страхъ смерти потерялъ свое дѣйствіе; ludebant, ebriebantur, enecabantur по энергическому выраженію Сальвіана. «Знали, что гро«зитъ въ будущемъ и не боялись ([169]). Таково было «грѣховное ослѣпленіе, что тѣ, которые безъ всякаго «сомнѣнія не хотѣли своей гибели, ничего однакожъ «не дѣлали, чтобы отвратить ее. Безпечность и «лѣнь, чревоугодіе и пьянство, какое-то усыпленіе «овладѣло всѣми» и это несчастное направленіе было общимъ для всѣхъ возрастовъ ([170]).—Нельзя конечно принять буквально словъ Сальвіана, но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Марсельскій священникъ вѣрно понялъ состояніе современнаго общества, не пропустилъ безъ вниманія ни одной черты нравственной физіономіи, точно такъ какъ въ своемъ безпощадномъ анализѣ политическаго и административнаго положенія Римской имперіи онъ не обошелъ ни одного злоупотребленія, не оставилъ въ тѣни ни одной аномаліи. Мы можемъ даже позабыть на время существованіе знаменитаго сочиненія Сальвіана, написаннаго съ цѣлью оправдать совершавшійся пере-

---

(169) Prænoscebatur captivitas, nec formidabatur.... Tanta animorum, vel tanta potius peccatorum cæcitas fuit, ut cum absque dubio nullus perire vellet, nullus tamen id ageret ne periret. Totum incuria et segnities, totum negligentia et gula, totum ebrietas et somnilentia possidebant. Salvan. loco citato.

(170) Nihil scilicet inter pueros differre et senes. Una enim scurillitas, una levitas; simul omnia, luxus, potationes, perditiones,

воротъ съ точки зрѣнія христіанскаго ученія о Провидѣніи. Безпечность галлоримскаго общества, его сатурналіи на развалинахъ римской имперіи, отсутствіе сознанія грозившей катастрофы бросается въ глаза всякому, сколько нибудь знакомому съ исторіей и литературой этого времени. Нигдѣ такъ ясно не высказывается это непониманіе своего настоящаго положенія, какъ въ сочиненіяхъ Сидонія. Въ то время, когда идетъ вопросъ о существованіи не только римской имперіи, но и римской образованности, которая могла безвозвратно погибнуть во мракѣ среднихъ вѣковъ, клермонтскій епископъ тщательно пересматриваетъ свою корреспонденцію, отбираетъ и передѣлываетъ лучшія, по его мнѣнію, письма въ полной увѣренности, что онъ работаетъ для потомства ([171]). Почти 20 лѣтъ прошло послѣ того какъ импровизировалъ онъ свою пѣсню въ честь сочиненія Петра на праздникѣ арльскаго Амфитріона; Сидоній былъ уже нѣсколько лѣтъ епископомъ Оверни; геройская, но безполезная защита Клермона показала ясно, въ какія руки перешла окончательно участь Галліи; уничтожилось наконецъ и номинальное существованіе римской имперіи; а Сидоній, только что воротившійся изъ Ливіи, крѣпостцы на испанской границѣ, куда сослалъ его Ейрихъ вестготскій въ наказаніе за послѣднюю вспышку римскаго патріотизма и доблести—Сидоній, только что написавшій панегирикъ въ честь готскаго кунинга, вспоминаетъ о своей импровизаціи съ тѣмъ, чтобы послать ее Тонанціо, а главное, чтобы вмѣстѣ съ разсказомъ о томъ, по какому случаю она

---

cuncta omnes pariter agebant.
Ibid.

(171) См. Epist. l. VIII, 2—VIII, 5,—VIII, 6 и нѣкот. другія.

написана, помѣстить ее въ IX книгу, которою заключилъ онъ собраніе своихъ писемъ, предназначенныхъ передать о немъ память отдаленному потомству ([172]). Не удивительно, что въ это безотрадное время находятся люди, которые способны увлечься веселымъ пиромъ, забыть и то, что окружаетъ ихъ въ настоящемъ и то, чѣмъ грозитъ неумолимое будущее; понятна не только застольная пѣсня Сидонія, но и его четырестишіе о четырехъ рыбахъ, пойманныхъ ночью ([173]), и стихотвореніе о полотенцѣ, которымъ отеръ Филимацій лице свое, разгорѣвшееся во время игры въ мячь ([174]), и даже двустишія, которыя читаются сверху внизъ и снизу вверхъ ([175]) — это увлеченіе настоящей минутой, свойственное живому характеру кельто-романской натуры. Чтобы понять, какъ серьезные, по видимому, люди черезъ десятокъ лѣтъ могутъ собирать и передѣлывать эти ребяческія вещи, которыя должны бы, кажется, исчезнуть изъ памяти вмѣстѣ съ мелочными событіями, ихъ вызвавшими, мало того собирать ихъ по просьбѣ другихъ и съ мыслію о судѣ потомства,—чтобы понять все это, надо допустить, что обществомъ дѣйствительно овладѣло то необъяснимое для насъ ослѣпленіе, о которомъ говоритъ Сальвіанъ и которое сравниваетъ марсельскій священникъ со сномъ, насылаемымъ раздраженнымъ Божествомъ на народы, обреченные гибели.

Мы взглянули на жизнь знатнаго Галлоримлянина въ его виллѣ; приведемъ еще нѣсколько строкъ изъ Евхаристикона Павлина, на который намъ приходи-

---

(172) Tales enim nugas in imo scrinii fundo muribus perforatas, post annos circiter viginti profero in lucem. Epist. l. IX, 13.

173) Carm. XXI. De piscibus nocte captis.

(174) Sid. l. V, 17.

(175) Sid. Epist. l. IX, 14.

лось уже ссылаться нѣсколько разъ. Павлинъ представляетъ намъ свой идеалъ жизни зажиточнаго, но далеко не богатаго помѣщика. «Я желалъ, говоритъ «онъ, только пристойной посредственности, близкой «къ благосостоянію, далекой отъ честолюбивыхъ за«мысловъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы у меня былъ хоро«шо убранный домъ съ просторными комнатами, при«способленными ко всѣмъ временамъ года, роскош«ный и блестящій столъ, многочисленная и молодая «прислуга, много разнообразной мебели и домашнихъ «принадлежностей, серебро, дорогое впрочемъ болѣе «по отдѣлкѣ, чѣмъ по вѣсу; чтобы искусные реме«сленники и художники быстро исполняли мои вся«каго рода заказы, чтобы конюшни были наполнены «откормленными лошадьми и красивые экипажи до«ставляли возможность спокойнаго выѣзда» ([176]). Павлину тяжелымъ трудомъ доставалось это благосостояніе; едва нѣсколько дней посвящалъ онъ на отдыхъ и собственнымъ примѣромъ поощрялъ и поддерживалъ усердіе земледѣльцевъ и виноградарей. Первая забота была о томъ, чтобы удовлетворить требованіямъ фиска и тѣмъ обезпечить свое спокойствіе; въ своихъ издержкахъ онъ соблюдалъ стро-

---

(176) Ingenioque
Congrua primo meo mediocria desideranti,
Proxima deliciis et ab ambitione remota,
Ut mihi compta domus spatiosis ædibus esset,
Et diversa anni per tempora jugiter apta,
Mensa opulenta, nitens, plures, juvenesque ministri,
Inque usus varios grata et numerosa supellex,
Argentumque magis pretio quam pondere præstans;
Et diversæ artis cito jussa explere periti
Artifices, stabula et jumentis plena refertis;
Tunc et carpentis erectio tuta decoris.
(Paulini Eucharisticon Deo.).

гую экономію ([177]); однимъ словомъ, это была скромная жизнь зажиточнаго помѣщика, не болѣе; между тѣмъ мы видимъ требованія не только удобства, но и роскоши. Увеличимъ эти требованія и средства къ ихъ удовлетворенію въ нѣсколько десятковъ разъ, снимемъ съ владѣльца тяжелую необходимость самому подавать первый примѣръ дѣятельности и мы можемъ представить себѣ внѣшнюю обстановку жизни богатаго аристократа V вѣка.

Охота иногда на долго увлекала галлоримскаго вельможу изъ богатой виллы. Любимымъ родомъ была, какъ кажется, охота съ гончими и съ ястребомъ. Красивая лошадь въ богатой сбруѣ, статный конюшій, легкая на бѣгу собака и ястребъ были необходимостію для галльской молодежи ([178]). Охотѣ предавались со всѣмъ увлеченьемъ страстной кельтской натуры ([179]). Векцій, vir illuster, человѣкъ строго христіанской жизни и нравовъ, не уступалъ никому въ искусствѣ выѣзжать лошадей, дрессировать собакъ и ястребовъ. Онъ запретилъ себѣ употребленіе въ пищу мяса; но не запретилъ охоты, такъ

---

(177) Protinus et culturam agris adhibere refectis,
Et fessis celerem properavi impendere curam
Vinetis, comperta mihi ratione novandis.
Et quod præcipue plerisque videtur amarum,
Ultro libens primus fiscalia debita certo
Tempore persolvens, propere mihi fido paravi
Otia, privatæ post impendenda quieti....
Sed potius, fateor, sectator deliciarum,
Si qua tamen minimo pretio expensaque parari
Et salvo famæ possent constare decore.
Ibid. Bibl. Lat. Franç. Ausone I. p. 364.

(178) Ut mihi pulcher equus phalerisque ornatior esset,
Strator procerus, velox canis et speciosus
Accipiter. Euchar. Deo 358.

(179) См. Евхаристиконъ Павлина, разказъ объ отцѣ.

что пользуясь самимъ удовольствіемъ доставляемымъ охотой, онъ не пользовался добычей ([180]). Наммацій, богатый владѣлецъ Сентонжа, предводитель флота, охранявшаго берега Галліи отъ саксонскихъ пиратовъ, проводилъ большую часть времени, преслѣдуя дикихъ козъ, ставя сѣти на кремнистыхъ обрывахъ, устроивая облавы и гоняя зайцевъ въ своемъ олеронскомъ помѣстьѣ ([181]). Германъ, начальникъ военной армориканской границы, бывшій потомъ лучшимъ украшеніемъ галликанской церкви, грозилъ смертію Аматору, епископу Оксерра, старавшемуся отвратить его отъ излишняго увлеченія охотой ([182]). Репутація смѣлаго и ловкаго охотника цѣнилась высоко. Авзоній оставилъ намъ комическое описаніе одного изъ записныхъ охотниковъ, который безпрестанно приподымалъ тунику, чтобы показать раны, нанесенныя ему кабаномъ, и заслужить отъ друзей лестное сравненіе съ побѣдителемъ оленскаго вепря ([183]). Вѣроятно такіе оригиналы, какъ братъ Теона, часто попадались и въ V столѣтіи. Не столь важную роль играла рыбная ловля; менѣе тревожная и разнообразная она меньше привлекала къ себѣ тѣхъ, кому травля и облава доставляли возможность удовлетворять потребности безпокойной дѣятельности.

---

(180) Itaque occulte, delicateque religiosus, venatu utitur, nec utitur venatione. Sid. IV, 9.

(181) Sid. Epist. VIII. 6.

(182) Жизнь св. Германа Оксеррскаго.

(183) Exemplum de fratre time, qui veste reducta
Ostentat fœdas prope turpia membra lacunas,
Perfossasque nates vicino podice nudat.
Inde ostentator volitat, mirenter ut ipsum
Gedippa, Ursinusque suus, prolesque Jovini,
Taurinusque, ipsum priscis heroibus aequans:
Qualis in Olenio victor Calydonius apro
Aut Erymanthео pubes fuit Attica monstro.
Ausonii Epist. IV ad Theonem.

Благодаря болтливости Сидонія и его страсти описывать, мы можемъ взглянуть на знатнаго Галла въ дорогѣ. Люди небогатые или спѣшившіе ѣздили на почтовыхъ: въ петоритѣ (petoritum), запряженномъ мулами, потому что лошади не привыкли ходить въ этомъ экипажѣ, въ цизіи (cisium), легкой коляскѣ, запряженной тройкой, или въ быстрой редѣ (rheda), большею же частію верхомъ на перемѣнныхъ лошадяхъ или мулахъ ([184]). Путешествіе богатаго владѣльца окружалось удобствами. Ѣхалъ ли онъ водою, онъ покоился на мягкомъ ложѣ. Скука дороги разгонялась игрою въ кости, бросаемыя изъ рожка слоновой кости, или пѣснями гребцовъ и матросовъ, сложенными въ честь его. Чтобы нога не коснулась нечаянно нечистой воды, плескавшей въ лодку, на кормѣ устроено было возвышеніе и рѣшетчатый навѣсъ защищалъ отъ перемѣнъ погоды ([185]). Описывая свой переѣздъ изъ Ліона въ деревню, Сидоній знакомитъ насъ съ сухопутнымъ путешествіемъ. «Твой посланецъ (tabellarius), пишетъ онъ къ Еводію, просившему у него стиховъ, чтобы вырѣзать ихъ на серебряномъ сосудѣ, который онъ хотѣлъ поднести Рагнагильдѣ, супругѣ Ейриха Готскаго ([186]), твой «посланецъ вручилъ мнѣ письмо, когда я выѣзжалъ «изъ города въ дальнюю деревню. Раннимъ утромъ «и то только благодаря твоему письму, я вырвался «изъ толпы настойчивыхъ провожатыхъ, чтобы хотя «въ дорогѣ, верхомъ, заняться исполненіемъ твоего «порученія. На разсвѣтѣ моя прислуга отправилась «впередъ, чтобы поставить палатку въ 18 миляхъ «отъ города. Мѣсто представляло много удобства

---

(184) Ausonii Epist. VIII et XIV ad Paulum Rhetorem.
(185) Sidon. Epistol. l. VIII, 12.
(186) Sid. Epistol. l. IV, 8.

«для остановки и разгрузки багажа; холодный ручей «бѣжалъ съ холма покрытаго лѣсомъ, передъ нимъ «разстилалося поле, поросшее густою травою; пе«редъ глазами рѣка, наполненная рыбой, богатая ди«чью; наконецъ недалеко расположенъ былъ новый «домъ стараго пріятеля, радушію котораго трудно «положить мѣру, воспользуешься ли ты имъ или «отклонишь его отъ себя. Такимъ образомъ, по«славши впередъ прислугу, я занялся твоимъ дѣломъ, «чтобы скорѣе отправить назадъ посланнаго. Было «уже около 4 часовъ (10 часовъ по нашему счету). «Высоко поднявшееся солнце жгучимъ лучемъ уже «уничтожило влажность росистой ночи. Зной и жаж«да увеличивались и только облака пыли были един«ственной защитой отъ жара совершенно яснаго «неба. Длинная дорога, далеко тянувшаяся передъ «глазами по зеленой равнинѣ, заставляла вздыхать о «позднемъ обѣдѣ. Если путешественниковъ еще не «страшила трудность пути, за то уже чувствовалась «скука ожиданія конца странствію». Путевыя замѣтки были въ модѣ. Авзоній, сопровождавшій Валентиніана 1-го въ походѣ противъ Аллемановъ, оставилъ намъ довольно картинное описаніе Мозеля. Рутилій Нуманціанъ написалъ въ первой четверти V вѣка свой итинерарій, настоящія записки туриста о путешествіи моремъ изъ Рима въ Галлію. Сюда занесены всѣ замѣчанія, пришедшія въ голову по поводу встрѣчавшихся мѣстностей и предметовъ: мысли навѣянныя видомъ развалинъ и обломкомъ статуй, замѣтка о добываніи соли, по поводу осмотрѣнныхъ варницъ, разговоръ о замѣчательныхъ лицахъ Римской Исторіи, носившихъ имя Лепида, злая насмѣшка надъ монахами, сожалѣніе о паденіи язычества— все это, перемѣшанное съ описаніями природы. У Сидонія мы тоже находимъ дорожныя впечатлѣнія во время путешествія на почтовыхъ изъ Ліона въ

Римъ въ императорство Антемія. Въ письмѣ къ Геронію ([187]) онъ набросалъ легкія замѣтки о переѣздѣ черезъ Альпы по снѣжнымъ тропинкамъ между страшными утесами, историческія и литературныя воспоминанія по поводу различныхъ мѣстностей, описаніе Равенны и равнинъ Этруріи, гдѣ зной дня быстро смѣняется холодомъ ночи и воздухъ зараженъ ядовитыми испареніями, нагнавшими лихорадку на путешественника, наконецъ разсказъ о своемъ прибытіи въ Римъ и праздники по случаю женитьбы Свева Рицимера на дочери Антемія. Честолюбіе овладѣло Сидоніемъ въ Римѣ и отъискиваніе дороги къ почестямъ отвлекло его отъ подробнаго описанія путешествія; иначе мы имѣли бы навѣрное итинерарій, не уступавшій объемомъ Рутиліеву.

Хотите знать, какъ смотрѣли галльскіе аристократы на низшее сословіе, обратитесь къ Сидонію: онъ выскажетъ вамъ свое негодованіе противъ Евтропія, человѣка senatorii seminis, окруженнаго портретами предковъ, одѣтыхъ пурпуромъ; но который, proh pudor, живетъ въ деревнѣ между мужиками, нечувствуя даже потребности перемѣнить этотъ недостойный его образъ жизни ([188]). Онъ разскажетъ намъ происшествіе, случившееся съ нимъ на возвратномъ пути изъ Ліона во Овернь и заставившее его выйти изъ себя и даже позабыть не только то, что онъ епископъ, но что́ важнѣе, что онъ распоряжается въ чужой эпархіи. И въ самомъ дѣлѣ, было чѣмъ возмутиться благородному Галлоримлянину, незабывшему и подъ епископской мантіей, что онъ senatorii seminis и что безмѣрное разстояніе отдѣляетъ его предковъ отъ толпы виллановъ. Кладбище, гдѣ покоились кости дѣда Сидонія, извѣстнаго намъ

(187) Sid. Epist. l. I, 5.
(188) Sid. Epistol. l. I, 6.

префекта преторіи Аполлинарія, давно уже было оставлено. Могильныя насыпи обвалились подъ тяжестію зимнихъ снѣговъ, размылись дождями и холмистое поле обращалось въ первоначальную равнину. Дернъ почернѣлъ, новыя глыбы земли навалились на сохранившіеся здѣсь и тамъ остатки могильныхъ возвышеній и часто, перерывая это поле, утратившее свое прежнее назначеніе, работники святотатственно тревожили покой усопшихъ. Возвращаясь изъ Ліона, Сидоній съ сосѣдняго холма увидѣлъ толпу, рывшую землю на самой могилѣ благороднаго Аполлинарія. Пустить вскачь коня, не разбирая дороги, крикомъ остановить дерзкое предпріятіе, было дѣломъ одной минуты. Захваченные въ расплохъ, нечестивцы не знали еще, бѣжать ли имъ или остаться, какъ уже увидѣли передъ собою раздраженнаго епископа. Гнѣвъ Сидонія не зналъ мѣры и требовалъ немедленнаго удовлетворенія; несчастные рабочіе были подвергнуты мучительнымъ истязаніямъ на самой могилѣ оскорбленнаго ими, быть можетъ безъ всякаго умысла, префекта Галліи. Сидоній говоритъ, что наказаніе было достаточно, чтобы совершенно обезопасить впередъ покой мертвыхъ. Нарушители его, кажется, большею частію не пережили своего преступленія. Когда утихъ страстный порывъ оскорбленной аристократической гордости, безпокойство овладѣло Сидоніемъ. Наказывая святотатство, онъ самъ совершилъ его, на разрытой могилѣ замучивъ виновниковъ. Кромѣ того онъ самовольно распорядился въ чужой эпархіи и могъ имѣть непріятную исторію съ ліонскимъ епископомъ, суду котораго подлежало преступленіе. Не теряя времени, Сидоній съ дороги же написалъ къ нему, подробно разсказывая о случившемся и сознавая свое увлеченіе. Отвѣтъ ліонскаго епископа разсѣялъ скоро его тревогу. Паціентъ, мужъ святой и справедливый, какъ

называетъ его Сидоній, и въ самомъ дѣлѣ прославленный необыкновенными подвигами милосердія, на этотъ разъ уступилъ аристократическимъ предразсудкамъ. Онъ отвѣчалъ Сидонію полнымъ одобреніемъ его поступка, объявляя, что дерзкіе виновники погибли законно и что съ ними поступлено по обычаю предковъ ([189]). Совѣсть Сидонія была облегчена отъ тягостныхъ сомнѣній и онъ поставилъ надгробный памятникъ Аполлинарію нестолько изъ желанія предохранить окрестныхъ жителей отъ раскопокъ на полѣ, гдѣ ничто не показывало существованіе кладбища, и отъ страшныхъ послѣдствій, могшихъ сопровождать ненамѣренное святотатство, сколько за тѣмъ, чтобы предохранить прахъ знаменитаго сановника отъ оскорбленій со стороны презрѣнныхъ виллановъ. Пышная эпитафія въ стихахъ, вырѣзанная на могильномъ камнѣ, говорила о жизни и заслугахъ Аполлинарія. Изъ нея мы дополнили немногія, дошедшія до насъ свѣдѣнія объ этомъ первомъ, извѣстномъ намъ предкѣ Сидонія.

Ничѣмъ лучше не можемъ мы заключить нашъ бѣглый очеркъ жизни богатаго Галлоримлянина V вѣка, какъ переводомъ письма Сидонія къ Ерифію, гдѣ онъ описываетъ церковный праздникъ въ Ліонѣ. Нигдѣ лучше не рисуется общество и пестрая смѣсь привычекъ и нравовъ, еще не утратившихъ своего свѣтскаго, даже языческаго характера, съ строгими обязанностями христіанской жизни, легкой литературы и живой, остроумной болтовни съ церковными процессіями и молитвами. Мы видѣли литературную пирушку въ Арлѣ, гдѣ только испорченная латынь застольной пѣсни напоминала, что мы присутствуемъ не на одномъ изъ собраній первыхъ временъ Импе-

(189) Iracundiæ meæ dedit gloriam, pronuntians more majorum reos tantæ temeritatis jure cæsos videri. Sid. Epist. l. III, 12.

ріи и что общество, слушающее ее съ увлеченіемъ, должно жить въ то время, когда эдиктомъ Императоровъ запрещено уже было общественное поклоненіе древнимъ божествамъ Греціи и Рима. Теперь, благодаря Сидонію, мы можемъ весьма близко взглянуть на оригинальную картину общества, не только принявшаго Христіанство внѣшнимъ образомъ, но уже успѣвшаго горячо полюбить его и въ тоже время вполнѣ сохранившаго свои языческія привычки и образованіе, можемъ подслушать разговоръ о Музахъ и Аполлонѣ и импровизацію въ промежутокъ времени между заутреней и обѣдней. Превосходный переводъ, сдѣланный Гизо въ его Исторіи французской цивилизаціи ([190]), поможетъ намъ вѣрно и по возможности близко передать разсказъ Сидонія,—что, какъ мы уже, кажется, замѣтили, дѣло не совсѣмъ легкое.

Сидоній другу Ерифію привѣтъ! ([191])

«Ты все таковъ же, мой Ерифій, ни охота, ни го-
«родъ, ни деревенская жизнь не завлекаютъ тебя на
«столько, чтобы ты мимоходомъ не вспоминалъ съ
«любовію о литературѣ... Посылаю тебѣ требуемое
«стихотвореніе, которое написалъ я, поддавшись
«просьбамъ твоего почтеннаго тестя ([192]), который
«въ обществѣ ему равныхъ живетъ такъ, что ему
«легко и повелѣвать и повиноваться. Чтобы лучше
«понять это стихотвореніе, не стоющее правда вни-
«манія, ты желаешь знать и мѣсто и причины, его
«вызвавшія; пеняй на себя, если предисловіе будетъ
«многословнѣе самаго сочиненія. — Мы собрались
«у гробницы св. Юста; болѣзнь помѣшала тебѣ быть

(190) Leçon troisième.
(191) Sidon. Epistol. l. V, 17.
(192) Филимація.

« съ нами. Еще передъ разсвѣтомъ, совершена была
« обычная, ежегодная процессія при огромномъ сте-
« ченіи народа обоего пола. Обширная базилика не
« могла вмѣстить въ себѣ присутствующихъ, не смо-
« тря на то, что крипта окружена просторными пор-
« тиками. Монахи и бѣлое духовенство, возносившіе
« попеременно сладкое пѣніе псалмовъ, отслужили
« заутреню и мы разошлись въ разныя стороны, не
« отходя однакожъ далеко, чтобы быть на готовѣ къ
» терціямъ, когда священники должны совершить
« таинство. Недостатокъ простора, тѣснящаяся толпа,
« множество горящихъ свѣчь, испаренія ночи, еще
« близкой къ лѣту, хотя нѣсколько и умѣряемой
« первымъ холодомъ осенняго утра—все это дѣлало
« несноснымъ положеніе бывшихъ въ церкви. Когда
» разбрелись люди всѣхъ сословій, знатнѣйшіе граж-
« дане сошлись у гробницы консула Сіагрія, отдѣ-
« ленной отъ церкви менѣе чѣмъ на перелетъ стрѣ-
« лы. Кто помѣстился подъ тѣнью рѣшетки изъ вы-
« сокихъ кольевъ, покрытой вѣтвями уже зрѣлаго
« винограда; кто сѣлъ на могильномъ дернѣ, усѣян-
« номъ пахучими цвѣтами. Разговоръ шелъ пріятно,
« весело, живо; ему придавало особенную прелесть
« то, что тутъ не было ни малѣйшаго упоминанія о
« властяхъ или о податяхъ, ни полслова, за которое
« потомъ можно бы отвѣтить, ни одного человѣка,
« который бы могъ быть заподозрѣнъ. Кто могъ
« разсказать хорошо анекдотъ, стоющій вниманія,
« того слушали съ жадностію, хотя веселость слу-
« шателей часто прерывала разсказъ. Утомленные
« наконецъ долгимъ отдыхомъ, мы хотѣли что ни-
« будь дѣлать. Требованія слышатся сообразно съ
« лѣтами; на крики однихъ являются мячи, другимъ
« подаютъ тавлейныя доски. Игру въ мячь началъ
« я, потому что тебѣ извѣстно, я люблю эту игру
« не меньше книгъ. Съ другой стороны, мой братъ

«Домицій, человѣкъ необыкновенно пріятный и ве-
«селый, уже захватилъ кости и, потрясая ими, какъ
«будто сигнальной трубой сзывалъ игроковъ. Мы
«долго играли съ толпой школьниковъ, чтобы здо-
«ровымъ упражненіемъ расправить члены, утомлен-
«ные продолжительною неподвижностію. Самъ слав-
«ный Филимацій, по слову Мантуанскаго поэта,

Ausus et ipse manu iuvenum tentare laborem,

«постоянно вмѣшивался въ толпы играющихъ. Онъ
«ловко игралъ въ мячь, когда былъ помоложе. Те-
«перь напоръ бѣгущихъ часто сталкивалъ его съ
«средины и, выступая на арену, онъ не могъ пере-
«рѣзать дороги или уклониться отъ летящаго мимо
«или падающаго на него шара. Часто, сбитый съ
«ногъ, онъ съ трудомъ подымался послѣ неловкаго
«паденія и первый оставилъ игру, тяжело дыша и
«съ разгорѣвшимся лицемъ. Боль отъ слишкомъ
«сильнаго упражненія часто чувствовалась въ раз-
«дувшихся фибрахъ печени. Тотчасъ остановился и
«я, чтобы кончивъ игру въ одно время съ нимъ,
«великодушно скрыть замѣшательство усталаго бра-
«та. Мы снова усѣлись и скоро потъ принудилъ его
«спросить воды, чтобы умыть лице. Воду подали,
«а вмѣстѣ съ ней полотенце, покрытое шерстью,
«которое, вымытое отъ вчерашней грязи, по случаю
«колебалось на веревкѣ, прикрѣпленной блокомъ къ
«растворенным половинкамъ двери привратника.
«Отирая на досугѣ щеки, Филимацій обратился ко
«мнѣ.—Я хотѣлъ бы, чтобы ты продиктовалъ какое
«нибудь четырестишіе объ этихъ лоскутьяхъ, кото-
«рые оказали мнѣ услугу.—Пожалуй, отвѣчалъ я.—
«Но чтобы мое имя было помѣщено въ стихотворе-
«ніи.—Можно и это сдѣлать.—Такъ диктуй же,
«сказалъ онъ.—Знаешь, возразилъ я съ улыбкой,
«что Музы могутъ разсердиться, если я вмѣшаюсь

«въ ихъ хоры при столькихъ свидѣтеляхъ! — Онъ «отвѣчалъ мнѣ очень живо и вѣжливо (потому что «это человѣкъ необыкновенно пылкій и неистощи-«мый источникъ находчиваго краснорѣчія): берегись, «господинъ Соллій, чтобы скорѣе не разгнѣвался «Аполлонъ, если ты съ глазу на глазъ будешь со-«блазнять его питомицъ.—Можешь представить, ка-«кія рукоплесканія вызвала эта неожиданная и остро-«умная выходка. Я не медлилъ болѣе и, подозвавъ «своего писца, стоявшаго вблизи съ таблетками (pu-«gillares), продиктовалъ слѣдующую эпиграмму:

«Въ другое утро, выходя изъ горячей бани, или «когда охота увлажитъ разгорѣвшееся чело, пусть «найдетъ прекрасный Филимацій снова эту шерстя-«ную тряпку, чтобы въ нее перешла влага также «быстро, какъ льется напитокъ въ горло пьяницы.

«Едва Епифаній вашъ успѣлъ написать это, какъ «намъ сказали, что уже время, что епископъ вы-«шелъ изъ своего убѣжища и мы поднялись.—Будь «снисходителенъ къ этимъ стишкамъ. Что касается «до другаго стихотворенія, едва ли не лучшаго, ко-«торое продиктовалъ я недавно—именно посланіе къ «человѣку, дурно проводящему хорошіе дни ([193]), и «которое отправится завтра, просмотрите его подъ «секретомъ и, если понравится, покровительствуйте «его выходу въ свѣтъ, если нѣтъ, забудьте уничто-«женное ([194]). Прости».

Мы разсмотрѣли внѣшнюю обстановку жизни высшаго общества Галліи и, какъ ни слабъ и поверхностенъ нашъ очеркъ, мы надѣемся, что главныя особенности обозначены на столько, чтобы по-

---

(193) In quendam dies bonos male ferentem.

(194) У Сидонія весьма часты быстрые переходы отъ ты къ вы. Epistol. V. 4,—V, 15,—VI, 6,—VI, 7,—VII, 2,—VIII, 14,—IX, 9—Panegyr. Major. V. 564 и въ мн. другихъ.

лучить о ней довольно правильное понятіе. Не касаемся политической нравственности и убѣжденій,— дальнѣйшій разсказъ о политической дѣятельности Сидонія, его столкновенія съ обстоятельствами и различными лицами, стоявшими на первомъ планѣ, лучше всего познакомитъ насъ съ ними, обнаруживъ во всей наготѣ печальную дѣйствительность. Излишнимъ было бы дѣлать общіе выводы, когда факты говорятъ за себя и въ этомъ случаѣ простое изложеніе дѣла будетъ дѣйствительнѣе самой сильной и рѣзкой характеристики. Переводъ письма Сидонія о судѣ надъ Арвандомъ сильнѣе рисуетъ политическую нравственность высшаго общества V вѣка, чѣмъ декламація Сальвіана. Разсказъ о праздникѣ Юста въ Ліонѣ можетъ дать намъ нѣкоторое понятіе о религіозномъ состояніи этого общества, уже христіанскаго по вѣрѣ, еще языческаго по образованію и нравамъ. Нигдѣ такъ рельефно, какъ въ епископской жизни самого Сидонія, не выскажется это интересное состояніе, которому подобное встрѣчается развѣ въ XV и XVI вѣкахъ, въ эпоху увлеченія сокровищами классической литературы, впервые открывшимися со всей своей роскошью изумленнымъ глазамъ западно-европейскаго общества. Тѣмъ особенно и можетъ быть интересна біографія Клермонтскаго Епископа, что въ нее сами собою входятъ всѣ стороны литературной, политической и церковной исторіи его времени. Не только происшествіями своей жизни, своимъ посредственнымъ или непосредственнымъ участіемъ въ важнѣйшихъ событіяхъ, своими многочисленными связями съ замѣчательнѣйшими лицами во всѣхъ отрасляхъ практической или умственной дѣятельности, съ представителями всѣхъ убѣжденій и направленій, знакомитъ насъ Сидоній съ исторіей своего времени. Самъ онъ полнѣйшее выраженіе своего времени; на его харак-

тер̀ и жизни отразились всѣ типическія особенности. Опредѣливъ Сидонія, какъ человѣка, какъ политическаго дѣятеля, епископа и литератора, историку останется только обозначить исключенія, отклоненія отъ господствующаго, почти общаго, направленія. Главный типъ, средній человѣкъ высшаго общества Галліи V вѣка, какъ сказалъ бы Кетле, будетъ передъ глазами, со всѣми достоинствами и недостатками, съ страннымъ сочетаніемъ самыхъ противуположныхъ, повидимому вполнѣ несовмѣстныхъ, а между тѣмъ мирно уживающихся другъ подлѣ друга, убѣжденій, правилъ и привычекъ. Полная біографія Сидонія, составленная съ надлежащею добросовѣстностію, будетъ часто переходить въ исторію Галліи второй половины V вѣка.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію политической дѣятельности Сидонія, начинающейся 455 годомъ, вмѣстѣ съ вступленіемъ на императорскій престолъ его тестя Авита, намъ должно сдѣлать еще одно отступленіе. До этого времени мы почти ничего не знаемъ о томъ, что дѣлалось съ Сидоніемъ; знаемъ только, что онъ женился на Папіаниллѣ и получилъ въ приданое Авитакумъ, отъ котораго былъ въ восторгѣ. Литературные грѣхи юности погибли безвозвратно, уничтоженные самимъ авторомъ; другой дѣятельности кажется и не было. Но къ этому времени относится начало литературной извѣстности Сидонія, его связей со всѣми почти писателями Галліи. Черезъ нѣсколько лѣтъ мы находимъ его уже домашнимъ человѣкомъ въ кружкѣ литературныхъ и ученыхъ знаменитостей. Не лишнимъ кажется будетъ сказать нѣсколько словъ о главнѣйшихъ литературныхъ товарищахъ Сидонія, тѣмъ болѣе, что о многихъ изъ нихъ не представится уже случая упоминать, не смотря на то, что мы будемъ пользоваться свѣдѣніями, извлеченными изъ

переписки съ ними. Взглянемъ на эту плеяду галльскихъ поэтовъ и ученыхъ. Во II главѣ мы увидимъ политическихъ дѣятелей; а въ III епископъ Сидоній познакомитъ насъ съ своими товарищами по епископству.

Мы имѣли уже случай упоминать о нѣкоторыхъ современныхъ Сидонію литераторахъ. Имена Домнула, Лампридія, Северіана, Феликса уже извѣстны; насъ ждетъ цѣлая толпа другихъ поэтовъ и ораторовъ, за блестящія достоинства которыхъ ручается Сидоній, бывшій съ ними въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Начнемъ съ Ліона, родины Сидонія. Мы находимъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, 7 литераторовъ, о которыхъ съ отличной похвалою отзывается Сидоній и большая часть которыхъ принадлежала къ высшему обществу. Одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ въ Ліонѣ Валеріанъ, родственникъ Авита, бывшаго потомъ императоромъ, и Евхерія, ліонскаго епископа. Онъ былъ префектомъ преторіи Галліи еще до неожиданнаго возвышенія своего родственника ([195]). Валеріанъ преданъ былъ литературѣ до того, что вопреки аристократическимъ предразсудкамъ выдалъ свою дочь за Прагмація, литературной извѣстностію прикрывавшаго свое незнатное, хотя и благородное происхожденіе. Нравы его были безукоризненны. Щедро одаренный дарами природы, поэтъ, историкъ и философъ ([196]), онъ имѣлъ единственный недостатокъ, общій впрочемъ большей части свѣтскихъ литераторовъ, — именно такое пристрастіе къ языческой философіи и литературѣ, что на Валеріанѣ лежитъ сильное подозрѣніе въ томъ, былъ ли онъ даже христіаниномъ. Благочестивый Евхерій длин-

(195) Посылая къ Валеріану панегирикъ Авита, написанный въ 456 году, Сидоній называетъ его vir præfectorius. См. Carm. VIII.

(196) Carm. VIII, Epist. V, 10.

нымъ письмомъ старался отвратить своего родственника отъ свѣтской жизни и языческой философіи; успѣшно или нѣтъ, неизвѣстно ([197]); за нимъ слѣдовалъ Нищетій, котораго Сидоній называетъ ortu clarissimus, privilegio spectabilis, merito illustris и величайшимъ по благоразумію и искусству изъ своихъ соотечественниковъ ([198]). Нищетій былъ адвокатомъ и потомъ совѣтникомъ префекта преторіи. Сидоній разсказываетъ одинъ случай, котораго онъ былъ свидѣтелемъ въ юности, и который въ полномъ свѣтѣ выказалъ общее уваженіе къ Нищетію и высокое мнѣніе объ его ораторскомъ искусствѣ. Это было въ 449 году. Отецъ Сидонія занималъ тогда важное мѣсто префекта преторіи и Астерій долженъ былъ облечься въ знаки консульскаго достоинства. Сидоній пробрался къ курульному креслу, чтобы видѣть церемонію. Не имѣя надобности скрываться, потому что онъ былъ знатнаго рода, онъ однакожъ по молодости скромно вмѣшался въ толпу простыхъ гражданъ, поближе къ свитѣ консула. Когда наскоро розданы были подарки ([199]) и фасты, всѣ обратились къ извѣстнѣйшимъ адвокатамъ съ просьбою на другое утро произнести похвальную рѣчь новому консулу. Выборъ палъ на Нищетія. Общая просьба и убѣжденія отдѣльныхъ лицъ смутили скромнаго оратора, заставивъ покраснѣть отъ излишней застѣнчивости. Его панегирикъ отличался стройнымъ расположеніемъ, важностію и одушевленіемъ. Онъ говорилъ живо, свободно и строго послѣдовательно. Въ другой разъ отличился Нищетій, когда вышелъ законъ о 30-лѣтней давности (de tri-

---

(197) S. Eucherii Lugdunensis Episcopi epistola parænetica ad Valerianum cognatum. Bibl. Max. Patr. VI. p. 857—862.

(198) Sid. Ep. l. VIII, 6 ad. Nammatium.

(199) Itaque, ut primum brevi peracta nec brevis sportula. ib.

cennii præscriptione), по которому всѣ тяжбы должны были оканчиваться въ этотъ срокъ; Ницетій, первый, объяснилъ его и показалъ приложеніе. Онъ былъ глубоко уважаемъ Сидоніемъ, который, уже будучи епископомъ, говорилъ, что одобреніе ліонскаго юриста поощряетъ его къ новой дѣятельности. Изъ ліонскихъ поэтовъ славились Секундинъ, смѣлый и пылкій сатирикъ ([200]), не боявшійся громко клеймить нравы варваровъ, уже овладѣвшихъ его родиною, Геронiй ([201]), которому описалъ Сидоній свое путешествіе въ Римъ и свои хлопоты, чтобы найти надежнаго покровителя при дворѣ Антемія, Домицій, бывшій потомъ преподавателемъ грамматики и риторики въ клермонтской школѣ, и наконецъ Петръ, знаменитѣйшій изъ поэтовъ, съ которымъ мы уже нѣсколько познакомились на ужинѣ въ Арлѣ. Кажется, уроженцемъ Ліона былъ и Евтроній, изъ знаменитой фамиліи Сабиновъ, давшей Риму много государственныхъ сановниковъ. Евтроній жилъ въ деревнѣ и занимался философіей Платона и александрійскихъ неоплатониковъ. Мы имѣемъ письмо Сидонія, въ которомъ онъ упрекаетъ Евтронія въ образѣ жизни, неприличномъ его знатному происхожденію. Уговаривая его выступить на поприще государственной дѣятельности и обѣщая свое содѣйствіе, Сидоній такъ заключаетъ письмо свое: ([202]) «Если же ты, опутанный приманчивыми «сѣтями наслажденій, предпочитаешь, какъ слышно, «слѣдовать ученію Епикура, который, отвергая до«бродѣтель, полагаетъ высшее блаженство только «въ чувственныхъ наслажденіяхъ, я свидѣтельству«юсь предками и потомствомъ, что я не причастенъ

(200) Sid. Epist. l. V, 8.
(201) Epistol. l. I, 5 и 9.
(202) Sidon l. III, 6 и l, I, 6.

«этой вишѣ». Евтроній послушался увѣщаній Сидонія и былъ префектомъ преторіи Галліи, когда Римъ уже почти совершенно потерялъ всякую власть надъ этой провинціей. Наконецъ едва ли не самымъ замѣчательнымъ изъ ліонскихъ ученыхъ, былъ Сіагрій, внукъ извѣстнаго консула Афранія Сіагрія. Петиньи старается доказать тождество этого Сіагрія съ знаменитымъ Эгидіемъ ([203]), хотя и трудно согласить письма Сидонія съ жизнію правителя Галліи. Мы имѣемъ три письма клермонтскаго епископа къ Сіагрію ([204]) и развѣ допустивъ, что они писаны къ разнымъ лицамъ одного имени, можно отнести къ Эгидію то письмо, о которомъ говоритъ Петиньи. Въ 8 письмѣ VIII книги Сидоній убѣждаетъ Сіагрія оставить Тайонакское помѣстье и деревенскія занятія. «Возвратись къ отцу, пишетъ онъ, къ отече-«ству и вѣрнымъ друзьямъ или, если тебѣ уже «такъ нравится жизнь диктатора Цинцинната, же-«нись прежде на новой Рацилліи, которая бы запря-«гала тебѣ воловъ». Это пристрастіе къ деревенской жизни и удаленіе отъ политической дѣятельности трудно отнести не только къ Эгидію, даже и къ его сыну, и предположеніе ученыхъ издателей литературной исторіи Франціи, строго отдѣляющихъ этого Сіагрія отъ Эгидія, имѣетъ за собою болѣе вѣроятности. Какъ бы то ни было, Сіагрій, о которомъ говоритъ Сидоній, лице очень замѣчательное. Онъ получилъ превосходное образованіе ([205]), знатное происхожденіе открывало ему дорогу къ высшимъ должностямъ государственнымъ и ораторское искусство могло поставить его на ряду со знамени-

---

(203) Etudes sur l'histoire, les lois et les institutions de l'époque Mérovingienne v. II p. 173 въ примѣчаніи.

(204) Sid. Epost. l. II 4—l. V, 5 и l. VIII, 8.

(205) Sid. Epist. l. V, 5.

тѣйшими изъ современныхъ и древнихъ ораторовъ ([206]). Геннадій въ своемъ каталогѣ помѣщаетъ одно сочиненіе « о вѣрѣ » полемическаго содержанія, которое по всей вѣроятности было написано Сіагріемъ. Къ общему удивленію, Сіагрій устремилъ свою дѣятельность на изученіе нѣмецкаго языка, сблизился съ Бургундами, овладѣвшими его родиной, старался передать имъ первыя начала общественнаго образованія и приспособить грубый языкъ варваровъ къ выраженію чуждыхъ ему понятій гражданственности. «Ты не можешь себѣ представить, пишетъ «ему Сидоній ([207]), какъ смѣюсь я и многіе другіе, «когда мы слышимъ, что въ твоемъ присутствіи «варваръ опасается варваризма на своемъ родномъ «языкѣ. Когда ты переводишь письма, тебѣ удив«ляются германскіе старики, согбенные лѣтами; те«бя избираютъ посредникомъ и судьею въ дѣ«лахъ между ними. Ты новый Солонъ Бургундовъ «въ объясненіи законовъ; ты новый Амфіонъ ихъ. «Тебя любятъ, посѣщаютъ, ищутъ твоего общества, «ты забавляешь, тебя выбираютъ, тебя зовутъ за «совѣтомъ, ты судишь и рядишь и тебя слушаютъ. «Хотя одинаково грубые и суровые тѣломъ и смы«сломъ, Бургунды преданы тебѣ и ты учишь ихъ «въ одно и тоже время и ихъ родному языку и «римскимъ чувствамъ». Можетъ быть эта неблагодарная дѣятельность и внушила Сіагрію отвращеніе отъ общественной жизни, заставивъ его исключительно предаться хозяйственнымъ занятіямъ въ его Тайонакскомъ помѣстьѣ.

Изъ Ліона перейдемъ въ Нарбонну, одинъ изъ главныхъ и богатѣйшихъ городовъ Галліи, первый

---

(206) Sid. l. VIII, 8. Сидоній сравниваетъ его съ Серраномъ и Камилломъ.

(207) Epist. l. V, 5.

въ этой странѣ принявшій римское имя и видѣвшій въ стѣнахъ своихъ ликторовъ римскаго проконсула ([208]). «Кто позабудетъ тебя, говоритъ Авзоній, твои «гавани, горы и озера. Твой храмъ изъ паросскаго «мрамора размѣрами не внушилъ бы презрѣнія ни «древнему Тарквинію, на Катуллу, ни наконецъ тому «Цезарю, который воздвигъ златоверхій Капитолій». Въ длинномъ стихотвореніи воспѣлъ Сидоній красоты Нарбонны, славной здоровымъ климатомъ ([209]). Тогда Нарбонна была уже въ рукахъ Готовъ, стѣны были разбиты осадными машинами и развалины свидѣтельствовали объ ея упорномъ сопротивленіи. Въ Нарбоннѣ первое мѣсто занимала фамилія Консенціевъ, въ которой поэтическіе таланты переходили какъ бы по наслѣдству отъ отца къ сыну. Сидоній заплатилъ ей за радушный пріемъ панегирикомъ въ 500 слишкомъ стиховъ, гдѣ не пожалѣлъ самыхъ пышныхъ похвалъ и сравненій, чтобы рѣзче выставить блестящія качества Консенціевъ. Фамилія состояла изъ троихъ членовъ: дѣда, отца и внука, почти равно знаменитыхъ ([210]). Старшій Консенцій, человѣкъ высокаго ума, знатнаго рода и рѣдкой красоты, былъ женатъ на дочери Приска Іовина, бывшаго консуломъ въ 367. Въ 170 стихахъ выхваляетъ его Сидоній какъ философа, оратора, астронома, поэта, геометра и историка. Семь мудрецовъ греческихъ, Гомеръ, Геродотъ, Эвклидъ, Софоклъ, Эврипидъ и Менандръ уступаютъ ему; Аполлонъ останется назади и самыя музы передъ нимъ показались бы менѣе искусными. Далѣе едва ли можно простирать хвалу. Мы не говоримъ уже о римскихъ поэтахъ и

---

(208) Auson. Claræ urbes XIII.

(209) .... potens salubritate. Carm. XXIII. Narbo ab Consentium civem Narbonensem.

(210) Ibid.

прозаикахъ; съ ними поступаетъ Сидоній еще безцеремоннѣе. Вторый Консенцій родился среди музъ и еще въ ранней молодости получилъ превосходное образованіе. Валентиніанъ III замѣтилъ его блестящія способности и скоро облекъ его полною довѣренностію. Знатокъ греческаго языка, Консенцій посланъ былъ для переговоровъ къ Ѳеодосію Младшему, тестю западно-римскаго Императора, и Византійцы съ изумленіемъ рукоплескали его изящной аттической рѣчи. Для заключенія и упроченія союзовъ, онъ смѣло проникалъ къ берегамъ Вагала, Везера и Эльбы, въ непроходимыя болота Франковъ, и Сигамбры смотрѣли на него съ уваженіемъ. У вратъ каспійскихъ, въ Бактріи, онъ велъ себя такъ, что въ пышномъ дворцѣ, гдѣ среди сатраповъ возсѣдалъ восточный деспотъ, гордо ставившій себя на ряду съ полубогами, передъ нимъ склонялась лунообразная діадема. Говорятъ, онъ проникалъ въ глубь самой Африки ([211]). Послѣ смерти Валентиніана III, Консенцій удалился было на родину, но Авитъ снова вызвалъ его къ государственной дѣятельности и облекъ его въ санъ comitis palatii ([212]). Въ частной жизни Консенцій отличался любовію къ театру и конскимъ ристалищамъ, и Сидоній оставилъ намъ подробное описаніе игръ при Валентиніанѣ III, на которыхъ отличился Консенцій. Подобно отцу, вторый Консенцій былъ извѣстенъ своими стихотвореніями. Сынъ его, третій Консенцій, далеко превосходилъ, по мнѣнію Сидонія, другихъ своимъ поэтическимъ талантомъ. Живя въ роскошной Октавіанской виллѣ, не далеко отъ Нарбонны, онъ посвящалъ весь досугъ поэзіи. Трудно рѣшить, говоритъ Сидоній, что

(211) Сидоній Carm. XXIII. v. 228—262. Мы передаемъ въ сокращеніи отзывъ Сидонія.

(212) Ib. v. 430.

болѣе обработано: деревня ли владѣльца или его способности ([213]). Какъ доказательство таланта Консенція младшаго, Сидоній приводитъ, что жители Нарбонны и Безьера клали на музыку и пѣли его стихотворенія ([214]). Въ семьѣ Консенціевъ Сидоній, бывши въ Нарбоннѣ, встрѣтилъ необыкновенное радушіе. Привѣтливый хозяинъ познакомилъ его съ извѣстнѣйшими гражданами своего города. Утро проходило въ визитахъ или къ епископу Нарбонны или въ богатое жилище Ливія, котораго иные смѣшиваютъ съ извѣстнымъ поэтомъ этого времени, или къ знаменитому юристу Леону, который тогда былъ еще профессоромъ права въ Нарбоннѣ, а потомъ занялъ при Ейрихѣ вестготскомъ тоже мѣсто, какъ Кассіодоръ при Теодерихѣ В. Мы будемъ имѣть еще случай сказать нѣсколько словъ о Леонѣ. Въ Нарбоннѣ же былъ и другой извѣстный юристъ, Марцеллинъ, прямотою и строгостію сужденій казавшійся слишкомъ суровымъ для лицъ, не коротко его знавшихъ ([215]). Кромѣ того Магнъ, отецъ Проба и Феликса, школьныхъ друзей Сидонія, бывшій консуломъ при Майоріанѣ и извѣстный своими философскими занятіями ([216]), и Серранъ, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ своего времени, заставляли Нарбонну гордиться своими гражданами.

Въ Бордо, славномъ уже во времена Авзонія своими винами ([217]), кромѣ Лампридія, намъ уже извѣ-

---

(213) Sid. Epis. l. VIII, 4. Difficile discernitur domini plus ne sit cultum rus an ingenium.

(214) Ibid.

(215) Marcelline meus, perite legum,
Qui verax nimis, et nimis severus
Asper crederis esse nescienti.
Carm. XXIII, v. 465.

(216) Carm. XIV præf. ad Polemium.

(217) Claræ urbes Ausonii XIV.

стнаго, мы находимъ Полемона, потомка Корнеліевъ и историка Тацита, до того преданнаго философіи, что Сидоній почелъ приличнымъ помѣстить цѣлый курсъ исторіи этой науки съ древнѣйшихъ временъ въ эпиталаму, которая должна была привѣтствовать бракъ Полемона съ Арнеолою, одною изъ богатѣйшихъ невѣстъ Галліи ([218]). Тамъ же былъ Рустикъ, другъ Сидонія. Въ Арлѣ, Клермонѣ, Вьеннѣ мы найдемъ также многихъ литераторовъ. Въ Арлѣ, напримѣръ, славился Петроній, извѣстный юристъ; тамъ же жилъ и Домнулъ. Родины и мѣстопребыванія многихъ изъ современныхъ писателей мы совершенно не знаемъ. По умѣнью соединять литературныя занятія съ практическою дѣятельностью выше всѣхъ стоялъ Тонанцій Ферреолъ. Его отецъ былъ префектомъ Галліи при Гонаріѣ, мать была дочь консула Афранія Сіагрія, столь же извѣстнаго своимъ поэтическимъ талантомъ, какъ и заслугами государству. Самъ Ферреолъ былъ префектомъ Галліи въ самую критическую для этой страны минуту, во время нашествія Аттилы, и ему частно обязанъ Аэцій тѣмъ, что варвары, поселившіеся въ предѣлахъ Галліи, дружно стали подъ знамена Рима, чтобы отразить напоръ азіатской орды. Въ другой разъ Ферреолъ оказалъ не маловажную услугу Имперіи, когда Торизмундъ готскій осадилъ въ 452 году неожиданно Арль. «Свирѣпый король Готовъ, говоритъ Сидоній, «былъ увлеченъ твоими медовыми рѣчами, твоей «важной, остроумной, непривычной для него бесѣдой, «и ты заставилъ однимъ обѣдомъ удалиться отъ вратъ «Арля того, кого не могъ бы принудить къ тому «Аэцій» ([219]). Ферреолъ былъ женатъ на дочери

---

(218) См. Carm. XIV.

(219) Sid. Epist. l. VI, p 12.

По поводу Тонанція Ферреола сдѣлалъ смѣшной промахъ Фила-

Императора Авита. Онъ жилъ обыкновенно въ Тревиданѣ, богатомъ помѣстьѣ на границѣ Руерга или въ Прузіанской виллѣ на берегу Гардоны, между Нимомъ и Клермономъ ([220]); вмѣстѣ съ двумя другими славными юристами, Таумастомъ и Петроніемъ, былъ отправленъ въ 468 или 469 году въ Римъ для обвиненія въ государственной измѣнѣ префекта Арванда, какъ мы увидимъ дальше. Сынъ его Тонанцій писалъ къ Сидонію, бывшему уже Епископомъ, прося у него застольныхъ пѣсенъ ([221]). Таковъ былъ литературный кружокъ, среди котораго жилъ Сидоній. Многихъ мы оставили безъ упоминанія, потому что свѣденія о нихъ, доставляемыя Сидоніемъ, слишкомъ скудны, другихъ потому, что будемъ имѣть случай сказать о нихъ нѣсколько словъ послѣ.

Чѣмъ труднѣй становилось время для мирныхъ литературныхъ занятій, чѣмъ яснѣе открывалась глазамъ печальная дѣйствительность и еще болѣе гру-

---

ретъ Шаль въ своихъ Études sur le moyen âge p. 124. Разсказывая объ удачномъ поступкѣ Ферреола, онъ выставляетъ его, какъ примѣръ вліянія епископовъ. Ферреолъ изъ префектовъ Галліи обратился у него не только въ епископа, но даже въ Святаго Очевидно Шаль смѣшалъ его съ Св. Ферреоломъ, замученнымъ въ 304 году около Вьенны. Ферреолъ, о которомъ идетъ рѣчь, никогда не былъ епископомъ и еще менѣе имѣетъ претензій на святость. Можно бы думать, что Шаля ввело въ заблужденіе то обстоятельство, что Сидоній помѣстилъ письмо къ Ферреолу въ книгѣ, почти исключительно посвященной перепискѣ съ епископами, но для этого нужно предположить, что Филаретъ Шаль читалъ сочиненіе Сидонія, а мы никакъ не можемъ рѣшиться сдѣлать это смѣлое предположеніе, потому что при этомъ останутся совершенно необъяснимыми безпрестанные промахи и ошибки, которыми наполнена статейка Шаля. Изъ разсказа автора этюдовъ видно, что онъ и не подозрѣваетъ, что извѣстіе объ удаленіи Торизмунда отъ стѣнъ Арля принадлежитъ Сидонію.

(220) S. Epist. l. II, 9.

(221) S. Epist. l. IX, 13.

стная будущность, тѣмъ тѣснѣй держались другъ друга послѣдніе представители угасавшей образованности. Какъ ни обманчивы ихъ надежды на возможность возрожденія науки и литературы, какъ ни смѣшны ихъ восторженныя похвалы другъ другу сравнительно съ настоящими достоинствами лучшихъ изъ нихъ, отчаянная борьба этихъ послѣднихъ защитниковъ древняго образованія съ приближавшимся варварствомъ среднихъ вѣковъ внушаетъ глубокое участіе. Самыя похвалы, о которыхъ мы столько разъ говорили, кажутся не такъ смѣшными, когда вспомнишь, что быть можетъ это крики, которыми ободряютъ другъ друга послѣдніе противники темнаго невѣжества. Нужно было преувеличенной хвалой и сравненіями, очень часто обнаруживающими только полное незнаніе тѣхъ великихъ образцовъ съ которыми проводится параллель, ободрить упавшихъ духомъ писателей. Только при такомъ самообольщеніи и возможна была еще литературная дѣятельность. Аристократія родовая и служебная теряла свое значеніе въ послѣднихъ смутахъ Римской Имперіи, среди варваровъ, не обращавшихъ вниманія на портреты предковъ, украшавшихъ жилище знатнаго Галло-римлянина, на происхожденіе его отъ фамиліи Сабиновъ или Корнеліевъ. Пытались поддержать по крайней мѣрѣ аристократію образованія; тѣмъ болѣе что она почти сама собою сливалась съ аристократіей по происхожденію—большая часть литераторовъ принадлежала, какъ мы видѣли, къ высшему сословію. «Современники или потомство, пи«шетъ Сидоній къ Клермонтскому ритору Іоанну ([222]), «должны увѣковѣчить статуями или картиной твою «память, какъ память втораго Демосѳена или Цице-

(222) Sid Epist. l. VIII, 2.

«рона. Воспитанные и образованные тобою питомцы «сохранятъ память прошлаго среди непобѣдимаго, но «чуждаго народа (т. е. Вестготовъ) и когда уни-«чтожились различныя почести, по которымъ можно «было различить человѣка высшаго сословія отъ людей «низшихъ классовъ, одна только образованность бу-«детъ отличительнымъ признакомъ благороднаго про-«исхожденія». При дворѣ варварскихъ вождей, раздѣлившихъ между собою Галлію, важнѣйшую роль играли тѣ Галло-римляне, которые могли своими знаніями помочь неопытности и невѣжеству германскихъ конунговъ. Мы видѣли значеніе Сіагрія между Бургундами. Нарбоннскій профессоръ Леонъ дѣлается первымъ министромъ Ейриха готскаго; франкскіе короли окружаютъ себя галлоримскими совѣтниками. и православный епископъ служитъ руководителемъ аріанскому предводителю Бургундовъ. Спасти погибавшую греко-римскую образованность, сохранить аристократію образованія, когда грубая матеріальная сила варваровъ задавила всякую другую, сдѣлалось главною цѣлію дружныхъ, хотя и безполезныхъ усилій литераторовъ второй половины V вѣка. Если въ началѣ соединяло ихъ только единство занятій, впослѣдствіи еще тѣснѣе связала ихъ общая опасность. У Сидонія мы встрѣчаемъ многочисленныя доказательства этого дружнаго дѣйствія. Между литераторами разбросанными по разнымъ городамъ Галліи, въ владѣніяхъ Бургундовъ и Готовъ, въ немногихъ провинціяхъ, еще признававшихъ дѣйствительную или номинальную власть Рима,—идетъ дѣятельная переписка; пересылаютъ другъ другу новыя сочиненія, переписываютъ творенія древнихъ. Письма составляютъ особый, едва ли не самый важный родъ свѣтской литературы. Если нельзя послать собственнаго табеллярія, пользуются поѣздкой купца, священни-

ка, монаха, даже Еврея ([223]), чтобы переслать о себѣ извѣстіе литературнымъ друзьямъ, обмѣняться новыми сочиненіями. Переписку не останавливаетъ ни трудность сообщеній, ни подозрительность различныхъ правительствъ, раздѣлившихъ Галлію. За то надобно читать у Сидонія, какъ радовало его письмо или присылка какой нибудь литературной новости, какъ огорчало его долгое молчаніе нѣкоторыхъ ([224]). Разумѣется, въ тотъ періодъ жизни Сидонія, который мы имѣемъ теперь въ виду, т. е. во время его молодости, многихъ изъ затрудненій еще не существовало; они увеличились или вновь возникли вмѣстѣ съ постепеннымъ паденіемъ власти Рима. Тѣмъ дѣятельнѣе шла переписка. Какъ скоро не грозила близкая и неминуемая опасность, безпечность галлоримскаго общества снова увлекала его. Минутное опасеніе за судьбу римской образованности и римскаго владычества замѣнялось несбыточными надеждами на лучшее будущее. « Мы стараемся пре-« жде всего, говоритъ Марій Викторъ ([225]), съ легко-« мысленными надеждами и съ немощными усиліями « загладить слѣды сарматскихъ опустошеній, ван-« дальскихъ пожаровъ и хищничества быстрыхъ Ала-« новъ; очищаемъ виноградники, снимаемъ жатву, « поправляемъ сорванную съ петель дверь и встав-« ляемъ выбитыя окна, не заботясь о воздѣлываніи « обширнаго поля души и сердца, о поднятіи над-« шаго и плѣненнаго духа ». Едва уносилась вдаль гроза варварскаго нашествія, снова начиналась, какъ прежде, беззаботная жизнь галлоримскихъ аристо-

---

(223) См. Sid. Epist. l. III, 4. Также l. V, 1.—VII, 7,—l. V, 3.—IV, 4.—IV, 7.—VII, 7 и другія.

(224) См. письма къ Феликсу и мног. другія.

(225) Claudii Marii Victoris epistola, ad Salmonem Abbatem. Bibl. Max. Patrum VIII, p. 427.

кратовъ въ ихъ роскошныхъ виллахъ, среди шумныхъ пировъ, подъ пѣсни современныхъ Гораціевъ и Пиндаровъ. Высшимъ обществомъ овладѣвало какое-то вакхическое веселіе, которымъ старалось оно прогнать отъ себя сознаніе настоящаго положенія, и изъ котораго только на минуту извлекали его страшныя катастрофы, такъ часто случавшіяся въ послѣдній вѣкъ существованія Западной Римской Имперіи.

ГЛАВА II.

Смерть Валентиніана III и вступленіе на престолъ Петронія Максима. Современное положеніе префектуры Галлій; варварскія военныя поселенія въ Галліи; поселеніе варваровъ цѣлыми племенами; отпаденіе Арморики отъ Имперіи; Саксы, Франки, Аллеманы, Бургунды, Вестготы, колоніи Аланъ. Правленіе Максима; Авитъ; его избраніе Императоромъ; панегирикъ Сидонія; паденіе Авита; Майоріанъ; возстаніе Галліи; причины неудачи; взятіе Бургундами Ліона; описаніе Теодериха II Готскаго; панегирикъ Сидонія Майоріану. Сидоній въ Арлѣ; ссора съ Пеоніемъ и ужинъ у Майоріана. Смерть Майоріана; удаленіе Сидонія отъ политической дѣятельности; его поѣздки въ различныя провинціи Галліи. Событія въ Галліи по смерти Майоріана и борьба Эгидія съ Рицимеромъ; шаткость общественнаго мнѣнія. Вступленіе на престолъ Антемія. Сидоній въ Римѣ; выборъ патрона; панегирикъ Антемію; увлеченіе Сидонія новымъ его положеніемъ. Дѣло Арванда и странное поведеніе Сидонія; его удаленіе отъ двора. Положеніе I-ой Аквитаніи вообще и Оверни въ особенности; Серонатъ; Сидоній епископъ. Общій характеръ его политической дѣятельности.

16 Марта 455 года погибъ Валентиніанъ III и съ нимъ прекратилось мужеское потомство Ѳеодосія В. Византійскіе историки объясняютъ это убійство придворной интригой, оскорбленіемъ чести супруги знаменитаго сенатора Петронія Максима, надѣвшаго пурпуръ на другой же день кровавой катастрофы и вслѣдъ за тѣмъ женившагося на вдовѣ убитаго. Западные лѣтописцы ближайшую причину видятъ въ

общемъ почти негодованіи за убійство Аэція, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ погибшаго подъ мечами придворныхъ и эвнуховъ въ самомъ дворцѣ и по приказанію Цезаря, нанесшаго первый ударъ (1). Едва ли это объясненіе не имѣетъ за себя болѣе исторической вѣроятности; по крайней мѣрѣ убійцы Валентиніана III принадлежали къ числу приверженцевъ знаменитаго полководца; а вступленіе на престолъ Максима и его поведеніе относительно семейства Валентиніана не нуждается для своего объясненія въ романической исторіи, очевидно существовавшей только въ воображеніи византійскихъ лѣтописцевъ, изъ которыхъ многіе, а въ особенности Прокопій любили объяснять событія мелочной интригой. Петроній Максимъ принадлежалъ къ знатному роду и занималъ высшія должности при Валентиніанѣ: префектъ Италіи, два раза консулъ и наконецъ патрицій, онъ ближе всѣхъ стоялъ къ трону (2). Бракомъ со вдовой Валентиніана Евдоксіей онъ хотѣлъ упрочить свое положеніе, вступивъ въ родство съ фамиліей Θеодосія. Съ тою же цѣлію сынъ Максима женился на старшей дочери погибшаго Императора, бывшей невѣстѣ сына Аэція. Въ письмѣ къ Серрану Сидоній приводитъ свидѣтельство Фульгенція, по которому Максимъ на престолѣ часто жалѣлъ о независимой жизни частнаго человѣка (3). Въ самомъ дѣлѣ, положеніе имперіи было

---

(1) Aëtium Placidus mactavit semivir amens.
Sid. Panegyri Avit. v. 359.

(2) Qui, quanquam in arcem præfectoriam, patriciam consularemque intrepidus ascenderat. Sid. l. II. ep. 13.

(3) Dicere solebat vir litteratus... Fulgentius, ore se ex ejus frequenter audisse, cum perosus pondus imperii veterem securitatem desideraret, felicem te, Damoclès, qui non uno longius prandio regni necessitatem toleravisti. ibid.

почти безнадежное. Борьба съ Аттилою была послѣднимъ напряженнымъ усиліемъ падающаго государства отстоять свое существованіе. И притомъ, какими силами велась эта борьба! Въ войскѣ, сразившемся на равнинахъ Шампани съ германскими и татарскими полчищами гуннскаго завоевателя, римскаго было одно имя и знаменитый вождь, предводившій защитниками Римской Имперіи, самъ былъ Сарматъ или Скиѳъ по происхожденію (4). Стоитъ взглянуть на положеніе Галліи, чтобы убѣдиться въ близости конца Римской Имперіи. Не забудемъ, что въ этой странѣ номинальное существованіе римскаго владычества кончилось позже, нежели въ самой Италіи, что здѣсь было болѣе римскаго патріотизма нежели въ самомъ Римѣ. Къ префектурѣ Галліи принадлежала Британія и Испанія. Съ 407 года Британія управлялась своими властями и была фактически независима отъ Рима, хотя и не разрывала сношеній съ областями западной Римской Имперіи. Съ 445 года внутреннія усобицы и борьба съ Саксами начали грозить не только независимости острова, но и римской цивилизаціи и Христіанству, давно уже утвердившимся въ этой странѣ. Въ послѣдній разъ въ отчаянной борьбѣ съ дикими германскими завоевателями обратились келто-римскіе вожди къ Риму. Варвары, писали они къ Аэцію въ 446 г., тѣснятъ насъ къ морю, море отталкиваетъ насъ къ варварамъ и повсюду встрѣчаетъ насъ гибель. Риму было не до того, чтобы думать о защитѣ отдаленной провинціи и римская образованность подавлена была въ Британіи дикимъ варварствомъ Саксовъ и чтители Одина едва не уничтожили совершенно Христіанство

(4) Gaudentius pater, Scythiæ provinciæ primoris loci. Mater itala, nobilis ac locuples femina. Gregor. Turon. Histor. Franc. II, 8.

на этомъ островѣ, разорвавъ на долго сношенія британской церкви съ Христіанской Галліей и Италіей. Самая страна обратилась въ пустыню и звѣриная ловля сдѣлалась главнымъ занятіемъ жителей. Не многимъ лучше была судьба и другаго викаріата, принадлежавшаго къ префектурѣ Галлій, Испаніи. Свевы, Аланы и Вандалы прорвались въ эту страну въ 409 году; римское правительство слишкомъ слабое, чтобы защищать Испанію собственными средствами, постоянно старалось истреблять варваровъ однихъ другими. Въ войнѣ съ Валліей Вестготскимъ истреблены были Аланы; отчаянно рѣзались между собою Вандалы и Свевы, и Вестготы нѣсколько разъ являлись въ Испанію для возстановленія власти Рима. Имперіи мало было впрочемъ пользы отъ истребительныхъ войнъ варваровъ между собою. Вандалы перешли въ Африку; но владѣнія Имперіи не увеличились отъ этого въ Испаніи. Власть Рима признавали весьма немногія горныя области сѣверозападной части и часть восточнаго прибрежья, гдѣ впрочемъ римскимъ правителямъ приходилось въ одно и тоже время отбиваться отъ варваровъ и подавлять опустошительныя возстанія багодовъ. Попытки возстановить власть Рима въ Испаніи шли изъ Галліи, производились силами этой провинціи. Каково-же было положеніе Галліи и чѣмъ могла тамъ располагать Имперія? Стоитъ бросить взглядъ въ Notitia dignitatum, составленную въ началѣ V вѣка, чтобы убѣдиться, какъ много варварскаго элемента было въ войскахъ Имперіи. Нѣтъ почти ни одной провинціи, гдѣ бы не поселены были или не стояли всегдашнимъ постоемъ отряды разноплеменныхъ варваровъ. Сарматская конница вмѣстѣ съ Тайфалами занимала Пуатье; отряды Сарматъ были растянуты отъ Парижа до Хоры (la Cure), между Реймсомъ и Аміеномъ, въ теперешнихъ округахъ Роаннэ и Велэ;

ихъ находимъ въ Лангрѣ (въ Бельгійской 2 провинціи); въ Отенѣ (въ Ліонской 1 провинціи) ([5]). Мы находимъ въ Галліи отряды Салійскихъ Франковъ, Бруктеровъ, Амисиваріевъ, кромѣ того два пѣхотныхъ и два конныхъ отряда Батавовъ, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть также Франковъ, занявшихъ еще съ половины четвертаго вѣка островъ Батавовъ ([6]). Батавы же или Франки занимали сверхъ того Нойонъ и Аррасъ во 2 Бельгійской провинціи и Байё (Bayeux) въ Ліонской 2. Свевы стояли гарнизономъ въ Байе и Кутансѣ во 2 Ліонской провинціи, въ Мансѣ въ Ліонской 3 и наконецъ въ самомъ центрѣ Галліи, въ Клермонѣ въ 1 Аквитаніи ([7]). Далматскіе всадники были расположены между Кале и Гравелиномъ и пѣхотный отрядъ въ Авраншѣ ([8]). Въ Ваннѣ (департаментъ Морбиганъ) и въ Каргэ (департаментъ Финистеръ) находились Мавры, кромѣ конныхъ отрядовъ этого народа, расположенныхъ неизвѣстно въ какомъ мѣстѣ Галліи ([9]).

---

(5) Præfectus Sarmatarum gentilium et Taifalorum gentilium Pictavis. Præfectus Sarmatarum a Chora Parisios usque... inter Remos et Ambianos... per tractum Rodunensem et Alaunorum... Lingonas и т. д. Notitia dignitatum et administrationum omnium... recensuit Eduardus Bœking. p. 122. Мы пользовались превосходнымъ комментаріемъ издателя. См. Annotatio ad notitiam dignitatum; fasciculus V. p. 1139—1145.

(6) Salii Seniores... Bructeri... Ampsivarii. Notit. dignit. p. 35. Equites Batavi Seniores... Equites Batavi Juniores. ib. p. 39. Франкскіе леты въ Реннѣ во 2 Ліонской провинціи ibid. p. 119.

(7) Præfectus gentilium Suevorum Baiocas et Constantiæ... Cenomannos... Arvernos. Notitia dignitatum in part. Occidentis p. 119, 120.

(8) Equites Dalmatæ Marcis in Littore Saxonico. Not. Dignit. p. 108. Bœking's Annotatio, Fascic. V. p. 837. Præfectus militum Dalmatarum Abrincatis. Notit. dign. p. 107.

(9) Præfectus militum Maurorum Venetorum Venetis... præfectus militum Maurorum Osismiacorum Osismiis. Not. dign. 107... Equi-

Кромѣ этихъ отрядовъ, положительно обозначенныхъ ихъ народными именами, мы можемъ почти утвердительно сказать, что и подъ Римскими названіями самихъ легіоновъ скрывались тѣже варвары. Орозій, разсказывая объ экспедиціи узурпатора Константина въ Испанію, положительно говоритъ, что Гонаріанцы состояли изъ варваровъ, принятыхъ въ число римскихъ союзниковъ ([10]). Вѣроятно такой же составъ былъ и въ легіонахъ, носившихъ имя Jovii, Valentinianenses и т. д. Вся Галлія была такимъ образомъ покрыта сѣтью варварскихъ военныхъ поселеній и число ихъ росло по мѣрѣ увеличивавшейся слабости Рима. Ближе къ тому времени, которое мы имѣемъ въ виду т. е. ко второй половинѣ V вѣка, мы видимъ, вмѣсто отдѣльныхъ отрядовъ варваровъ, цѣлыя племена, поселившіяся на земляхъ Римской Имперіи въ качествѣ союзниковъ и подъ условіемъ военной службы. Подвигаясь внутрь Имперіи, Германцы находили тамъ своихъ единоплеменниковъ, ветерановъ римской арміи, и этимъ частію объясняется какъ успѣхъ самаго завоеванія такъ и отсутствіе сопротивленія новымъ пришельцамъ со стороны сельскаго населенія, давно привыкшаго принимать къ себѣ германскихъ колонистовъ и вступать съ ними въ родство, не смотря на запрещенія император-

---

tes Mauri Alites ibid. p. 39. Бёкингъ въ комментаріяхъ на Notit. dignit. Orientis дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: Numerosum gentilia nomina aut a militum patria aut a regione, ad cujus præsidium vel ab initio vel κατ' ἐξοχὴν destinati fuerunt, aut a militiæ denique genere sumpta sunt; neque omnes *Dalmatæ*, quorum liber noster mentionem fecit, ex Dalmatia oriundi fuerunt, non magis quam *Mauri* omnes ex Mauritaniis aut Illyriciani ex Illyriis, militiæ genus, non patriam militum ea nomina indicant. Fasciculus II. p. 188 n. 20.

(10) Cum barbaris quibusdam, qui quondam in fœdus recepti atque in militiam allecti, Honoriaci vocabuntur. Orosii lib. VII Bibl. Max. Patrum. t. VI. p. 447.

скихъ эдиктовъ. Если въ войскахъ Имперіи мы находимъ почти исключительно германскихъ и татарскихъ варваровъ, если Аэцій упрочиваетъ власть Рима въ Галліи помощію гуннской конницы, а Майоріанъ ведетъ за собой цѣлыя орды почти неизвѣстныхъ племенъ; то въ первой половинѣ V вѣка мы видимъ всѣ пограничныя области Галліи въ рукахъ поселившихся тамъ германскихъ народовъ и развѣ только самый центръ еще свободенъ отъ ихъ поселеній. «Несчастное время, говоритъ Просперъ Аквитанскій, когда нѣтъ ни одной провинціи безъ варварскихъ поселенцевъ и ненавистная ересь Арія, утвердившаяся между варварскими народами, распространяясь повсюду, прежде времени присвоиваетъ себѣ имя каѳолическаго ученія». Интересно взглянуть на постепенное размѣщеніе варваровъ въ предѣлахъ Галліи.

Начнемъ съ сѣверо-западной ея оконечности: съ Арморики. Бритты, населявшіе эту часть Галліи и сохранившіе въ большей чистотѣ первобытный кельтскій характеръ, народъ легкомысленный, подвижный, своевольный, охотникъ до новизны, говорливый и увлекающійся (11), Бритты Арморики, мало поддавшіеся вліянію римской образованности и нравовъ, воспользовались смутами царствованія Гонорія, чтобы выгнать римскихъ чиновниковъ и возстановить свою независимость, къ которой были страстно привязаны. Только два города, Реннъ и Нантъ, сохранили императорскихъ чиновниковъ; вся же страна

---

(11) Torva, ferox, ventosa, procax, incauta, rebellis,
Inconstans, disparque sibi novitatis amore,
Prodiga verborum, sed non et prodiga facti.
Erricus Monachus

Mobilem et indisciplinatum populum... Vita S. Germani. Gibbon, edit. Buchon. t. I. p. 768 note 3.

по кривой линіи отъ Доля до рѣки Ердры управлялась своими вождями, признавшими надъ собою власть верховнаго вождя (Pentiern), какимъ были Конанъ послѣ возстановленія самостоятельности Арморики и сынъ его Саломонъ (Salaun), принявшій имя Флавія, родовое прозваніе римскихъ Императоровъ. Бритты признали надъ собою верховную власть Рима (около 421 г.); но изъ народа покореннаго они стали союзниками Римской Имперіи ([12]), что не мѣшало имъ впрочемъ почти безпрестанно вторгаться въ сосѣднія области римской Галліи. Сильное противодѣйствіе Риму обнаружилось въ Арморикѣ особенно послѣ убійства Саломона. Граллонъ, вождь корнваллійскій, занявшій мѣсто убитаго, былъ постояннымъ врагомъ Имперіи. Бритты сражаются съ Гуннами подъ знаменами Аэція, нѣсколько разъ подаютъ помощь римскому правительству; но въ тоже время берега Луары постоянно опустошаются ихъ вторженіями. Даже въ качествѣ союзниковъ призываемые въ римскую Галлію, они дѣйствуютъ не лучше враговъ ([13]). Не только начатки римской цивилизаціи были подавлены этимъ возвращеніемъ къ прежней національности и независимости, самое Христіанство много потерпѣло въ слѣдствіе разрыва съ Имперіею. Въ V вѣкѣ у Бриттовъ мы находимъ только одного епископа, именно: въ Ваннѣ (Venetum). Въ IX вѣкѣ ихъ обвиняютъ въ томъ, что они сохранили одно только имя Христіанъ. Въ этомъ отношеніи Арморика раздѣлила судьбу Британіи, гдѣ паденіе образованности, возвращеніе къ варварству и

---

(12) Іорнандъ хорошо характеризуетъ этотъ переходъ: quondam milites Romani, tunc vero jam in numero auxiliariorum exquisiti. De rebus Geticis, XII. Edit. Panckoucke. p. 330.

(13) См. Sid. l. III, 9, къ Ріотаму.

запустѣніе страны слѣдовали за отторженіемъ отъ Римской Имперіи.

Далѣе къ сѣверу по прибрежью утвердились саксонскіе пираты. Еще съ перваго вѣка сѣверо-западное поморье Галліи: Белгія 2, Ліонская 2 провинціи, и устья рѣкъ Сены, Луары и Гаронны подвергались безпрестаннымъ нападеніямъ. Сѣверный берегъ Галліи получилъ названіе саксонскаго; 6 легіоновъ, отрядъ далматской конницы и двѣ эскадры прикрывали его по указанію Notitia dignitatum. Легіонъ помѣщенный въ Блэ (Blaye) защищалъ устье Гаронны. Этихъ предосторожностей было недостаточно; къ тому же силы Имперіи значительно уменьшились послѣ удаленія изъ Галліи войскъ при Стиликонѣ и послѣ вторженія варваровъ въ 406 году. «Саксамъ, по словамъ Сидонія ([14]), было игрушкой бороздить британское море и легкими челнами, обшитыми кожей, разсѣкать лазурныя волны». Въ письмѣ къ Наммацію Сидоній дѣлаетъ характеристику морскихъ разбойниковъ.

«Это самый свирѣпый изъ всѣхъ враговъ, говоритъ онъ: онъ нападаетъ въ расплохъ, исчезая, если его нападеніе предвидѣно; онъ оставляетъ въ покоѣ готовыхъ его встрѣтить и поражаетъ безпечныхъ; преслѣдуя врага, онъ настигнетъ его; если самъ бѣжитъ, ускользнетъ отъ погони. Кораблекрушенія изощряютъ его искуство, не не устрашаютъ. Саксы не только хорошо знаютъ борьбу съ моремъ, они сдружились съ нею. Въ бурю среди волнъ и выдавшихся подводныхъ камней, они весело переносятъ опасности въ надеждѣ на добычу. Прежде чѣмъ поднять

---

(14) ..... cui pelle salum sulcare britannum
Ludus et assuto glaucum mare findere lembo.
Sid. Panegyr. Avito. v. 369.

паруса для возвращенія на родину и вытащить съ чуждаго дна цѣпкіе якорья, у нихъ есть обычай умертвить въ жестокихъ и равныхъ для всѣхъ мукахъ десятую часть плѣнниковъ, обычай тѣмъ болѣе грустный, что основанъ на суевѣріи. Несправедливая смерть толпы, обреченной на гибель, сопровождается безпристрастнымъ жребіемъ. Такими жертвами они исполняютъ обѣты и не столько очищенные жертвоприношеніемъ, сколько оскверненные святотатствомъ они думаютъ, совершая несчастное убійство, что поступаютъ религіозно, если болѣе требуютъ съ плѣнника мученій, чѣмъ выкупа» ([15]). Въ V вѣкѣ во время смятеній 407—413 годовъ Саксы утвердились въ двухъ пунктахъ 2 Ліонской провинціи въ Байе (Bayocas) и Лизьё ([16]) (Lexovii), такъ что въ этихъ городахъ мы уже не находимъ болѣе Христіанскихъ церквей. Менѣе сплошныя поселенія Саксовъ были въ областяхъ городовъ Авранша и Кутанса ([17]). Здѣсь Христіанство и римская цивилизація были пока еще не совсѣмъ уничтожены суровыми поклонниками Одина.

Арморика должна была безпрестанно отбиваться отъ ихъ нападеній и, проникнувъ въ устье Луары,

---

(15) Hostis est omni hoste truculentior. Improvisus aggreditur, prævisus elabitur, spernit objectos, sternit incautos; si sequatur, intercipit; si fugiat, evadit. Ad hoc, exercent illos naufragia, non terrent... in medio fluctuum scopulorumque confragrosum spe superventus læti pereclitantur. Præterea, priusquam de continenti in patriam vela laxantes hostico mordaces anchoras vado vellant, mos est remeaturis decimum quemque captorum per æquales et cruciarias pœnas, plus ob hoc tristi quod superstitioso ritu, necare... religiosum putant cædis infaustæ perpetratores, de capite captivo magis exigere tormenta quam pretia. Sid. l. VIII, epist. 6.

(16) Часть нынѣшнихъ департаментовъ Calvados, Eure и Orne.

(17) Abrincatum и Constantia въ департаментѣ de le Manche.

Саксы поднялись вверхъ по рѣкѣ до лѣсистыхъ острововъ, находящихся ниже Анжера, и устроили тамъ главный притонъ для своихъ лодокъ. Названіе саксонскихъ осталось за этими островами до тѣхъ поръ, пока Норманны не утвердились тамъ по примѣру своихъ смѣлыхъ предшественниковъ. Подобно другимъ племенамъ, вторгавшимся въ области Римской Имперіи, Саксы вынудили у римскаго правительства уступку захваченныхъ ими владѣній, признавъ за то номинальную зависимость отъ Рима и обязавшись выставлять вспомогательные отряды. Въ битвѣ съ Аттилой Саксы сражались подъ знаменами Аэція, что не препятствовало имъ опустошать по прежнему берега морей и рѣкъ Галліи.

Сѣверо-восточная часть Галліи между Рейномъ и Соммою т. е. почти вся нижняя или II Германія и сѣверныя части обѣихъ Белгій были въ рукахъ Франковъ. Въ III вѣкѣ является въ римской исторіи имя Франковъ, хотя народы, составлявшіе эту конфедерацію, были извѣстны Римлянамъ еще со временъ Цезаря и Тацита. Здѣсь не мѣсто входить въ объясненіе причинъ образованія союза Франковъ и въ исторію борьбы ихъ съ Римлянами ([18]). Скажемъ только, что южной границей союзныхъ племенъ полагаютъ Герцинскій лѣсъ и теченіе Майна или даже Неккера; Везеръ и Эльба были крайними предѣлами на востокѣ; Фризы отдѣляли ихъ отъ береговъ моря и Рейнъ отъ владѣній Римской Имперіи. Бруктеры, Катты, Хамавы, Сигамбры и Саліи были главными

---

(18) Относительно этимологіи имени Франковъ и исторіи ихъ вторженій см. Lehuërou Histoire des institutions Mérovingiennes et Carolingiennes t. I., livre I, chapitres, V, VI, VII и XI. Также Fauriel, Histoire de la Gaule Méridionale sous la domination des conquérants germains t. I. chap. IV et V. и Pétigny, Etudes sur l'époque Merovingienne.

племенами, составлявшими союзъ Франковъ. Въ постоянной борьбѣ съ Саксами и Аллеманнами, Франки съ 253 по 337 годъ безпрестанно тревожатъ прирейнскія области Галліи своими вторженіями. Это не было впрочемъ слѣдствіемъ завоевательнаго стремленія цѣлаго союза. Трудно сказать, былъ ли когда нибудь случай, гдѣ бы дѣйствовали соединенныя силы всей конфедераціи. Вторженіе въ Галлію не было даже дѣломъ отдѣльныхъ племенъ, желавшихъ совершенно переселиться на лѣвый берегъ Рейна. Въ области Римской Имперіи влекла дружины Франковъ та жажда безпокойной дѣятельности, которою обозначилось разложеніе патріархальнаго быта въ племенахъ германскихъ; явленіе уже ясно обозначенное въ знаменитомъ сочиненіи Тацита. Племена переселились въ Галлію уже потомъ, когда были сами увлечены общимъ движеніемъ, и по дорогѣ, проложенной смѣлыми дружинниками, стоявшими внѣ племенныхъ національностей. За Рейнъ стремились дружины смѣльчаковъ, добровольныхъ или невольныхъ изгнанниковъ изъ родины, гдѣ имъ не было житья среди узкихъ формъ родоваго быта, тѣ дружины, которыя мы находимъ начиная съ I вѣка у всѣхъ германскихъ и скандинавскихъ народовъ и которыя, будучи составлены повсюду изъ одинаковыхъ элементовъ, дали, по мнѣнію нѣкоторыхъ, названіе союзу племенъ отъ Везера до нижняго теченія Рейна ([19]). Около столѣтія продолжались безпрерывныя, почти

---

(19) Wrag, wræc, wrang, warg, frec, franc,—слова однозначительныя съ utlagh Англо-Саксовъ, съ forbannitus закона Рипуарскихъ Франковъ, съ warengangus Лангобардскихъ законовъ имѣютъ общее значеніе exul, pago expulsus, отверженникъ общества, разбойникъ, человѣкъ скитающійся какъ звѣрь (warg, разбойникъ, волкъ, изгнанникъ). См. Lehuërou. t. I. l. I. chap. II.

ежегодныя вторженія франкскихъ дружинъ на лѣвый берегъ Рейна; но только послѣ 337 года удалось одному изъ племенъ, именно: Салійскимъ Франкамъ, утвердиться въ сѣверо-западномъ углу нижней или II-й Германіи, въ Токсандріи, и остаться тамъ по мирному договору съ Императоромъ Констанціемъ (342 или 344 года). Съ этого времени никакими силами не возможно было остановить дальнѣйшаго распространенія Франковъ на лѣвомъ берегу Рейна. Три похода предпринималъ Юліанъ, чтобы очистить Галлію отъ германскихъ варваровъ, прорвавшихся за завѣтный рубежъ Рейна, и однако принужденъ былъ оставить токсандрійскихъ Франковъ. Ни одна часть Римской Имперіи не могла представлять такихъ удобствъ для завоеванія Германцами какъ сѣверо-восточная Галлія. Уже Цезарь нашелъ германскія племена утвердившимися въ Белгіи. Германское населеніе увеличивалось вслѣдствіе новыхъ переселеній изъ-за Рейна. Такъ при Августѣ Убіи были поселены по римскому берегу рѣки и съ тѣхъ поръ число германскихъ колонистовъ одинаково увеличивалось и отъ побѣдъ Римлянъ надъ варварами, потому что тысячи плѣнныхъ обращались въ летовъ, и отъ ихъ пораженій, потому что тогда слабое правительство не рѣшалось отказывать варварамъ, просившимъ позволенія поселиться на земляхъ Имперіи. Преобладаніе Германскаго элемента въ восточной половинѣ Цезаревой Белгіи доказывается самымъ названіемъ прирейнскихъ провинцій, Germania I sive superior, Germania II sive inferior; не безъ сильной примѣси Германцевъ было населеніе и обѣихъ Белгій. Не было рѣзкаго различія и въ общественномъ отношеніи между населеніемъ противуположныхъ береговъ Рейна. Римская цивилизація мало проникла въ Германію II и Белгію II. Здѣсь не было большихъ городовъ и только римскіе гарнизоны зани-

мали пункты, важные въ стратегическомъ отношеніи. Самое Христіанство, утвердившееся въ Британіи и Арморикѣ, сюда еще мало проникло. Жители обоихъ береговъ нижняго Рейна были одинаково язычниками. Переселеніе Франковъ не производило переворота въ судьбахъ сѣверо-восточной части Галліи, не уничтожало Христіанства и образованности какъ завоеваніе языческими Саксами христіанско-римской части Британіи. Послѣ Юліана, вторженія Франковъ сдѣлались чаще и приняли большіе размѣры. Въ то время, какъ нѣкоторые изъ Франковъ составляли одну изъ главныхъ опоръ императорской власти, занимая высшія государственныя должности, наполняя собою арміи и участвуя во всѣхъ политическихъ переворотахъ, другіе огнемъ и мечемъ пустошили несчастныя провинціи. Триръ былъ 4 раза взятъ и разграбленъ ими до 440 года ([20]). Въ 440 году таже участь постигла Майнцъ и Кёльнъ. Около 445 г. въ землѣ Тонгровъ, въ II Германіи по теченію Мааса, мы находимъ второе поселеніе зарейнскихъ Франковъ, именно Франковъ Клодіона, игравшихъ впослѣдствіи такую важную роль въ судьбахъ Галліи. Въ этомъ году Клодіонъ прошелъ по 2-й Белгіи до самой Соммы. Побѣды Аэція (428, 447 г.) не могли остановить напора Франковъ, прочно утвердившихся въ Галліи. Съ 448 г. мѣсто Клодіона занялъ Меровигъ, родоначальникъ первой династіи франкскихъ королей. Анналисты VIII и позднѣйшихъ столѣтій, руководясь по всей вѣроятности народными пѣснями и преданіями, передали намъ миѳическую исторію Меровига, отъ современниковъ же до насъ дошли точно такія же скудныя извѣстія объ этомъ вождѣ, какъ и о постепенномъ поселеніи

---

(20) Въ 399, 413, 420 и 440 годахъ.

и утвержденіи Франковъ въ Галліи. Почти все, что мы знаемъ, ограничивается тѣмъ, что въ концѣ царствованія Валентиніана III, кромѣ Салійскихъ Франковъ давно уже утвердившихся въ Токсандріи, Франки Клодіона и Меровига занимали берега Мааса и владѣли кромѣ части II Германіи сѣверными границами обѣихъ Белгій. Имперіи оставалось только законнымъ образомъ утвердить актъ завоеванія и принять Франковъ въ число союзныхъ и подчиненныхъ народовъ, уступивъ имъ тѣ земли, которыя она не смогла отстоять отъ нихъ. Въ какихъ отношеніяхъ были одно къ другому два племени Франковъ, утвердившихся на земляхъ Имперіи и какова была участь покоренныхъ, мы не знаемъ.

Въ I-ой Германіи ([21]) утвердились Аллеманы, союзъ различныхъ племенъ (all-men), между которыми преобладаютъ однако Свевы, образовавшійся во II вѣкѣ въ странѣ между верхнимъ Дунаемъ, Рейномъ и Герцинскимъ лѣсомъ, тамъ гдѣ были Decumates agri Тацита. Галлія и Италія одинаково подвержены были ихъ нападеніямъ. Въ 256 году они проникли до Арля, опустошивъ берега Роны и самую Овернь. Послѣ 270 г. 70 городовъ Галліи были разрушены ими и многіе не поднялись изъ развалинъ. Въ судьбахъ Имперіи они играли почти такую же роль какъ и Франки. Союзники Рима они ведутъ съ нимъ ожесточенныя войны. Король Ерокъ (или Крокъ) помогаетъ Константину В. въ 306 г. сдѣлаться Цезаремъ. Валентиніанъ I и Граціанъ лично водитъ противъ Аллемановъ легіоны, предавая жестокимъ казнямъ плѣнниковъ. Въ 30 годахъ V вѣка (около 440 г.) св. Северъ, епископъ

---

(21) Департаменты Haut et Bas Rhin, Рейнскія провинціи Баваріи и Гессена, и Нассау.

Трира, проповѣдывалъ Евангеліе въ областяхъ занятыхъ Аллеманами; но мы не знаемъ, какъ велики были успѣхи его проповѣди.

Варвары, поселившіеся въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ областяхъ Имперіи, были язычники: Саксы между всѣми Германцами были извѣстны своею звѣрскою свирѣпостію, Франки гордились именемъ людей жестокихъ. На долю южной и юговосточной Галліи достались Германцы, уже нѣсколько подчинившіеся вліянію римской цивилизаціи, съ нравами смягченными Христіанствомъ, именно: Бургунды и Вестготы. Той части Галліи, гдѣ крѣпко утверждена была римско-христіанская образованность, суждено было и достаться въ руки не столь дикихъ варваровъ, какъ суровые завоеватели сѣвернаго прибрежья и прирейнскихъ провинцій. Правда, на берегахъ Луары и Роны были колоніи Алановъ, передъ свирѣпостію которыхъ Франки и Саксы могли похвалиться кротостію; но Аланы были немногочисленны и скоро исчезли почти безъ слѣда, истребленные ожесточеннымъ противъ нихъ галлоримскимъ и германскимъ населеніемъ Галліи. Бургунды прибыли къ берегамъ верхняго Рейна, увлеченные стремленіемъ Алановъ, Свевовъ и Вандаловъ. Въ 413 году, въ числѣ 80 тысячь человѣкъ способныхъ носить оружіе, они перешли съ королемъ Гундикаромъ на лѣвый берегъ Рейна въ I Германіи и утвердились между этой рѣкой и Вогезами, получивъ уступку этихъ земель отъ Равеннскаго двора. Бургунды явились въ областяхъ Римской Имперіи уже Христіанами. Правда, они принадлежали къ сектѣ Арія, какъ всѣ германскіе народы, обращенные миссіонерами аріанскихъ преемниковъ Константина В.; но въ характерѣ Бургундовъ было такъ мало фанатической нетерпимости, составлявшей особенность сектаторовъ Арія, въ своемъ поведеніи относительно каѳолическаго населенія

Галліи они такъ отличались отъ Вандаловъ и Вестготовъ, что нѣкоторые христіанскіе писатели говорятъ объ ихъ обращеніи къ православію почти въ первое время ихъ поселенія на земляхъ римской имперіи. Орозій ([22]) считаетъ ихъ православными тотчасъ послѣ перехода на лѣвый берегъ Рейна; Сократъ разсказываетъ о чудесномъ обращеніи ихъ въ 435 году. Въ 428 году Бургунды перешли Вогезы и овладѣли Мецемъ (Mettis) и Тулемъ (Tullum); изгнанные Аэціемъ, они возобновили покушеніе на Белгію около 433 г., въ одно время съ страшнымъ возстаніемъ багодовъ въ этой провинціи. На этотъ разъ Аэцію нужно было двѣ кампаніи, чтобы удержать ихъ. Побѣды Аэція вмѣстѣ съ сильнымъ урономъ, нанесеннымъ Бургундамъ Гуннами, остановили завоевательное стремленіе этого народа. Съ этого времени они являются скорѣе вѣрными союзниками имперіи, нежели ея врагами. Въ 443 году Бургунды, давно уже утвердившіеся въ нынѣшней Швейцаріи и Франшъ-Конте (Tractus Sequanicus или Maxima Sequanorum), были приняты въ долину верхней Изеры, въ нынѣшнюю Савойю, и, съ разрѣшенія римскаго правительства, раздѣлили землю съ прежними жителями пеннинскихъ или греческихъ Альповъ ([23]). Легкость, съ которою исполнилось это поселеніе, много говоритъ въ пользу мягкаго характера Бургундовъ; мы уже упомянули объ отсутствіи религіознаго фанатизма; есть прямыя указанія на ихъ дружескія отношенія къ галлоримскому населенію, среди котораго они утвердились ([24]). Владычество

---

(22) Orosii Hist. l. VII.

(23) См. Lehuërou I. 179 и Fauriel. I. 203.

(24) Blande, mansuete innocenterque vivunt non quasi cum subjectis Gallis, sed vere cum fratribus Christianis. Oros. Histor. l. VII.

Бургундовъ было тяжело для высшаго, образованнаго сословія; низшіе классы скоро свыкались съ этимъ народомъ, болѣе другихъ германскихъ племенъ способнымъ къ мирнымъ занятіямъ осѣдлой жизни ([25]). Съ замѣчательною легкостію подчинились Бургунды римскому вліянію и хотя это частію можетъ объясниться ихъ малочисленностію сравнительно съ окружающимъ ихъ галлоримскимъ населеніемъ; но нѣтъ сомнѣнія, что многое также зависѣло отъ самаго характера этого народа. Галлоримляне въ Бургундскихъ законахъ VI столѣтія поставлены юридически наравнѣ съ Бургундами и свидѣтельства V вѣка не позволяютъ предполагать, чтобы покоренное населеніе было слишкомъ подавлено и унижено этими германскими завоевателями.

Одновременно съ Бургундами явились въ Галліи Вестготы подъ предводительствомъ Атаульфа. Въ началѣ 412 года, опустошивъ Тоскану, двинулись Готы въ Галлію. Число ихъ опредѣлить трудно: полагаютъ, что оно не превышало 70 или 80 тысячъ способныхъ носить оружіе или около 200,000, считая женщинъ, дѣтей и стариковъ ([26]). Кромѣ Вестготовъ, составлявшихъ главную массу ополченія, подъ знаменами Атаульфа шли варварскіе союзники Рима, перешедшіе къ своимъ единоплеменникамъ послѣ павійской катастрофы, также рабы, бѣжавшіе отъ господъ своихъ послѣ вторичной осады Рима. Отбитые отъ Марсели извѣстнымъ Бонифаціемъ, Готы перешли Рону, прошли первую Нарбоннскую провинцію и утвердились между Пиренеями, моремъ и те-

---

(25) По свидѣтельству Сократа почти всѣ Бургунды снискивали себѣ пропитаніе столярной и плотничьей работой. Смотри извлеченія изъ его церковной исторіи у Bouquet, t. I.

(26) Таково вычисленіе Форіеля см. Histoire de la Gaule Méridionale. I, 115.

ченіемъ Гаронны въ провинціи Новемпопуляніи ([27]) и въ южныхъ частяхъ 1 и 2 Аквитаніи. Нарбонна, Тулуза и Бордо были заняты ими и Атаульфъ праздновалъ въ Нарбоннѣ бракъ свой съ дочерью Ѳеодосія В. Плацидіей, отношенія къ которой представляютъ въ исторіи едва ли не первый примѣръ рыцарской привязанности, составлявшей оригинальную особенность средневѣковаго общества. Готамъ на этотъ разъ не удалось, впрочемъ, окончательно утвердиться въ областяхъ южной Франціи. Въ 414 году патрицій Констанцій, соперникъ Атаульфа въ чувствахъ къ Плацидіи, принудилъ готскаго короля оставить захваченныя имъ провинціи и удалиться на ту сторону Пиренеевъ, въ Испанію. Покоряясь необходимости, Готы снова начали скитальческую жизнь. Передъ удаленіемъ въ Испанію, они опустошили страну, которую считали до сихъ поръ мѣстомъ окончательнаго утвержденія. Павлинъ разсказываетъ въ своемъ Евхаристиконѣ, чему подвергся Бордо. Чтобы снискать расположеніе завоевателей, Павлинъ согласился занять при дворѣ Аттала, провозглашеннаго снова императоромъ, должность начальника частной казны императора (comes privatae largitionis), не смотря на то, что она существовала только въ воображеніи. Это не спасло его отъ общей участи жителей Бордо. «Когда Готы, говоритъ онъ, хотѣли «по приказанію короля Атаульфа отправиться изъ «нашего города, въ который были приняты безо «всякаго сопротивленія, они обошлись съ нами какъ «съ жителями мѣста, взятаго приступомъ, и опусто«шенный городъ былъ сожженъ. Я былъ тамъ и «не смотря на то, что былъ чиновникомъ импера«тора, власть котораго признавали и они сами, ли-

(27) Новемпопулянія заключала въ себѣ нынѣшніе департаменты Landes, Gers, Hautes et Basses Pyrénées и arrondissement de Saint-Girons (Arriége).

«шился всего имѣнія, вмѣстѣ съ матерью, раздѣ-
«лившею мою участь. Они сдѣлали для насъ толь-
«ко одно снисхожденіе; могши задержать насъ какъ
«плѣнниковъ, они позволили безъ всякаго наказанія
«оставить городъ, вмѣстѣ съ тѣми изъ прислуж-
«ницъ, которыя раздѣляли судьбу нашу. Ихъ стыд-
«ливость не была оскорблена никакимъ покушеніемъ.
«Божественная благость, которой я возсылаю не-
«прерывное благодареніе, избавила меня еще отъ
«бо́льшей тревоги; дочь моя, которую я недавно вы-
«далъ за мужъ, избавилась, удалившись изъ города,
«общаго бѣдствія» (28). Въ другихъ городахъ Готы
производили такія же опустошенія. Атаульфъ утвер-
дилъ свою резиденцію въ Барцелоннѣ и скоро по-
гибъ (415) вслѣдствіе реакціи со стороны варвар-
ской партіи, негодовавшей на подчиненіе своего
вождя римскому образу жизни и вліянію Римлянки
Плацидіи. Преемники Атаульфа дѣйствовали впро-
чемъ въ его же духѣ. Сигерихъ, подвергшій Пла-
цидію жестокимъ оскорбленіямъ, былъ убитъ черезъ
7 дней послѣ вступленія на престолъ за намѣреніе
заключить миръ съ Имперіей. Слѣдовавшій за нимъ
Валлія заключилъ въ 416 году миръ съ равеннскимъ
дворомъ, обязавшись воевать съ Аланами и Вандалами
и требуя за это земель для поселенія въ Галліи.
Въ 418 году воротились Вестготы въ Галлію и на
слѣдующій годъ окончательно утвердились во 2 Аквi-
таніи т. е. въ западной части Франціи между Луарой
и Гаронной, также въ Новемпопуляніи и въ сѣ-
веро-западной части 1 Нарбоннской провинціи. Цент-
ромъ управленія сдѣлалась Тулуза и Вестготы взяли
себѣ двѣ трети обработанныхъ земель въ уступлен-
ныхъ имъ провинціяхъ. Съ этого времени главною

(28) Paulini Eucharisticon Deo въ приложеніи къ сочиненіямъ Авзо-
нія, въ изданіи Панкука.

цѣлію готскихъ королей, преемниковъ Валліи (ум. въ 419 г.), было расширеніе своихъ владѣній къ сѣверу до Луары, къ востоку до Роны. Теодерихъ I два раза осаждаетъ Нарбонну (около 435—36 г. и въ 438 г.) и даже самый Арль, центръ администраціи римской Галліи, и Аэцій съ трудомъ можетъ сдерживать это завоевательное стремленіе Готовъ.

Мы упомянули о колоніяхъ Алановъ внутри Галліи: ихъ было двѣ. Въ то время, когда Свевы и Вандалы удалились въ Испанію, одна часть Алановъ подъ предводительствомъ Уттака, послѣдовала за ними; другая съ королемъ Гоаромъ осталась въ южной Галліи и присоединилась къ Вестготамъ. Въ 414 году, когда Атаульфъ принужденъ былъ перевести народъ свой за Пиренеи, Гоаръ, бывшій съ Готами подъ стѣнами Базаса, вдругъ перешелъ на сторону Римлянъ и съ этихъ поръ Аланы постоянно находятся въ войскахъ Имперіи. Вмѣстѣ съ Гуннами они составляютъ главную силу Аэція въ его войнахъ противъ варваровъ, утвердившихся въ Галліи. Сподвижники Гунновъ, Аланы не менѣе ихъ были ненавистны для галлоримскаго населенія и для Германцевъ. Хищничество и звѣрская жестокость сопровождали ихъ быстрые переходы съ одного конца Галліи на другой. Ненависть къ нимъ увеличивалась еще и отъ того, что изо всѣхъ варваровъ южной Галліи, они одни оставались язычниками. Исторія ихъ поселенія достаточно говоритъ о томъ ужасѣ, который внушали они населенію Галліи. Чтобы сдерживать Бургундовъ и Готовъ, римское правительство рѣшилось поселить Алановъ, до сихъ поръ кочевавшихъ по всей Галліи, въ долинахъ рѣкъ Изеры и Дюрансы, около Валенціи (м. 440—442 г.) между крайними предѣлами бургундскихъ и готскихъ владѣній. Какъ ни опустошена была эта страна во время войнъ похитителей престола Константина и Іовина,

какъ ни малочисленно было населеніе, погибшее въ усобицахъ или разбѣжавшееся, оно возстало однакоже при вѣсти о приближеніи новыхъ поселенцевъ и Аланы, только послѣ отчаяннаго сопротивленія со стороны жителей, могли утвердиться въ отведенныхъ имъ земляхъ. Еще замѣчательнѣе другое поселеніе Алановъ. Чтобы остановить непріязненныя дѣйствія арморикaнскихъ Бриттовъ, Аэцій (440 г.) рѣшился поселить Алановъ въ 3 Ліонской провинціи, на самой почти границѣ независимой Бретани ([29]). Жители обратились сначала къ нему, умоляя отмѣнить распоряженіе и, получивъ отказъ, прибѣгли къ св. Герману, епископу Оксерра ([30]). Епископъ встрѣтилъ Еохара, вождя Алановъ, уже на пути къ Луарѣ и убѣдилъ его возвратиться въ Валенцію до новаго приказанія. Ничто не показываетъ сильнѣе того вліянія, какое имѣли христіанскіе епископы даже на языческихъ варваровъ. Встрѣча св. Германа съ аланскимъ вождемъ, невольно подчинившимся его приказанію, подтверждаетъ другія легенды о чудесномъ дѣйствіи христіанскаго слова на умы дикихъ язычниковъ. Безоружный епископъ, остановившій лошадь Еохара и объявившій, что тотъ не пойдетъ далѣе, не выслушавъ и не исполнивъ его требованія, показался изумленному варвару обладателемъ какого-то таинственнаго, непонятнаго и тѣмъ болѣе страшнаго могущества; грубая физическая сила уступила предъ силою нравственною. Поселеніе Алановъ было отсрочено, но въ 446 г. волненія въ Арморикѣ привели снова на берега Луары хищныя толпы варваровъ. Св. Германъ умеръ въ Равеннѣ, не успѣвъ отстоять Бриттовъ, и Аланы, истребивъ бо́льшую часть населенія, утвердились наконецъ на

(29) Въ нынѣшнемъ департаментѣ Maine et Loire.
(30) См. Pétigny Etudes, II, 72.

земляхъ, уступленныхъ имъ правительствомъ. Аланскія колоніи существовали впрочемъ не долго. Во время вторженія Аттилы, король Сангиба предалъ было Орлеанъ въ руки Гунновъ и хотя сражался на поляхъ каталаунскихъ въ центрѣ римскаго войска; но недавняя измѣна заставила Аэція предоставить Алановъ мщенію ожесточеннаго населенія. Арморикскіе Бритты, съ помощію жителей 3 Ліонской провинціи, разрушили (452 г.) ихъ поселенія на берегахъ Луары. Аланы долинъ Изеры и Дюрансы были истреблены соединенными Бургундами и Вестготами, и ихъ земли достались въ руки первыхъ. Самое имя Алановъ навсегда исчезло изъ Исторіи Франціи.

Со всѣхъ сторонъ вошли въ Галлію племена Германцевъ; даже океанъ, омывающій западное прибрежье, не защищалъ ея отъ вторженій варваровъ. Тѣ области, которыя еще были свободны отъ ихъ поселеній, безпрестанно видѣли толпы разноплеменныхъ варваровъ, проходившихъ въ качествѣ союзниковъ Рима. Не было почти года безъ новыхъ попытокъ проникнуть далѣе въ глубь страны. Отъ окружности къ центру шли волны варварскаго нашествія, прорвавшаго завѣтный рубежъ римской имперіи. Не далеко было время, когда не будетъ ни одного мѣста, гдѣ бы не поселились варвары, и имъ останется рѣшить только вопросъ, какому племени безъ раздѣла владѣть Галліею. Можно сказать, что смертію Валентиніана III закончилась исторія западной римской имперіи. Если она продолжала сохранять номинальное существованіе, причина этому заключалась въ недостаткѣ сознанія собственныхъ силъ у варваровъ. То, что сказалъ Сидоній о Готахъ, говоря, что имъ нужно не сражаться, а только идти впередъ, чтобы раздвинуть предѣлы своихъ владѣній, можетъ быть одинаково примѣнено ко всѣмъ племенамъ, успѣвшимъ уже стать твердой ногой на

почвѣ Галліи. Смертный приговоръ власти Рима произносился уже тѣмъ, что населеніе Галліи не только добровольно принимало чуждыхъ пришельцевъ, но боялось лишь возврата въ непосредственную зависимость отъ римской имперіи. Изо всѣхъ народовъ, вошедшихъ въ предѣлы Галліи, только Аланы и развѣ еще Саксы встрѣчали сопротивленіе со стороны населенія. Другихъ скорѣе призывали еще свободныя области римской Галліи. Казалось, при такихъ условіяхъ давно должна была уничтожиться навсегда всякая власть правительства, изъ Италіи управлявшаго судьбою Галліи, а между тѣмъ, къ удивленію, еще сохранена была самая цѣлость имперіи. Мы видѣли, сколько областей Галліи перешло окончательно въ руки Германцевъ, а между тѣмъ эти области принадлежали Риму не только въ глазахъ Римлянъ, могшихъ принимать за дѣйствительность свои притязанія, но и въ понятіяхъ самихъ варваровъ. Франки кровавыми битвами купили себѣ право поселенія во 2 Германіи и Белгіи; Вестготы оружіемъ добыли себѣ Новемпопулянію; но ни тѣ, ни другіе не были завоевателями, отторгнувшими отъ римской имперіи лучшія области; это были воины римскаго правительства, поселившіеся на отведенныхъ имъ земляхъ, для защиты имперіи отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Даже саксонскій пиратъ едва только утверждался въ опустошенной имъ области, какъ добивался чести быть принятымъ въ число союзниковъ Рима. Всѣ племена, огнемъ и мечемъ опустошавшіе области римской имперіи прежде окончательнаго въ нихъ утвержденія, обязывались свято чтить величіе римскаго народа (majestatem populi Romani). Вступая врагами на римскую почву, Германцы оставались на ней не иначе какъ союзниками и защитниками имперіи, выговаривая себѣ формальную уступку захваченныхъ ими земель. Такъ

велико было еще чарующее вліяніе Рима, такъ много предполагалось въ немъ силъ, давно уже не существовавшихъ, что самый свирѣпый, самый дерзкій изъ германскихъ народовъ, Вандалы, до тѣхъ поръ не счелъ себя полнымъ владѣтелемъ Африки, пока не обезпечилъ себя особыми договорами (31). Не даромъ Германцы вѣрили, что преждевременная смерть Алариха была слѣдствіемъ святотатственнаго покушенія на неприкосновенность Рима (32). Чтобы варвары могли дѣйствовать свободно, они должны были вполнѣ сознать безсиліе Рима и свое собственное значеніе; а какъ долго не приходило это сознаніе, видно изъ переписки Бургундскаго короля съ Восточнымъ императоромъ, въ VI столѣтіи, изъ той почти дѣтской радости, съ которою принялъ Клодвигъ знаки патриціанскаго достоинства. Когда ясна была политическая безпомощность римской имперіи, за ней оставалось огромное нравственное и умственное превосходство. Переходя на римскую почву, германскій завоеватель вступалъ въ какой-то невѣдомый міръ чудесъ, о которомъ прежде онъ слышалъ темные, фантастическіе разсказы; невольный страхъ вселялся въ его душу; ему измѣняла даже прежняя вѣра въ свою богатырскую силу и долго не понималъ простодушный Германецъ, что онъ полный хозяинъ въ

---

(31) Въ 435 г. Вандаламъ уступлена была Мавританія, договоромъ 442 г. половина римской Африки и наконецъ въ 476 г. подтверждено императоромъ Зенономъ ихъ право на владѣніе всѣми захваченными уже ими областями.

(32) Вотъ что говоритъ Іорнандъ. Такъ какъ желаніе Аттилы было идти къ Риму, то его совѣтники отговорили отъ этого, не изъ расположенія къ городу, котораго они были врагами, а представляя ему судьбу Алариха, короля Вестготовъ, и опасаясь за участь своего царя, потому что Аларихъ не долго прожилъ послѣ взятія Рима, но почти тотчасъ оставилъ этотъ міръ. Jornandes, edit. Panckoucke p. 350.

этомъ мірѣ, что его сдерживаютъ его же единоплеменники, въ какомъ-то ослѣпленіи умирающіе въ битвахъ за славу римскаго имени. Понявъ инстинктомъ несостоятельность одной физической, грубой силы, лучшіе люди германскаго племени старались направить ее не на разрушеніе, а на поддержаніе римскаго государства. Такова была благородная мечта Атаульфа Вестготскаго. Не разнести по частямъ римскую имперію, а получить себѣ въ ней мѣсто во что бы-то ни стало было цѣлію германскихъ племенъ, одно за другимъ стремившихся въ ея предѣлы. Пока они не понимали еще, что имъ суждено играть совершенно новую роль въ судьбахъ западно-римскаго міра, что ихъ поселеніе должно измѣнить весь бытъ, и всю исторію; различіе между прежними вспомогательными когортами варваровъ при римскихъ легіонахъ и цѣлыми народами, поселившимися на земляхъ имперіи противъ ея воли, для нихъ еще не выяснилось, и римское правительство мастерски пользовалось ихъ заблужденіемъ, продолжая искусной политикой свое существованіе. Земли, захваченныя Германцами, не отдѣлялись отъ имперіи; напротивъ, самымъ актомъ завоеванія, завоеватели обращались въ подданныхъ Рима. Помогите государству, котораго вы члены, пишетъ Валентиніанъ III къ Вестготамъ, призывая ихъ на защиту Галліи противъ Гунновъ. Искусно ослабляя однихъ другими, возбуждая и поддерживая кровопролитныя войны между варварскими народами, римское правительство успѣваетъ сохранить надъ ними свое вліяніе и пользуется ихъ силами для своихъ цѣлей. Въ умѣ варварскихъ вождей мелькаетъ иногда подозрѣніе въ истинномъ смыслѣ римской политики; но выдти изъ этого очарованнаго круга они еще не имѣли силы. Нужно было болѣе близкое знакомство съ механизмомъ государственнаго управленія, не-

посредственное участіе въ политическихъ событіяхъ и извѣстная степень образованности, чтобы понять свое настоящее положеніе; а для этого нужно было довольно много времени. «Атаульфъ, говоритъ Оро-«зій, заключилъ искренній миръ съ императоромъ «Гоноріемъ. Онъ посвятилъ для спокойствія имперіи «свою опасную дѣятельность, чтобы сражаясь съ «другими варварами, одерживать побѣды для Рим-«лянъ. Точно такими же договорами обязали себя «короли Алановъ, Вандаловъ и Свевовъ; они говорили «императору Гоноріо: храни миръ со всѣми, бери «отъ всѣхъ насъ заложниковъ, пусть гибнемъ мы въ «войнахъ между собою; ты останешься побѣдите-«лемъ» (33). Разумѣется, такого рода положеніе относительно имперіи не могло остаться на долго. На почвѣ имперіи, среди римскаго населенія, варвары измѣняли вмѣстѣ съ образомъ жизни и свои понятія. Лучшимъ руководителемъ въ дѣлѣ политическаго воспитанія германскихъ завоевателей было новое ихъ положеніе, и по мѣрѣ того какъ свыкались они съ новою родиною, съ городскою жизнію, усвоивая себѣ вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ и римскія понятія, они начинали дѣйствовать съ бо́льшею самостоятельностію и свободою относительно призрачнаго правительства, находившагося въ Равеннѣ или Римѣ. Какъ могъ Гундобальдъ Бургундскій сохранить въ прежней степени уваженіе къ римскому владычеству, когда въ самомъ Римѣ онъ хорошо присмотрѣлся къ дѣйствительному положенію императора Олибрія; когда самъ онъ возвелъ на престолъ Гликерія, понимая, что кромѣ имени и внѣшнихъ знаковъ императорскаго достоинства, ничего не наслѣдовалъ его избранникъ отъ своего столь же

(33) Oros. Hist. VII.

ничтожнаго предшественника. Сознаніе ихъ положенія старались внушить варварамъ самые Римляне, ихъ окружавшіе. Изъ личныхъ расчетовъ или изъ болѣе благородныхъ побужденій старались галлоримскіе совѣтники внушить германскимъ королямъ римско-христіанское понятіе о королевской власти, поднять въ ихъ собственныхъ глазахъ вождей дружины на высоту представителей государства и помазанниковъ Божіихъ и какъ ни медленно совершалось это преобразованіе, задерживаемое въ своемъ развитіи упорнымъ сопротивленіемъ со стороны поборниковъ германской старины и непонятливостію самихъ королей, мы можемъ однако почти шагъ за шагомъ слѣдить переходъ отъ понятій и быта, принесенныхъ изъ лѣсовъ Германіи, къ начаткамъ государственной жизни. Вначалѣ принималась, разумѣется, одна внѣшность римской цивилизаціи; прежде всего старались усвоить себѣ матеріальныя выгоды и искали удовлетворенія грубымъ страстямъ, могшимъ разыграться на просторѣ; тѣмъ не менѣе уже одно то, что германскіе варвары начинаютъ говорить языкомъ подчиненнаго населенія, что короли ихъ окружаютъ себя дворомъ, составленнымъ по образцу императорскаго, что подражаніе доходитъ даже до принятія не только атрибутовъ императорской власти и титуловъ, но и самаго фамильнаго прозванія потомства Константина, что Бургунды и Готы начинаютъ давать землѣ преимущество передъ золотомъ и серебромъ, что чувствуется наконецъ потребность письменнымъ законодательствомъ опредѣлить взаимныя отношенія и между самими варварами и между варварами и галлоримскимъ населеніемъ, все это сильно говоритъ за коренное измѣненіе въ положеніи Германцевъ, утвердившихся въ римской Галліи. Для имперіи прямымъ слѣдствіемъ была постепенная утрата прежняго вліянія на варваровъ. Готы Тео-

дериха II или Ейриха не такъ послушно подчинялись желаніямъ римскаго двора, какъ Готы Валліи. Изъ военныхъ поселеній, какими были вначалѣ варварскія колонія въ римскихъ провинціяхъ, мало по малу образовывались самостоятельныя государства, и римская имперія уничтожилась сама собою, безъ всякаго сильнаго потрясенія, безъ трагической катастрофы. Власть, сосредоточенная до сихъ поръ въ Римѣ, дробилась между германскими королями, заступившими относительно населенія уступленныхъ имъ провинцій мѣсто римскаго императора. Никто не замѣтилъ отсутствія представителя номинальной цѣлости западно-римскаго міра. Въ самомъ Римѣ сведеніе Ромула Августула совершилось безо всякихъ волненій, не принеся никакихъ измѣненій въ общемъ ходѣ дѣлъ. Обратимся къ исторіи Галліи.

Едва получена была въ Галліи вѣсть объ убійствѣ Валентиніана III, какъ варвары спѣшили воспользоваться безнарядьемъ имперіи. Аллеманы и Франки начали наступательное движеніе, Саксы сдѣлали набѣгъ на берега Арморики. Максимъ спѣшилъ вручить верховное начальство надъ войсками Галліи человѣку, который лучше всѣхъ могъ привести въ порядокъ дѣла этой провинціи, отъ спокойствія которой зависѣла главнымъ образомъ безопасность самаго римскаго правительства. Начальникомъ пѣшаго и конпаго войска назначенъ былъ Маркъ Мэцилій Авитъ, тесть Сидонія. Авитъ, какъ мы уже знаемъ, принадлежалъ къ одной изъ самыхъ вліятельныхъ аристократическихъ фамилій Оверни. Изъ панегирика, написаннаго его зятемъ, мы можемъ извлечь нѣкоторыя интересныя подробности объ этомъ замѣчательномъ лицѣ. Въ ранней молодости получилъ Авитъ блестящее образованіе и тотъ, кому судьба назначала со временемъ давать законы имперіи, основательно изучилъ право и исторію Рима. Прежде

421 г. онъ былъ отправленъ къ императору Гонорію какъ депутатъ Оверни съ просьбою объ уменьшеніи налоговъ. Патрицій Констанцій, бывшій потомъ соправителемъ Гонорія, замѣтилъ даровитаго юношу и съ тѣхъ поръ началась служебная и политическая дѣятельность Авита въ войскахъ Аэція, котораго онъ сдѣлался скоро неразлучнымъ спутникомъ. Сидоній сохранилъ намъ нѣсколько воспоминаній, свидѣтельствующихъ о личной отвагѣ Авита. Еще едва переступивъ изъ дѣтскаго возраста въ юношество, Авитъ уже обнаружилъ замѣчательную смѣлость. Безоружный встрѣтившись съ голодной волчицей, обломкомъ скалы онъ разсѣкъ ей черепъ; охота, которой предавался онъ съ увлеченіемъ, служила прекрасной подготовкой къ перенесенію трудовъ и опасностей войны. Авитъ сражался подъ знаменами Аэція противъ Ютунговъ, въ Норикѣ, въ Белгіи противъ Бургундовъ и т. д. Когда аланская и гуннская конница Литорія проходила въ 438 году черезъ Овернь, обозначая свой путь пожарами и грабежами, одинъ изъ всадниковъ убилъ слугу Авита. Узнавъ объ этомъ, раздраженный владѣлецъ поспѣшно вооружился и поскакалъ догонять варваровъ, расположившихся лагеремъ недалеко отъ города. Освѣдомившись о виновникѣ убійства, Авитъ вызвалъ его на бой. На гладкомъ полѣ, среди Гунновъ, съ любопытствомъ ожидавшихъ конца дѣла, встрѣтились противники, одинъ кипящій гнѣвомъ, другой смущенный страхомъ. Два раза сшибались они; третьимъ ударомъ копье Авита пронзило варвара и побѣдитель воротился домой, отмстивъ смерть своего кліента (34). Важныя услуги имперіи оказалъ Авитъ своею дипломатическою ловкостію въ переговорахъ съ варварами. Особенный случай сблизилъ его съ

(34) Panegyr. Avito, v. 246 – 294.

Теодерихомъ I Вестготскимъ, преемникомъ Валліи. Суровый внукъ Аларіха нашелъ, по словамъ Сидонія, въ Авитѣ новаго Фабриція. Когда въ битвѣ подъ стѣнами Тулузы войскамъ Литорія было нанесено рѣшительное пораженіе и Теодерихъ требовалъ уступки земель по самую Рону, Авитъ, назначенный въ это время префектомъ преторіи Галліи, убѣдилъ готскаго вождя отказаться отъ неумѣренныхъ требованій. «Его письмо, говоритъ Сидоній ([35]), усмирило жестокаго короля и ему стоило только приказать, чтобы получить то, о чемъ напрасно просила имперія». Здѣсь очевидно преувеличеніе, но нѣтъ сомнѣнія, что Авитъ ловко воспользовался своимъ вліяніемъ на готскаго предводителя. Во время гуннскаго нашествія, Авитъ же много содѣйствовалъ рѣшимости Вестготовъ стать подъ знамена Аэція, а не ждать Аттилу на границахъ своихъ владѣній, какъ они думали было прежде. Въ концѣ царствованія Валентиніана мы находимъ Авита вдали отъ государственной дѣятельности, исключительно занятаго хозяйственными распоряженіями въ своемъ помѣстьѣ. Сдѣлавшись, по волѣ императора Максима, главою военныхъ силъ Галліи, онъ съ необыкновенною быстротою, не болѣе какъ въ три мѣсяца, усмирилъ непріязненныя дѣйствія Франковъ, Саксовъ и Аллемановъ и вслѣдъ за тѣмъ отправился въ Тулузу остановить военныя приготовленія Вестготовъ. Если вѣрить панегирику Сидонія, Готы, готовившіеся къ войнѣ, боялись только того, узнавъ о назначеніи Авита, чтобы имъ не отказано было въ мирѣ ([36]). Королемъ Вестготовъ

---

(35) Sævum tua pagina regem
Lecta domat, jussisse sat est te quod rogat orbis. ib.

(36) Obstupuere duces pariter scythicusque senatus
Et timere suam pacem ne forte negaret. v. 403.

былъ тогда сынъ Теодериха I, погибшаго въ шалонской битвѣ, Теодерихъ II, котораго Авитъ нàшивалъ на рукахъ ребенкомъ и которому отецъ, по его же совѣту, далъ римское воспитаніе. Можно было предвидѣть, чѣмъ кончатся переговоры. Одинъ изъ Готовъ, уже остривший мечь и пробовавший оружіе, готовясь къ битвамъ съ Римлянами, вскричалъ, по словамъ Сидонія, при вѣсти о приближеніи Авита: пропала война теперь; принимайся снова за соху (37). Блестящій пріемъ ждалъ Авита. Самъ король съ братомъ вышелъ на встрѣчу къ римскому дипломату и ввелъ его торжественно въ свою резиденцію. Прежде впрочемъ чѣмъ переговоры были кончены, пришла вѣсть о гибели Максима и о разграбленіи Рима Вандалами. Императрица Евдокія, принужденная вступить въ бракъ съ убійцей своего мужа, тайно призвала въ Римъ Вандаловъ. Гензерихъ не замедлилъ воспользоваться случаемъ и, черезъ три мѣсяца послѣ вступленія на престолъ, Максимъ погибъ среди народнаго смятенія, и Римъ 14 сутокъ грабили Вандалы. Тогда, если вѣрить Сидонію, въ Тулузѣ произошла слѣдующая сцена. «Рано утромъ сошлось собраніе по древнему обычаю Готовъ; стали на совѣтѣ многолѣтніе старики, еще бодрые съ виду; лоснятся одежды, грязныя полотняныя рубахи покрываютъ худощавое тѣло. Приподнятая одежда не прикрываетъ голеней, и бѣднымъ ремнемъ привязана подъ колѣномъ обувь изъ лошадиной шкуры. Когда сошлись на совѣтъ старшинъ заслуженные бѣдняки, король просилъ слова», и Авитъ краснорѣчивой рѣчью убѣждалъ къ сохраненію мира. То говоря о самомъ себѣ, то ссылаясь на прежнія отношенія къ имперіи Теоде-

---

(37) Ib. v. 411.

риха I, то наконецъ обращаясь къ юному вождю во имя его дѣтской привязанности, Авитъ заключилъ такъ свое слово. «Если нѣтъ въ тебѣ ни вѣрности, ни уваженія къ памяти отца, или себѣ, жестокій, и отвергни миръ. Во всемъ собраніи поднялся говоръ и, проклиная битвы, своевольная толпа шумно требуетъ мира». Въ отвѣтѣ Теодорихъ предложилъ условіе, при которомъ можетъ быть согласіе между Готами и Римлянами. Упомянувъ о своемъ римскомъ воспитаніи, полученномъ по совѣту Авита, о вліяніи сочиненій Виргилія на смягченіе скиѳскихъ нравовъ, готскій король продолжалъ: «Римъ, я беру въ свидѣтели твое божество, нами чтимое, твоихъ дѣтей, родныхъ намъ по общему происхожденію отъ Марса.... Я сохраню миръ, я хочу загладить грѣхъ моего дѣда, на памяти котораго лежитъ пятномъ взятіе Рима. Если помогутъ мнѣ боги, я заглажу преступность прежняго раззоренія Рима, отмстивъ за настоящее, если только ты, знаменитый вождь, примешь имя Августа. Къ чему опускать взоры? Мы не принуждаемъ тебя, но умоляемъ. Я буду другомъ Рима, если ты сдѣлаешься императоромъ. Ты ни у кого не похищаешь престола.... Для Галліи недостаточно, что я не буду вредить ей; пусть принятіе тобою діадемы заставитъ меня помогать ей. Мое дѣло убѣждать тебя, потому что развѣ кто нибудь въ Галліи можетъ тебя принудить. Міръ долженъ повиноваться тебѣ, чтобы не погибнуть ([38]). Король сказалъ и, вмѣстѣ съ братомъ, далъ въ обычныхъ выраженіяхъ клятву въ вѣрности» т. е. другими словами призналъ за Готовъ имне-

---

(38) ....Tibi pareat orbis,
Ne pereat.
Ibid. v. 517.

раторомъ Авита, не дожидаясь его отвѣта. Смущенный Авитъ оставилъ собраніе, онъ видѣлъ, что, только согласившись на требованіе готскаго короля, можно сохранить миръ съ Вестготами. Вмѣстѣ съ Теодерихомъ, онъ отправился въ Угернумъ, укрѣпленное мѣстечко на берегу Роны, гдѣ нынѣ Бокеръ(39). Туда собралась галльская аристократія. Авитъ, печальный и заранѣе озабоченный дѣлами имперіи, явился въ собраніе представителей Галліи, радостно привѣтствовавшихъ его именемъ Августа. Старшій изъ присутствующихъ обратился къ избранному Готами императору. «Слишкомъ долго разсказывать, знаменитый вождь, сказалъ онъ, сколько страданій пало на насъ по волѣ жестокой судьбы во время несчастнаго правленія ребенка. На твою долю досталось много горя, когда, оплакивая бѣдствія отечества, ты изнемогалъ отъ напряженныхъ усилій. Для насъ, эта жизнь среди бѣдствій, среди похоронъ римскаго міра, была хуже смерти; мы однако, слѣдуя примѣру предковъ, еще чтили безсильные законы, мы считали святымъ долгомъ слѣдовать за старымъ порядкомъ вещей въ его паденіи; мы выносили этотъ призракъ власти. Болѣе по привычкѣ, нежели по праву мы терпѣливо выносили зависимость отъ дряхлаго народа, исполненнаго пороковъ, и терпѣли эту породу, привыкшую облекаться пурпуромъ. Очень недавно блеснула было возможность Галліи развернуть свои силы, когда Максимъ овладѣлъ трепещущимъ городомъ. Успѣхъ былъ вѣрный, еслибы ты взялся преобразовать государство. Кому не извѣстно, кто изъ насъ взволновалъ села

---

(39) Идацій говоритъ, что провозглашеніе Авита было въ Арлѣ; но Сидонію ближе было знать это, чѣмъ испанскому епископу, писавшему на основаніи слуховъ.

Белгіи, Арморику и возбудилъ было Готовъ. Наше движеніе смирилось только передъ тобою. Теперь призываетъ тебя верховная власть. Недостойный не занимаетъ престола въ критическія минуты. Прически честолюбцевъ откладываются въ сторону, когда обстоятельства сами указываютъ на достойнѣйшихъ. Такъ послѣ бѣдствій Тицина и Требіи, трепещущая республика сама обратилась къ Фабію и избранный Ливій сокрушилъ Карѳагенянина, надменнаго гибелію потомковъ Сципіона. Теперь плѣненный міръ весь заключенъ въ Римѣ, императоръ погибъ, а въ немъ теперь вся имперія. Мы умоляемъ, взойди на престолъ, подыми упавшихъ. Настоящее время не требуетъ другаго у кого-нибудь бо́льшей любви къ Риму; не думай будто ты не въ уровень съ трономъ. Когда знамена Бренна стояли на скалѣ тарпейской, ты знаешь, что вся республика наша заключалась въ Камиллѣ; мститель отечества, онъ покрылъ дымящіяся развалины трупами враговъ. Золото не доставило тебѣ расположенія центурій; продажныя трибы не собираются подать голоса въ твою пользу за огромныя деньги. Подкупы не содѣйствовали выбору. Ты являешься бѣднымъ; достаточно того, что ты богатъ заслугами. Зачѣмъ медлить уступить желаніямъ родины? Она приказываетъ тебѣ, чтобы ты повелѣвалъ ею. Каждый изъ насъ можетъ сказать: я буду свободенъ, если ты будешь властителемъ». Такъ совершилось по показанію Сидонія избраніе Авита. Не смотря на подозрительную правдивость панегириста, на риторическую форму, нельзя не признать въ разсказѣ Сидонія дѣйствительной, исторической основы. Смѣшно представить Теодериха, оплакивающаго грѣхъ Аларіха, взявшаго Римъ приступомъ, но Готамъ, во всякомъ случаѣ, выгодно было посадить на римской престолъ своего претендента, точно

такъ, какъ при другихъ обстоятельствахъ, добивались этого Франки, Бургунды, Свевы и т. д. На первомъ планѣ стоялъ эгоистическій расчетъ; содѣйствіе въ достиженіи престола, очевидно, оказывалось не даромъ. Объ участіи Готовъ въ возвышеніи Авита положительно говорятъ современные лѣтописцы. Съ другой стороны, рѣчь представителя галльской аристократіи въ Угергѣ чрезвычайно вѣрно представляетъ стремленіе Галліи къ освобожденію изъ-подъ зависимости отъ Рима и Италіи. Мы имѣли случай уже замѣтить, съ какимъ упорствомъ хранилось въ теченіи столѣтій это стремленіе къ независимости. Въ послѣднее время римской имперіи, Галліи трудно было мечтать о возстановленіи своей національности, когда большая часть провинцій занята была германскими варварами и высшіе классы общества не понимали другой національности кромѣ римской; но тѣмъ болѣе выступало наружу желаніе отдѣлиться отъ Италіи или, что̀ будетъ вѣрнѣе, перенести въ Галлію управленіе западно-римскимъ міромъ. Власть Рима, не принося никакой пользы провинціямъ, только налагала на нихъ безпрестанно новыя тяжести. Чѣмъ ничтожнѣе было римское правительство, чѣмъ ограниченнѣе становился кругъ его дѣйствій, тѣмъ болѣе росли его требованія въ тѣхъ областяхъ, которыя еще признавали власть его. Мы видѣли, какъ охотно переходили провинціи въ зависимость отъ варваровъ. Не должно думать, чтобы одно только низшее сословіе желало перемѣны. Мы видимъ сенаторовъ, куріаловъ, самое духовенство передающихъ города и области имперіи въ руки Германцевъ ([40]). И чѣмъ болѣе утрачивали Германцы своего перво-

(40) Примѣровъ очень много; главные приведены у Lehuërou, Histoire des institutions Mérovingiennes et carolingiennes, t. 1, p. 196.

начальнаго варварства, подчиняясь мало по малу вліянію римской цивилизаціи, тѣмъ легче становился переходъ для жителей провинцій. Восшествіе на престолъ одного изъ самыхъ родовитыхъ людей Галліи и притомъ восшествіе съ помощію самаго сильнаго изъ германскихъ народовъ, утвердившихся въ этой странѣ, представляло самую лучшую комбинацію, удовлетворявшую всѣмъ требованіямъ. Свидѣтельство Идація, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ историческую вѣрность вымышленной Сидоніемъ рѣчи. Авитъ, говоритъ Идацій, былъ провозглашенъ Августомъ отъ галльскаго ополченія и отъ высшаго сословія (41) ab honoratis, т. е. отъ того сословія, которому было всего больнѣе выносить призрачную власть Рима, раздѣляя съ нимъ все униженіе (per damna sequi), и которое въ тоже время не на столько еще загрубѣло подъ гнетомъ, чтобы утратить окончательно всякую мысль о національномъ и личномъ достоинствѣ. Одно только утаилъ панегиристъ Авита; его герой покорился необходимости и облекся пурпуромъ только ради спасенія Галліи. Если бы до насъ и не дошло прямое свидѣтельство Григорія Турскаго о честолюбивыхъ проискахъ Авита (42), и тогда трудно было бы повѣрить на слово Сидонію. Очевидно, возможность, съ помощію преданныхъ ему Готовъ, овладѣть имперіей, соблазнила знатнаго Оверица. Опираясь на силы Теодериха II и на галльскую аристократію, онъ могъ не бояться участи своего предшественника. Три дня послѣ опи-

---

(41) Idatii chron. Bibl. Max. Patrum t. VII. p. 1235.

(42) Avitus enim unus ex senatoribus, et, ut valde manifestum est, civis Arvernus, cum romanum ambisset imperium. Greg. Tur. II, 11.

саннаго Сидоніемъ собранія, торжественно облекли Авита въ знаки императорскаго достоинства. Сенатъ и народъ римскій признали его главою имперіи, хотя послѣдствія показали, какъ не по сердцу былъ избранникъ Галліи и Вестготовъ для Римлянъ. Наконецъ послѣднее условіе законности, согласіе восточнаго императора Маркіана не замедлило утвердить выборъ Галліи. Въ Римѣ Авитъ принялъ достоинство консула и, въ день празднества по этому случаю, зять Императора произнесъ торжественный панегирикъ въ 600 стиховъ, изъ котораго заимствовали мы свѣденія о прежней жизни и объ избраніи Авита.

Панегирикъ Авиту Сидонія можетъ дать намъ понятіе о прочихъ сочиненіяхъ въ этомъ родѣ того-же автора. Миѳологія играла важную роль въ произведеніяхъ того времени, тѣмъ болѣе въ стихотвореніяхъ торжественныхъ. Если, описывая виллу Леонція, Сидоній считаетъ необходимымъ вставить разсказъ свой въ миѳологическую рамку и заставляетъ Аполлона съ мелочными подробностями объяснять Бахусу все устройство и расположеніе замка; очень естественно, что онъ собираетъ цѣлый Олимпъ для выслушанія изъ устъ Юпитера исторіи избраннаго императора. Главный признакъ всѣхъ панегириковъ лесть и преувеличеніе, переходящія всякую мѣру. «Фебъ, такъ начинаетъ Сидоній свой панегирикъ, Фебъ, ты наконецъ увидишь себѣ равнаго во вселенной, которую ты обтекаешь. Сбереги для неба свое сіяніе; для земли достаточно Авита (43)». Послѣ этого приступа, насъ не

(43) Phœbo, peragrato tandem visurus in orbe,
Quum possis per ferre parem, da lumina cœlo,
Sufficit hic terris.
Carm. VI. Panegyr. Avito.

удивитъ уже, если Сидоній скажетъ намъ, что выходя на встрѣчу Авиту, Теодерихъ II раскраснѣлся какъ дѣвушка, и эта краска на лицѣ краснорѣчиво выпрашивала помилованіе у римскаго сановника (44); если заставитъ готскаго короля произнести приведенную нами рѣчь и выведетъ на сцену свирѣпаго Гота, готовящагося къ битвамъ и пришедшаго въ ужасъ при одной вѣсти о приближеніи безоружнаго Авита. Сцена, какъ мы сказали, происходитъ на Олимпѣ. Юпитеръ возсѣдаетъ въ сонмѣ боговъ и полубоговъ. Является Римъ; онъ влачится медленнымъ шагомъ, склонивъ впередъ лице на согбенной шеѣ; волоса, покрытые прахомъ, а не шлемомъ, падаютъ съ головы, щитъ только замедляетъ его походку; въ рукѣ копье, лишняя тяжесть а не оружіе страшное врагамъ. Римъ преклоняетъ колѣна передъ верховнымъ божествомъ. Перечисливъ императоровъ до Траяна, Римъ восклицаетъ: «плѣнникъ, я умоляю дать мнѣ снова такого властителя; но я не знаю, кто можетъ сравниться съ Траяномъ; если только Галлія не вышлетъ случайно человѣка, который превзойдетъ его». Слезы прервали голосъ молящаго Рима и плачь досказалъ остальное. Со всѣхъ сторонъ неба поднялись божества родственныя Риму. Юпитеръ, чтобы утѣшить несчастнаго, начинаетъ повѣсть о славныхъ качествахъ Авита. Послѣ хвалебнаго описанія Оверни, онъ разсказываетъ Риму всю жизнь избраннаго императора отъ рожденія до провозглашенія въ Угернѣ. «Встань Римъ, древнее племя боговъ, заключаетъ Юпитеръ, отложи постыдную дряхлость; тебя возвратитъ къ молодости великій Цезарь, тебя, котораго состарѣ-

---

(44) Lætitia erubuit, veniamque rubore poposcit.
Ibid. V. 434

ли мальчики». (45) Едва кончилъ Юпитеръ рѣчь свою, раздались рукоплесканія боговъ и говоръ пробѣжалъ по собранію. Таково расположеніе и внѣшніе пріемы панегирика. Нужно ли говорить объ его поэтическомъ достоинствѣ? Нѣсколько энергическихъ стиховъ какъ бы случайно замѣшались среди риторической версификаціи. Панегирикъ Авиту важенъ для насъ только какъ историческій документъ. Кромѣ извѣстій, относящихся прямо къ самому Авиту, мы находимъ здѣсь много интересныхъ подробностей, характеризующихъ положеніе современнаго общества и постановку различныхъ партій. Mahlberg Вестготовъ и собраніе въ Угернѣ рисуютъ въ глазахъ читателя эти два непохожія другъ на друга общества, соединенныя пока еще только механическимъ образомъ. Слишкомъ строгую оцѣнку должны будемъ произнести мы, если вздумаемъ приложить къ сочиненію Сидонія требованія художественныя. Уже при первомъ, бѣгломъ чтеніи бросается въ глаза искусственность расположенія; различныя части связаны между собою чисто внѣшнимъ образомъ. Единство главной мысли, очевидно, не входило въ расчеты автора или, лучше сказать, тутъ была на первомъ планѣ только мысль, наговорить, во что бы то ни стало, какъ можно больше лести герою похвальнаго слова. Къ этой цѣли устремлены были всѣ усилія поэта. Для того собранъ былъ и цѣлый Олимпъ, и Фебъ, и голодная волчица съ окровавленною пастію, и тѣни Камилла

---

(45) Prisca deorum
Roma parens, attolle genas, ac turpe veternum
Depone; en princeps faciet juvenescere major,
Quam pueri fecere senem.
Ibid. 594 v.

и Фабія и т. д. Бѣлыми нитками сшиты эти отрывки. Далѣе нужно было ввести въ достаточномъ количествѣ эффекты, и исканіе ихъ помѣшало автору быть послѣдовательнымъ даже въ отдѣльныхъ, эпизодическихъ частяхъ своего произведенія. Возмемъ, напримѣръ, рѣчь, обращенную къ Авиту старшимъ представителемъ галльской аристократіи. Нечего и говорить, что эта рѣчь вымышлена точно такъ какъ и рѣчь Рима, обращенная къ Юпитеру. Авторъ попалъ на счастливую мысль вложить въ уста оратора то, что̀ дѣйствительно было вѣковымъ желаніемъ галльскаго населенія, объяснить побужденія, дѣйствительно содѣйствовавшія главнымъ образомъ выбору Авита. Основная мысль рѣчи та, что Галлія, до сихъ поръ принужденная раздѣлять участь Рима и негодующая на свою зависимость, умоляетъ Авита дать ей новую жизнь, осуществить ея давнюю мечту. Въ началѣ рѣчи мы находимъ энергическое изображеніе положенія Галліи относительно имперіи. Потомъ, увлекшись эффектными сравненіями, классическими воспоминаніями о Фабіѣ и Камиллѣ, Сидоній какъ будто позабылъ, что его ораторъ говоритъ за Галлію противъ Рима, и въ концѣ рѣчи Авитъ долженъ принять престолъ для спасенія самаго Рима. При чтеніи, вниманіе дробится на отдѣльныя картины, въ нихъ на отдѣльные періоды и даже фразы; общее впечатлѣніе сглаживается мелочными частностями.

Панегирикъ Авиту упрочилъ однако литературную репутацію Сидонія. Статуя нашего поэта была поставлена въ портикѣ Траяна, ведущемъ въ библіотеку. ([46]) Ему предстоялъ прекрасный случай быстро двинуться на поприщѣ почестей. Къ сожалѣнію,

---

(46) Carmen VIII. Editio panegyrici ad Priscum Valerianum, virum præfectorium. v. 8.

увѣреніе Юпитера, что Авитъ воротитъ Римъ къ счастливымъ временамъ его возрастанія, не оправдалось въ дѣйствительности. Авитъ владѣлъ всѣми качествами нужными для правителя и въ другое время, по всей вѣроятности, былъ бы однимъ изъ достойныхъ римскихъ императоровъ. Но положеніе дѣлъ было сильнѣе воли и способностей одного человѣка. Прошло полтора года и Авита уже не было на римскомъ престолѣ. Основываясь на темной фразѣ Григорія Турскаго, позднѣйшіе анналисты, а вслѣдъ за ними и историки, говорятъ о перемѣнѣ, происшедшей въ характерѣ Авита во время его царствованія, обвиняютъ его въ неумѣренности, въ распутствѣ ([7]). Фредегерій сочинилъ цѣлую исторію объ оскорбленіи имъ жены трирскаго сенатора, изъ мести предавшаго городъ въ руки Франкамъ; онъ забылъ, что Авитъ ни разу не былъ въ Триръ во все время своего правленія ([48]). Для объясненія паденія Авита, не нужно прибѣгать къ подобнымъ разсказамъ; дѣло ясно само по себѣ и причина, если ее должно искать уже въ личномъ характерѣ Авита, заключается скорѣе въ его достоинствахъ, чѣмъ въ недостаткахъ. Собственно римская партія непріязненно смотрѣла на Оверица, занявшаго престолъ помощію Вестготовъ. Чтобы сколько нибудь сблизиться съ нею, Авитъ долженъ былъ вручить важную должность начальника войскъ Майоріану, предназначенному на это мѣсто Валентиніаномъ III, не задолго до гибели послѣдняго. Съ другой стороны предводителемъ варварскихъ союзниковъ, со-

---

(47) Avitus.... *luxuriose* agere volens, a senatoribus projectus Greg. Tur. Hist. II, 11.

(48) Historia Francorum Epitomata per Fredegarium Scholasticum. VII. Rerum Gallic. et Franc. Script. t. II, p. 395.

ставлявшихъ войска Италіи былъ Свевъ Рицимеръ, враждебно смотрѣвшій на увеличившееся значеніе Вестготовъ, по приказу или съ согласія Авита, безпощадной войной истреблявшихъ теперь Свевовъ въ Испаніи. Такимъ образомъ главныя правительственныя лица, на которыхъ должна была опираться власть Авита въ Италіи, были люди противоположныхъ съ нимъ стремленій. Будь Авитъ ничтожность въ родѣ Аттала, согласись играть жалкую роль Олибрія или Гликерія; онъ удержался бы на престолѣ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока паденіе варварскаго временщика не повело бы и къ перемѣнѣ номинальнаго властителя Рима. На бѣду Авитъ облекся пурпуромъ вовсе не за тѣмъ, чтобы быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ какого нибудь Свева. Людямъ его характера не было удачи на тронѣ. Едва онъ отправился въ Галлію для распоряженій о готовившейся экспедиціи въ Африку, какъ римской сенатъ, повинуясь приказу Рицимера, объявилъ его лишеннымъ престола. Послѣдующія отношенія Майоріана къ предводителю варварскихъ дружинъ показываютъ, что они дѣйствовали за одно. Вѣсть объ возстаніи застала Авита въ дурную минуту. Вѣрный союзникъ его, Теодерихъ Готскій, былъ по ту сторону Пиринеевъ и война съ Свевами, бывшая въ самомъ разгарѣ, не позволяла ему спѣшить на помощь императору. Сверхъ того Авитъ сдѣлалъ непростительную ошибку. Вмѣсто того, чтобы ждать возвращенія Готовъ въ Галліи, гдѣ, среди преданнаго ему населенія, не могла достигнуть его безсильная власть римскаго сената, онъ съ небольшимъ войскомъ перешелъ Альпы, думая быстротою движенія подавить возстаніе. Въ битвѣ 16 окт. 456 г. Авитъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ Рицимеромъ и посвященъ въ епископы Піаченцы, подъ стѣнами которой рѣшилась его участь. Улу-

чивъ время, онъ бѣжалъ съ своими сокровищами въ Галлію, чтобы въ Оверни, въ священномъ убѣжищѣ базилики св. Юліана (въ Бріудѣ) выждать возврата Вестготовъ и болѣе благопріятнаго времени. На дорогѣ онъ умеръ, неизвѣстно отъ болѣзни или отъ руки преслѣдователя, вѣрнѣе послѣднее. Тѣло его перевезено было въ церковь, избранную имъ убѣжищемъ (49). Такъ не исполнились предсказанія Сидонія. Галльскій императоръ погибъ жалкою смертію за то, что уклонился отъ той роли, которую предназначала ему избравшая его страна, за то, что хотѣлъ властвовать въ вѣчномъ городѣ Цезаря, когда его настоящее мѣсто было въ Галліи.

Нѣсколько времени послѣ низверженія Авита, западная половина римскаго міра оставалась подъ мнимою властію восточнаго императора Леона. Рицимеръ съ титломъ патриція управлялъ судьбами Рима до тѣхъ поръ, пока дѣла Галліи и общее желаніе сената и народа не заставили его облечь пурпуромъ Майоріана (въ апрѣлѣ 457 года).

Историкъ послѣдняго времени римской имперіи съ невольною грустію останавливается на этой благородной личности, достойной лучшаго времени и лучшей участи. Римскій обликъ, напоминающій героевъ Ливія, неожиданно является среди позорныхъ событій, среди измельчавшихъ и выродившихся потомковъ славныхъ поколѣній, заключившихъ нѣкогда, по словамъ поэта, весь міръ въ вѣчномъ городѣ, является какъ бы за тѣмъ только, чтобы наглядно показать все различіе древнихъ Римлянъ отъ

---

(49) Sed impleto in itinere vitæ cursu, obiit, delatusque ad Brivatensem vicum ad pedes antedicti martyris est sepultus. Greg. Tur. II, 11.

тѣхъ, кто не поправу носилъ еще это имя. Римская рѣчь, давно уже неслыханная, звучитъ въ письмахъ къ сенату, въ рѣчахъ новаго императора. Доблесть славныхъ временъ римскаго оружія является въ самомъ полномъ своемъ проявленіи. Казалось, Германикъ явился вновь на челѣ легіоновъ, въ которыхъ впрочемъ прежняго было одно имя. Не минутныя вспышки, не порывистая храбрость, къ которой еще были способны и Римляне V вѣка; а спокойное, сознательное и стойкое мужество стараго легіонарія, было въ характерѣ Майоріана. Сынъ довольно незначительнаго чиновника (50), хотя и считавшагося въ родствѣ съ важнѣйшими сановниками, Майоріанъ собственными заслугами занялъ въ войскахъ имперіи то блестящее положеніе, которое внушило Аэціо подозрѣніе и заставило знаменитаго полководца отстранить молодаго вождя отъ военной дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ обратило на него вниманіе Валентиніана, назначавшаго его преемникомъ Аэціо. Берега Рейна, Вагала, Роны, Сены и Луары были свидѣтелями его подвиговъ, онъ поражаетъ Вандаловъ, сдѣлавшихъ обычный набѣгъ со стороны моря, и Аллемановъ, прорвавшихся въ сѣверную Италію. Когда, въ ноябрѣ или декабрѣ 458 года, онъ двинулся въ Галліо съ арміею, составленною изъ ополченій почти всѣхъ варварскихъ народовъ, онъ переносилъ, какъ простой солдатъ, всѣ трудности зимняго перехода черезъ Альпы. Пѣшкомъ, въ полномъ вооруженіи онъ шелъ впередъ воиновъ, копьемъ пробуя дорогу по снѣжнымъ обваламъ, ободряя солдатъ и обѣщая тѣмъ, которые жаловались на нестерпимый холодъ, что онъ согрѣетъ ихъ подъ

---

(50) Дѣдъ Майоріана по матери былъ начальникомъ милиціи при Ѳеодосіи В. См. Panegyr. Major.

знойнымъ небомъ Африки ([51]). Въ народѣ ходило преданіе, что готовясь къ экспедиціи въ Африку, Майоріанъ желалъ лично осмотрѣть мѣстность, переодѣтый пробрался въ Кароагенъ и, когда Гензерихъ показывалъ чужестранцу арсеналъ свой, оружіе зазвучало, никѣмъ не тронутое ([52]). Только онъ могъ такъ быстро подготовить все нужное для предпріятія противъ Вандаловъ. Что Майоріанъ не былъ только закаленнымъ солдатомъ и искуснымъ полководцемъ, доказываютъ его законы, до насъ дошедшіе. Онъ вѣрно понялъ, въ чемъ состояла главная болѣзнь государственнаго организма и вмѣсто того, чтобы по примѣру предшественниковъ закрыть глаза и думать только о потребностяхъ настоящей минуты, онъ имѣлъ мужество разоблачить передъ современниками и потомствомъ язвы имперіи и великодушную рѣшимость вступить въ борьбу съ злоупотребленіями. Если его благородныя усилія остались безъ результатовъ, отвѣтственность лежитъ не на немъ, а на несчастномъ положеніи, при которомъ неизбѣжная гибель ждала тѣхъ, кто пытался противудѣйствовать общему ходу дѣлъ. Борьба со зломъ была не по силамъ одному человѣку, какъ бы ни крѣпка была его воля, какъ бы ни блестящи были его дарованія, и Майоріанъ палъ очистительной жертвой похоронъ римскаго міра. Но уже одно то, что имя его чисто отъ всѣхъ нареканій, истинныхъ или вымышленныхъ, осталось въ памяти современниковъ и ближайшаго потомства, заставляетъ историка съ любовію остановиться на его дѣятельности.

---

(51) См. переходъ черезъ Альпы въ панегирикѣ Майоріану V. 510—553.

(52) Легенда записана у Прокопія, de bello Vandalico l I, 7. ed. 1662. Parisiis, interprete Claudio Maltreto, t I, p. 194.

Галлія возстала, когда въ оверпскую базилику св. Юліана привезли бездыханное тѣло послѣдняго галльскаго императора. Особенно сильно было волненіе въ южныхъ и среднихъ провинціяхъ; тамъ не хотѣли и слышать о новомъ правительствѣ, утвердившемся въ Римѣ. Ожиданіе скораго возвращенія готскаго короля изъ Испаніи придавало смѣлость галльской аристократіи, потому что представляло ей надежную точку опоры для сопротивленія Рицимеру и его послушному орудію, сенату Рима. Оскорбленіе очевидно было общимъ какъ для Галлоримлянъ, такъ и для Готовъ. Теодерихъ II могъ еще ближе къ сердцу принять гибель Авита, потому что могъ видѣть въ ней месть Свева Рицимера за пораженіе его соплеменниковъ въ Испаніи. Съ вѣковой борьбой Галліи и Италіи, совпадала племенная вражда Готовъ и Свевовъ. Исоній взволновалъ Нарбоннскую провинцію; въ 1 Ліонской и въ 1 Аквитаніи многочисленные друзья и родственники Авита и, во главѣ ихъ, зять погибшаго Цезаря, Сидоній, приготовляли месть за смерть знаменитаго Оверпца. Возстаніе, вспыхнувшее быстро и почти повсемѣстно, имѣло впрочемъ мало ручательствъ въ успѣхѣ. Ему недоставало главнаго, именно начала, во имя котораго хотѣли бы дѣйствовать. Придать національный характеръ сопротивленію римскому правительству было невозможно; на сценѣ была извѣстная партія, высшее сословіе, которое поднялось за свою личную обиду, полученную въ лицѣ Авита отъ римскаго сената. Низшіе слои общества, массы народонаселенія не принимали никакого участія. Время національной борьбы кельтской Галліи съ латинской Италіей миновалось; низшіе классы населенія, еще говорившіе діалектами древней доцезаревской Галліи, не имѣли ничего общаго съ высшимъ сословіемъ, совершенно олатинившимся и подымавшимъ вопросъ

о самостоятельности Галліи вовсе не ради возстановленія кельтской національности, а для своихъ сословныхъ интересовъ. Другое дѣло, если бы вопросъ шелъ объ коренномъ измѣненіи административнаго, а въ особенности фискальнаго управленія; но теперь для низшихъ слоевъ общества, т. е. для большинства населенія, рѣшительно все было равно, кто ни стоитъ во главѣ управленія, уроженецъ ли Оверни или человѣкъ чисто римской крови; прежній порядокъ вещей оставался безъ всякихъ измѣненій. Низшіе классы общества протестовали по своему: они уходили къ варварамъ, призывали ихъ въ области римской имперіи, или подымали страшныя возстанія багодовъ. Національнаго характера движеніе не могло имѣть уже и потому, что опиралось главнымъ образомъ на Вестготовъ, прочно утвердившихся въ Аквитаніи Цезаря. Если и было стремленіе къ политической независимости отъ Италіи, то оно существовало только въ кругу аристократическихъ фамилій Галліи, да и тутъ примѣръ Авита показалъ, какъ неудержимо влекло въ Римъ даже людей, стоявшихъ во главѣ этого стремленія. Успѣха нельзя было ждать и потому еще, что во-первыхъ, у возставшихъ не было достаточныхъ матеріальныхъ средствъ для борьбы. Теодерихъ былъ, по всей вѣроятности, еще въ Испаніи, потому что Готы не сдѣлали никакой попытки защитить Ліонъ, центръ возстанія, противъ Бургундовъ, явившихся привести жителей къ должному повиновенію Майоріану; во-вторыхъ, между предводителями не было единства въ дѣйствіяхъ и цѣляхъ. Въ Нарбоннской провинціи во главѣ движенія сталъ человѣкъ новый, Пеоній, изъ фамиліи, никогда не возвышавшейся надъ должностями муниципалитета, и на котораго вначалѣ обращала вниманіе скорѣе извѣстность вотчима, нежели отца. Женитьбой онъ вошелъ въ родство съ фами-

лiей, далеко его превосходившей знатностiю происхожденiя, и получилъ за женой богатое приданое. Скупой по природѣ, Пеонiй сыпалъ деньгами для своихъ честолюбивыхъ замысловъ и волновалъ народъ, чтобы составить себѣ общественное положенiе. Смуты, произведенныя въ Галлiи сверженiемъ и гибелью Авита, дали ему желанный случай дерзостiю и рѣшительностiю выйти изъ того невиднаго положенiя, на которое до сихъ поръ осуждала его незнатность породы. Ставъ во главѣ аристократической молодежи, Пеонiй присвоилъ себѣ въ Арлѣ званiе префекта преторiи и нѣсколько времени, пользуясь безнарядьемъ, безпрепятственно исполнялъ эту должность ([53]). Въ Нарбоннской провинцiи хотѣли доставить престолъ Марцелiану. Марцелiанъ былъ знатный Галлоримлянинъ, язычникъ по религiи, глубоко уважаемый тайными послѣдователями древняго культа, человѣкъ смѣлый и энергическiй и съ замѣчательными нравственными достоинствами. Другъ Аэцiя, сходившагося съ нимъ частiю въ религiоз-

---

(53) Erat enim ipse Pæonius populi totus, qui tribunitiis flatibus crebro seditionum pelagus impelleret. Cæterum si requisisses: *qui genus, unde domo?* Non eminentius quam municipaliter natus, quem que inter initia cognosci, claritas vitrici magis quam patris fecerit. Identidem tamen per fas nefasque crescere affectans, pecuniæque per avaritiam parcus, per ambitum prodigus. Cum de capessendo diademate *conjuratio* Marcelliana *coqueretur*, nobilium juventuti signiferum sese in factione præbuerat, homo adhuc novus in senectute, donec aliquando, propter experimenta felicis audaciæ, *natalium ejus obscuritati dedit hiantis interregni rima fulgorem* Nam vacante aula, turbataque republica, solus inventus est, qui ad Gallias administrandas, fascibus prius quam codicellis ausus accingi mensibus multis tribunal illustrium potestatum spectabilis præfectus ascenderet. Sid. l. I. ep. 11.

ныхъ убѣжденіяхъ, онъ едва избѣжалъ преслѣдованій Валентиніана III. Выдвинутый впередъ партіей Пеонія, онъ, кажется, скоро понялъ всю шаткость своего положенія и добровольно промѣнялъ невѣрныя надежды на мѣсто правителя Сициліи. Чего хотѣлъ Сидоній, дѣйствовавшій въ 1 Ліонской провинціи, мы не знаемъ. Очевидно, взяться за оружіе заставило его негодованіе за погибель тестя, но трудно опредѣлить, какая была его дальнѣйшая цѣль и его отношенія къ партіи Марцелліана. По нѣкоторымъ выраженіямъ можно догадываться, что онъ не совсѣмъ желалъ видѣть его на престолѣ. Относительно Пеонія можно сказать утвердительно, что между этими главными двигателями возстанія была довольно сильная непріязнь. Приведенная выше, характеристика Пеонія взята нами изъ письма Сидонія. Мы увидимъ скоро, что и послѣ утвержденія власти Майоріана отношенія Сидонія къ самозванцу префекту были не лучше. При такомъ несогласіи между главными вождями, при недовѣрчивости или равнодушіи со стороны Марцелліана, въ пользу котораго должно было совершиться возстаніе, трудно было ожидать успѣха. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло между смертію Авита и возведеніемъ на престолъ Майоріана, почти вся Галлія отказала въ повиновеніи римскому правительству; но между тѣмъ въ ней еще никто не былъ провозглашенъ императоромъ. Уже одно это обстоятельство доказываетъ, какъ мало было единодушія между вождями. Между тѣмъ Рицимеръ и Майоріанъ приняли свои мѣры: Бургундамъ, которыми управлялъ Гундіохъ, женатый на сестрѣ Рицимера, поручено было привести Галлію въ повиновеніе. Имъ не далеко было идти до Ліона. Городъ былъ взятъ послѣ попытки къ сопротивленію. Возстаніе потеряло главный центръ свой; легко уже было подавить его разъединенныя усилія.

Мы не знаемъ подробностей о взятіи Бургундами Ліона; изъ темныхъ намековъ Сидонія можно заключить только то, что онъ самъ находился въ осажденномъ городѣ, и что занятіе его войсками Майоріана не обошлось безъ тяжелыхъ послѣдствій для жителей. Пожары и грабежи опустошили городъ и его окрестности и гарнизонъ, составленный по всей вѣроятности изъ тѣхъ же Бургундовъ, остался въ Ліонѣ, чтобы остановить новыя попытки къ возмущенію (54). Движеніе въ другихъ провинціяхъ было скоро подавлено, такъ что, когда въ концѣ 458 или въ началѣ 459 года прибылъ въ Галлію самъ Майоріанъ съ многочисленною арміею, ему оставалось только заставить Теодериха II, наконецъ явившагося изъ Испаніи, заключить миръ съ имперіею. Одной побѣды было достаточно, чтобы остановить непріязненныя движенія Готовъ. Поведеніе Майоріана въ Галліи лучше всего показываетъ его привлекательный характеръ и умѣнье кроткими мѣрами не только окончательно успокоить и привести въ повиновеніе страну, только что покоренную оружіемъ, но и заслужить общую привязанность. Главныхъ вождей галльскаго возстанія мы находимъ въ самомъ непродолжительномъ времени въ числѣ лицъ близкихъ къ императору. Марцелліанъ вѣрно служилъ Майоріану до самой его кончины и потомъ разорвалъ всѣ сношенія съ его убійцами. Даже Пеоній былъ не только прощенъ, но, принужденный сложить съ себя за-

---

(54) .... Bove, fruge, colono
Civibus exhausta est... post gaudia, Princeps,
Delectat meminisse mali ; populatibus, igni
Et si concedimus, veniens tamen omnia tecum
Restituis: *fuimus vestri quia causa triumphi*
Ipsa ruina placet.
Paneg. Maior. v. 580.

хваченное званіе префекта преторіи, сохранилъ однако свое выгодное положеніе въ обществѣ. Сидоній является скоро также въ числѣ приближенныхъ къ Майоріану и черезъ нѣсколько времени въ стихотворномъ посланіи, которымъ онъ умоляетъ императора сравниться съ Алкидомъ, нѣкогда поразившимъ многоглавое чудовище, и уничтожить тройную подать, бывшую по всей вѣроятности наказаніемъ за возмущеніе, Сидоній говоритъ о себѣ уже какъ о человѣкѣ, пользовавшемся особеннымъ расположеніемъ преемника Авита. «Объ этомъ умоляетъ тебя твой Сидоній, пишетъ онъ; да облекаетъ тебя въ теченіи многихъ лѣтъ сидонскій пурпуръ». Нѣсколько далѣе онъ называетъ себя поэтомъ Майоріана ([55]). Объясненія этому явленію должно искать не въ могуществѣ партіи, возставшей было противъ новаго Цезаря. Мы видимъ, какъ мало могли сдѣлать даже Вестготы противъ силъ, приведенныхъ Майоріаномъ изъ Италіи. Причина заключается въ мягкомъ характерѣ самого Майоріана, стоявшаго выше мелочной мстительности и устремившаго все вниманіе на исполненіе задуманнаго имъ похода въ Африку, чтобы разрушить тамъ притонъ морскихъ разбойниковъ. Посредникомъ между Майоріаномъ и Сидоніемъ былъ извѣстный намъ Петръ, секретарь императора, испросившій освобожденіе Ліона отъ варварскаго гарнизона. Чтобы загладить свое участіе въ возстаніи, Сидоній взялся вести переговоры о мирѣ съ Теодерихомъ II. Хотя мы и не имѣемъ прямаго свидѣ-

---

(55) Hoc te *Sidonius tuus* precatur.
Sic te *Sidonio* recocta *fuco*
Multos purpura vestiat per annos.
Carm. XIII. v. 25.
Quod si contuleris *tuo poëtæ*...
Ibid. v. 32.

тельства, но кажется, что къ этому времени должно отнести его путешествіе въ Тулузу ко двору вестготскаго короля, о которомъ оставилъ онъ такое любопытное описаніе. Мы не можемъ удержаться отъ желанія, чтобы не привести, хотя въ сокращеніи, письмо Сидонія о характерѣ и образѣ жизни Теодериха II. Въ томъ преимущественно и заключается историческое значеніе сочиненій клермонтскаго епископа, что въ нихъ отражается со всей полнотой внутренняя исторія его времени, что на каждомъ шагу мы находимъ интересныя подробности, которыхъ напрасно бы стали искать въ сухихъ анналахъ современниковъ (56). «Ты часто просилъ меня, пишетъ Сидоній къ Агриколѣ, сыну императора Авита (57), чтобы я письмомъ разсказалъ тебѣ о наружности и образѣ жизни Теодериха, короля Готовъ, такъ какъ народная молва много говоритъ объ его образованности; охотно исполняю твое желаніе, на сколько дозволятъ предѣлы одного письма; мнѣ нравится въ тебѣ искренность такого щекотливаго требованія. Уже тѣмъ интереснѣе узнать этого человѣка, чѣмъ труднѣе взглянуть на него поближе. Богъ и природа щедро осыпали его особу счастливыми дарами». За тѣмъ Сидоній переходитъ къ мелочному описанію наружности Теодериха. Изъ него узнаемъ мы: что голова у Готскаго короля была круглая и покрытая кудрявыми волосами, что рѣсницы были такъ длинны, что доходили почти до половины щеки, когда

---

(56) Вотъ напримѣръ чѣмъ ограничивается хроника, говоря о восшествіи на престолъ Авита: Levatus est Avitus imperator in Gallias et ingressus est Theodoricus, rex Gothorum, Arelato cum fratribus suis in pace (Chronic. Marii, episcopi Aventicensis ad ann. 455. apud Bouquet, II, 12.). Сравните это съ живымъ, хотя и риторическимъ, разсказомъ въ панегирикѣ Авиту.

(57) Sidon. Epist. l. II, 2.

онъ закрывалъ глаза, что густыя брови полукружіемъ осѣняли глаза, уши закрывались длинными волосами по обычаю народа, ротъ былъ маленькій; что каждый день ему брѣютъ бороду, оставляя только небольшіе щетинистые бакенбарды, и другія анатомическія подробности, отъ которыхъ мы можемъ уволить и себя и читателей ([58]). Интересъ начинается съ описанія ежедневныхъ занятій готскаго короля. «На разсвѣтѣ, говоритъ Сидоній, Теодерихъ съ малымъ числомъ спутниковъ посѣщаетъ собраніе своихъ священниковъ (аріанскихъ), которымъ онъ оказываетъ большое уваженіе, хотя, пусть это останется между нами, можно замѣтить, что это дѣлается болѣе по привычкѣ, нежели изъ дѣйствительной набожности. Остальное утро посвящается заботамъ государственнаго управленія. Кругомъ королевскаго сѣдалища стоитъ вооруженная свита. Толпа воиновъ, покрытыхъ звѣриными шкурами, допущена въ собраніе, но помѣщается такъ, что не можетъ безпокоить своимъ говоромъ. Она можетъ шумѣть на свободѣ около дверей, хотя и въ той же залѣ, но за занавѣсами, ея раздѣляющими. Въ глубинѣ залы выслушиваются посольства различныхъ народовъ; король слушаетъ много, но отвѣчаетъ въ короткихъ словахъ. Если дѣло подлежитъ разсмотрѣнію, онъ откладываетъ его; если ясно, рѣшаетъ тотчасъ. Въ два часа (8 часовъ утра) онъ встаетъ и идетъ осматривать или свои сокровища или конюшни. Если онъ отправляется на охоту, о которой объявляется заранѣе, онъ считаетъ неприличнымъ для королевскаго достоинства самому нести лукъ. Если же на дорогѣ

---

(58) Pilis infra narium antra fruticantibus quotidiana succisio.... Aream dorsi humilior inter excrementa costarum spina discriminat. Corneum femur, internodia poplitum bene mascula; maximus in minime rugosis genibus honor. Crura suris fulta turgentibus. Ibid.

случайно попадется звѣрь или птица, онъ протягиваетъ назадъ руку и служитель подаетъ ему лукъ съ распущенной впрочемъ тетивой, потому что если Теодерихъ почитаетъ неприличнымъ носить самому лукъ въ футлярѣ, то взять его у слуги уже натянутымъ кажется ему слишкомъ женственнымъ. Взявши, онъ самъ натягиваетъ его... кладетъ стрѣлу и спускаетъ ее. Прежде онъ спрашиваетъ, куда хотятъ, чтобы онъ выстрѣлилъ, и убиваетъ избранную добычу. Въ случаѣ промаха, вина бываетъ скорѣе на сторонѣ назначившаго цѣль, чѣмъ нанесшаго ударъ. Что касается до обѣдовъ, то въ будни они не богаче, чѣмъ у частныхъ людей. Задыхающіеся отъ усталости, слуги не громоздятъ на ломящіеся подъ тяжестію столы груды серебра, грубо обдѣланнаго. Бо́льшимъ вѣсомъ здѣсь отличаются разговоры, потому что обѣдающіе или молчатъ или говорятъ о чемъ нибудь дѣльномъ. Покрывала на ложахъ и на другой мебели изъ пурпура или изъ тонкаго полотна. Кушанья отличаются болѣе искусствомъ приготовленія, нежели дороговизной припасовъ; сосуды больше блескомъ нежели вѣсомъ. Сифы и патеры обходятъ кругомъ довольно рѣдко, такъ что чаще приходится желать вина, чѣмъ отказываться отъ него. Что сказать еще? Видимъ здѣсь греческую изящность, галльское изобиліе и итальянскую скорость; публичная торжественность соединяется съ распорядительностію частнаго человѣка и съ царственной важностію. Не буду говорить о праздничныхъ пирахъ, потому что они извѣстны самымъ неизвѣстнымъ людямъ. Возвращаюсь къ начатому. Послѣ обѣда Теодерихъ большею частію вовсе не спитъ, а если ложится, то весьма на короткое время. Если приходитъ фантазія играть, король живо беретъ кости, осматриваетъ ихъ со вниманіемъ, ловко потрясаетъ ими, быстро бросаетъ, весело считаетъ, выжидаетъ съ терпѣ-

нiемъ. При счастливыхъ ударахъ онъ молчитъ, при несчастныхъ смѣется, когда ничья, нѣсколько сердится, но всегда умѣетъ владѣть собою. Онъ не охотникъ отыгрываться, хотя ему и не хочется показать, что онъ боится проигрыша. Онъ пренебрегаетъ предлагаемыми ему уступками, и оставляетъ безъ вниманiя, если ему въ нихъ отказываютъ. Оставляешь игру безъ принужденiя, онъ покидаетъ ее безъ церемонiи. Можно подумать, что въ игрѣ онъ дѣйствуетъ какъ въ битвѣ, имѣя въ виду одну побѣду. Въ игрѣ онъ слагаетъ съ себя царственную важность, требуетъ свободы и непринужденности. Скажу, что̀ думаю: онъ какъ будто боится, что его боятся. Ему нравится наконецъ, если сердится побѣжденный противникъ и тогда только убѣжденъ, что его не щадятъ въ игрѣ, когда досада играющаго съ нимъ высказывается совершенно открыто. Странно то, что удовольствiе, которое онъ чувствуетъ отъ подобныхъ пустяковъ, иногда помогаетъ успѣху важныхъ дѣлъ; тутъ неожиданно открывается спасительная гавань для просьбъ, не разъ уже терпѣвшихъ кораблекрушенiе, не смотря на сильное ходатайство. Мнѣ самому, когда приходилось просить чего нибудь, случалось счастливо проигрываться и теряя партiю, я выигрывалъ дѣло».

«Около 9 часа (3 по полудни) снова начинаются заботы правленiя, снова являются просители, истцы и отвѣтчики, повсюду шумно ведутся тяжбы; это продолжается до вечера и толпа рѣдѣетъ только, когда объявляютъ, что готовъ уже королевскiй ужинъ, она расходится по дворцу къ различнымъ патронамъ до тѣхъ поръ, пока неначнутъ разставлять ночную стражу. Во время ужина изрѣдка допускаются шуты, такъ однакоже, что никому изъ присутствующихъ не приходится бояться ихъ язвительныхъ выходокъ. Здѣсь не услышишь ни гидравли-

ческаго органа, ни хора пѣвцевъ, управляемаго фонаскомъ (59); нѣтъ ни пѣвцевъ, акомпанирующихъ себя игрой на лирѣ, ни флейтистовъ, ни мезохоровъ, ни женщинъ съ тимпаномъ или гуслями; королю нравятся только тѣ пѣсни, которыя столько же возвышаютъ душу, какъ и услаждаютъ слухъ. Когда король встаетъ изъ-за стола, ночная стража размѣщается у сокровищницы и вооруженные воины занимаютъ всѣ выходы королевскаго дворца, чтобы бодрствовать во все время перваго, крѣпкаго сна».

Какъ нельзя лучше выражается въ письмѣ Сидонія степень общественнаго развитія Вестготовъ. Теодерихъ II получилъ римское образованіе, кругомъ его было, по всей вѣроятности, много Галлоримлянъ, искавшихъ счастія при дворѣ варварскаго короля. Готы заняли лучшія области Галліи, славныя своимъ винодѣліемъ и богатой природой, и однако первое, что бросается въ глаза при чтеніи письма Сидонія, это простота жизни, сдержанность грубыхъ страстей, которыя такъ разыгрались напримѣръ у Франковъ, послѣ ихъ поселенія на земляхъ римской имперіи, или у Вандаловъ въ Африкѣ. Готы уже во многомъ подчинились римскому образу жизни: земля цѣнилась уже ими болѣе, нежели звонкая монета или дорогіе металлы, въ ихъ законахъ упоминается о винодѣліи, о разведеніи оливковыхъ и фиговыхъ деревьевъ, о фруктовыхъ садахъ и т. д. между варварами были ювелиры и другіе ремесленники. Въ самой редакціи вестготскихъ законовъ видна рука или Римлянина, или человѣка, хорошо знакомаго съ римскимъ законодательствомъ; римская цивилизація,

---

(59) *Phonascus,* vocis exercitator, vocis pronuntiationisque magister et moderator. Forcellini, totius latinitatis lexicon III, 388. *Mesochorus,* qui in medio turbæ stans reliquis canendi, vel aliud agendi signum proponit. ib. 66.

однимъ словомъ, была уже во многомъ усвоена Вестготами и однакоже не успѣла еще оказать того обычнаго вліянія, которое испытываютъ на себѣ племена простаго образа жизни при столкновеніи, особенно близкомъ, съ народами, стоящими на высшей ступени гражданскаго и умственнаго развитія; она не развратила еще коренной германской чистоты нравовъ. Сальвіанъ противупоставляетъ цѣломудріе Готовъ разврату Римлянъ. «Мы дорожимъ, говоритъ онъ, (60) репутаціей соблазнителя, у Готовъ распутство не только преступно, но и опасно». Что это не риторическая фигура, доказывается многочисленными постановленіями вестготскаго законодательства относительно похищеній женщинъ и развратной жизни, постановленіями, въ которыхъ вполнѣ сохранена жестокость обычнаго права древнихъ Германцевъ. Доказательство, что не въ однихъ законахъ, но и въ нравахъ сохранилась эта чистота жизни, найдемъ мы въ разсказѣ Павлина объ опустошеніи Готами Бордо (61). Вторая особенность, ясно обнаруживающаяся изъ письма Сидонія, это малое развитіе королевской власти, сохраненіе прежнихъ отношеній къ дружинникамъ. Теодерихъ II не много сталъ выше прежнихъ вождей вольной дружины. Мы видимъ, какъ во время переговоровъ съ Авитомъ сходятся на совѣтъ старые бѣдняки въ грязныхъ лохмотьяхъ. Толпа воиновъ, одѣтыхъ въ шкуры, шумитъ въ самой залѣ аудіенцій. Правда, она помѣщена такъ, что не можетъ мѣшать совѣщаніямъ, но она тутъ и въ важныхъ случаяхъ не обойдется безъ прямаго вмѣшательства въ дѣла государственныя. Вестготы въ этомъ случаѣ крѣпко стояли за прежнія отношенія къ королевской власти. Изъ 8 первыхъ вождей вест-

(60) Salviani de Gubern. Dei, VII.
(61) Eucharsticon Deo, loco citato.

готскихъ, четверо погибло отъ руки самихъ Готовъ, двое пали въ битвахъ и только двое кончили естественною смертію. « Готы, замѣчаетъ простодушно Григорій Турскій ([62]), взяли такую проклятую привычку, что если имъ не нравится кто нибудь изъ ихъ верховныхъ вождей, они убиваютъ его». Съ другой стороны, въ самомъ Теодерихѣ трудно еще подозрѣвать ясное сознаніе въ перемѣнѣ положенія, въ необходимости расширить свою власть до тѣхъ предѣловъ, которыхъ достигла она по римско-христіанскимъ понятіямъ. Бургунды еще болѣе чѣмъ Готы подчинились вліянію римской цивилизаціи и однако въ VI столѣтіи епископъ Авитъ долженъ былъ объяснять королю Гундобальду такія, по видимому, простыя понятія. «Ты боишься народа, король, но развѣ не знаешь, что гораздо естественнѣе, чтобы народъ принялъ твою вѣру (дѣло идетъ объ обращеніи Аріанъ Бургундовъ къ православію), нежели тебѣ потворствовать его неразумію. Вѣдь ты глава народа, а не на оборотъ. Когда ты отправляешься на войну, ты, я думаю, идешь впереди дружинъ, а онѣ слѣдуютъ за тобою. Вѣдь ты король, оставь же это неразуміе и выскажи гласно передъ народомъ тѣ вѣрованія, которыя внушаетъ тебѣ сердце » ([63]). Борьба королевской власти съ защитниками прежнихъ отношеній дружины къ ея вождю много содѣйствовала ослабленію вестготскаго государства. Вслѣдствіе особой постановки духовенства, она получила нѣсколько отличный характеръ отъ подобной же борьбы, совершавшейся повсюду, гдѣ германскія племена утвердились среди римскаго населенія; но мы не можемъ остановиться на этой особенности и должны воротиться къ Сидонію.

---

(62) Gregor. Turon. Hist. III. 30.
(63) Gregor. Turonens. Histor. II, 34.

Съ Готами заключенъ былъ миръ и Теодерихъ призналъ по прежнему свою зависимость отъ имперіи. Вѣроятно, успѣшные переговоры приблизили Сидонія къ Майоріану и дали ему право, въ приведенной выше просьбѣ въ стихахъ, называть себя поэтомъ имератора. «Если ты, говоритъ Сидоній въ концѣ стихотворенія, избавишь отъ нея (тройной подати) твоего поэта, я передамъ въ вѣчную память потомства твои славные подвиги» (64). Впрочемъ эта просьба вѣроятно была написана уже послѣ панегирика, который произнесъ въ Ліонѣ, еще неуспѣвшемъ сгладить слѣды недавняго опустошенія, зять Авита въ честь его преемнику. Сидоній какъ бы забылъ, что на Майоріанѣ частно лежало обвиненіе въ гибели Авита и что противъ него такъ недавно еще дѣйствовалъ самъ авторъ съ оружіемъ въ рукахъ. Только времена глубокаго нравственнаго паденія могутъ быть свидѣтелями такихъ быстрыхъ превращеній. Самъ Сидоній очевидно чувствовалъ неестественность и неловкость своего положенія. Блестящія качества Майоріана не могли вполнѣ оправдывать легкомысленнаго поэта; можно бы удивиться только тому, что самъ Майоріанъ не понялъ неприличія подобнаго панегирика, если бы извѣстныя эпохи не уничтожали тонкости и деликатности нравственнаго чувства даже въ лучшихъ натурахъ. Въ предисловіи старается Сидоній прикрыть себя примѣрами Виргилія и Горація, особенно послѣдняго. Изъ нѣкоторыхъ стиховъ можно бы даже заключить, что панегирикъ былъ почти вынужденъ (65); но подобное толкованіе,

---

(64) Carm. XIII. v. 33.

(65) Sic mihi diverso nuper sub Marte cadenti
Iussisse placido, victor, ut essem animo;
Serviat ergo tibi servati lingua poëtæ,
Atque meæ vitæ laus tua sit pretium.

Carm. IV. Præfatio panegyrici dicti Majoriano Aug. vers. 11. et sequ.

не вполнѣ оправдывая автора, не можетъ быть принято потому, что мы знаемъ и характеръ Сидонія, которому еще разъ и еще съ меньшимъ оправданіемъ придется произносить свои высокопарныя похвалы, и благородный характеръ Майоріана который не могъ позволить себѣ довести побѣжденнаго врага до подобнаго униженія. Едва ли можно принять и то объясненіе, по которому Сидоній рѣшился забыть смерть тестя, чтобы этой цѣной облегчить положеніе своей родины. Всѣ эти побужденія придуманы очевидно съ цѣлію оправдать Сидонія. Замѣшательство автора видно во многихъ мѣстахъ его панегирика. При изложеніи біографіи Майоріана онъ употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы ни разу не упомянуть имени своего несчастнаго тестя, не сдѣлать намека на его печальную участь, послужившую къ возвышенію Майоріана. Это впрочемъ послѣдняя уступка чувству приличія и, обойдя этотъ подводный камень, Сидоній уже смѣло пускается въ похвальное слово своему побѣдителю. Онъ не забываетъ, что Майоріанъ слушаетъ свой панегирикъ въ стѣнахъ города, бывшаго главнымъ центромъ возстанія, направленнаго противъ его власти, среди развалинъ, бывшихъ слѣдствіемъ бургундскаго завоеванія. «Послѣ радости, государь, говоритъ онъ (66), пріятно вспомнить о бывшихъ несчастіяхъ; если мы и подверглись опустошеніямъ и пожарамъ, твое прибытіе вознаграждаетъ за все. Намъ нравятся самыя наши развалины, потому что мы были причиною вашего тріумфа». Панегирикъ начинается олицетвореніемъ Рима и Африки. Римъ, на этотъ разъ не безсильный какъ въ первомъ панегирикѣ, возсѣдаетъ въ воинской одеждѣ, въ шлемѣ, украшенномъ крѣпостными зубцами. Къ ногамъ его приносятъ по-

(66) Paneg. Major. v. 580.

корныя провинціи дары свои: Индія слоновую кость, Ассирія драгоцѣнныя камни, Сабея благовонія, Аттика медъ и т. д. Вдругъ съ плачемъ является Африка, она терзаетъ свои черныя щеки, и колосья, вѣнчающіе ея голову и уже утратившіе частію свое плодородіе, ломаются, склоняясь къ землѣ. «Я прихожу, говоритъ она, третія часть міра, несчастная для счастія одного человѣка. Сынъ рабы, этотъ разбойникъ, послѣ гибели моихъ властителей, держитъ мою землю подъ варваскимъ скипетромъ. Разогнавъ благородное сословіе, свирѣпый врагъ ненавидитъ всѣхъ кромѣ себя самого. О, заснувшая доблесть Лаціума, онъ хвалится тѣмъ, что коварствомъ захватилъ твои стѣны. Ты не хватаешься за копье! Уже плѣненный разъ, ты не жалѣешь обо мнѣ! А всѣ думали, что твоя звѣзда снова высоко поднялась послѣ несчастій, что ты выше упадка. Но пусть исчезнетъ страхъ; тебя ждетъ побѣда, если ты сразишься, какъ бывало послѣ прежнихъ пораженій». Слѣдуетъ обычное обращеніе къ историческимъ воспоминаніямъ и, разумѣется, пуническія войны занимаютъ въ нихъ видное мѣсто (67). «Зачѣмъ откладывать войну, продолжаетъ Африка, за чѣмъ страшиться моря? Развѣ нѣтъ у тебя великаго государя, вѣками предназначеннаго для гибели Ливіи, и который третій назовется моимъ именемъ. Эта судьба предназначена твоимъ трудамъ, Майоріанъ». Панегиристъ переходитъ потомъ къ описанію подвиговъ и доблестей Майоріана; но на этотъ разъ похвальное слово новому императору помѣщено весьма эффектно. Сообщивъ нѣсколько свѣдѣній о дѣдѣ и отцѣ своего героя, поэтъ выводитъ на сцену жену Аэція. Подвиги Майоріана и его слава тревожатъ супругу знамени-

---

(67) Me quoque, da veniam quod bellum gessimus olim,
Post Trebiam Cannasque, domas. Ibid. vers. 85.

таго варвара и она вопрошаетъ гадателей о судьбѣ юнаго вождя. Звѣзды предсказываютъ ему престолъ и, встревоженная, она обращается къ мужу съ упреками въ непониманіи грозящей ему опасности. Она описываетъ ему блестящія качества его сподвижника, его искусство въ воинскихъ упражненіяхъ и его мужество. «Скажу короче, говоритъ она, во всѣхъ войнахъ подлѣ тебя не простой солдатъ, а ученикъ, но и это только съ виду; изъ-за ученика выказывается соперникъ. Онъ завистливо смотритъ на твои побѣды и любитъ побѣжденныхъ тобою. Въ немъ спитъ Александръ В., котораго мучила отцовская слава» ([68]). Среди риторическаго разсказа супруги Аэція, среди мелочныхъ подробностей и утомительнаго многословія, является прекрасное изображеніе Франковъ и одушевленное описаніе одного изъ случаевъ войны съ этимъ народомъ Эти подробности принадлежатъ исторіи и жаль не воспользоваться ими. «Свѣтлорусые волосы Франковъ зачесаны ко лбу такъ, что бѣлѣется обнаженная шея; голубые глаза сверкаютъ водянистымъ блескомъ; на гладко выбритыхъ лицахъ вмѣсто бороды видны только тонкіе, хорошо приглаженные усы; узкое и короткое платье стягиваетъ ихъ гигантскіе члены, оставляя открытою ногу выше колѣна; широкимъ поясомъ затянутъ стройный станъ. Имъ легко метнуть на далекое пространство двуострую сѣкиру (фрамею) и узнать напередъ, куда попадетъ ударъ, кружить щитомъ и быстрымъ скачкомъ достигнуть непріятеля, прежде чѣмъ долетитъ брошенное ими же копье. Съ дѣтскихъ лѣтъ они уже созрѣли для страсти къ битвамъ. Подавленные многочисленностію непріятеля или невыгодами занятой позиціи, они уступаютъ смерти, а не страху, и оста-

(68) Paneg. Major. v. 198.

ются непобѣжденными; ихъ мужество переживаетъ ихъ самихъ» ([69]). Вотъ какъ разсказываетъ Сидоній битву съ Франками, послѣ защиты Майоріаномъ Тура отъ набѣга Бриттовъ. «Вы сражались вмѣстѣ, когда Франки Клодіона опустошали равнины Арраса. Здѣсь сходились дороги, стѣсненныя узкимъ ущельемъ. Нѣсколько далѣе, полукругомъ расположено было мѣстечко Гелена ([70]); черезъ рѣку въ концѣ длинной дороги переброшенъ былъ узкій бревенчатый мостъ. Ты помѣстился тутъ; Майоріанъ верхомъ сражался подъ самымъ мостомъ. По случаю на холмѣ, близкомъ къ берегу, раздавались свадебныя пѣсни варваровъ. *Скиѳскими* танцами праздновалась свадьба бѣлокурой невѣсты съ русымъ жениха. Майоріанъ, какъ разсказываютъ, побѣдилъ непріятеля: шлемъ звенѣлъ подъ ударами, чешуйчатыя латы выдерживали удары копій до тѣхъ поръ, пока бѣгущій врагъ не обратилъ тыла. Повсюду видны разбросанныя по телѣгамъ блестящія принадлежности варварскаго пиршества; повсюду побѣдитель захватывалъ чаши и блюда, и воины на мокрыхъ головахъ несли сосуды, обвитые пахучими гирляндами. Снова загорается бой; Беллона сокрушаетъ свѣтильники брака и побѣдитель хватаетъ колесницу съ новобрачною ([71]). Супруга Аэція не можетъ уговорить мужа погубить Майоріана; чтобы успокоить ея опасенія, его только удаляютъ отъ войска, и будущій императоръ, подобно древнему диктатору, ищетъ дѣятельности въ сельскихъ занятіяхъ». Далѣе поэтъ уже отъ своего имени разсказываетъ дальнѣйшую исторію Майоріана, его побѣды надъ Вандалами и Аллема-

---

(69) Panegyr. Major. v. 236.

(70) Vieil Hesdin или можетъ быть Lens, какъ думаетъ Августинъ Тьерри. Lettres sur l'histoire de France. VI.

(71) Ibid. v. 211—230.

нами. Здѣсь встрѣчаются также подробности, дорогія для историка. Сидоній изображаетъ намъ Вандаловъ, утратившихъ подъ знойнымъ небомъ Африк свою первоначальную энергію. Ихъ лица, отъ невоздержности и пресыщенія, потеряли мужественную свѣжесть; болѣзненная полнота овладѣла ими и сила, которою славились Вандалы прежде, растрачена была среди оргій; большая часть войска состояла изъ всякаго сброда. «Тучный Вандалъ сидитъ на скамьѣ галеры, ожидая, чтобы невольники собрали добычу и плѣнныхъ». Ярко рисуется перемѣна въ физическомъ и нравственномъ характерѣ Германцевъ, подвергнутыхъ двойному вліянію климата Африки, разслабляющаго сѣверную натуру, и неменѣе разрушительному дѣйствію разгула и оргій, средства, къ которымъ доставляли огромныя богатства, награбленныя въ Африкѣ и во время ежегодныхъ набѣговъ на берега Средиземнаго моря. Подробно разсказаны приготовленія къ африканской экспедиціи, составъ многочисленной арміи, набранной изъ ополченій почти всѣхъ варварскихъ племенъ, какія только извѣстны были Римлянамъ, сооруженіе флота и переходъ черезъ Альпы; все это, разумѣется, перемѣшанное съ миѳологіей и историческими воспоминаніями. Въ концѣ панегирика, послѣ похвалы главному виновнику гибели Авита и бѣдствія Ліона—Рицимеру, которому далеко уступаетъ Силла въ военной распорядительности, Фабій въ талантѣ, Метеллъ въ благочестіи, Аппій Клавдій въ краснорѣчіи, Фульвій въ силѣ и Камиллъ въ искусствѣ (72), бросивъ

---

(72) Dignus cui cederet uni
Sylla acie, genio Fabius, pietate Metellus,
Appius eloquio, vi Fulvius, arte Camillus.
Paneg. Major. v. 554.

мимоходомъ нѣсколько преувеличенныхъ похвалъ Петру, своему Меценату, Ліонскій поэтъ переходитъ къ мольбѣ о милости къ своему родному городу. «Такъ какъ ты», говоритъ онъ, обращаясь къ Майоріану, являешься единственной надеждой въ нашемъ несчастіи, мы молимъ помочь намъ, разореннымъ. Проходя побѣдителемъ, взгляни на Ліонъ твой. Удрученный чрезмѣрными бѣдствіями, онъ проситъ у тебя покоя; ты далъ ему миръ, возврати же и бодрость духа. Когда отдохнула, сложивъ ярмо, усталая шея вола, онъ лучше потóмъ взрываетъ плугомъ жесткое лоно земли. Ліонъ лишенъ стадъ, запасовъ, колоновъ и гражданъ; онъ не цѣнилъ своего благосостоянія, пока наслаждался имъ; теперь только послѣ разгрома, онъ понялъ свою потерю». Панегирикъ оканчивается предсказаніемъ будущихъ тріумфовъ Майоріана.

Сравнивая этотъ панегирикъ съ другими, этого же рода сочиненіями Сидонія, нельзя не сказать, что его планъ задуманъ и исполненъ нѣсколько лучше. Мысль вывести на сцену супругу Аэція, которая,

---

Довольно трудно сказать утвердительно, къ кому обращена эта похвала. Аббатъ Дюбо (Dubos), а вслѣдъ за нимъ Форіель (Hist. de la Gaule Mérid. I. 269.) и другіе относятъ ея къ Эгидію. Не извѣстно, на чемъ могли они основываться. Совершенное молчаніе Сидонія объ Эгидіи фактъ весьма замѣчательный. Почти всѣ комментаторы Сидонія относятъ это мѣсто къ Рицимеру и нѣкоторыя къ Непоціану, бывшему по свидѣтельству хроники Идація префектомъ Галліи въ этомъ году. Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь сравнивается съ героями древняго Рима именно Рицимеръ: такъ выходитъ изъ общаго хода панегирика. Главное побужденіе, по которому нѣкоторые старались отнести это мѣсто къ другимъ лицамъ, именно кажущаяся неестественность похвалы убійцѣ Авиту въ устахъ зятя погибшаго, для насъ несуществуетъ. Сидоній не только этотъ разъ хвалитъ Рицимера; въ панегирикѣ Антемію, онъ сравниваетъ его съ Марцелломъ и Метелломъ. См. v. 352 et sequ. также 499 и слѣд.

чтобы погубить Майоріана, разсказываетъ мужу его подвиги, весьма удачна. Съ перваго взгляда какъ будто проглядываетъ одушевленіе и, приступая къ чтенію съ заранѣе принятымъ намѣреніемъ открыть, во что бы то ни стало, поэтическія красоты въ панегирикѣ, легко, пожалуй, отмѣтить нѣсколько мѣстъ, на которыхъ можно остановить вниманіе читателя, уже предупрежденнаго въ пользу автора. Обольщеніе не выдерживаетъ впрочемъ вторичнаго чтенія. Панегирикъ декламація въ полномъ смыслѣ этого слова; увлеченіе подготовлено тяжелымъ трудомъ и искусственность выраженій наводитъ сильное подозрѣніе, чтобы не сказать полную увѣренность въ томъ, что и тѣ, весьма немногіе, энергическіе стихи, которые, кажется, прямо вылились съ пера, вызванные дѣйствительнымъ чувствомъ, и они порожденіе того же риторства, которое загубило всякое истинное одушевленіе. Оскорбительной становится эта холодная, аффектированная декламація, когда вспомнишь, что она обращена къ Майоріану. Можно ли ждать чего-нибудь отъ поэзіи этого несчастнаго времени, если она обращается съ тѣми же разъ на всегда заученными пріемами, съ тѣми же плоскими сравненіями и фразами, лишенными всякой мысли, къ единственному почти человѣку, который могъ бы еще вдохновить поэта. Личность Майоріана такъ и просится въ эпопею или легенду: такъ ярко бросается въ глаза его трагическое положеніе. А между тѣмъ, что же осталось въ литературныхъ и историческихъ памятникахъ этой эпохи? Легенда о посѣщеніи Майоріаномъ Карѳагена, равнодушно и безцвѣтно занесенная позднѣйшимъ Византійцемъ въ его исторію Вандальской войны Юстиніана, едва ли не единственное свидѣтельство, что эта, въ высокой степени поэтическая, личность затрогивала нѣсколько народное воображеніе. Панегирикъ Майоріану лучше всего

объясняетъ, почему эпическая поэзія была невозможна въ V вѣкѣ. Неожиданныя сближенія, остроумныя замѣчанія и игра словъ, которыя еще могутъ придать цѣну четверостишію или эпиграммѣ, блѣднѣютъ и уничтожаются во сколько нибудь большемъ и серьезномъ стихотвореніи.

Конецъ 459 года провелъ Майоріанъ въ Арлѣ, носившемъ еще прежнее, оффиціальное имя Константины. Здѣсь въ знаменитомъ циркѣ праздновали играми и зрѣлищами прибытіе въ Галлію новаго императора; здѣсь же дѣлались послѣднія приготовленія къ готовившейся экспедиціи противъ Вандаловъ. Любопытное письмо Сидонія даетъ возможность составить полное понятіе, какъ о характерѣ Майоріана, такъ и объ отношеніяхъ къ нему Сидонія и другихъ аристократовъ Галліи, стоявшихъ во главѣ возстанія, и наконецъ о постановкѣ различныхъ партій. Дѣло требуетъ впрочемъ нѣкоторыхъ объясненій. Прибытіе Майоріана въ Арль привлекло туда, кромѣ государственныхъ сановниковъ, почти всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ литераторовъ Галліи; покровительство литературѣ со временъ Августа сдѣлалось какъ бы оффиціальною обязанностію императоровъ и отъ ея исполненія неуклонялись даже тѣ изъ нихъ, которые менѣе всего могли понимать и цѣнить ученыя и литературныя заслуги. Сидоній долженъ былъ явиться въ Арль вмѣстѣ съ другими, тѣмъ болѣе, что былъ въ тоже время и лицемъ правительственнымъ. Между тѣмъ въ городѣ, еще до его прибытія изъ Оверни, ходило по рукамъ сатирическое стихотвореніе, въ которомъ не только выставлялись наружу общественные пороки, но язвительными сарказмами задѣты были многія изъ лицъ извѣстныхъ. Правда, неизвѣстный сатирикъ не назвалъ никого по имени, но легко было догадаться по намекамъ, на кого онъ мѣтилъ. Въ Арлѣ только и было толковъ, что объ

авторѣ стихотворенія. Старались разыскать, на кого можно бы излить негодованіе, возбужденное пасквилемъ, и подозрѣніе падало поочередно на извѣстныхъ поэтовъ. Разумѣется, болѣе всѣхъ волновались тѣ, которые принуждены были узнать себя въ лицахъ, выведенныхъ сатирикомъ на сцену. Въ это время пріѣхалъ въ Арль одинъ изъ друзей Сидонія, Катуллинъ, только что вернувшійся изъ Оверни, гдѣ онъ видѣлся съ нашимъ поэтомъ. Ему немедленно прочитали нѣсколько отрывковъ изъ сатиры и просили сказать свое мнѣніе. Показалъ ли Катуллинъ видъ, что ему извѣстно происхожденіе стихотворенія, или дѣйствительно онъ зналъ кое что, только онъ разразился смѣхомъ и началъ кричать, что стихи достойны того, чтобы ихъ вырѣзать золотыми буквами на трибунѣ или даже въ самомъ Каштоліи. Въ умѣ Неонія, на котораго особенно обрушилась злость сатирика, мелькнула мысль повредить Сидонію и онъ объявилъ, что теперь дѣло ясно: Катуллинъ только что воротился изъ Оверни и знаетъ однакоже болѣе чѣмъ они, безуспѣшно отыскивающіе въ самомъ Арлѣ автора сатиры. Очевидно, она написана Сидоніемъ, который еще прежде сообщилъ ее своему пріятелю. Открытіе, сдѣланное Неоніемъ, быстро разнеслось по городу и когда пріѣхалъ ничего не подозрѣвавшій Сидоній и явился на форумѣ послѣ представленія императору, его поразила перемѣна во всѣхъ, кто попадался ему на встрѣчу. Въ то время какъ одни, какъ бы изъ страха унижались передъ нимъ, другіе, чтобы не кланяться, заходили за статуи, прятались за колонами или угрюмо проходили мимо. Изумленный Сидоній не зналъ, что подумать, пока не раскланялся съ нимъ и не завелъ разговора одинъ знакомый, вѣроятно подосланный его врагами. Видишь, что случилось, сказалъ онъ. Вижу и не знаю что думать, отвѣчалъ нашъ поэтъ. — Тебя ненавидятъ и

боятся какъ сатирика. Сидоній понялъ, въ чемъ дѣло, и сдѣлавъ было сгоряча нѣсколько вопросовъ: какъ, почему, кто донесъ, гдѣ доказательство? одумался и сказалъ съ спокойной улыбкой: ступай, другъ, и, если это не затруднитъ тебя, потрудись спросить ихъ отъ моего имени, развѣ доносчикъ, обвиняющій меня въ сочиненіи сатиры, обвиняетъ также и въ ея распространеніи? не безопаснѣе ли будетъ заблаговременно перестать важничать передо мною?. Объявленіе произвело свое дѣйствіе. Поцалуи и пожатія рукъ стали по прежнему встрѣчать Сидонія; только Пеоній на носилкахъ поспѣшилъ убраться домой, обвиняя своихъ сообщниковъ въ малодушіи. Изъ разсказа можно однакоже заключить, что дѣло шло о какой нибудь политической сатирѣ, за которую могъ сильно пострадать авторъ, если бы случайно открылись улики въ ея сочиненіи. Изъ многихъ мѣстъ писемъ Сидонія видно и то, какъ боялись высказывать какое нибудь неудовольствіе правительственными мѣрами и какъ опасны были доносы. Дѣло съ сатирой не кончилось впрочемъ этимъ. «На другой день, разсказываетъ Сидоній, императоръ пригласилъ насъ къ себѣ ужинать послѣ игръ въ циркѣ. Первый съ лѣвой стороны (73) возлежалъ Северіанъ,

---

(73) Столъ, около котораго возлежали гости Майоріана, назывался sigma и имѣлъ форму подковы. Кругомъ него было поставлено ложе, на которомъ помѣщались обѣдающіе, числомъ не болѣе 7 или 8. Самое почетное мѣсто было на правой оконечности стола (cornu); его занималъ самъ Майоріанъ. За тѣмъ по степени почета слѣдовало лѣвое крыло, гдѣ на этотъ разъ возлежалъ Северіанъ, консулъ этого года. Мѣсто было тѣмъ почетнѣе, чѣмъ ближе къ лѣвой оконечности. Сидоній какъ младшій по званію лежалъ послѣднимъ т. е. ближе всего къ правому концу и подлѣ самаго императора. См. примѣч. къ Сидонію изд. Grégoire et Collombet. t. I p. 123 et sequ.

консулъ этого года, сохранившій свою любезность среди смѣнъ цезарей и волненій имперіи; подлѣ него Магнъ, прежній префектъ преторіи, только что сложившій съ себя консульское достоинство и равно достойный занимать ту и другую должность; за нимъ его племянникъ Камиллъ, самъ перешедшій черезъ обѣ должности и одинаково украшавшій собою и проконсульство отца и консульство дяди. Далѣе Пеоній и Атеній, испытанный превратностями времени и обстоятельствъ. Подлѣ Атенія возлежалъ Граціанензисъ, человѣкъ чистый отъ всякаго нареканія и который, если уступалъ Северіану въ почестяхъ, бралъ надъ нимъ перевѣсъ расположеніемъ къ нему императора. Послѣдній возлежалъ я съ правой стороны государя. Когда уже кончена была бо́льшая часть ужина, Цезарь обратился съ нѣсколькими словами къ консулу и потомъ къ консуляру Магну, къ которому возвращался часто, потому что разговоръ былъ о литературѣ; случайно потомъ онъ обратился къ знаменитому Камиллу. У тебя такой дядя, братъ Камиллъ, что я радуюсь, доставивъ въ его лицѣ одно консульство твоему роду. Камиллъ, который самъ желалъ получить подобное званіе, отвѣчалъ во время: не одно, государь, а первое. Отвѣтъ принятъ былъ съ громкими рукоплесканіями, среди которыхъ на минуту позабыли даже о должной почтительности къ Цезарю. Послѣ того, не помню о чемъ-то спрошенъ былъ Атеній, такъ что случайно или съ намѣреніемъ, но рѣчь Августа миновала Пеонія, лежавшаго выше Атенія. Перенося съ досадой это униженіе, Пеоній сдѣлалъ еще хуже: онъ отвѣчалъ на вопросъ прежде, чѣмъ успѣлъ вымолвить слово тотъ, къ кому была обращена рѣчь. Августъ разсмѣялся, потому что, сохраняя вполнѣ свое достоинство, онъ былъ непринужденно веселъ, когда бесѣдовалъ запросто. Этотъ смѣхъ далъ возмож-

ность Атенію вполнѣ отмстить за полученное оскорбленіе. Оправился хитрый старикъ и, все еще взволнованный досадой на то, что Пеоній перебилъ его, сказалъ: не дивлюсь, государь, что Пеоній перехватилъ мое мѣсто, когда ему не совѣстно перебивать и твою рѣчь. Широкое поле, примолвилъ Граціанензисъ, откроетъ это ссора для сатириковъ. Тогда императоръ, обратившись ко мнѣ сказалъ: я слышалъ, графъ Сидоній ([74]), что ты пишешь сатиру. Я также слышалъ, государь, отвѣчалъ я. Пощади насъ, прибавилъ Майоріанъ съ улыбкой. — Я щажу самого себя, удерживаясь отъ противузаконныхъ поступковъ ([75]). Что же мы сдѣлаемъ съ тѣми, которые тебя обвиняютъ, сказалъ императоръ спустя нѣсколько времени. — Кто бы они ни были, государь, пусть обвинятъ меня публично, пусть подвергнусь я заслуженной казни въ случаѣ улики; но если обвиненіе окажется невѣроятнымъ и недоказаннымъ, я молю какъ о милости, чтобы ты позволилъ мнѣ въ предѣлахъ законности писать все, что мнѣ вздумается, о моемъ обвинителѣ. Взглянувъ на Пеонія, императоръ, какъ бы въ нерѣшимости, спросилъ у него совершенно растерявшагося, нравится ли ему условіе? Но когда смущенный Пеоній молчалъ и только румянецъ, покрывшій лице, отвѣчалъ за него; я согласенъ, сказалъ императоръ, если ты тотчасъ изложишь стихами твою просьбу. Пусть будетъ такъ,

---

(74) *Comes Sidoni*. Ex eo genere comitum, ut opinor, qui honorarii tantum et sine administratione fuerunt, Constantini Aug. Vetere instituto ut docet Eusebius de vita ejus l. IV. nota Sirmondi ad Sidonium. Editio MDCLII. Parisiis p. 24.

(75) За личную сатиру по Римскимъ законамъ наказывали очень строго. Законы XII таблицъ присуждали смерть. Изъ Горація видно, что въ его время наказывали тѣлесно.

отвѣчалъ я и оборотился назадъ, какъ бы прося воды, чтобы умыть руки. Помедливъ не болѣе того времени, которое нужно было проворной прислугѣ, чтобы обѣжать около полукруглаго ложа, я снова оперся локтемъ на подушку. Что же, сказалъ императоръ, ты обѣщался стихами просить у меня позволенія писать сатиру?

Я умоляю, великій государь, произнесъ я, чтобы ты далъ такое рѣшеніе: кто обвиняетъ меня въ сочиненіи сатиры, пусть докажетъ это или страшится ([76]).

Загремѣли рукоплесканія, могу сказать безъ хвастовства, равныя тѣмъ, которыя послѣдовали за отвѣтомъ Камилла; они были вызваны не столько достоинствомъ стиховъ, сколько быстротою импровизаціи. Клянусь Богомъ и благосостояніемъ государства, сказалъ Майоріанъ, я ни какъ не запрещаю тебѣ писать, что хочешь, потому что взводимое на тебя преступленіе никакъ не можетъ быть доказано; къ тому же и несправедливо замѣшивать верховную власть въ частныя ссоры и заподозривать невиннаго и надежнаго благороднаго человѣка въ неизвѣстномъ преступленіи вслѣдствіе извѣстной всѣмъ ненависти къ нему обвинителя. Когда я, почтительно склонивъ голову, благодарилъ за рѣшеніе, у моего оратора поблѣднѣли губы и страхъ заступилъ мѣсто дерзости. Малаго недоставало, чтобы онъ не охолодѣлъ какъ человѣкъ, приговоренный къ смертной казни. Не много погодя, мы поднялись. Когда, отойдя нѣсколько поодаль отъ императора, мы стали надѣвать хламиды, консулъ бросился мнѣ на шею, префектъ схватилъ меня за руку и мой благопріятель постыднымъ образомъ унижал-

---

(76) Scribere me satyram qui culpat, maxime princeps,
Hanc rogo decernas, aut probet, aut timeat.

ся, чтобы только возбудить къ себѣ сожалѣніе. Я опасался, чтобы просьбами онъ не возбудилъ противъ меня ненависти, которую не могъ возбудить клеветою. Уступая наконецъ усильнымъ просьбамъ окружившихъ меня вельможъ, я объявилъ ему, что не буду отвѣчать стихами на его козни, если только онъ не возобновитъ ихъ. Теперь я удовлетворенъ тѣмъ, что обвиненіе въ сочиненіи сатиры доставило мнѣ славу, покрывъ стыдомъ его самаго. Вообще, я могъ наказать въ Пеоніи не только клеветника, но и распространителя клеветъ. Удовлетвореніе было впрочемъ слишкомъ достаточно; сильные и знатные вельможи со слезами почти умоляли простить виновному и, признаюсь, клевета была мнѣ полезна, потому что кончилась къ моей славѣ (77)».

Экспедиція противъ Вандаловъ кончилась, какъ извѣстно, неудачей. Приготовленія къ ней произведены были въ огромныхъ размѣрахъ и съ необыкновенною дѣятельностію (78). Многочисленный флотъ собранъ былъ въ гавани Картагены и Галлія, не смотря на истощеніе силъ безпрестанными налогами, охотно выплачивала денежное пособіе (79). Въ маѣ 460 года Майоріанъ съ многочисленною арміею, къ которой присоединились сильные отряды Вестготовъ,

---

(77) Sid. Epist. I. 11.

(78) Interea duplici texis dum littore classem
Inferno superoque mari, cadit omnis in æquor
Silva tibi, nimiumque diu per utrumque recisus,
Appenine, latus, navalique arbore dives,
Non minus in pelagus nemorum quam mittis aquarum.
Sid. Paneg. Major. v. 441.

(79) Gallia continuis quanquam sit lassa tributis,
Hoc sensu placuisse cupit nec pondera sentit
Quæ prodesse probat.
Ibid. v. 446.

былъ уже въ Сарагоссѣ, и король Вандаловъ, тщетно просившій мира, опустошеніемъ Мавританіи готовился къ отчаянной защитѣ, когда измѣна предала въ его руки флотъ римской имперіи (80). Напряженное усиліе Рима, вызванное послѣднимъ доблестнымъ императоромъ, осталось безъ результатовъ. Скоро не стало и Майоріана. Поспѣшивъ на защиту Италіи отъ Аллемановъ, онъ погибъ 7 августа 461 года недалеко отъ Тортоны. Не трудно угадать, съ какой стороны шелъ ударъ, направленный противъ знаменитаго полководца. Приказавъ Сенату избрать преемникомъ Майоріана ничтожнаго Либія Севера, Рицимеръ показалъ, какихъ качествъ искалъ онъ въ лицѣ, долженствовавшемъ занимать римскій престолъ. Императоръ съ достоинствами Майоріана не могъ ужиться съ свевскимъ предводителемъ; кто нибудь изъ нихъ долженъ былъ сойти со сцены и если великодушный преемникъ Авита не понималъ или не хотѣлъ понять этого, то опасеніе изощряло проницательность Рицимера, который ясно видѣлъ, какъ понижалось его значеніе, по мѣрѣ того, какъ выросталъ въ глазахъ и въ любви народа возведенный имъ на престолъ императоръ.

Павійскій епископъ Еннодій оставилъ потомству трогательную эпитафію Майоріану. «Пирамиды, говоритъ онъ, вѣчной громадой покрываютъ прахъ недостойныхъ властителей; оставь же доблестнымъ ихъ убогую гробницу (81).» У Сидонія, называвшаго

---

(80) Aliquantes naves, quos sibi ad transitum adversum Vandalos præparabat de litore Carthaginiensi commoniti Vandali per proditores abripiunt. Idat. Chron. Bibl. Max. Patr. VII p. 1236.

(81) Pyramidam indignis nunc prospice mole perenni;
Vilia principibus linque sepulcra piis.
Ennodii epigr. N 135.

себя поэтомъ Майоріана, мы не найдемъ ни одного стиха, въ которомъ бы высказалось скорбное чувство о преждевременной кончинѣ его вѣнчаннаго покровителя. Не найдя другихъ выраженій кромѣ пошлыхъ и заученныхъ фигуръ риторства для прославленія подвиговъ своего героя, онъ не съумѣлъ или не посмѣлъ выразить того впечатлѣнія, которое произвела на него вѣсть о смерти Майоріана. Переворотъ, совершившійся по волѣ Рицимера, не остался однако же безъ вліянія на Сидонія. Во все продолженіе правленія Севера (съ августа 461 по августъ 465 года) и въ промежутокъ времени отъ кончины этого призрачнаго властителя империя до прибытія Антемія въ Италію въ 467 г., онъ не принимаетъ никакого участія въ политическихъ событіяхъ; какъ будто печальная участь двухъ послѣднихъ правленій, изъ которыхъ каждое привѣтствовалъ онъ какъ новую эру возрожденія ветхой имперіи предсказаніями славной и долгой будущности, потрясла въ немъ всю вѣру въ судьбы Рима, внушивъ ему, по крайней мѣрѣ на время, глубокое отвращеніе отъ государственной дѣятельности. До такой степени полно отреченіе отъ всякаго, даже посредственнаго участія въ совершавшихся событіяхъ, что при всемъ стараніи, въ сочиненіяхъ Сидонія не возможно найти ни одного намека на образъ его мыслей о томъ, что происходило кругомъ его. Правда, Сидоній и въ другихъ случаяхъ высказывается весьма осторожно, давая просторъ только, такъ сказать, оффиціальнымъ чувствамъ въ своихъ панегирикахъ. Тѣмъ неменѣе Сидоній, проговаривавшійся иногда при Авитѣ, Майоріанѣ, Антеміѣ и даже во время своего епископства и дававшій возможность опредѣлить или угадать его отношенія къ тому или другому событію, его политическія симпатіи или антипатіи, хранитъ упорное молчаніе во все время отъ смерти

Майоріана до 467 года. Самое имя Севера только разъ встрѣчается во всемъ собраніи писемъ и стихотвореній Сидонія. «Северъ Августъ, говоритъ панегиристъ Антемія ([82]), подчинясь общему закону природы, умножилъ собою число боговъ. «Кромѣ этой оффиціальной фразы ничего не находимъ у Сидонія Какой бы строгій приговоръ ни произнесла исторія надъ Сидоніемъ, какъ дѣятелемъ политическимъ, историкъ не безъ чувства нѣкотораго удовольствія смотритъ на временное его удаленіе со сцены практической и служебной дѣятельности.

Все это время было посвящено Сидоніемъ литературѣ и хозяйственнымъ занятіямъ. Къ этому же времени относятся и его поѣздки въ различныя области Галліи, родъ литературныхъ путешествій, въ продолженіи которыхъ онъ сблизился съ тѣми изъ своихъ ученыхъ собратій, которыхъ до сихъ поръ онъ зналъ только по имени. Такъ въ 461 году, по мнѣнію ученыхъ издателей литературной исторіи Франціи ([83]), онъ былъ въ Нарбоннѣ, гдѣ приняла его фамилія Консенціевъ, гдѣ Сидоній познакомился со всѣми, сколько нибудь замѣчательными членами мѣстной аристократіи, и завязалъ съ ними дружескія сношенія. Время проходило въ визитахъ или въ веселыхъ пирахъ въ домѣ Консенція ([84]) и Сидоній въ

---

(82) Auferat Augustus naturæ lege Severus
Divorum numerum.
Paneg. Anthemio v. 317.

(83) Hist. Litt. de France II, 433. Поэма Сидонія должна быть написана во всякомъ случаѣ прежде 466 года т. е. прежде чѣмъ Ейрихъ сдѣлался королемъ Готовъ. Леонъ Нарбоннскій, бывшій его министромъ, жилъ еще въ Нарбоннѣ во время пребыванія тамъ Сидонія.

(84) O dulcis domus, o pii penates,
Quos, res difficilis sibique discors,

своей поэмѣ сохранилъ благодарное воспоминаніе о многихъ изъ числа своихъ Нарбоннскихъ друзей; имена другихъ онъ долженъ былъ пройти молчаніемъ, потому что они не легко подчинялись метру (85). Къ этому же времени относится и его первая поѣздка въ Бордо, гдѣ точно также какъ въ Нарбоннѣ встрѣтилъ Ліонскаго поэта радушный пріемъ со стороны его ученыхъ и аристократическихъ знакомыхъ. Передъ отъѣздомъ въ Бордо Сидоній послалъ туда посланіе къ Таліи, которое должно было предупредить объ его прибытіи (86). «Скажи Орфею, говоритъ Сидоній своей музѣ: идетъ Фебъ и, оставивъ почтовыхъ лошадей, уже разсѣкаетъ веслами Гаронну, покрытую парусами; онъ приказываетъ тебѣ, чтобы ты спѣшилъ къ нему на встрѣчу, приготовивъ впрочемъ напередъ квартиру. Скажи также Леонціо (87), сыну благородной Ливіи, скажи ему: Фебъ скоро пріѣдетъ. Повидай потомъ остроумнаго

Libertas simul excolit pudorque!
O convivia, fabulæ, libelli,
Risus, serietas, dicacitates,
Occursus, comitatus unus idem!

Carm. XXIII v. 436.

(85) Seu quoscumque alios videre fratres
Cordi utrique fuit, quibus vacasse
Laudandum reor occupationem.
Horum nomina cum referre versu
Affectus cupiat, metrum recusat.

Ibid. v. 481.

(86) Dilectæ nimis et peculiari *Phœbus* commonitorium Thaliæ. См. Sid. l. VIII ep. 11. ad Lupum. Фебомъ, какъ мы уже знаемъ, называлъ Сидонія Лампридій, получившій въ замѣнъ имя Орфея. Ibid.

(87) Понцій Леонцій, котораго замокъ, построенный при сліяніи Дордоны съ Гаронной, описанъ Сидоніемъ въ стихотвореніи XXII.

Рустика, у котораго деревенскаго одно только имя ([88]). Если ихъ дома уже заняты, ступай скорѣй къ жилищу епископовъ и, облобызавъ руку св. Галлицина ([89]), проси пристанища подъ его скромною кровлею. А то, въ случаѣ отказа, мнѣ придется печально идти въ гостинницу набитую пьяницами и со вздохомъ зажимать носъ отъ дыма кухни, гдѣ пахнутъ тминомъ красныя колбасы, развѣшанныя на веревкахъ, и испаренія со звенящихъ блюдъ мѣшаются съ дымнымъ запахомъ масла. Тамъ въ праздникъ раздадутся хриплые звуки пѣсенъ и начнутся веселые споры паразитовъ; меня разбудитъ муза какого нибудь пьянаго посѣтителя и тогда, о тогда я сдѣлаюсь болѣе варваромъ, чѣмъ онъ, и пробормочу вамъ стихи, васъ достойные»! До этой крайности не доведенъ былъ впрочемъ Сидоній. Изъ письма къ Тригеціо ([90]), относящагося къ этому же времени, видно, что онъ жилъ въ домѣ богатаго бордоскаго сенатора, котораго пиры напоминали великолѣпіе и роскошь Клеопатры и который пышностію превосходилъ своихъ согражданъ. Едва ли это не былъ Леонцій, котораго Сидоній въ томъ же письмѣ называетъ безспорно первымъ между Аквитанцами ([91]) До вступленія на престолъ Антемія и послѣ смерти Майоріана посѣтилъ проѣздомъ Сидоній и Ріесъ. Это было знойнымъ лѣтомъ, какъ мы узнаемъ изъ благо-

---

(88) Смотри письмо Сидонія къ Рустику, l. II ep. 11, гдѣ онъ называетъ его domine illustris. Эти два мѣста у Сидонія и письмо Рустика къ св. Евхерію Лионскому, найденное Сирмондомъ, составляютъ все, что мы знаемъ объ этомъ лицѣ.

(89) Мы знаемъ о существованіи Галлицина только изъ этого указанія Сидонія.

(90) Sid. Epistol. l. VIII, 12.

(91) Ecce Leontius meus facile primus Aquitanorum. Ib.

дарственнаго посланія Сидонія къ Фаусту ([92]), заступившему въ 462 г., мѣсто Максима на епископской каѳедрѣ этого города. Не смотря на полуязыческія привычки и легкомысленный характеръ Сидонія, мы находимъ его уже и въ этомъ періодѣ его жизни въ близкихъ отношеніяхъ къ высшему духовенству Галліи. Въ Нарбоннѣ онъ былъ почти постояннымъ посѣтителемъ жилища епископа; въ Бордо Муза Сидонія должна была обратиться къ Галлицину; у Фауста въ Ріесѣ Ліонскій поэтъ находитъ помѣщеніе, благословеніе, столъ и ночлегъ ([93]). Самые переѣзды изъ одной провинціи въ другую прерывались болѣе или менѣе продолжительными остановками въ деревенскихъ резиденціяхъ галлоримскихъ аристократовъ. Сидоній разсказываетъ въ одномъ письмѣ, что замедлило однажды его возвращеніе изъ Нима въ Овернь ([94]). Аполлинарій и Ферреолъ, богатые владѣльцы двухъ сосѣднихъ помѣстьевъ, Вороанга и Прузіана, расположенныхъ по берегамъ Гордона, разставили повсюду сторожевыхъ, какъ скоро услышали о путешествіи Сидонія. «Не только большія дороги, говоритъ онъ, были заняты, не только проселки, но даже тропинки, посѣщаемыя

---

(92) Carm. XVI. Eucharisticum ad Faustum, Reiensem Episcopum.

(93) Hospite te, nostros excepit protinus æstus
Pax, domus, umbra, latex, benedictio, mensa, cubile.
Ib. v. 80 et sequ.

(94) О мѣстоположеніи этихъ виллъ См. Грегоара и Коломбе изданіе Сидонія Т. I. p. 220. примѣчаніе къ 9 письму II книги. Тамъ приведено изслѣдованіе Аббата Тейссье (Teissier), старавшагося доказать происхожденіе французскихъ королей отъ Ферреола. Prusianum и Boroangus находились въ равнинѣ Alais. Прузіанская вилла Ферреола была на правомъ берегу Гордона на мѣстѣ нынѣшняго Bresis, Вороангусъ Аполлинарія на противуположной сторонѣ рѣки около нынѣшняго Beringueri. Дорога изъ Нима шла недалеко отсюда.

одними пастухами. Мы попались въ засаду, что̀, признаюсь, не было намъ очень непріятно, и принуждены были тотчасъ же дать торжественное обѣщаніе, что не будемъ думать о продолженіи нашего пути прежде, чѣмъ пройдетъ недѣля (95)». Нужно читать у Сидонія его подробный разсказъ о томъ, какъ проводилъ онъ время въ роскошныхъ виллахъ Ферреола и Аполлинарія.

Съ другой стороны деревенская жизнь и хозяйственныя распоряженія поглощали все время, остававшееся отъ литературныхъ занятій владѣльца Авитакума. Въ кругу семейства и сосѣднихъ помѣщиковъ (96), въ дѣятельной перепискѣ съ литераторами

---

(95) См. Sid. l. II, ep. 9.

(96) Къ этому времени по всей вѣроятности относится слѣдующее письмо Сидонія къ Маурузію. «Я слышу, что сборъ винограда соотвѣтствовалъ и твоей заботливости и общимъ желаніямъ болѣе, чѣмъ можно было ждать отъ неурожайнаго года. И такъ я думаю, что ты останешься еще въ Віалосцѣ, мѣстечкѣ, которое въ прежніе годы носило названіе Марціала по случаю зимовки тамъ легіоновъ Юлія Цезаря. Тамъ у тебя обильные виноградники и помѣстье, обширностію достойное такого владѣльца; разнообразіемъ плодовъ и мѣстности оно вѣроятно на долго удержитъ тебя и твое семейство. Если ты вздумаешь, наполнивъ житницы и амбары, провести тамъ передъ каминомъ и въ деревенскомъ спокойствіи (tunicata quiete) снѣжные мѣсяцы Януса и Нумы (Генварь и Февраль), до тѣхъ поръ пока прилетятъ ласточки и аисты; мы съ нашей стороны тоже скоро окончимъ въ городѣ не очень-то выгодныя дѣла, которыя насъ тамъ задерживаютъ, и въ то время какъ ты будешь наслаждаться деревней, мы будемъ наслаждаться твоимъ присутствіемъ. Ты знаешь, что мы не столько дорожимъ помѣстьемъ съ богатымъ доходомъ сколько пріятностію имѣть добраго сосѣда (vicinus æqualis cum bonis moribus) Sid. Epist. l. II, 14, Pagus Vialoscensis по мнѣнію Саварона и Сирмонда, ученыхъ издателей Сидонія, соотвѣтствуетъ мѣстечку Марціалъ (Martial) недалеко отъ Ріома.

Галліи искалъ Сидоній отдыха отъ политической дѣятельности, въ которую бросился было со всѣмъ увлеченіемъ молодости и изъ которой вынесъ только нравственное утомленіе и горькое чувство обманутыхъ надеждъ. Въ Овернскомъ помѣстьѣ старался забыть Сидоній и покореніе его родины Бургундами и вообще положеніе дѣлъ въ Галліи. Мы не можемъ однакоже не остановиться нѣсколько на судьбѣ этой провинціи въ періодъ времени отъ смерти Майоріана до вступленія Антемія. Событія были слишкомъ важны, къ тому же и Ліонскій поэтъ недолго остался всторонѣ отъ политической дѣятельности. Сидоній вовсе не принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которыя, разъ потративъ напрасно силы и увѣрившись въ невозможности дѣйствовать сообразно съ своими убѣжденіями, отрекаются навсегда отъ прежней дѣятельности. Вся жизнь его представляетъ безпрестанныя колебанія между яснымъ повидимому пониманіемъ безпомощности общественнаго положенія и надеждами на возможность лучшаго будущаго. Тѣ переходы отъ унынія къ обманчивой увѣренности, которые мы имѣли случай замѣтить въ его взглядѣ на современное состояніе литературы, еще рѣзче обнаруживаются въ его пониманіи исторіи своего времени. Какъ будто живой, увлекающійся и легкомысленный характеръ мѣшалъ ему вдуматься въ положеніе современнаго общества и спасалъ его отъ отчаянія, давая возможность убаюкиваться несбыточными надеждами. Близкій свидѣтель событій въ правленіе Авита и Майоріана, Сидоній сохранилъ однако убѣжденіе, что съ перемѣной лица можетъ измѣниться и самое положеніе, какъ будто гибели этихъ двухъ лучшихъ властителей падающаго Рима было недостаточно, чтобы показать все безсиліе личности противъ неудержимаго хода событій. Личности открывался почти безграничный просторъ къ дѣятельности,

совпадавшей съ общимъ направленіемъ; паденіе римскаго міра могло быть ускорено частными усиліями, но никакая доблесть и самоотверженіе не могли побѣдить зла. Сидоній не понималъ этого и какъ скоро во главѣ управленія явилось лице, чистое отъ упрековъ и могшее возбудить симпатію своими нравственными достоинствами, онъ съ новымъ жаромъ бросился въ практическую дѣятельность, какъ бы желая вознаградить себя за годы принужденнаго бездѣйствія, которое видимо его тяготило. Нуженъ былъ новый опытъ для того, чтобы Сидоній окончательно убѣдился въ безполезности усилій и на епископской каѳедрѣ искалъ общественнаго значенія и дѣятельности, безъ которыхъ не могъ существовать.

Смерть Майоріана произвела сильное потрясеніе, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ людяхъ, кто принималъ еще близко къ сердцу честь имперіи. Марцелліанъ, бывшій правителемъ Сициліи, бросился съ небольшимъ числомъ вѣрныхъ приверженцевъ въ Далмацію, гдѣ образовалъ себѣ независимое владѣніе. Во главѣ управленія Галліею стоялъ Эгидій, возведенный Майоріаномъ въ санъ начальника войскъ этой провинціи. Эгидій, котораго современные анналисты называютъ Римляниномъ, хотя по нѣкоторымъ указаніямъ и по положительному свидѣтельству Приска можно заключить объ его галлоримскомъ происхожденіи, не былъ вовсе человѣкомъ, способнымъ равнодушно выносить наглое господство Свева Рицимера, тѣмъ болѣе, что онъ могъ найти средства для борьбы съ нимъ. Счастливый случай доставилъ ему власть надъ самымъ храбрымъ изъ германскихъ племенъ, утвердившихся въ Галліи, именно надъ Франками. Тамъ по смерти Меровига (457 г.) возникли смуты, кончавшіяся тѣмъ, что молодой вождь, заступившій мѣсто родоначальника Меровингской династіи, Хиль-

дерихъ принужденъ былъ бѣжать за Рейнъ въ Турингію, а Франки, по словамъ Григорія Турскаго, единодушно избрали королемъ Эгидія ([97]). Событіе странное, породившее много нелѣпыхъ объясненій со стороны позднѣйшихъ историковъ Франціи. Исторія Хильдериха, разсказанная благочестивымъ епископомъ Тура, очевидно, взята изъ народныхъ преданій и пѣсенъ франкскаго племени точно такъ же какъ и разсказъ о происхожденіи Меровига. Франки, по словамъ саги, занесенной Фредегаріемъ въ его сокращеніе исторіи Григорія Турскаго, изгнали Хильдериха за разгульную жизнь и за посягательство на честь дочерей ихъ. Около шести лѣтъ пробылъ изгнанный вождь въ далекой Турингіи при дворѣ Короля Базина, въ Греціи или въ Римѣ. Вѣрный дружинникъ подготовилъ ему возможность возврата и, сдѣлавшись снова королемъ Франковъ, Хильдерихъ началъ ожесточенную борьбу съ Эгидіемъ. Вслѣдъ за нимъ явилась въ Галлію и Базина, жена турингскаго кунинга, и на вопросъ удивленнаго Хильдериха, зачѣмъ совершила она такой далекой путь, сказала: Я знаю твою доблесть и пришла жить съ тобою, потому что, да будетъ тебѣ извѣстно, если бы гдѣ нибудь за моремъ я услышала о человѣкѣ, превосходившемъ тебя мужествомъ, я пошла бы и туда искать его сожительства. Съ радостію принялъ ее Хильдерихъ и назвалъ своею женой. Въ первую же ночь брака онъ узналъ участь своею потомства. Базина трижды посылала его къ воротамъ дворца, чтобы посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Въ первый разъ король Франковъ увидѣлъ львовъ, единороговъ и леопардовъ; во второй разъ волковъ и мед-

---

(97) Denique Franci hoc (Childerico) ejecto, Aegydium sibi.... unanimiter regem adsciscunt. Greg. Turon. Histor. Franc. II, 12.

вѣдей и наконецъ въ третій мелкихъ животныхъ, похожихъ на собакъ, которыя грызлись между собою. Базина истолковала ему пророческій смыслъ этого видѣнія ([98]). Такъ народная фантазія миѳическимъ покровомъ облекла происхожденіе Меровингской династіи, и разрозненные отрывки германскихъ сагъ, занесенные въ разсказъ современныхъ анналистовъ, составляютъ почти единственный источникъ для начальной исторіи Франковъ. Избраніе королемъ Эгидія является событіемъ небывалымъ въ исторіи германскихъ племенъ, хотя не разъ римское правительство своимъ вліяніемъ доставляло власть въ руки своихъ приверженцевъ. Разсказъ Фредегарія, не смотря на явное заимствованіе изъ германской саги или даже на буквальный переводъ ея, можетъ нѣсколько объяснить слишкомъ краткое и сжатое извѣстіе Григорія Турскаго. Віомадъ, по словамъ Фредегарія, этотъ тайный приверженецъ изгнаннаго Хильдериха, выдававшій себя за друга Римлянъ, былъ сдѣланъ королемъ Франковъ въ зависимости впрочемъ отъ римскаго правителя Галліи ([99]). Съ принятіемъ этого извѣстія, избраніе Эгидія теряетъ свой исключительный характеръ. Какъ бы то ни было, Франки нѣсколько времени вѣрно служили Эгидію ([100]). Между

---

(98) Historia Francorum epitomata per Fredegarium Scolasticum XI и XII. У Григорія Турскаго разсказано тоже самое преданіе только съ меньшими подробностями, см. l. II, 12.

(99) Wiomadus, amicus Childerici, ab Aegidio *subregulus* Francis instituitur, ejusque consilio omnes Francos singulis aureis tributavit. Fredeg. Hist. Franc. Epitom. XI.

(100) По словамъ Григорія Турскаго Эгидій 8 лѣтъ былъ королемъ Франковъ. Greg. Tur. II, 12. Изгнаніе Хильдериха можно положить въ 457 г.; смерть Эгидія относится къ концу 464 или къ началу 465 г. Григорій Турскій дѣлаетъ невѣроятное предполо-

начальникомъ войскъ Галліи и Рицимеромъ началась борьба, сначала интригами, потомъ открытою силою. Оба противника не отличались особенной разборчивостію въ средствахъ вредить другъ другу. Эгидій, римлянинъ по преимуществу, какъ называютъ его современники, немногимъ уступалъ Рицимеру въ этомъ отношеніи. Онъ располагалъ силами Франковъ, арморикскихъ Бриттовъ и частію Аллемановъ; Бургунды были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Рицимера. Гундіохъ Бургундскій былъ зять Свевскаго предводителя и, послѣ открытаго возстанія Эгидія, получилъ отъ Севера званіе начальника римскихъ войскъ въ Галліи. Въ краткихъ извѣстіяхъ современниковъ мы встрѣчаемъ колебаніе и нерѣшительность общественнаго мнѣнія о характерѣ этой борьбы и ея значеніи для Галліи. Еще въ 461 году Агриппинъ, присланный изъ Италіи на важное мѣсто начальника Нарбоннской провинціи, заключилъ по приказу Рицимера тайный договоръ съ Теодерихомъ Вестготскимъ, чтобы вооружить его противъ Эгидія. Въ угоду Готскому Королю смѣненъ былъ начальникъ римскихъ войскъ въ Испаніи, назначенный еще Майоріаномъ, и его мѣсто занялъ по указанію Теодериха Арборій, одинъ изъ тѣхъ Галлоримлянъ, которые толпились при дворахъ варварскихъ королей ([101]). Агриппинъ долженъ былъ сверхъ того впередъ заплатить Готамъ за ихъ содѣйствіе Рицимеру и предать въ ихъ руки Нарбонну, которою они пытались овладѣть такъ часто. Когда Эгидій, открывшій умыселъ, обвинилъ Агриппина въ государ-

---

женіе, что Эгидій сохранилъ власть надъ Франками и по возвращеніи Хильдериха; этимъ объясняется счетъ его.

(101) Nepotianus, *Theodorico ordinante*, Arborium accipit successorem. Idat. Chron. Bibl. Max. Patr. VII, 1237.

ственной измѣнѣ и представилъ явныя доказательства его сдѣлки съ Теодерихомъ, римскій сенатъ послѣ короткаго изслѣдованія дѣла присудилъ преступника къ смерти. Могущественный варваръ, стоявшій во главѣ управленія, далъ тотчасъ почувствовать сенаторамъ неумѣстность ихъ патріотизма и уличенный, приговоренный къ казни измѣнникъ выслушалъ свое полное оправданіе въ стѣнахъ, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ тѣже самые судьи произнесли надъ нимъ смертный приговоръ. Авторъ жизнеописанія Св. Лупицина, у котораго сохранилось извѣстіе объ этомъ дѣлѣ, явно расположенъ къ Агриппину и чудомъ объясняетъ его освобожденіе изъ темницы ([102]). Еще яснѣе высказывается эта нерѣшительность общественнаго мнѣнія въ тѣхъ краткихъ извѣстіяхъ, которыя дошли до насъ объ открытой борьбѣ Эгидія съ Рицимеромъ. Въ самомъ дѣлѣ такъ мало было въ политическихъ событіяхъ этого времени общихъ интересовъ, такъ были они перепутаны, что каждый составлялъ сужденіе лишь по своимъ личнымъ отношеніямъ къ той или другой враждующей партіи. За что бы ни ратовали оба противника, тотъ и другой мало имѣли въ виду собственно римскую имперію. Если Рицимеръ поднялъ на Эгидія Бургундовъ и Готовъ, воспользовавшихся случаемъ, чтобы расширить предѣлы своихъ владѣній въ Галліи, если Агриппинъ, снова присланный въ Нарбонну, впустилъ Готовъ въ этотъ городъ; то Эгидій въ свою очередь возбуждалъ придунайскихъ Аллемановъ вторгнуться въ верхнюю Италію и даже заключалъ союзъ съ непримиримымъ врагомъ римскаго имени, Гензерихомъ Вандальскимъ. Неудивительно, что у того же Григорія Турскаго мы находимъ двѣ легенды, составленныя очевидно съ противоположныхъ точекъ воззрѣ-

---

(102) См. Pétigny. Etudes sur l'époque Mérovingienne t. II 187.

нія. Послѣ того какъ соединенныя силы Бургундовъ и Готовъ осадили римскаго вождя въ Арлѣ и онъ только отчаянной вылазкой могъ очистить себѣ выходъ, чтобы окольными путями пробраться въ сѣверную Галлію, въ народѣ ходилъ разсказъ о бѣсноватомъ, среди церкви объявившемъ о чудесномъ заступленіи св. Мартина ([103]). Съ другой стороны, когда весной 463 года въ битвѣ недалеко отъ Орлеана погибъ Фридрихъ, братъ короля Вестготовъ, и Эгидій, преслѣдуя разбитаго непріятеля, занялъ область Тура и осадилъ остатки готскаго ополченія въ Шиноне, Максимъ, ученикъ св. Мартина, спасъ своими молитвами доведенныхъ до крайности осажденныхъ. По словамъ легенды, сохраненной тѣмъ же Григоріемъ Турскимъ, когда готскій гарнизонъ изнемогалъ отъ жажды, Максимъ обратился къ Богу и обильный дождь надолго обезпечилъ потребности осажденныхъ, принудивъ Эгидія отступить отъ города ([104]). Дѣятельность Эгидія получила характеръ національный съ того времени, какъ въ томъ же 463 году возвращеніе изъ Турингіи Хильдериха отняло у него самыхъ надежныхъ союзниковъ. Первымъ дѣломъ возвратившагося изъ изгнанія короля была ожесточенная война противъ Эгидія и римскій пол-

---

(103) Aegidius quoque cum obsideretur ab hostibus, et excluso a se solatio, turbatus impugnaretur, per invocationem beati viri, fugatis hostibus liberatus est. Idque daemoniacus in medio basilicæ, ipsa hora qua gestum fuerat, est professus sancti Martini obtentu hoc fuisse concessum. — Ex miraculorum S. Martini libr. primo excerpta c. II. Gregor. Turonens. Histor. Eccles. Franc. editio Guadet et Taranne Paris. 1838 t. II p. 406. Болѣе подробный разсказъ объ этомъ находится въ стихотворномъ жизнеописаніи Св. Мартина, составленномъ Павлиномъ, см. Bibl. Max. Part. t. VI p. 320.

(104) Ex libro de gloria confessorum excerpta. cap. XXII ibid. t. II p. 582.

ководецъ остался одинъ противъ соединенныхъ усилій всѣхъ варварскихъ народовъ, поселившихся въ областяхъ римской Галліи. Съ этого времени онъ является единственнымъ защитникомъ римской образованности и римскаго имени противъ напора варваровъ; названіе римлянина, которое почти неразлучно съ его именемъ у современныхъ и позднѣйшихъ анналистовъ, по всей вѣроятности, заслужено было имъ въ эту пору его дѣятельности. Борьба была впрочемъ не по силамъ римскому вождю; онъ изнемогъ въ ней и умеръ въ Суассонѣ въ концѣ 464 или въ началѣ 465 года. Смерть его многіе приписывали отравѣ; воображеніе современниковъ до того было настроено къ тому, чтобы видѣть въ кончинѣ каждаго изъ политическихъ дѣятелей тайное убійство, что даже о Северѣ, этомъ послушнѣйшемъ исполнителѣ воли Рицимера, носились слухи, будто онъ палъ новою жертвою честолюбиваго варвара.

Результаты борьбы Эгидія съ убійцей Авита и Майоріана были самые печальные для Галліи. Со всѣхъ сторонъ вошли варвары въ области, еще свободныя отъ ихъ поселеній. Бургунды, уже владѣвшіе Ліономъ, раздвинули въ сѣверу предѣлы своихъ владѣній. Вестготы овладѣли, благодаря предательству Агриппина, Нарбоннской I провинціей до самыхъ береговъ Роны. Съ другой стороны все западное прибрежье Галліи, отъ Гаронны до Луары, или вторая Аквитанія, досталось въ ихъ руки ([105]). Владѣнія Го-

(105) Нарбоннская I соотвѣтствовала Лангедоку или нынѣшнимъ департаментамъ: Haute—Garonne, Arriéges за исключеніемъ округа Saint Giron; Aude, Hérault, Gard. Аквитанія II департаментамъ Vienne, Deux Sèvres, Vendée, Charente, Charente Inférieure, Dordogne, Lot et Garonne, Gironde, (прежнія области: Poitou, Aunis, Saintonge, Angoumois, Périgord, Bordelais, Agénois). См. Pétigny Tableau des 17 provinces de la Gaule Romaine. Etudes t II p. 394.

товъ и Бургундовъ отдѣлили такимъ образомъ области средней Галліи, еще считавшія себя римскими, отъ Арля, центра римскаго управленія, и отъ провинцій: Нарбоннской 2 и приморскихъ Альповъ. На сѣверовостокѣ, Франки Хильдериха, къ которымъ по всей вѣроятности присоединилось нѣсколько племенъ или дружинъ, прибывшихъ съ праваго берега Рейна ([106]), опустошили сѣверныя части обѣихъ Белгій и окончательно завладѣли Триромъ и Кельномъ. Въ 3 Ліонской провинціи Адовакръ, предводитель Саксовъ, захватилъ Анжеръ и утвердился въ его области, взявъ заложниковъ съ галлоримскаго населенія ([107]). Галлія была истерзана опустошительными войнами; вражда Эгидія съ Рицимеромъ лишала ее не только матеріальной, но даже и нравственной помощи со стороны Рима; мало того, давала право варварамъ разорять ее во имя возстановленія законной власти императора Севера. Къ бѣдствіямъ войны присоединилась еще моровая язва, страшно свирѣпствовавшая въ Галліи ([108]). Поэтому населеніе провинцій, еще не покоренныхъ варварами, съ жадностію ухватилось за первую возможность примкнуть къ имперіи. Случай представился довольно скоро. Северъ не долго пережилъ Эгидія, и Рицимеръ, нѣсколько времени управлявшій одинъ имперіею, былъ вынужденъ обратиться къ восточному императору съ просьбою дать властителя западной половинѣ рим-

---

(106) См. Fauriel Histoire de la Gaule Mérid. t. I p. 287.

(107) Adovacrius vero cum Saxonibus Andegavos venit. Quo (Aegidio) defuncto, Adovacrius de Andegavo et aliis locis obsides accepit. Greg. Turon. Hist. Franc. II, 18. Область Анжера — нынѣшній департаментъ Maine et Loire.

(108) Magna tunc lues populum devastavit. Greg. Turon. loco citato.

скаго міра. Довольно долго тянулись переговоры, прежде чѣмъ сошлись въ условіяхъ. Императоръ Леонъ избралъ своимъ соправителемъ Антемія. Отецъ его, Прокопій, былъ патриціемъ и главнымъ начальникомъ войскъ Восточной имперіи и пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность въ войнахъ съ Персами. Дѣдъ, Антемій, былъ префектомъ и консуломъ. Самъ Антемій съ успѣхомъ сражался на Дунаѣ и въ Иллиріи съ Гуннами ([109]). Личныя достоинства, образованность или даже ученость, если повѣрить на слово Сидонію, прославляющему близкое знакомство своего героя съ философскими системами древней Греціи, знатность происхожденія обратили на Антемія вниманіе императора Маркіана, отдавшаго за него дочь свою Евфимію ([110]). Обращеніе огромной недвижимой собственности на содержаніе церквей и благотворительныхъ заведеній, много говоритъ въ пользу благочестія Антемія, хотя въ Римѣ и обнаружились сомнѣнія въ ортодоксіи новаго императора, котораго заподозривали въ склонности къ манихейской ереси, хотя малочисленные приверженцы язычества даже возлагали на него нѣкоторыя надежды, основываясь на дружбѣ его съ языческимъ философомъ Северомъ ([111]). По смерти Маркіана, Антемій могъ разсчитывать на престолъ Византіи, если бы Аспаръ, разыгрывавшій на востокѣ роль Рицимера, не предпочелъ облечь

---

(109) Этотъ эпизодъ изъ военной дѣятельности Антемія очень хорошо изложенъ у Амедея Тьерри въ его статьѣ: Fils et successeurs d'Attila. Revue des deux Mondes 15 Iuillet 1854.

(110) Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы изъ панегирика Антемію, написаннаго Сидоніемъ.

(111) См. Gibbon edit. Buchon I, 858. Сомнѣніе высказывается также и въ житіи Св. Епифанія Павійскаго, написанномъ Еннодіемъ см. мѣсто приведенное издателями Сидонія, Грегуаромъ и Колломбе I, p. 105.

пурпуромъ Леона, одного изъ своихъ чиновниковъ. Антемій весьма равнодушно перенесъ потерю надеждъ; но въ видахъ новаго правительства было удалить изъ Константинополя человѣка, по всѣмъ правамъ стоявшаго ближе всѣхъ къ трону. Леонъ и Аспаръ охотно взялись доставить Антемію западноримскую имперію. Разумѣется, прежде всего нужно было согласіе Рицимера, который принялъ свои предосторожности, и вынудилъ у Антемія руку его дочери. Съ многочисленной свитой отправился Антемій въ Италію и въ апрѣлѣ 467 года былъ провозглашенъ императоромъ. Его вступленіе на престолъ возбудило общую радость. Тѣсный союзъ обѣихъ имперій, обязательство, данное Леономъ, энергически дѣйствовать противъ Вандаловъ и общими силами привести въ исполненіе неудавшійся планъ Майоріана, нравственныя достоинства самого Антемія, частная жизнь котораго заслуживала полное уваженіе и въ которомъ предполагалось болѣе твердости, чѣмъ оказалось впослѣдствіи, все это заставляло ожидать лучшихъ дней для имперіи. Марцелліанъ, до сихъ поръ независимо владѣвшій Далмаціею и господствовавшій своимъ флотомъ на Адріатикѣ, одинъ изъ первыхъ явился принести клятву въ вѣрности новому императору. Галлія ждала отъ него избавленія отъ варваровъ. Вступленіе на престолъ Антемія вызвало и Сидонія изъ его бездѣйствія. Какъ мы уже замѣтили, Сидоній принадлежалъ къ числу лицъ, объяснявшихъ настоящее положеніе дѣлъ личными достоинствами или недостатками главныхъ дѣятелей. Не проникая въ глубь, ихъ мысль скользила, такъ сказать, по поверхности явленій общественной жизни, не давая себѣ труда вдумываться въ ихъ основныя причины, не замѣчая ихъ связи со всѣмъ предшествовавшимъ развитіемъ. Въ первый же годъ правленія Антемія Сидоній уже явился въ Римъ де-

путатомъ Оверни. Въ длинномъ письмѣ къ Геронію ([112]) онъ описалъ свое путешествіе. Отправившись на почтовыхъ изъ Ліона, Сидоній быстро проѣхалъ черезъ Альпы. Внизъ по Тессино онъ совершилъ переѣздъ въ лодкѣ до впаденія этой рѣки въ По и потомъ мимо устьевъ Адды и Минчіо, остановившись мимоходомъ въ Кремонѣ и въ Бриксиллѣ, по всему среднему теченію По до того мѣста, гдѣ начинается Фламиніева дорога, идущая по восточному берегу Италіи. Какъ видно изъ разсказа Сидонія, казенныя станціи и почта были устроены не только по сухопутнымъ дорогамъ, но и по рѣкамъ ([113]). Равенна, любимое мѣстопребываніе Гонорія и Валентиніана III, на нѣсколько времени остановила его вниманіе ([114]); далѣе по Фламиніевой дорогѣ путешественникъ быстро проѣхалъ до Рима, почти вовсе не останавливаясь въ городахъ, лежавшихъ на пути. Онъ успѣлъ впрочемъ получить лихорадку отъ вредныхъ испареній этрусскаго прибрежья и отъ быстрыхъ переходовъ отъ зноя дня къ холоду ночи. Жажда сильно мучила Сидонія, и онъ съ радостію увидѣлъ передъ собою стѣны Рима. Еще не въѣзжая въ самый городъ, первымъ дѣломъ было посѣтить базилику св. Петра и только совершивъ поклоненіе мощамъ Апостоловъ, Сидоній отправился въ приготовленную для него гостинницу, чтобы лечь въ постель и отдохнуть отъ продолжительнаго путешествія. Онъ могъ не спѣшить дѣлами, потому что прибылъ въ Римъ въ самое время празднествъ по случаю брака Рицимера съ дочерью Антемія: этимъ бракомъ думали обез-

---

(112) Sidon. Epist. l. I, 5.

(113) Dum succedenti Aemiliano nautæ decedit Venetus remex. ib.

(114) Въ письмѣ къ Кандидіану (l. I, 8) Сидоній оставилъ характеристику Равенны, въ которой вычурность выраженій доходитъ до нелѣпости.

печить внутреннее спокойствіе имперіи. «Посреди радости, общей не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для всѣхъ сословій и партій, такъ пишетъ Сидоній, я завидую спокойствію, которымъ наслаждаешься ты по ту сторону Альпъ. Въ эту самую минуту, какъ я пишу къ тебѣ, по всѣмъ театрамъ, рынкамъ, площадямъ, въ преторіи, въ храмахъ и гимназіяхъ раздаются эпиталамы зъ фесценинскихъ стихахъ (115); ученіе прервано, дѣла отложены въ сторону, въ судахъ безмолвіе, пріемы пословъ отсрочены, пропски прекратились и посреди шутовства гистріоновъ на время остановились всѣ дѣла. Уже невѣста выдана, женихъ надѣлъ брачный вѣнецъ и сваха одѣлась въ цикладу (116); Рицимеръ сложилъ съ себя скромную пенулу (117), чтобы облечься сенаторской тогой, и однако еще не стихло брачное торжество, потому что новобрачная еще не перешла въ домъ мужа» (118). Не смотря на обычную осторожность Сидонія, въ его письмахъ проглядываетъ нерасположеніе къ Рицимеру и оскорбленное чувство аристократической гордости при видѣ униженія имперіи и ея представителя, заискивавшаго благосклонности наглаго Свева. «Послѣ свадьбы патриція Рицимера, такъ начинаетъ Сидоній свое второе письмо къ тому же Геронію, то есть послѣ того, какъ потрачены были сокровища

---

(115) Thalassio fescenninus explicaretur. Sid. l. I, 5.

(116) Широкая и длинная женская одежда, округленная съ низу и обшитая пурпурной каймой или вышитая золотомъ. Ее носили подъ палліумомъ.

(117) Penula или pænula, круглый плащь римскій изъ плотной шерстяной матеріи, надѣвавшійся въ холодъ или дождь. Пенула была собственно деревенская одежда; она была безъ рукавовъ и уже тоги. Ее надѣвали сверху, просовывая въ отверстіе голову. См. Forcellini Lexicon.

(118) Sid. Epist. l. I, 5.

обѣихъ Имперій, возстановилось наконецъ общественное спокойствіе и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ» ([119]). Самъ Антемій понималъ свое униженіе и согласился на него только вынужденный необходимостію. «Мы приняли его, говорилъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя Епифанію Павійскому, мы приняли его въ нашу прославленную предками семью, должно сознаться, къ стыду и государства и нашего рода. Мы согласились изъ любви къ государству на то, что́ явно клонилось къ нашему собственному посрамленію. Кто изъ прежнихъ Цезарей доходилъ до того, чтобы для блага народа включить собственную дочь въ число даровъ, предназначенныхъ для одѣтаго въ шкуры Гота» ([120])?

Въ приведенномъ выше письмѣ къ Геронію разсказываетъ Сидоній свое пребываніе въ Римѣ и отыскиваніе доступа ко двору и къ высшимъ должностямъ. Это письмо такъ любопытно для исторіи нравовъ, что нельзя ограничиться простою передачей главнаго его содержанія: пусть лучше говоритъ самъ Сидоній ([121]). «Меня приняли подъ свою сѣнь пенаты Павла, бывшаго прежде префектомъ, мужа столь же почтеннаго по образованію, какъ и по личному характеру; тамъ окружила меня заботливость радушнаго гостепріимства. По истинѣ, трудно найти человѣка, который бы превзошелъ его въ какомъ либо родѣ искусствъ и знаній. Богъ мой! что за искусство въ спорахъ, что за блестящее краснорѣчіе, какая правильность стиха и ловкость въ пальцахъ ([122])! Одно только превосходитъ всѣ эти

---

(119) Sid. l. I, 9.

(120) Смотри мѣсто Еннодія, біографа св. Епифанія Павійскаго, приведенное Грегуаромъ и Колломбе въ изданіи Сидонія. T. 1. p. 105.

(121) Sidon. Epist. l. I, 9.

(122) Deus bone, quæ ille propositionibus ænigmata, sententiis schemata, versibus commata, digitis mechanemata facit. ib.

достоинства, это его рѣдкое сердце, которое лучше даже и этой образованности. И такъ прежде всего я старался развѣдать черезъ него, нѣтъ ли какого средства получить хорошій пріемъ при дворѣ; съ нимъ я обсуживалъ также, кто бы изъ вельможъ лучше другихъ могъ помочь въ исполненіи моихъ надеждъ. По правдѣ сказать, мы медлили не долго, потому что покровителя приходилось выбирать изъ весьма небольшаго числа лицъ. Безъ сомнѣнія, въ сенатѣ было много членовъ съ огромнымъ богатствомъ, знатнаго рода, почтенныхъ по лѣтамъ, извѣстныхъ опытностію, высоко поставленныхъ по званію и равныхъ по общественному положенію; но все таки, будь сказано не въ укоръ другимъ, двое знатнѣйшихъ консуляровъ, Геннадій Авіенъ и Цецина Василій, выдавались передъ прочими ([123]). Они въ кругу высшихъ сановниковъ, если устранить предводителей войска, были безспорно первыми лицами въ государствѣ послѣ государя. Между ними была однако же разница въ характерѣ, и скорѣй они были похожи другъ на друга по общественному значенію, чѣмъ по склонностямъ. Скажу въ короткихъ словахъ объ этомъ. Авіенъ достигъ консульства счастіемъ; Василій заслугами. Въ Авіенѣ болѣе всего удивляло легкое достиженіе имъ почестей; въ Василіи ихъ многочисленность, хотя онѣ достались ему и поздно. Около обоихъ, если они выходили изъ дому, тѣснилась многочисленная толпа кліентовъ, предшествовавшихъ, сопровождавшихъ и окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Но при одинаковой многочисленности,

---

(123) О Цецинѣ мы ничего не знаемъ. Авіенъ былъ товарищемъ Валентиніана III по консульству въ 450 г. Онъ же участвовалъ по свидѣтельству Проспера въ посольствѣ, которое явилось къ Аттилѣ во время вторженія гуннскаго завоевателя въ верхнюю Италію. См. Germain Essai sur Apollinaris Sidonius p. 14. n. 3.

не одинаковы были характеръ и надежды ихъ приверженцевъ. Авіенъ все вліяніе употреблялъ для возвышенія своихъ сыновей, зятьевъ и братьевъ. Постоянно безпокоимый домашними кандидатами, онъ не такъ легко могъ заботиться объ удовлетвореніи требованіямъ постороннихъ искателей. Въ этомъ отношеніи предпочитали Деціанскую фамилію фамиліи Корвиновъ, потому что сколько блестящій Авіенъ доставлялъ своимъ родственникамъ, столько скромный Василій дѣлалъ для лицъ ему совершенно чужихъ. Авіенъ сближался со всѣми и очень скоро; но это сближеніе приносило не много пользы. Съ Василіемъ удавалось сойтись не многимъ и то не вдругъ; но за то съ выгодой. Тотъ и другой не были неприступны и горды въ обращеніи; но если бы заискивать у обоихъ, то отъ Авіена можно было скорѣе дождаться короткости, отъ Василія одолженія. Взвѣсивъ основательно всѣ эти соображенія и попытавъ обоихъ, я рѣшился, сохраняя все уваженіе къ старому консуляру, у котораго я продолжалъ бывать довольно часто, примкнуть однако же къ окружающимъ Василія. Между тѣмъ какъ я старался при помощи этого достойнаго мужа сдѣлать что нибудь для достиженія цѣли Овернской депутаціи, приблизились генварскія календы, когда Цезарь во второй разъ долженъ былъ вписать свое имя въ консульскія фасты. Любезный Соллій, сказалъ мнѣ патронъ, я знаю, что ты очень занятъ порученнымъ тебѣ дѣломъ; но мнѣ бы хотѣлось, чтобы въ угоду новому консулу ты вызвалъ свою старую музу, пусть она хотя на скоро произнесетъ поздравительное стихотвореніе. Я бы постарался устроить принятіе и произнесеніе панегирика и подготовить успѣхъ его. Если ты вѣришь моей опытности, эта бездѣлица можетъ сильно подвинуть впередъ и твое дѣло. Я повиновался; онъ не оставилъ моихъ стиховъ своею бла-

госклонностію и, сильная порука за мою преданность, онъ обдѣлалъ такъ моего консула, что тотъ сдѣлалъ меня префектомъ своего сената.» «Порадуйся, пишетъ Сидоній нѣсколько далѣе; мой панегирикъ имѣлъ если не славу, то по крайней мѣрѣ всю выгоду, какой только можно ждать отъ хорошаго произведенія. Потому, если можно шутки перемѣшивать съ важными вещами, мнѣ хочется, подражая Пиргополинику Плавта, кончить мое письмо хвастовствомъ въ родѣ Тразонова. Поэтому, такъ какъ я съ Божіею помощію достигъ префектуры, благодаря моему сочиненію, устрой въ уваженіе моего высокаго званія, чтобы общія похвалы и одобреніе превознесли до небесъ мой панегирикъ, если онъ тебѣ нравится, мое счастіе, если ты имъ недоволенъ ([124]).»

Въ этомъ письмѣ весь характеръ Сидонія. Тяжелые уроки, полученные въ правленіе Майоріана и Севера, пропали даромъ. Послѣ довольно продолжительнаго удаленія отъ участія въ политическихъ событіяхъ, онъ является на сцену почти такимъ же, какимъ былъ при первомъ своемъ появленіи. Мы говоримъ *почти* такимъ же, хотя въ его характерѣ выказались теперь черты, какихъ не было прежде или которыя не были такъ замѣтны. Это какая-то особенная искательность, какая-то поспѣшность поскорѣй взять видное мѣсто, пока оно еще не захвачено другими, и при томъ занять его не въ Галліи, а въ самомъ центрѣ государственнаго управленія, какъ можно ближе къ главнымъ дѣятелямъ. Можно подумать, что событія послѣдняго царствованія наве-

---

(124) Переводъ послѣдней фразы не можетъ передать намековъ на рѣчи дѣйствующихъ лицъ Евнуха Теренція и Хвастливаго воина Плавта.

ли его на мысль, что получить и сохранить значеніе можно только въ Римѣ, тамъ гдѣ сходились и переплетались главныя нити всѣхъ интригъ, съ послѣдняго времени получившихъ особенно важное вліяніе на судьбы западно-римскаго міра или, что́ будетъ вѣрнѣе, на судьбы римскаго правительства. Въ самомъ дѣлѣ, два раза удавалось Сидонію составить себѣ завидное положеніе и оба раза оно уничтожалось при смѣнѣ Цезарей, такъ что приходилось начинать снова. Притомъ перемѣны происходили быстро и совершенно непредвидѣнно для провинціальныхъ честолюбцевъ; точно какая-то невидимая рука по прихоти разрушала въ одну минуту искусно построенное зданіе, воздвигнутое ихъ трудолюбивой и не всегда согласной съ нравственнымъ достоинствомъ политикой. Поведеніе Сидонія въ Римѣ указываетъ, если не ошибаюсь, на перемѣну его системы. Помѣстившись здѣсь, онъ могъ взглянуть близко на тайныя пружины сложной машины государственной администраціи, могъ видоизмѣнять свой образъ дѣйствій сообразно съ измѣненіями въ силѣ и постановкѣ извѣстныхъ партій, могъ въ бо́льшихъ размѣрахъ употребить въ дѣло ту же осторожную политику, какой слѣдовалъ онъ при выборѣ патрона. Это была послѣдняя попытка занять въ обществѣ мѣсто, на которое, по его убѣжденію, онъ имѣлъ полное право расчитывать. И Сидоній принялся за дѣло со всѣмъ увлеченіемъ.

Панегирикъ Антемію, проложившій ему дорогу къ почестямъ, не былъ важенъ самъ по себѣ даже въ мнѣніи самого автора. Панегиристъ первый готовъ смѣяться надъ своимъ произведеніемъ, отъ котораго такимъ образомъ отнимается и послѣднее его достоинство— искренность, хотя бы и обманчивая. Мы не будемъ разсказывать содержанія панегирика, потому что найдемъ въ немъ тѣ же пріемы, какъ и въ прежнихъ.

Самая лесть не отличается особенной находчивостію, не смотря на то, что у панегиристовъ въ этомъ отношеніи болѣе всего встрѣчаемъ оригинальности и изобрѣтательности. Замѣтимъ одно въ панегирикѣ Антемію: явную спѣшность работы и вслѣдствіе того не только отсутствіе обдуманнаго плана, (искусной концепціей не отличаются и прежніе панегирики), но сравнительно слабѣйшую обработку отдѣльныхъ частей и небрежность исполненія. Происходило ли это единственно отъ недостатка времени, или тутъ замѣшалась излишняя увѣренность въ успѣхѣ, сказать трудно. Вѣроятно было то и другое; мы видѣли, какъ легко отзывается авторъ о причинахъ, вызвавшихъ панегирикъ, и о самомъ сочиненіи. Видно, что на первомъ планѣ стояла чисто практическая цѣль.

Неизвѣстно, какое вліяніе имѣло возвышеніе Сидонія на успѣхъ Овернской депутаціи, для облегченія котораго написанъ былъ самый панегирикъ. Во всѣхъ письмахъ изъ Рима мы не находимъ ни слова объ этомъ; но за то много о самомъ авторѣ. Въ каждомъ письмѣ высказывается довольство Сидонія и самимъ собою и его положеніемъ. «Попробуй теперь, пишетъ онъ къ Филимацію ([125]), изгнать меня изъ сената на основаніи законовъ объ искательствѣ государственныхъ должностей.» Въ томъ же письмѣ, говоря о возвышеніи въ санъ викарія Галліи Гавденція, бывшаго до сихъ поръ простымъ трибуномъ преторіи, онъ радуется, что его другъ далеко оставилъ за собою своихъ безпечныхъ согражданъ. Пусть противъ него раздаются упреки и ропотъ со стороны обойденныхъ; Гавденцій пока недоступенъ другому чувству кромѣ радости, къ тому же успѣхъ прикрывалъ все. «Такъ, замѣчаетъ Сидоній, теперь уважа-

---

125) Sid. Epist. I. I, 3.

ютъ человѣка, до сихъ поръ презираемаго, и, изумленные благосклонностію фортуны, они видятъ сидящимъ на трибуналѣ того, на котораго прежде смотрѣли свысока.» Съ тѣхъ поръ какъ Сидоній занялъ важное мѣсто префекта Рима, онъ съ неудовольствіемъ и сожалѣніемъ смотритъ на молодыхъ Галлоримлянъ, которые предпочитаютъ праздную жизнь по деревнямъ служебной дѣятельности. «Мнѣ кажется, пишетъ Сидоній къ Гавденцію ([126]), и разумѣется это не относится къ людямъ благонамѣреннымъ, мнѣ кажется, я вижу отсюда горделивую праздность твоихъ завистниковъ и это отвращеніе къ дѣятельности, свойственное лѣнивымъ натурамъ. Я вижу, какъ они, отчаявшись сами возвыситься, философствуютъ за стаканомъ вина, прославляя досуги лицъ не служащихъ, выхваляя ихъ впрочемъ не столько въ видахъ нравственнаго усовершенствованія, сколько изъ любви къ бездѣлью.» Въ письмѣ къ Евтропію ([127]) онъ заклинаетъ его оставить деревенскую жизнь и хозяйственныя занятія и искать должности. «Людямъ твоего происхожденія нужно заботиться о своей личности ни какъ не менѣе, какъ и о своей виллѣ. Но дѣломъ будетъ, продолжаетъ Сидоній, когда во время собраній, гдѣ засѣдаютъ и произносятъ приговоры мальчики, надъ тобой, безславнымъ деревенщиной, старикомъ, принужденнымъ почтительно стоять передъ ними, надъ знатнымъ, утратившимъ права свои, произнесетъ приговоръ выслужившійся бѣднякъ, когда ты съ горькимъ чувствомъ увидишь, что тѣ, для кого слишкомъ много чести идти за нами, далеко обогнали тебя.» Въ письмѣ къ Сіагріо ([128]), которое, по всей вѣроятности, относится

(126) Sidon. Epist. l. I, 4.
(127) Sidon. Epist. l. I, 6.
(128) Sid. Epist. l. VIII, 8.

къ этому же времени, еще болѣе выясняется мысль Сидонія. «Если ты отречешься, говоритъ онъ, отъ другихъ родовъ благородныхъ занятій и тебя будетъ поджигать только желаніе увеличить твое матеріальное благосостояніе, напрасно ты будешь гордиться твоимъ происхожденіемъ отъ предковъ, носившихъ трабею, считать въ твоемъ родѣ курульныя кресла, золоченыя носилки и пурпурные фасты; удаленіе отъ дѣлъ неминуемо поведетъ къ тому, что тебя менѣе будетъ отличать цензоръ, чѣмъ угнетать цензъ» ([129]).»

Одна и та же мысль проходитъ во всѣхъ этихъ письмахъ: сознаніе, что постепенно утрачивается прежнее значеніе аристократіи, что представители древнихъ и знатныхъ родовъ одинъ за другимъ сходятъ со сцены, уступая мѣсто людямъ новымъ, выдвинутымъ впередъ событіями, глубоко взволновавшими современное общество. На этотъ разъ Сидонію казалось, что причина заключается въ малодушіи галльской знатной молодежи, что люди родовитые виноваты сами, если высшія должности, принадлежащія имъ по всѣмъ правамъ, замѣщаются лицами безродными. И вотъ, занявши самъ третье мѣсто въ имперіи, онъ съ жаромъ старается открыть имъ глаза. Одному онъ рисуетъ картину униженія потомка знаменитыхъ предковъ предъ безроднымъ выскочкой, другому доказываетъ, что удаленіе отъ государственной дѣятельности ради увеличенія матеріальнаго благосостоянія подорветъ самое это благосостояніе, оставивъ непредусмотрительнаго владѣльца беззащитнымъ противъ притѣсненій фиска; всѣмъ онъ обѣщаетъ дѣятельное содѣйствіе для занятія мѣстъ, приличныхъ людямъ senatorii seminis. Самъ онъ вполнѣ

---

(129) Is profecto inveniere quem debeat sic industrium quod latentem, non tam honorare censor quam census onerare. Ibid.

увлеченъ своимъ новымъ положеніемъ. Своимъ вліяніемъ онъ доставилъ Экдицію, сыну Авита, мѣсто начальника войскъ въ Галліи и обѣщаніе Антемія сдѣлать его со временемъ патриціемъ ([130]). Однимъ письмомъ онъ отшучивается отъ насмѣшливыхъ поздравленій своихъ галльскихъ друзей, поздравленій, вѣроятно, вызванныхъ неумѣренною радостію Сидонія послѣ первой удачи ([131]); въ другомъ высказываетъ свои опасенія, чтобы римскій народъ не встрѣтилъ его воплями въ циркѣ, если не подоспѣютъ во время корабли съ хлѣбомъ и подымется цѣна на съѣстные припасы ([132]). Съ живостію, свойственною его характеру, онъ повѣрилъ, что есть еще возможность составить себѣ прочное положеніе и поддержать славу знаменитыхъ предковъ. Въ этомъ случаѣ онъ служитъ представителемъ убѣжденій значительной части галльской аристократіи съ тою только разницею, что большинство начинало искать счастія уже не въ Римѣ, а при дворахъ варварскихъ

---

(130) Обѣщаніе Антемія было исполнено Непотомъ. См. Sidon. l. V, 16 къ Папіанилле, которую онъ поздравляетъ съ новымъ возвышеніемъ ея брата.

(131) Morari me Romæ congratularis; id tamen quasi facete, et fatigationum salibus admixtis. Ais enim gaudere te quod aliquando necessarius tuus videam solem, quem utique raro bibitor Araricus inspexerim. Nebulas ergo mihi meorum Lugdunensium exprobras, et diem quereris nobis matutina caligine obstructum vix meridiano fervore reserari. Sid. l. I, 8 ad Candidianum.

(132) Vereor autem ne famem populi romani theatralis caveæ fragor insonet, et infortunio meo publica deputetur esuries. Sane hunc ipsum e vestigio ad portum mittere paro, quia comperi naves quinque Brundusio profectas cum speciebus tritici ac mellis ostia Tiberina tetigisse, quarum onera expectationi plebis, si quid strenue gerit, raptim faciet offerri, commendaturus se mihi, me populo. Sid. l. I, 10 ad Campanium.

королей, подѣлившихъ между собою лучшія области римской имперіи. Аристократъ въ душѣ, Сидоній упорно преслѣдовалъ мысль о поддержаніи чести и значенія знатныхъ родовъ. Когда уничтожится надежда достигнуть этого участіемъ въ администраціи, онъ будетъ надѣяться, что образованіе разграничитъ высшее сословіе отъ низшаго и послужитъ отличительнымъ признакомъ благороднаго происхожденія; наконецъ, подобно многимъ изъ своихъ товарищей, онъ будетъ искать на епископской каѳедрѣ того значенія, котораго онъ не могъ получить гражданскою дѣятельностію.

Какъ ни былъ впрочемъ склоненъ Сидоній къ увлеченію, на этотъ разъ оно не могло продолжаться. Положеніе имперіи было слишкомъ безнадежно. Въ Галліи римское правительство могло еще расчитывать только на Бургундовъ, если не на помощь ихъ, по крайней мѣрѣ на бездѣйствіе. Причина расположенія Бургундовъ заключалась во-первыхъ въ родствѣ Рицимера съ сыновьями Гундіоха, во-вторыхъ въ раздѣленіи бургундскихъ владѣній между 4 королями. Совсѣмъ другая постановка была со стороны Вестготовъ. Кровавый переворотъ произошелъ въ семьѣ королей; Теодерихъ II погибъ отъ руки брата, а вступленіе на престолъ Ейриха грозило бѣдой римскимъ провинціямъ Галліи, потому что съ перемѣной правительства кореннымъ образомъ измѣнялись и самыя отношенія къ имперіи. Надъ партіей умѣренной, подчинившейся до нѣкоторой степени римскому вліянію и отличавшейся религіозною терпимостію, брала верхъ сторона враждебная Риму, фанатически преданная аріанству. Мы знаемъ изъ отзывовъ Сидонія характеръ погибшаго короля Готовъ и, не смотря на риторическое преувеличеніе панегириста, не можемъ отвергнуть вліянія римскаго воспитанія на измѣненіе образа мыслей предводителя

Вестготовъ. Отношенія Теодериха II къ имперіи являются сильнымъ подтвержденіемъ словъ Сидонія. Нельзя сказать, чтобы готскій король упускалъ случай увеличить свои владѣнія на счетъ Рима, но его дѣйствія слишкомъ осторожны и нерѣшительны: полнаго окончательнаго разрыва съ имперіею не было во все время правленія Теодериха. Съ другой стороны въ немъ нисколько не было духа прозелитизма, и аріанское духовенство могло не безъ нѣкотораго основанія заподозрить его въ равнодушіи къ интересамъ и распространенію аріанской ереси. Таковъ же былъ и Фредерихъ, братъ его, убитый въ сраженіи съ Эгидіемъ около Орлеана; его поведеніе относительно православнаго духовенства показываетъ самую полную терпимость, если не тайное отреченіе отъ ереси. Ейрихъ напротивъ былъ фанатическимъ приверженцемъ Аріева ученія и изъ первыхъ же его поступковъ обнаружилась его ненависть къ каѳолическому исповѣданію. «Не знаешь, пишетъ Сидоній, вождь ли онъ народа или начальникъ секты». Вражда его къ имперіи была хорошо извѣстна и ждала только случая высказаться въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ. Римское правительство спѣшило по этому приготовить отпоръ Вестготскому завоевателю, несмотря на то, что миръ еще не былъ нарушенъ. Разумѣется, имперія не имѣла возможности дѣйствовать собственными силами и могла только противупоставить однихъ варваровъ другимъ. Ріохамъ или Ріотимъ, вождь арморикскихъ Бриттовъ, по просьбѣ римскаго правительства, занялъ съ 12,000 войска лѣвый берегъ Луары. Его присутствіе въ сѣверозападной части 1 Аквитаніи должно было сдерживать Вестготовъ, первое нападеніе которыхъ неминуемо обратилось бы на эту провинцію. Но въ то самое время какъ Антемій старался устроить оборонительную линію противъ завоевательныхъ стремленій Ейриха, измѣна со стороны глав-

наго представителя императорской власти въ Галліи едва было не предала въ руки Готовъ послѣдніе остатки римскихъ владѣній. Вотъ что писалъ въ 469 году Сидоній изъ Рима къ Винцентію ([133]).

«Меня огорчаетъ несчастіе Арванда; не хочу скрывать этого. Самая большая похвала Антемію то, что въ его правленіе можно безъ страха и открыто любить даже государственныхъ преступниковъ. Я былъ другомъ этого человѣка, быть можетъ, болѣе чѣмъ заслуживали легкомысліе и измѣнчивость его характера. Доказательство этому ненависть, которую я недавно возбудилъ противъ себя по его дѣлу и которая при моей безпечности едва не погубила меня. Если я сохранилъ къ нему дружбу, я обязанъ этимъ только самому себѣ; онъ же по натурѣ не былъ способенъ къ постоянству; говорю это откровенно, а не изъ желанія очернить его. Презирая совѣтами вѣрныхъ друзей, онъ во всемъ былъ игрушкою счастія и удивительно вовсе не то, что онъ погибъ наконецъ, а то, что онъ могъ держаться такъ долго. Сколько разъ самъ онъ хвалился своими частыми неудачами, сколько разъ мы, изъ привязанности къ нему, сожалѣли о безразсудствѣ, которое рано или поздно должно было погубить его. Мы не могли называть еще счастливымъ человѣка, у котораго въ жизни были частыя удачи. Но ты просишь, чтобы я разсказалъ тебѣ по порядку объ его управленіи. Со всѣмъ уваженіемъ къ пріязни, которую должно сохранять даже и къ несчастному другу, я вкратцѣ изложу все дѣло».

«Въ первое свое управленіе префектурой Арвандъ пріобрѣлъ себѣ общее уваженіе; во второй разъ онъ

---

(133) Sidon. Epistol. l. I, 7.

позволилъ себѣ возмутительныя притѣсненія ([134]). Обремененный долгами, онъ соперничалъ съ своими преемниками и въ страхѣ предъ кредиторами. Онъ смѣялся надъ словами другихъ, старался обо всемъ вывѣдать, презиралъ услуги, подозрительно смотрѣлъ на тѣхъ, кто являлся къ нему рѣдко, скучалъ тѣми, кто посѣщалъ его часто и наконецъ, возбудивъ противъ себя общественную ненависть, онъ былъ взятъ подъ стражу, прежде чѣмъ сложилъ съ себя должность, и отправленъ въ Римъ. Здѣсь онъ хвастался, что благополучно совершилъ переѣздъ по бурному морю около береговъ Этруріи, какъ будто самыя стихіи были отъ него въ зависимости и совѣсть была чиста отъ упрековъ. Въ Капитоліи онъ жилъ на порукахъ у Флавія Азеллы, министра финансовъ, который уважалъ еще въ немъ только что отнятое званіе префекта преторіи ([135]). Между тѣмъ депутаты Галліи: Тонанцій Ферреолъ, бывшій самъ префектомъ преторіи и внукъ по матери консула Афранія Сіагрія, Таумастъ и Петроній, люди одаренные рѣдкою опытностію и краснорѣчіемъ и которыхъ должно считать лучшимъ украшеніемъ нашей родины, явились вслѣдъ за Арвандомъ, чтобы обвинить его отъ имени страны, представивъ свои вѣрющія граматы. Между другими документами, которые должны были подкрѣплять обвиненіе, они привезли перехваченныя письма, о которыхъ арестованный секретарь Арванда показалъ, что онъ писалъ ихъ подъ диктовку господина. Одно письмо назначалось, какъ видно, къ королю Готовъ; въ немъ отговаривали его

---

(134) Praefecturam primam gubernavit cum magna popularitate, consequentemque cum maxima populatione.

(135) Qui adhuc in eo *semifumantem* præfecturæ nuper extortæ *dignitatem* venerabatur.

отъ заключенія мира съ *греческимъ* императоромъ, указывали необходимость нападенія на Бриттовъ, расположившихся по берегамъ Луары, убѣждали Готовъ раздѣлить съ Бургундами всю Галлію jure gentium; были и другія, подобныя же нелѣпости, которыя могли возбудить свирѣпаго короля и смутить Цезаря. Юристы горячо толковали это письмо какъ доказательство преступленія въ оскорбленіи величества».

«Отъ меня и Авксанія, достойнѣйшаго мужа, не могло укрыться все это. Мы почитали дѣломъ безчестнымъ, жестокимъ и малодушнымъ, измѣнить дружбѣ къ Арванду во время такого несчастія. Мы передали ему, когда онъ еще не боялся ничего подобнаго, всѣ козни, которыя съ необыкновеннымъ искусствомъ старались держать въ тайнѣ до самаго суда его ожесточенные и неумолимые враги съ тѣмъ, чтобы неосторожный противникъ, отвергавшій совѣты друзей и безразсудно надѣявшійся на самого себя, запутался въ скорыхъ отвѣтахъ. Мы сказали ему, что́, по нашему мнѣнію и по мнѣнію тайныхъ благопріятелей, должно было сдѣлать для безопасности, убѣждали, чтобы онъ воздержался отъ всевозможныхъ, даже по видимому самыхъ пустыхъ и незначущихъ признаній. Запирательство могло бы затруднить противниковъ тѣмъ болѣе, чѣмъ увѣреннѣе они были въ легкости уличенія. Еще не выслушавъ, онъ разразился уже бранью. Подите, сказалъ онъ, выродившіеся и недостойные потомки знаменитыхъ предковъ, подите съ вашей глупой трусостію. Если вы ничего не понимаете, такъ оставьте мнѣ заботу объ этомъ дѣлѣ. Для Арванда достаточно его совѣсти; не знаю, допущу ли я еще адвокатовъ защищать меня и противъ обвиненій въ лихоимствѣ. Печально оставили мы его, волнуемые не столько чувствомъ обиды, сколько сожалѣніемъ; развѣ медикъ можетъ сердиться, если сходитъ съ ума безнадежный боль-

ной. Между тѣмъ обвиняемый нашъ расхаживалъ въ бѣлой тогѣ по Капитолію; то утѣшался коварными привѣтствіями, то охотно какъ въ прежнее время выслушивалъ пустыя ласкательства, то разсматривалъ ткани и драгоцѣнные камни, перебирая въ лавкахъ дорогіе товары, перецѣнивая, развертывая ихъ, какъ бы собираясь купить, и въ тоже время толкуя много о законахъ, о современныхъ обстоятельствахъ, о сенатѣ и Цезарѣ, жалуясь, что они не отмстятъ за него обвинителямъ, а хотятъ прежде произвести слѣдствіе. Прошло нѣсколько дней и весь сенатъ собрался въ залу засѣданій. Я узналъ объ этомъ впослѣдствіи, потому что въ это время уѣзжалъ изъ города. Арвандъ явился въ курію еще нѣсколько прежде, выстриженный и убранный; его обвинители въ полутраурѣ и скромно ожидали вѣстника отъ децемвировъ. Этимъ трауромъ и небрежной одеждой они искусно перехватили себѣ то сожалѣніе, которое обыкновенно чувствуется къ обвиненному. Вызвали и ввели обѣ партіи; по обычаю онѣ стали другъ противъ друга. Передъ началомъ суда, лицамъ, занимавшимъ должность префектовъ, дано было позволеніе сѣсть. Арвандъ съ какимъ-то несчастнымъ безстыдствомъ бросился впередъ, чтобы усѣсться почти среди самыхъ судей. Ферреолъ не разлучаясь съ товарищами скромно и медленно опустился на скамью, такъ что всѣмъ было видно, что онъ болѣе помнитъ о своемъ положеніи депутата, нежели о званіи сенатора; такое поведеніе доставило ему впослѣдствіи много похвалъ и уваженія. Между тѣмъ опоздавшіе сановники наконецъ собрались; обѣ стороны встали и депутаты начали обвиненія. Представивъ сначала грамату отъ провинціи, они предъявили вслѣдъ за тѣмъ и письмо, о которомъ было упомянуто выше. Во время самаго чтенія, еще не дождавшись вопроса, Арвандъ объявилъ, что онъ самъ диктовалъ письмо.

Депутаты стали доказывать, хотя по несчастію это было уже ясно. Арвандъ, какъ бы помѣшанный и не подозрѣвая всей опасности, двукратнымъ или троекратнымъ повтореніемъ признанія окончательно погубилъ себя. Обвинители продолжаютъ обвиненіе, судьи провозглашаютъ, что подсудимый самъ признялъ себя виновнымъ въ оскорбленіи величества, и смертный приговоръ подтверждается тысячью текстовъ закона».

«Тутъ только, говорятъ, поблѣднѣлъ онъ, терзаемый раскаяніемъ въ необдуманности словъ своихъ.... Тотчасъ лишенный привилегій двойной префектуры, которую онъ занималъ непрерывно въ теченіи 5 лѣтъ, возвращенный въ плебейское состояніе, онъ былъ отведенъ въ общественную тюрьму. Всего печальнѣе, по словамъ очевидцевъ, было то, что явившись передъ судей разодѣтый и убранный, когда обвинители были въ траурѣ, онъ уходилъ осужденный, несчастный, но не возбуждая состраданія. Кто же въ самомъ дѣлѣ могъ сожалѣть о человѣкѣ, который даже и въ подземелье темницы шелъ надушенный и тщательно одѣтый? На 14 дней было отложено произнесеніе приговора; осужденный на смерть, онъ былъ отосланъ на островъ змѣи Епидаврійской ([136]). Тамъ, измѣнившись въ лицѣ до того, что возбуждалъ сожалѣніе даже враговъ своихъ, удаленный по волѣ судьбы со сцены земныхъ дѣйствій ([137]), онъ долженъ влачить теперь жизнь, на основаніи стараго Тиберіева закона, въ продолженіи тридцати дней послѣ произнесенія приговора, ожидая съ ужасомъ каждую минуту желѣзныхъ крючьевъ и гемоній, и петли суро-

---

(136) In insulam conjectus est serpentis Epidaurii. Островъ на Тибрѣ, гдѣ былъ храмъ Эскулапа.

(137) Et a rebus humanis veluti *vomitu fortunæ nauseantis exputus*.

ваго палача ([138]). Что касается до насъ, сколько можемъ, присутствующіе и отсутствующіе, мы возносимъ обѣты, мы удвоиваемъ мольбы и просьбы, чтобы, остановивъ ударъ уже обнаженнаго меча, милосердіе Августа наказало ссылкой или конфискаціей имѣнія этого человѣка уже полумертваго. Для него, долженъ ли онъ ожидать смертной казни или подвергнуться ей, прискорбнѣе особенно то, что послѣ всего позора онъ можетъ еще бояться чего нибудь больше, чѣмъ продолженія жизни. Прости».

Остановимся нѣсколько на этомъ письмѣ. Нигдѣ не высказывается такъ ясно безотрадное состояніе политической нравственности этого несчастнаго времени. Симпатія Сидонія къ преступнику, его дружба съ нимъ, даже послѣ улики въ измѣнѣ, слишкомъ очевидны. Во всемъ письмѣ ни разу не сказался не только римскій, даже провинціальный патріотизмъ. Сидоній говоритъ о нелѣпости плановъ Арванда, ни слова объ ихъ преступности. Съ другой стороны нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что поступокъ Арванда былъ измѣной не только относительно Рима, но и относительно интересовъ тѣхъ провинцій Галліи, которыя еще признавали власть Рима. Какъ же согласить кажущуюся преданность Сидонія Антемію, его увлеченіе Римомъ, наконецъ его любовь къ Овернѣ, которой грозило бѣдой исполненіе замысловъ Арванда, съ дружбой и состраданіемъ къ признанному и явному предателю? Мы видѣли уже, какъ

---

(138) Ex vetere senatus consulto Tiberiano. По закону Тиберія между приговоромъ и его исполненіемъ должно было пройти 10 дней; Ѳеодосій прибавилъ еще 20 дней. Gemoniæ, scalæ gemoniæ, gradus gemonii, мѣсто, откуда свергали преступниковъ или гдѣ выставлялись ихъ трупы. Гемоніи были около храма Юноны Аргосской. См. Forcellini II. 352.

измѣнчивы были политическія убѣжденія Сидонія, какъ потеряло смыслъ стремленіе Галліи къ самостоятельности, какъ шатко было общественное мнѣніе во время борьбы Эгидія съ Рицимеромъ. Скажемъ разъ на всегда: въ это несчастное время не было и не могло быть твердыхъ политическихъ убѣжденій. Всѣ живыя начала были изжиты, общественныя отношенія измѣнились и интересы перепутались такъ, что у самыхъ добросовѣстныхъ и благородныхъ политическихъ дѣятелей почва исчезала подъ ногами. Лучшіе изъ нихъ, искренно желавшіе возврата прежнихъ временъ римской имперіи, тѣ, у которыхъ идеалъ общественнаго устройства былъ далеко назади, должны были тѣмъ не менѣе дѣйствовать совершенно несообразно съ духомъ того государственнаго быта, къ которому они хотѣли поворотить исторію, и, что́ особенно замѣчательно, сами не сознавали этой несообразности. Дѣятельность Майоріана, Эгидія носитъ на себѣ печать этой непослѣдовательности съ тѣми началами, которыя они хотѣли возвратить къ жизни. А между тѣмъ тотъ и другой далеко не принадлежали къ числу обыкновенныхъ государственныхъ лицъ своего времени; оба носили въ себѣ, повидимому, твердыя, прочно установившіяся убѣжденія и великодушную рѣшимость пожертвовать всѣмъ для исполненія своихъ замысловъ. Трагическая судьба этихъ послѣднихъ представителей старой римской доблести не позволяетъ на минуту усомниться въ ихъ искренности. Если Майоріанъ и Эгидій во многихъ случаяхъ шли какъ бы ощупью, не имѣя возможности согласить своихъ дѣйствій съ тѣми началами, во имя которыхъ хотѣли бы дѣйствовать, чтожъ оставалось дѣлать людямъ, не имѣвшимъ ни прочности ихъ убѣжденій, ни римскаго закала ихъ характера? Самыя основныя понятія потеряли свой смыслъ, слова точно также не выра-

жали настоящаго понятія, какъ надпись на ассигнаціяхъ, въ минуту финансоваго кризиса, ихъ номинальной цѣнности. Среди совершавшагося или уже частію совершившагося разложенія римской имперіи, въ вихрѣ событій небывалыхъ въ исторіи и слѣдовавшихъ одно за другимъ съ быстротою, недававшей времени для ихъ обсужденія, личности оставался безграничный просторъ. Съ нея спали всѣ общепринятыя нормы, дававшія извѣстное направленіе дѣятельности. Каждый могъ дать отчетъ лишь своей совѣсти, но и она бо́льшею частію оставалась безмолвнымъ совѣтникомъ относительно политической дѣятельности. Не забудемъ, что если утратился или исказился смыслъ многихъ основныхъ понятій, за то изострилась способность софистическихъ толкованій, способность примирять между собою повидимому никакъ не согласимыя вещи. За невозможностію имѣть прямое значеніе, многія понятія получили условный смыслъ. Вотъ отчего историку такъ трудно произнести сужденіе о нравственномъ значеніи того или другаго поступка. До нѣкоторой степени онъ самъ становится въ положеніе людей того времени и съ трудомъ можетъ опознаться среди перепутанныхъ интересовъ, почти не имѣя возможности уловить въ этой, безконечно разнообразной и безпрестанно измѣняющей свой видъ, массѣ событій какое нибудь общее направленіе: такъ много личныхъ, неподчиняющихся общимъ нормамъ стремленій находитъ онъ. Мы не говоримъ объ Арвандѣ; изъ письма Сидонія ясно видно, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло и какія побужденія заставили его рѣшиться на этотъ поступокъ. Очевидно, это представитель той худшей части галло-римской аристократіи и вообще всего галло-римскаго общества, которая все болѣе и болѣе занимаетъ сцену, по мѣрѣ того какъ ищутъ убѣжища въ церкви или создаютъ себѣ въ горныхъ укрѣпленіяхъ свое особенное суще-

ствованіе лучшіе члены этого общества. Въ Пеоніи мы познакомились уже съ образчикомъ людей такого рода. Желаніе выйдти изъ затруднительнаго положенія подало Арванду мысль объ измѣнѣ Риму; а время казалось ему вполнѣ благопріятнымъ. Антемій внушалъ уваженіе и сдерживалъ варваровъ преимущественно тѣмъ, что былъ въ союзѣ съ восточной имперіей, въ которой предполагалось гораздо болѣе силъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Неудачная экспедиція въ Африку противъ Вандаловъ, для которой византійская имперія собрала огромныя средства, разрушила это обольщеніе. Поколебалась также и другая опора власти Антемія—его согласіе съ Рицимеромъ, для котораго онъ пожертвовалъ своею аристократическою гордостію. Между могущественнымъ варваромъ, управлявшимъ судьбами имперіи, и Антеміемъ, униженнымъ и второстепенною ролею, которую заставляли играть его, и безполезною жертвою, принесенною имъ для упроченія своей власти, завязалась глухая, тайная борьба, которая неминуемо должна была разразиться открытой враждой; а здѣсь было ясно, на чьей сторонѣ останется перевѣсъ. Уже тотчасъ послѣ дѣла Арванда раздоръ между Антеміемъ, который какъ Византіецъ не пользовался любовію даже и чисто римской партіи ([132]), и Рицимеромъ, дошелъ до того, что послѣдній удалился въ Миланъ къ войскамъ, и только посредничество епископа Епифанія на нѣсколько времени успѣло возстановить по крайней мѣрѣ видимое, хотя и ненадежное согласіе. Рицимеръ, по всей вѣроятности, скорѣй благо-

---

(132) Антемій не разъ называется Грекомъ у современныхъ Римскихъ писателей. См. у Сидонія l. I, 7. Въ житіи Епифанія, написанномъ Еннодіемъ, мы находимъ даже названіе *Græculus*. Такъ рано высказалось непріязненное чувство Рима къ Византіи. См. изд. Greg. et Coll. I, 112.

пріятствовалъ, чѣмъ противодѣйствовалъ попыткамъ въ ролѣ Арвандовой. Существованіе римской имперіи даже въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ она была послѣ Валентиніана III, замѣтно тяготило Рицимера. Нѣсколько разъ онъ пытался управлять Италіей, одинъ, и каждый разъ принужденъ былъ уступать общественному мнѣнію, требовавшему для Италіи особаго властителя. Объ Галліи едва ли заботился варварскій предводитель; по его приказу предалъ Агриппинъ Нарбонну въ руки Теодериха II и мы не находимъ ни малѣйшей попытки возвратить Риму захваченную Готами провинцію. Успѣхъ Готовъ скорѣй могъ обратиться въ пользу Рицимеру, доказавъ невозможность существованія римской имперіи въ тогдашнемъ ея положеніи. Можетъ быть даже Арвандъ дѣйствовалъ, расчитывая на это равнодушіе Рицимера къ судьбѣ Галліи, если даже не на его тайное одобреніе. Примѣръ Агриппина былъ у него передъ глазами и едва ли не этимъ можно объяснить его непонятную самоувѣренность, обнаруженную передъ самымъ судомъ. Интриги Рицимера, его тайныя сношенія съ варварами не подлежатъ сомнѣнію. Что же касается до Сидонія, его поведеніе относительно Арванда можетъ отчасти объясниться увлеченіемъ дружбы къ обвиненному. Къ этому присоединялось отсутствіе твердыхъ политическихъ убѣжденій, непониманіе опасности, грозившей Оверни въ случаѣ успѣха замысловъ Арванда, а главное, его легкомысленный характеръ ритора. На время Сидоній весь былъ увлеченъ римскими интригами и какъ бы позабылъ положеніе Галліи. Въ его письмахъ, относящихся къ этому періоду его жизни, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ, обнаруживавшихъ участіе въ дѣлахъ Галліи, ни слова напримѣръ о томъ дѣлѣ, за которымъ собственно пріѣхалъ онъ въ Италію. Такое объясненіе кажется намъ самымъ естествен-

нымъ. Допустить полное отсутствіе даже провинціальнаго патріотизма въ Сидоніи не возможно. Вся послѣдующая его дѣятельность служитъ доказательствомъ противнаго. Временная забывчивость, увлеченіе настоящей минутой, чувствомъ пріязни и сожалѣнія, все это какъ нельзя лучше согласуется съ характеромъ Сидонія, который, какъ и бо́льшая часть его современниковъ, не любилъ задумываться надъ причинами и далекими слѣдствіями событій. Стоило измѣниться не общему ходу дѣлъ, а личнымъ отношеніямъ Сидонія къ той или другой партіи и онъ заговоритъ совершенно другимъ языкомъ и, что́ всего страннѣе, самъ не замѣтитъ этого, не возьметъ на себя труда или примирить свой настоящій образъ мыслей и дѣйствій съ прежнимъ, или по крайней мѣрѣ объяснить причину происшедшей перемѣны. Чтобы пробудить въ душѣ Сидонія любовь къ провинціи, замѣнившей ему родину, достаточно было, чтобы исчезли его надежды на возможность составить себѣ прочное положеніе въ Римѣ, и удержаться среди враждующихъ партій. Этого ждать было не долго. Потерялъ ли Сидоній вѣру въ Антемія, узнавши его покороче, или ссора Рицимера съ его безсильнымъ тестемъ наконецъ раскрыла ему глаза относительно дѣйствительнаго значенія варварскаго предводителя войскъ; только скоро послѣ дѣла Арванда мы находимъ Сидонія уже въ Оверни и находимъ далеко не въ томъ настроеніи духа, въ какомъ видѣли его въ Римѣ. Кажется, онъ окончательно убѣдился и въ томъ, что ему лично нечего ждать отъ римскаго правительства, и въ томъ, что каждой провинціи пришло время думать о спасеніи только своими собственными средствами. Это не значило впрочемъ, что Сидоній вернулся изъ Рима врагомъ его. Напротивъ въ центрѣ Галліи, со всѣхъ сторонъ угрожаемомъ варварами, онъ несравненно болѣе Рим-

ляшинъ, чѣмъ въ самомъ Римѣ: въ Оверни онъ обнаружилъ римскій патріотизмъ, котораго не замѣтно и слѣдовъ во все время суда надъ предателемъ Арвандомъ.

Аквитанія 1 долѣе другихъ провинцій Галліи сохранила преданность Риму; по крайней мѣрѣ таковы были чувства большинства аристократическихъ фамилій. Юговосточная часть ея, гористыя области Геводана, Оверни, Руерга и частію Лимузена упорнѣе прочихъ провинцій отстаивали свою независимость противъ Вестготовъ, стремившихся овладѣть всею страной до Луары и Роны. Въ долинахъ Аллье, Тарна и Авейрона, на гранитныхъ холмахъ Лимузена или среди базальтовыхъ скалъ Овернской возвышенности, гдѣ почва еще теперь хранитъ на каждомъ шагу слѣды вулканическихъ изверженій, формы быта мѣнялись медленнѣе, чѣмъ на открытыхъ равнинахъ. До сихъ поръ населеніе Оверни не отличается большою воспріимчивостію: новыя идеи проникаютъ въ его сознаніе съ такимъ же трудомъ, какъ и новыя усовершенствованія въ земледѣліе и промышленность ([140]). Маленькая соха, которою слегка бороздитъ землю Овернскій пахарь по примѣру своихъ предковъ V вѣка ([141]), возбуждала сильное негодованіе Артура

---

(140) S'il est en France un peuple immuable, un peuple qui ne varie point, c'est sans doute le peuple auvergnat.... Les gens de la Limagne, disait d'Ormesson, un des intendants de l'Auvergne, sont laborieux, mais pesants, grossiers et sans industrie; en sorte qu'ils tirent rarement quelque profit de leur travail, aussi sont ils tous pauvres.—France pittoresque ou discription pittoresque, topographique et statistique des départements et colonies de la France. Par A. Hugo. Paris 1835 t. I. 233.

(141) Primo qui (ager) proscissus aratro
Semina tarda sitit.
Sid. Paneg. Avito v. 141.

Юнга. Въ V вѣкѣ населеніе первой Аквитаніи еще говорило кельтскими или галльскими нарѣчіями. Есть свидѣтельства, что даже высшее сословіе не вполнѣ позабыло народный языкъ кельтской Галліи, или что латынь сдѣлалась разговорнымъ языкомъ для бо́льшей части мѣстной аристократіи не прежде конца IV или начала V вѣка. «Тебѣ обязаны, пишетъ Сидоній къ Эдицію ([142]), что благородное сословіе, оставивъ грубую кельтскую рѣчь, привыкло къ стилю ораторовъ и къ поэтическимъ метрамъ». Здоровое, сильное населеніе горной возвышенности еще не поддалось разрушительному вліянію римскихъ нравовъ и сохранило мужественную энергію: отсюда выходили лучшіе воины имперіи ([143]). Сильный холодный вѣтеръ дуетъ въ многочисленныхъ горныхъ ущельяхъ и ураганы не рѣдко заносятъ снѣгомъ цѣлыя селенія въ узкихъ долинахъ ([144]); зима не смотря на южное положеніе страны отличается суровостію. Произведенія земли такъ же грубы, какъ и нравы низшихъ классовъ населеній ([145]). Съ другой стороны

---

(142) Sid. Epistolarum III, 3.

(143) Spes unica rerum
Hunc, Arverne, colas, nulli pede cedis in armis,
Quos vis, vincis equo.
Sid. Paneg. Avito v. 148.

(144) Направленіе вѣтра измѣняется по направленію долинъ. Господствующій вѣтеръ въ сѣверной части Оверни (dep. Puy de Dome) сѣверозападный. Зимніе ураганы носятъ въ Оверни особое мѣстное названіе *écirs*. Самые опасные *les écirs neigeux*. Крайніе предѣлы измѣнчивости температуры—15° и +30° стоградуснаго термометра.

(145) Даже теперь въ деревняхъ и мелкихъ городахъ Оверни обыкновенную пищу жителей составляетъ хлѣбъ изъ ржаной муки съ отрубями. Имъ запасаются на нѣсколько мѣсяцевъ; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пекутъ только два или три раза въ годъ. Онъ липокъ, тяжелъ и скоро подвергается плѣсени. Иногда приходится ру-

Аквитанія и Овернь, вторая родина Сидонія, отличается живописностію и плодородіемъ почвы. «Около города, говоритъ Сидоній въ панегирикѣ Авиту, разстилается плодоносное поле; едва успѣлъ плугъ взрѣзать землю, какъ она уже требуетъ сѣмянъ, какъ бы жалуясь на медленность, и, не утомляя рабочихъ воловъ, открываетъ черный слой тука ([146]).» Въ письмѣ къ Апру Сидоній подробнѣе останавливается на описаніи Оверни. «Я умолчу, говоритъ онъ ([147]), объ особенныхъ пріятностяхъ нашей страны, умолчу объ обширной равнинѣ, по которой ходятъ волны жатвы, волны, среди которыхъ тѣмъ меньше опасность кораблекрушенія для владѣльца, чѣмъ дальше онѣ разливаются. Овернь удобна для путешественника, плодоносна для земледѣльца, пріятна для охотника ([148]); хребты горъ, опоясанные пастбищами, склоны покрытые виноградниками, виллы расположенныя на равнинахъ, зáмки на утесахъ, густые лѣса, обработанныя поля, ручьи въ долинахъ, рѣки, текущія въ глу-

---

бить его топоромъ. Сельское населеніе Оверни проводитъ зимніе мѣсяцы въ хлѣвахъ вмѣстѣ съ скотомъ. Тамъ ставятъ постели, а въ домѣ только готовятъ обѣдъ и ужинъ. Нравы сельскаго сословія отличаются, по единогласному отзыву, цѣломудріемъ и простотою. Фабричной промышленности почти не существуетъ. Самое земледѣліе находится на очень низкой степени.

(146) Далѣе Сидоній относительно плодородія почвы даетъ Оверни преимущество предъ Египтомъ и Либіей, передъ Фригіей, Апуліей и Калабріей. Loco citato.

(147) Sidon. Epist. l. IV, 21.

(148) Даже въ настоящее время Овернь славится изобиліемъ дичи; въ горахъ не перевелись еще кабаны, волки и лисицы. Въ 1787 г. убили рысь въ окрестностяхъ Сенъ-Флора (S[t] Flour). Пастбища на горахъ, о которыхъ говоритъ Сидоній, и теперь составляютъ особенность Оверни. Скотоводство точно такъ же какъ и земледѣліе не много подвинулось впередъ со времени Сидонія.

бокихъ обрывахъ,—все это придаетъ ей такую прелесть, что многіе чужеземцы, увидѣвъ ее, забывали свою родину». Дѣйствительно, даже послѣ тѣхъ опустошеній, которымъ подверглась Овернь во время борьбы съ Вестготами, долина Аллье возбуждала восторгъ и удивленіе пришельцевъ. «Какъ хотѣлось бы мнѣ, говорилъ въ 531 году Хильдебертъ Франкскій ([149]), взглянуть собственными глазами на леманъ Оверни, который такъ славится по разсказамъ своею пріятностію». Благодаря своему положенію, Овернь ушла и отъ варварскихъ военныхъ поселеній, встрѣчающихся въ ней весьма рѣдко, и отъ опустошительныхъ войнъ и набѣговъ непріятелей. Движеніе варваровъ проходило стороной, а вмѣстѣ съ нимъ миновали Овернь и не менѣе тяжелые для провинцій переходы римскихъ войскъ, состоявшихъ также изъ варваровъ. Грабежи, произведенные конницею Литорія въ 437 году, являются самымъ значительнымъ, едва ли не единственнымъ опустошеніемъ въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Оттого-то въ Оверни находимъ мы такъ много богатыхъ виллъ въ то время, какъ въ самой Италіи цѣлыя области были опустошены и покрыты развалинами. Вслѣдствіе этого исключительнаго положенія населеніе Оверни и другихъ гористыхъ частей I-ой Аквитаніи съ меньшимъ равнодушіемъ должно было смотрѣть на возможность варварскаго завоеванія. То, что было дѣломъ обыкновеннымъ для другихъ провинцій, здѣсь было новостію. Была еще и другая особенность. Населеніе Оверни вмѣстѣ съ кельтскимъ нарѣчіемъ сохранило также и многія особенности древнихъ галльскихъ учрежденій. Нигдѣ, за исключеніемъ развѣ

---

(149) Greg. Turon. Historia Eccles. Francorum l. III c. 9. Смотри также главу 11 той же книги.

Арморики, мѣстная аристократія не сохранила бо́льшаго значенія, чѣмъ въ 1 Аквитаніи. Роды, носившіе классическія имена Авитовъ и Ферреоловъ, гордившіеся званіемъ патриціевъ и курульскими креслами предковъ, сильно напоминали относительно низшаго класса предводителей клановъ. Историческое движеніе древнихъ галльскихъ учрежденій, представляющее собою переходъ отъ теократической монархіи къ владычеству демоса, остановилось въ горахъ Геводана, Руерга и Оверни на аристократическомъ образѣ правленія и нѣкоторые роды успѣли сохранить свое значеніе до VI и, можетъ быть, до слѣдующихъ вѣковъ. Римское вліяніе не такъ глубоко проникло въ нравы населенія, чтобы разложить эти патріархальныя отношенія и замѣнить ихъ юридическими опредѣленіями римскаго права; римское вліяніе, какъ мы видѣли, успѣло вполнѣ овладѣть и высшимъ сословіемъ только въ послѣднее время существованія римской имперіи. Аристократія Оверни по своимъ нравственнымъ качествамъ далеко не походила на высшее сословіе другихъ провинцій. Существенную разницу въ нравахъ можно замѣтить, напримѣръ, между богатыми владѣльцами Аквитаніи I и Аквитаніи II, хотя эти области и не отдѣлялись другъ отъ друга естественными границами. Нравственною крѣпостію, мужественной энергіей отличаются аристократы I Аквитаніи, еще не растратившіе силъ среди оргій римскаго образа жизни. Овернскій владѣлецъ былъ близокъ къ своимъ кліентамъ по натурѣ и привычкамъ, если не по образованію. Поэтому, когда въ другихъ областяхъ римской Галліи низшія сословія призываютъ варваровъ, чтобы избавиться отъ двойнаго притѣсненія фиска и мѣстной аристократіи; въ I Аквитаніи, по крайней мѣрѣ въ юговосточной ея части, владѣльцы могли расчитывать на дружную помощь со стороны земледѣльческаго

класса. Нужно имѣть постоянно въ виду эту особенную постановку высшихъ и низшихъ классовъ общества, чтобы понять упорную борьбу Оверни съ Вестготами.

Какіе же интересы могли быть у высшаго сословія, пользовавшагося такимъ исключительнымъ вліяніемъ? Прежде всего замѣтимъ, что высшее сословіе, такъ поздно отрекшееся отъ кельтскаго языка и сохранившее нравственную крѣпость, въ половинѣ V вѣка уже приняло со всѣмъ увлеченіемъ и римское образованіе и римскій образъ жизни. Не говоримъ уже о томъ, что христіанство во всей чистотѣ православнаго ученія было усвоено населеніемъ Оверни и другихъ частей Аквитаніи со всѣмъ усердіемъ простыхъ неиспорченныхъ натуръ и мысль подвергнуться владычеству еретиковъ Вестготовъ внушала общій ужасъ. Легкости, подвижности южнаго характера точно также мало было въ населеніи юговосточной части I Аквитаніи, какъ и особенностей южнаго климата въ горахъ Руерга и Оверни, не смотря на ихъ географическое положеніе (150). Подражаніе римскому образу жизни заставляло аквитанскихъ аристократовъ строить свои виллы и дома совершенно по образцу италіанскихъ, не смотря на суровость зимы. Такимъ образомъ преданность православію и римской цивилизаціи были крѣпкою связью, присоединявшею высшее сословіе I Аквитаніи къ Риму; потому попытки Агриппина, Арванда и другихъ предать Галлію въ руки аріанскихъ варваровъ возбуждали почти общее негодованіе въ высшихъ слояхъ общества, не находя сочувствія и въ низшихъ классахъ. Тѣмъ съ бо́льшею бдительностію слѣдила за подобнаго рода интригами мѣстная аристократія,

---

(150) См. выше отзывъ д'Ормессона о характерѣ жителей Оверни.

чѣмъ безпомощнѣе становилось положеніе страны и чѣмъ ближе грозила опасность.

Въ описываемое время I Аквитанія съ трехъ сторонъ окружена была варварскими владѣніями и только сѣверной частію, берегомъ Луары, примыкала къ областямъ, еще числившимся подъ непосредственною властію Рима. Мы говоримъ числившимся, потому что едва ли можетъ быть рѣчь о дѣйствительной власти Римскаго правительства въ III и IV Ліонскихъ провинціяхъ. Правда, послѣ смерти Эгидія прекратился разрывъ съ имперіею и мы находимъ здѣсь какого-то Павла, который, предводительствуя римскими и франкскими ополченіями, старался вытѣснить Саксовъ Адовакра изъ Анжера; но все, что можно извлечь изъ темнаго и перепутаннаго разсказа Григорія Турскаго ([151]) объ этихъ событіяхъ, доказываетъ только полное паденіе римскаго владычества и переходъ дѣйствительной власти въ руки Хильдериха Франкскаго, который послѣ кончины Павла былъ, какъ кажется, облеченъ отъ имперіи званіемъ начальника войскъ въ этой части Галліи. Особеннаго римскаго правителя мы не находимъ и житіе Женевьевы, подтвержденное письмомъ епископа Ремигія къ Хлодвигу, сыну Хильдериха, доказываетъ только важное значеніе этого предводителя. И такъ съ сѣвера, отъ Саксовъ Анжерскихъ и Франковъ Хильдериха нечего было ждать помощи I-ой Аквитаніи; до-

---

(151) Britanni de Biturica a Gothis expulsi sunt, multis apud Dolensem vicum peremtis. Paulus vero comes cum Romanis ac Francis, Gothis bella intulit, et prædas egit. Veniente vero Adouacrio Andegavis, Childericus rex sequenti die advenit, interemtoque Paulo comite civitatem obtinuit. Magno ea die incendio domus ecclesiæ concremata est. Greg. Tur. Hist II, 18. См. объясненіе этого мѣста у Pétigny II, 231 et sequent. Объясненіе Форіеля менѣе удовлетворительно.

вольно того, что она была пока безопасна отъ ихъ непріязненныхъ дѣйствій.

Съ востока прилегали къ ней владѣнія Бургундовъ, Lugdunensis Germania, какъ говоритъ Сидоній ([152]). Здѣсь по смерти Гундіоха четыре сына его: Хильперихъ, Годегизель, Годомаръ и Гундобальдъ раздѣлили между собою отцовскія земли. Уже самое раздѣленіе власти между нѣсколькими королями дѣлало сосѣдство Бургундовъ не такъ опаснымъ для I Аквитаніи; но были и особенныя причины, заставлявшія бургундскихъ королей сохранять дружескія отношенія къ римскимъ областямъ. Это было во-первыхъ родство ихъ съ Рицимеромъ, во-вторыхъ вражда между ними самими, кончившаяся трагическою гибелью почти всѣхъ ихъ. Младшій, Гундобальдъ удалился въ Италію къ Рицимеру, своему дядѣ по матери, а Хильперихъ, усилившійся на счетъ братьевъ, старался не раздражать римское правительство, чтобы не дать ему повода помогать Гундобальду. Это положеніе тетрарховъ бургундскихъ, какъ называетъ ихъ Сидоній, было выгодно для Аквитаніи. На время обезпечивалась не только безопасность восточной границы, но и нѣкоторая, правда, весьма подозрительная и своекорыстная помощь со стороны Хильпериха. Не имѣя силъ сами овладѣть плодоносной провинціей, Бургунды враждебно смотрѣли однако же на завоевательное стремленіе Готовъ.

Главная опасность грозила I Аквитаніи съ юга и особенно съ запада. Если юговосточная ея половина по гористому положенію была не такъ доступна для непріятеля, то плоскія равнины сѣверозападной ея части, примыкавшей къ Луарѣ, представляли мало

---

(152) Sidon. Epist. l. V, 7.

средствъ для защиты. Очевидно, съ этой стороны должно было ждать нападенія и дѣйствительно, почти тотчасъ послѣ суда надъ Арвандомъ, Ейрихъ спѣшилъ привести въ исполненіе планъ измѣнника. Съ многочисленнымъ войскомъ онъ двинулся въ Берри, разбилъ Бриттовъ Ріотама, слабые остатки которыхъ искали спасенія во владѣніяхъ Бургундовъ, и хотя Павелъ, этотъ послѣдній предводитель римскихъ войскъ въ сѣверной Галліи, сдѣлалъ нѣкоторое движеніе, чтобы остановить успѣхи Готовъ, онъ не могъ воспрепятствовать Ейриху завладѣть частію западной половины I Аквитаніи.

Въ такомъ положеніи засталъ Овернь Сидоній, воротившись изъ Рима; на мѣстѣ онъ понялъ всю опасность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ничтожность средствъ для защиты. Покровитель и другъ Арванда, онъ увидѣлъ, какой бѣдой грозило для общественныхъ интересовъ Аквитаніи исполненіе его замысловъ. Ближайшая опасность предстояла впрочемъ не со стороны открыто враждебныхъ дѣйствій Вестготовъ. Ейрихъ нѣкоторое время дѣйствовалъ нерѣшительно, какъ бы не довѣряя своимъ силамъ и опасаясь окончательно раздражить имперію. Гораздо важнѣе были происки сильной партіи, желавшей окончательно предать въ руки варваровъ всю Галлію. Сюда принадлежали тѣ Галлоримляне знатнаго и не знатнаго происхожденія, которые пользовались смутами имперіи для своихъ корыстныхъ расчетовъ.

Подробную, хотя и риторическую характеристику ихъ оставилъ Сидоній въ письмѣ къ Таумасту. «Это тѣ люди, говоритъ онъ, которые полагаютъ твердыя надежды на перевороты и особенно любятъ времена смутъ; подлые и безсовѣстные, львы въ преторіи и зайцы въ лагерѣ, они боятся и мира, потому что тогда потеряютъ свое значеніе, и войны, потому что

придется сражаться» ([153]). Во главѣ этой партіи стоялъ Серонатъ, достойный преемникъ Арванда въ званіи префекта преторіи. Далеко оставивъ за собою своего предшественника относительно корыстолюбія и произвола, онъ превосходилъ его и дерзостію. Представитель римскаго правительства, онъ и не думалъ скрывать своихъ переговоровъ съ Вестготами. «Знайте, такъ начинаетъ Сидоній изображеніе Серонатa въ письмѣ къ Экдицію, знайте, что теперь съ каждымъ днемъ ясно обнаруживаются долго сдерживаемыя наклонности его свирѣпой натуры; онъ открыто завидуетъ, онъ притворяется подлымъ образомъ, гордится какъ рабъ, приказываетъ какъ господинъ, произноситъ приговоры какъ судья, клевещетъ какъ варваръ. Постоянно вооруженный изъ трусости, голодный по скупости, страшный по корыстолюбію и жестокій изъ тщеславія, онъ безпрестанно или наказываетъ за воровство или самъ совершаетъ его. Открыто и со смѣхомъ онъ толкуетъ о битвахъ съ мирными гражданами, о литературѣ съ варварами ([154]). Хвастливо и при всѣхъ диктуетъ письма, онъ, которому едва ли знакомы первыя основанія грамотности, и безстыдно исправляетъ ихъ. Онъ даетъ приказы въ засѣданіяхъ и молчитъ во время совѣщаній, кощунствуетъ въ церкви и проповѣдуетъ за обѣ-

---

(153) Sidon. Epistol. l. V, 7.

(154) Ructat inter cives pugnas, inter barbaros litteras. Barbarus здѣсь какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ значитъ miles, потому что собственно римскихъ гражданъ давно уже не было въ римскомъ войскѣ. Въ другомъ письмѣ Сидоній, указывая Кандидіану на странности равеннской жизни, между прочимъ какъ примѣръ извращенія обыкновеннаго порядка вещей приводитъ: *Student litteris fœderati*. Это кажется ему также необыкновеннымъ, какъ и то, что въ Равеннѣ aquæ stant, turres fluunt, naves sedent, sitiunt vivi, natant sepulti и проч. въ этомъ же родѣ. См. книгу I, письмо 8.

домъ; произноситъ приговоры въ спальнѣ и спитъ на трибуналѣ. Ежедневно онъ наполняетъ лѣса бѣглецами и виллы пришельцами, церкви преступниками и тюрьмы лицами духовнаго званія; превозноситъ похвалами Готовъ и ругается надъ Римлянами, издѣвается надъ префектами и записываетъ въ сборщикахъ податей. Оставляя съ пренебреженіемъ кодексъ Θеодосія и предлагая законы Теодериха, онъ повсюду ищетъ старыхъ преступленій и новыхъ налоговъ» ([155]). Мы привели самое письмо, потому что, изображая Сероната, оно не безполезно и для уясненія самаго характера Сидонія. Изысканность и вычурность выраженій, значительно ослабленная переводомъ, каламбуры и игра словъ рѣзко противорѣчатъ печальному заключенію письма къ Экдицію, находившемуся еще въ Римѣ при дворѣ Антемія. «Кончи скорѣй дѣла, которыя могутъ тебя задерживать, кончи во что бы то ни стало. Тебя ждетъ гибнущая свобода твоихъ трепещущихъ согражданъ. Съ отчаяніемъ или надеждами, но здѣсь рѣшились дѣйствовать только при твоемъ посредничествѣ или подъ твоимъ начальствомъ. Если отъ имперіи нечего ждать ни помощи, ни защиты, если Антемій, какъ слышно, утратилъ всякую власть, наша аристократія рѣшилась, судя по твоему совѣту, или оставить родину или постричься.»

Въ письмѣ къ Паннихію, гражданину Буржа ([156]), Сидоній изображаетъ общій ужасъ, возбужденный въ провинціи вѣстью о приближеніи Сероната. «Ты знаешь, пишетъ онъ, или если, какъ мнѣ сдается, тебѣ еще неизвѣстно это, узнай изъ моего письма, что Серонатъ возвращается изъ Тулузы. Евантій уже

---

(155) Sid. Epist. l. II, 1.

(156) Sid. Epist. l. V, 13.

явился въ Клаузенціи, расчищая узкія дороги и не оставляя на нихъ даже упавшихъ листьевъ. Чуть попадется какая нибудь яма, онъ съ трепетомъ принимается самъ заравнивать ее землею. Онъ идетъ впереди отъ самой долины Тарна, указывая дорогу своему звѣрю, подобно той рыбкѣ (musculus), которая отыскиваетъ для огромныхъ китовъ путь среди отмѣлей и подводныхъ камней. Серонатъ, столь же скорый къ раздражительности, какъ тяжелый на подъемъ, приближается уже къ помертвѣвшимъ отъ страха жителямъ Геводана, подобно дракону, едва выползшему изъ своего логовища. Неслыханными податями онъ удручаетъ разбѣжавшихся и оставившихъ города жителей, не позволяя несчастнымъ даже и тогда возвращаться въ ихъ жилища, когда они нѣсколько разъ вмѣсто одного выплатили ежегодную повинность. Вѣрный знакъ его приближенія то, что куда бы онъ ни направлялся, повсюду влекутся толпы узниковъ, влачащихъ оковы ([157]); онъ утѣшается ихъ горемъ, питается ихъ голодомъ и считаетъ за особенное удовольствіе прежде наругаться надъ тѣми, которыхъ онъ современемъ накажетъ и осудитъ. Онъ приказываетъ мужчинамъ отращивать волоса и стрижетъ женщинъ. Если ему случается помиловать, что́ бываетъ очень рѣдко, онъ дѣлаетъ это иногда изъ корыстолюбія, иногда изъ тщеславія, никогда изъ состраданія... Поэтому, такъ какъ это несчастіе близится (Богъ да сохранитъ насъ отъ его коварства!), прими благоразумныя мѣры противъ бѣды; мировыми сдѣлками обезпечь себя противъ тяжбъ съ кл[illegible]никами, если они имѣются въ виду, запасись квитанціями въ уплатѣ податей; пусть этотъ злодѣй не найдетъ случая повредить честнымъ людямъ, ни величаться предъ ними».

---

(157) Vincti trahuntur vincula trahentes.

Мы незнаемъ, какъ поступалъ Серонатъ въ Оверни. Изъ письма Сидонія, относящагося впрочемъ уже къ позднѣйшему времени, мы узнаемъ только, что Серонатъ явнымъ образомъ предавалъ провинціи Готамъ, что римское правительство не обращало или не хотѣло обращать вниманія на преступные замыслы и что овериская аристократія рѣшилась захватить измѣнника и представила его въ Римъ вмѣстѣ съ ясными уликами въ преступленіи. Это было смѣлымъ подвигомъ, потому что если и нѣтъ прямыхъ указаній, то изъ общаго хода дѣлъ ясно, что Рицимеръ, окончательно поссорившійся съ своимъ тестемъ, былъ далеко не противъ подобныхъ попытокъ. Серонатъ былъ схваченъ и судимъ въ концѣ 471 года; даже и послѣ полнаго уличенія преступника римскій сенатъ не вдругъ рѣшился осудить его на смерть и произнесъ приговоръ только послѣ продолжительнаго колебанія ([158]). Осужденіе Сероната было послѣднимъ дѣломъ Антемія, имѣющимъ отношеніе къ судьбѣ римской Галліи. Тайной сдѣлкой съ византійскимъ дворомъ рѣшился Рицимеръ избавиться отъ своего тестя; участь Аспара, погибшаго въ Константинополѣ, заставляла его опасаться за свою безопасность. Кліентъ Гензериха Вандальскаго, Олибрій, недостойный членъ знаменитой фамиліи Анціевъ, прославленной въ лѣтописяхъ христіанства, рѣшился съ согласія Леона принять власть изъ рукъ Рицимера. Антемій не могъ бороться долго: 11 Іюля 472 года Римъ былъ взятъ приступомъ войсками, еще носившими имя римскихъ легіоновъ, и Антемій погибъ у алтаря базилики Св. Петра. Четвертый властитель Рима облекался пурпуромъ по волѣ наглаго Свева и трое сошли въ могилу потому, что не хотѣли или

(158) Sid. Epistol. l. VII, 7.

не могли выносить униженія своего достоинства передъ прихотью и произволомъ дерзкаго варвара. То, что сказалъ Орозій о жалкой судьбѣ Аттала, можетъ быть примѣнено и къ преемникамъ Петронія Максима съ тою только разницею, что Авитъ, Майоріанъ и даже Антемій были достойны лучшей участи.

Съ скорбнымъ чувствомъ проходитъ мыслію историкъ послѣднее время римской имперіи и разсказываетъ ея паденіе. Колоссальное зданіе, воздвигнутое вѣками, рушится не столько отъ напора внѣшнихъ враговъ, сколько подъ бременемъ собственной своей тяжести. Начала разрушенія обнаружились въ государственномъ организмѣ Рима еще прежде, чѣмъ монархическія учрежденія замѣнили собою древній образъ правленія, и преемники Августа могли только продлить на нѣсколько столѣтій существованіе Рима и успѣть совершить въ это время свое великое дѣло распространенія римской цивилизаціи между безчисленными народами, признававшими надъ собою власть вѣчнаго города, подѣлиться съ ними богатыми результатами многотрудной жизни римскаго народа. Такова была всемірно-историческая задача римской имперіи и, совершивъ ее, она должна была очистить мѣсто для новыхъ народовъ, ею же вызванныхъ къ исторической жизни. Мы присутствуемъ при послѣдней агоніи дряхлаго Рима Цезарей, разсказывая безпристрастно его тяжелыя, предсмертныя минуты, его старчески болѣзненное истощеніе, но не забудемъ, что ни одинъ результатъ его 12 вѣковой дѣятельности не умираетъ вмѣстѣ съ нимъ. Напротивъ, и это составляетъ свѣтлую сторону картины, на которой успокоивается взволнованный духъ историка, напротивъ одновременно съ разложеніемъ стараго порядка вещей видно ясно начало созиданія новаго. Взгляните на вождей германскихъ дружинъ,

проникнувшихъ въ самое сердце имперіи,—ихъ главное стремленіе основать свою власть на тѣхъ же самыхъ началахъ, которыми держалось разрушенное ими государство; идею монархической власти, какъ она выработалась въ римско-христіанскихъ понятіяхъ, стараются внушить имъ окружающіе ихъ совѣтники, особенно епископы. Едва нѣсколько окрѣпла монархическая власть въ новыхъ европейскихъ государствахъ, какъ уже тотчасъ съ любовію обращается къ преданіямъ и учрежденіямъ римской имперіи, въ нихъ ищетъ уроковъ для своей неопытности, ихъ стремится возвратить къ жизни. Нужно ли говорить о томъ, что древняя наука и римское право пережили также паденіе имперіи? Подъ своими развалинами павшій Римъ не скрылъ ни одного изъ великихъ результатовъ своей дѣятельности. Вотъ почему историкъ безъ смущенія и страха развертываетъ печальную лѣтопись его послѣдняго времени. Въ самомъ V вѣкѣ онъ находитъ людей, которые безъ боязни и съ надеждой на лучшее будущее смотрѣли на совершавшееся вокругъ нихъ разрушеніе. Никто ближе бл. Августина не видалъ разгрома имперіи; онъ умеръ въ городѣ Африки, осажденномъ аріанскими Вандалами, пришедшими съ береговъ Балтійскаго моря, и никто однако же полнѣе гиппонскаго епископа не оправдалъ законности и необходимости совершавшагося переворота. Мысль, просвѣтлѣнная христіанствомъ, безтрепетно созерцала страшную картину паденія имперіи; она знала, что великіе результаты ея жизни не исчезнутъ вмѣстѣ съ нею, а будутъ усвоены новыми, разрушившими ее, народами, которые полнѣе осуществятъ тѣ идеалы, къ коимъ стремились люди древняго міра. Оттого-то христіанская церковь съ надеждой смотрѣла на приближающихся варваровъ; видя въ нихъ совершителей воли Божественнаго промысла, она

заботилась только о томъ, чтобы, просвѣтивъ ихъ истиной религіи, сдѣлать ихъ достойными высокаго назначенія, быть обновителями древняго міра.

Участіе въ сверженіи Сероната было послѣднимъ дѣломъ гражданской дѣятельности Сидонія. Въ концѣ 471 г. мы находимъ его уже епископомъ Оверни ([159]).

Такъ кончилъ свое политическое поприще зять Авита. Петиньи въ своемъ превосходномъ трудѣ посвятилъ краснорѣчивую страницу для опредѣленія его политическаго характера. «Сидоній, говоритъ онъ ([160]), есть полное выраженіе лучшей части высшаго сословія V вѣка, благонамѣренныхъ людей этого времени, какъ мы можемъ назвать ихъ. Эта образованная, изящная, остроумная, аристократія, соединяющая съ христіанскими добродѣтелями всю тонкость древняго образованія, привлекаетъ своими любезными качествами, интересуетъ своими несчастіями; но ей недоставало нравственной энергіи, безъ которой нѣтъ спасенія ни для отдѣльныхъ лицъ, ни для народовъ; страхъ уничтожилъ доблести, эгоизмъ изсушилъ сердце. Тогда обнаружилось то, что всегда является въ годины общественнаго разложенія. Когда исчезла вѣра изъ политическаго міра и покорность совершившимся событіямъ сдѣлалась единственнымъ правиломъ долга, когда ненасытное исканіе богатствъ возбуждало низкое честолюбіе и подавляло великодушныя чувства, когда борьба частныхъ интересовъ заступила мѣсто патріотическихъ порывовъ, лучшими людьми овладѣло глубокое отвращеніе къ дѣятельности, глубокое уныніе. Одни, и сюда принадлежали люди съ высокой душой и благороднѣйшимъ сердцемъ, одни удаляются со

(159) Germain. Essai p. 19.

(160) Pétigny Etudes II, 209.

сцены общественной дѣятельности, уединяются и заключаются въ святилищѣ частныхъ и семейныхъ добродѣтелей; другіе думаютъ уменьшить зло дурнаго управленія, принявъ участіе въ его дѣйствіяхъ и, поддавшись обаянію лести со стороны лицъ, облеченныхъ властію, которые имѣютъ въ нихъ нужду, чтобы прикрыться защитой ихъ нравственныхъ достоинствъ, они, лишенные возможности дѣйствовать для блага, невольнымъ сообщничествомъ лишаютъ себя даже и права протестовать противъ зла». Къ людямъ послѣдней категоріи относитъ Петиньи и Сидонія. Мы не можемъ, къ сожалѣнію, признать этотъ отзывъ вполнѣ справедливымъ и смѣемъ думать, что наше мнѣніе о характерѣ политической дѣятельности Сидонія, если и будетъ строже, за то болѣе согласно съ печальной дѣйствительностію.

Свою политическую дѣятельность началъ ліонской литераторъ безъ ясныхъ и установившихся убѣжденій, которыя бы могли заранѣе опредѣлить характеръ этой дѣятельности. Не будемъ ставить въ особую вину Сидонія того, что было общею болѣзнею времени. Лишенные твердой точки опоры, политическіе дѣятели были увлекаемы вихремъ событій, дѣйствовали безъ опредѣленнаго плана, подчиняясь самымъ противуположнымъ вліяніямъ, не задумываясь, не осмысливая и не повѣряя предъ судомъ политической совѣсти своихъ дѣйствій. Разумѣется, это не относится ни къ тѣмъ изъ нихъ, которые сходили со сцены, убѣдившись въ невозможности дѣйствовать добросовѣстно, ни къ тѣмъ, которые гибли въ борьбѣ съ общимъ порядкомъ. Только полное устраненіе отъ общественной дѣятельности или трагическая, по большей части безполезная гибель могли спасти людей отъ нареканія и упрековъ въ политической безнравственности. Не будемъ же строго судить Сидонія за отсутствіе твердыхъ убѣжденій; но не бу-

демъ также и выставлять, на перекоръ дѣйствительному его характеру, его участіе въ событіяхъ какимъ-то великодушнымъ подвигомъ самоотверженія. Его воспріимчивая, но поверхностная натура, сбитая съ пути риторическимъ воспитаніемъ и діалектикой, не была вовсе способна къ сосредоточенію мысли, къ ясному и сколько нибудь глубокому пониманію и общественнаго положенія и своихъ отношеній къ современной дѣйствительности. Риторомъ выступилъ онъ на политическое поприще, риторомъ и сошелъ съ него. Даже въ послѣдній, повидимому, болѣе серьезный и сознательный періодъ его жизни, въ немъ ни разу не сказалась потребность оглядѣть пройденный путь, постараться согласить какъ нибудь свои безпрестанные переходы отъ одного мнѣнія къ другому и частыя перемѣны партій. Собирая и издавая въ свѣтъ свои письма, выбирая изъ нихъ только лучшія и тщательно выправляя слогъ, онъ ни разу не былъ пораженъ несообразностью и непослѣдовательностью своихъ поступковъ. Риторическое письмо, гдѣ онъ оплакиваетъ горькую участь предателя Арванда, помѣщено только что не рядомъ съ неменѣе риторическимъ описаніемъ Сероната, гдѣ Сидоній является ожесточеннымъ противникомъ тѣхъ самыхъ замысловъ, которые извинялъ онъ годъ тому назадъ. Описывая характеръ Пеонія и обвиняя его какъ виновника смутъ, взволновавшихъ Галлію по смерти Авита, онъ какъ бы забываетъ, что самъ былъ главнымъ двигателемъ возстанія. Не говоримъ уже о панегирикахъ. Мало того, что Сидоній не имѣлъ политическихъ убѣжденій, едва ли онъ сознавалъ ихъ необходимость для лицъ государственныхъ. Только временное удаленіе отъ дѣлъ послѣ гибели Майоріана останавливаетъ нѣсколько историка отъ обвиненія Сидонія въ отсутствіи всякой политической нравственности.

Какъ человѣкъ, Сидоній внушаетъ въ себѣ много участія. Въ его семейной жизни, въ его отношеніяхъ къ многочисленнымъ друзьямъ и товарищамъ дѣтства, къ постороннимъ лицамъ, входившимъ съ нимъ въ болѣе или менѣе близкія сношенія, выказывается лучшая сторона его характера, его добрая натура. Стоитъ прочитать письма Сидонія къ Феликсу, къ Авиту, тѣ, въ которыхъ онъ говоритъ о женѣ и дочеряхъ, чтобы убѣдиться въ возможности полнаго сохраненія семейныхъ и частныхъ добродѣтелей при неменѣе полномъ отсутствіи нравственности политической.

Крѣпости вовсе не было въ характерѣ Сидонія. Въ рядахъ духовенства встрѣтился онъ съ своимъ школьнымъ товарищемъ и другомъ, Магномъ Феликсомъ; но какая разница была между ними! Одинъ пришелъ въ убѣжище, открытое церковію для всѣхъ, кто могъ имѣть въ немъ нужду, утомленный, разбитый практической дѣятельностію; онъ горячо искалъ удовлетворенія во всѣхъ сферахъ, но потерялъ только вѣру и въ политику, и въ науку, и въ самое слово и потому смолкъ навсегда въ тѣсной кельѣ монастыря. Другой, не отказавшійся ни отъ прежняго легкомыслія, ни отъ притязаній на литературную извѣстность, ни отъ риторства, ни отъ аристократическихъ предразсудковъ, искалъ въ церкви только того значенія, котораго не могъ пріобрѣсти прочнымъ образомъ при дворѣ трехъ Цезарей. Неожиданно явился Сидоній на епископской каѳедрѣ; но его появленію не предшествовалъ внутренній переворотъ, нравственный кризисъ. Не смотря на безпрестанную измѣнчивость своихъ поступковъ, Сидоній остался вѣренъ себѣ и въ литературной и въ политической и въ церковной дѣятельности. Тяжелые опыты, которыхъ было слишкомъ достаточно, чтобы сломить самую крѣпкую волю и задавить самыя вѣрныя надежды,

прошли какъ-то мимо, не оставивъ слѣдовъ на его легкомысленномъ характерѣ, и онъ также бодро и самодовольно вышелъ на новое поприще, какъ выступалъ нѣкогда на политическую дорогу. За то, если новая дѣятельность оказалась важнѣе и плодотворнѣе прежней, заслуга не самого Сидонія, а того учрежденія, которое, покрывая своей защитой всѣхъ и каждаго, умѣло въ то же время употребить во благо и направить къ высокой цѣли самыя разнообразныя способности тѣхъ, кто становился въ ряды его служителей.

ГЛАВА III.

Рѣзкая противуположность духовнаго и свѣтскаго общества въ последнее время существованія западной римской имперіи. Избраніе Сидонія въ епископы Оверни; его отношенія къ Папіаниллѣ. Положеніе Оверни и вліяніе на ея судьбу послѣднихъ событій въ Италіи. Аріанскій фанатизмъ Ейриха Вестготскаго. Борьба православной Оверни съ аріанскимъ завоевателемъ. Роль Сидонія. Экдиній. Послѣдняя попытка Ейриха оружіемъ покорить Овернь. Слѣдствія готскихъ вторженій: голодъ и внутренніе раздоры въ Оверни. Констанцій Ліонскій. Перемѣна плановъ Ейриха; переговоры и постыдная выдача Оверни со стороны римскаго правительства. Пастырская дѣятельность Сидонія и переписка съ епископами. Разсказъ Григорія Турскаго о кончинѣ Сидонія. Его потомки.

Проходя мыслію грустную исторію разложенія древняго государственнаго быта и цивилизаціи, нельзя не поразиться тою рѣзкой противуположностію, которая замѣтна между духовнымъ и свѣтскимъ обществомъ. Передъ нами открывается какъ бы новый міръ, богатый жизненными силами, залогами долгой и славной будущности. На каждомъ шагу историкъ этого тяжелаго времени встрѣчаетъ въ организаціи Церкви, въ дѣятельности ея членовъ прочность и силу, отсутствіе которыхъ такъ бросается въ глаза въ политической и умственной дѣятельности свѣтскаго общества. Мы видѣли, какъ слабо было политическое единство въ западной римской имперіи, не го-

воря уже объ единствѣ всего римскаго міра, какъ одна за другой отпадали отъ нея провинціи, начиная свое отдѣльное существованіе, какъ замерло чувство римскаго патріотизма и не всегда выказывался патріотизмъ даже мѣстный, провинціальный; не то находимъ мы въ Церкви. Для единенія вѣрованій не существовало политическихъ границъ. Разсматривая исторію церковнаго управленія Галліи, мы почти не замѣчаемъ раздѣла этой страны между нѣсколькими правительствами. Въ теченіи V вѣка было 25 соборовъ и въ 475 году, въ самое смутное для Галліи время, въ Арль съѣхалось 44 епископа, чтобы разсмотрѣть и осудить ученіе священника Люцида касательно предопредѣленія. Можно сказать, что чѣмъ яснѣе обнаруживалось стремленіе къ политическому разъединенію, тѣмъ болѣе держались за церковное единство (1). Въ письмахъ Сидонія мы находимъ многочисленныя доказательства, какъ непрерывны были сношенія между духовными лицами самыхъ отдаленныхъ частей Галліи. Еще разительнѣе представляется общеніе Галліи съ другими частями христіанско-римскаго міра. Не говоримъ уже о сношеніяхъ галльской церкви съ Италіею; замѣтимъ только одно характеристическое обстоятельство. Аріанскіе короли Вестготовъ и Бургундовъ, когда ихъ не увлекала фанатическая нетерпимость, не только не мѣшали обычному ходу церковнаго управленія, мало того— являлись блюстителями его правильности и при дѣйствительномъ или кажущемся уклоненіи отъ каноновъ спѣшили предупредить объ этомъ римскаго епископа, начинавшаго уже получать нѣкоторое, по крайней

---

(1) Ut.... populos Galliarum, quos limes Gothicæ sortis incluserit, teneamus ex fide, etsi non tenemus ex foedere. Sidon. l. VII, ep. 6. in fine.

мѣрѣ нравственное, вліяніе на дѣла западной церкви. Такъ Фридерихъ, братъ Теодериха II готскаго, пишетъ къ римскому епископу о неправильномъ посвященіи Гермеса въ епископы Нарбонны (въ 461 году) и вызываетъ обсужденіе этого дѣла на соборѣ въ Римѣ (2). Подобный же случай находимъ и въ исторіи королей бургундскихъ (3). Такимъ образомъ, Церковь съумѣла обратить въ защитниковъ церковнаго единства даже тѣхъ, кому, по видимому, всего выгоднѣе было его уничтоженіе. Блаженный Августинъ въ Африкѣ, блаженный Іеронимъ въ Палестинѣ и Павлинъ въ Нолѣ (въ Италіи) дѣятельно переписывались съ епископами Галліи. Къ нимъ обращались со всѣхъ сторонъ духовныя и свѣтскія лица съ просьбами о разрѣшеніи нѣкоторыхъ недоумѣній и спорныхъ пунктовъ, ихъ извѣщали о появленіи ложныхъ мнѣній и о мѣрахъ, принятыхъ для ихъ уничтоженія. Благочестивые путешественники или нарочные посланцы переносили письма и богословскіе трактаты съ одного конца христіанскаго міра на другой. Въ концѣ IV вѣка (около 396 или 397 г.), священникъ южной Галліи, Вигиланцій, два раза носившій къ Павлину Ноланскому письма отъ его друга Сульпиція Севера, отправляется въ Виѳлеемъ, чтобы вручить блаженному Іерониму панегирикъ императору Ѳеодосію, только что написанный епископомъ Нолы.

---

(2) Дѣло Гермеса изложено въ примѣчаніи Грегуара и Колломбе къ Аполлинарію Сидонію, t. II pp. 253 и 254. Въ письмѣ Папы Иларія къ Леонтію, епископу Арля, Фридерихъ называется сыномъ.

(3) Гундіохъ Бургундскій жаловался въ 463 г. Папѣ Иларію на то, что Мамертъ Вьеннскій неправильно посвятилъ епископа городу Дьё. Дѣло было разсмотрѣно на соборѣ галльскихъ епископовъ въ томъ же году или въ началѣ 464-го. Quantum enim *filii nostri*, viri illustris, magistri militum Gunduici sermone est indicatum, пишетъ Иларій къ Леонтію.

Отсюда онъ совершаетъ путешествіе по Египту и принявъ потомъ участіе въ спорахъ палестинской церкви, несетъ въ Италію трактатъ Іеронима о монашеской жизни. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ возвращенія Вигиланція въ Галлію и, увлеченный своимъ дерзкимъ, самонадѣяннымъ характеромъ, обнаружившимся уже частію во время пребыванія его на Востокѣ, онъ началъ распространять свои возраженія противъ ученія Церкви, опровергать почитаніе святыхъ мощей, безбрачіе и монашескую жизнь, путешествія ко св. мѣстамъ и т. д. Священникъ Рипарій, жившій отъ него недалеко, спѣшилъ немедленно увѣдомить блаженнаго Іеронима о появленіи новой ереси. Около 407 года, по просьбѣ Іеронима, тотъ же Рипарій, вмѣстѣ съ другимъ священникомъ Дезидеріемъ, посылаетъ въ Палестину и самыя сочиненія Вигиланція, на которыя виѳлеемскій отшельникъ пишетъ подробное опроверженіе (4). Не будемъ говорить о знаменитомъ спорѣ Пелагія съ блаженнымъ Августиномъ о свободной волѣ человѣка и о благодати. Здѣсь дѣятельное участіе приняли епископы Галліи, и Испанецъ Орозій, ученикъ святителя африканской церкви, явился на соборѣ въ Палестинѣ, чтобы лично обвинить Бретона Пелагія. Приведемъ лучше другой примѣръ. Аподемъ, отправляясь въ Палестину, несетъ въ Виѳлеемъ два посланія изъ Галліи. Въ одномъ изъ нихъ, Гедибія, благородная Галлоримлянка изъ Байё, предлагаетъ на разрѣшеніе блаженному Іерониму 12 вопросовъ: о способахъ

---

(4) См. Neander, Allgemeine Geschichte der Christlichen Religion und Kirche, II Band, 1 Abtheil. 317, 2 Abth. 591 и 721. Извлеченіе изъ письма блаж. Іеронима, гдѣ обозначены главные пункты ереси Вигиланція у Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte t. I, 401 въ примѣчаніи.

нравственнаго совершенствованія, о поведеніи вдовы, не имѣющей дѣтей, о соглашеніи между собою нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія и т. д. Въ другомъ, Алгазія съ противоположнаго конца Галліи, изъ Кагора, проситъ рѣшенія на 11 вопросовъ относительно различныхъ мѣстъ Евангелія и посланій Ап. Павла. Въ 407 году, Іеронимъ отвѣчаетъ на эти письма, указывая Гедибіи на свое толкованіе Евангелія отъ Матѳея, отсылая Алгазію къ кагорскому священнику Алету за болѣе подробными объясненіями. Замѣчательно обстоятельство, что блаженный Іеронимъ едва ли былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ самимъ Алетомъ и зналъ его только по слухамъ (5).

---

(5) Приведемъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ вопросовъ, съ которыми обращались къ Іерониму, Августину и Павлину изъ Галліи. Священникъ Амандъ, бывшій впослѣдствіи епископомъ бордосскимъ, писалъ къ бл. Іерониму около 394 года, прося у него объясненій на слѣдующія мѣста Св. Писанія. 1) Евангелія отъ Матѳея VI, 34. 2) Къ Коринѳянамъ I посланіе, глава VI, 18, и 3) Того же посланія гл. XII, 25 и 26. Кромѣ того просилъ совѣта относительно одного вопроса церковнаго управленія (Hier. ep. ad Amandum). Священникъ Дезидерій, тотъ самый, который вмѣстѣ съ Рипаріемъ послалъ бл. Іерониму сочиненія Вигиланція, пишетъ къ Павлину Ноланскому, прося объяснить ему смыслъ благословенія Іакова передъ его кончиной. Отвѣтъ Павлина относится къ 406 году. Около 411 года, монахъ Рустикъ обращается къ блаженному Іерониму съ вопросами о правилахъ монастырской жизни (Hieron. ep. 95). Дарданъ, префектъ Галліи, предлагаетъ бл. Августину два вопроса, на которые гиппонскій епископъ отвѣчалъ цѣлыми трактатами (см. письмо 187 и Retraction. II c. 49.), и вопросъ бл. Іерониму о томъ, гдѣ находится земля обѣтованная. Къ нему же адресовано письмо Іеронима о музыкальныхъ инструментахъ у Евреевъ, вызванное его же запросомъ.—Пустынники Минервій и Александръ просили у бл. Іеронима объясненія на 1 Посланіе къ Коринѳ. гл. XV, 51 (см ep. ad Minerv.). Можно бы привести множество примѣровъ той

Можно сказать утвердительно, что въ это время всѣ, сколько нибудь замѣчательные дѣятели галльской церкви были хорошо извѣстны на Востокѣ и въ Африкѣ, не говоря уже объ Италіи, и на оборотъ. Каждое новое твореніе становилось тотчасъ общимъ достояніемъ всего христіанскаго міра, и ни одинъ высокій подвигъ христіанской жизни, совершавшійся въ самомъ отдаленномъ краю, не проходилъ не замѣченнымъ, но каждый возбуждалъ сочувствіе и удивленіе во всей Церкви. Трогательные примѣры встрѣчаемъ мы въ исторіи подвижниковъ того времени. Такъ, по разсказу житія Женевьевы Парижской, написаннаго вскорѣ послѣ ея кончины (6), Св. Симеонъ Столпникъ въ своемъ уединеніи зналъ о чудной жизни парижской дѣвы и просилъ у нея молитвенной помощи. Легенда, наравнѣ съ многочисленными документами, является неоспоримымъ свидѣтельствомъ самаго полнаго единенія Церкви среди не менѣе полнаго политическаго разъединенія.

Такое же различіе находимъ мы и между церковными и гражданскими учрежденіями этого времени. Эдикты Константина В. и его преемниковъ щедро одѣлили христіанское духовенство правами и преимуществами всякаго рода; какъ будто римская имперія хотѣла вознаградить Церковь за нѣсколько столѣтій

быстроты, съ какою распространялись богословскія сочиненія; укажемъ на житіе Мартина Турскаго, написанное Сульпиціемъ Северомъ и почти тотчасъ же сдѣлавшееся извѣстнымъ во всѣхъ концахъ христіанскаго міра.

(6) Vies des Pères, des Martyrs et des autres principaux saints, trad. par l'abbé Godescard. 1794. I, 71. Здѣсь жизнь Женевьевы изложена на основаніи ея біографіи, написанной 18 лѣтъ послѣ ея кончины и потомъ на основаніи нѣсколько позднѣйшаго житія, помѣщеннаго въ знаменитыхъ Acta Sanctorum Болланда.

фанатическаго преслѣдованія. Духовенство по законамъ пользовалось освобожденіемъ отъ многихъ повинностей и налоговъ, правомъ собственнаго суда въ бо́льшей части случаевъ, наконецъ огромнымъ вліяніемъ на дѣла самаго гражданскаго и судебнаго управленія. Кто не знаетъ, какое важное значеніе имѣлъ епископъ въ томъ городѣ, гдѣ находилась его каѳедра? Не говоримъ уже о богатыхъ владѣніяхъ духовенства. Эдиктомъ 321 года разрѣшилъ Константинъ В. духовенству принимать вклады всякаго рода для церкви и владѣть землями; не прошло пятидесяти лѣтъ, какъ десятая часть имѣній во всѣхъ провинціяхъ находилась уже въ его рукахъ; такъ велико было усердіе жертвователей (7). Не въ этомъ впрочемъ заключалось дѣйствительное могущество Церкви и духовенства, а въ той организаціи, которая выработалась еще въ то время, когда епископы принимали мученическій вѣнецъ отъ римскихъ магистратовъ и тысячи вѣрующихъ гибли по приказу языческихъ цезарей. Главная сила Церкви заключалась въ крѣпкомъ единеніи всѣхъ ея членовъ въ то время, когда политическій эгоизмъ, своекорыстные интересы отдѣльныхъ лицъ и сословій уничтожали всѣ связи свѣтскаго общества. Достаточно самаго бѣглаго взгляда на учрежденія духовной власти, чтобы убѣдиться, какъ велико, а главное, какъ благотворно было значеніе Церкви въ послѣднее время римской имперіи. Можно смѣло сказать, что Церковь была единственнымъ живымъ учрежденіемъ среди обветшалыхъ формъ государственнаго устройства, отъ которыхъ давно уже отлетѣлъ духъ жизни. Первое, что бросается въ глаза, это тѣсная связь между ду-

---

(7) См. Planck, Geschichte der Christlich-kirchlichen Gesellschafts—Verfassung. t. I. p. 281.

ховенствомъ и остальными членами христіанскаго общества. Ряды духовенства открыты для достойныхъ лицъ всѣхъ сословій точно такъ же, какъ церковное убѣжище (asylum) для всѣхъ гонимыхъ и утѣсненныхъ. Въ избраніи епископа или священника принимаетъ участіе вся христіанская община, или, лучше сказать, избраніе зависитъ прямо отъ нея; духовная же или свѣтская высшая власть только утверждаетъ или отвергаетъ этотъ выборъ (8). Изъ безчисленныхъ примѣровъ приведемъ одинъ, относящійся къ церковной исторіи Галліи этого времени. Гермесъ, архидіаконъ нарбоннской церкви, былъ посвященъ въ епископы Безьера; духовенство и граждане этого города по какимъ-то причинамъ не согласились принять его, и Гермесъ жилъ, не имѣя каѳедры до тѣхъ поръ, пока, послѣ смерти Рустика въ 461 г., жители Нарбонны не избрали его своимъ пастыремъ. Мы будемъ имѣть еще случай не разъ указать на избраніе епископовъ. Далѣе, мы видимъ частыя собранія епископовъ. Въ Галліи было 13 соборовъ въ IV и 25 въ V вѣкахъ и нѣтъ сомнѣнія, что многихъ мы еще не знаемъ. По правиламъ, епископы каждой церковной провинціи должны были собираться, если не два раза, то по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ. На соборѣ 441 г. было постановлено не расходиться, не назначивъ времени и мѣста будущаго собранія (9). Относительно Галліи замѣтимъ одно обстоятельство, необходимо условливавшее частые

---

(8) Лучше всего выразилось это признаніе необходимости участія всей общины въ избраніи епископа въ слѣдующихъ словахъ письма Льва, Папы Римскаго: Qui præfuturus est omnibus, ab omnibus eligatur. См. Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte I, 335, n. i.

(9) Въ письмѣ къ Леонтію Арльскому Папа Иларій требуетъ, чтобы съѣзды епископовъ были ежегодно. См. примѣчанія Грегуара и Колломбе къ Ап. Сидонію, II, 254.

съѣзды епископовъ: въ этой странѣ, ни одинъ городъ не сдѣлался центромъ церковнаго управленія для всей Галліи, ни одинъ епископъ не получилъ правъ примаса. Нельзя сказать впрочемъ, чтобы не было стремленія къ сосредоточенію церковнаго управленія; но вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ первенство не могло быть присвоено ни однимъ изъ епископовъ. Вьенна, Арль, впослѣдствіи времени Реймсъ предъявляли одинъ за другимъ свои права или, лучше сказать, притязанія на старѣйшинство своихъ епископскихъ каѳедръ передъ другими. Не только не было примаса для всей Галліи; но даже еще не были опредѣлены съ точностію предѣлы церковныхъ провинцій и права митрополитовъ переходили иногда отъ епископа одного города къ епископу другаго ([10]). Въ описываемое нами время шла борьба между Арлемъ и Вьенной и кончилась въ пользу перваго. Благодаря вліянію римскаго епископа, Арль сдѣлался центромъ церковнаго управленія для 5 провинцій: Вьеннской, Ліонской, двухъ Нарбоннскихъ и Альповъ; Митрополитъ же Вьенны сохранилъ права свои только надъ 4 епископскими каѳедрами ([11]). Нельзя не замѣтить по этому случаю, какъ рано и какъ искусно начали проводить римскіе епископы свои стремленія къ полученію рѣшительнаго вліянія и власти въ западной половинѣ христіанскаго міра. Необыкновенно ловко умѣютъ они воспользоваться каждымъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти авторитетъ повсюду, чтобы заложить, гдѣ только можно,

---

(10) См. на примѣръ споры ученыхъ объ утратѣ марсельскимъ епископомъ правъ митрополита 2 Нарбоннской провинціи, по поводу темнаго мѣста въ 7 письмѣ VII книги Сидонія. Изданіе Сидонія Грегуара и Колломбе въ примѣчаніяхъ, т. II стр. 257 и слѣд.

(11) Именно надъ епископами Валенціи, Тарантезы, Женевы и Гренобля.

въ началѣ невидныя основанія, на которыхъ современемъ должно было воздвигнуться зданіе папской власти. Въ это время вопросъ могъ быть, очевидно, только о нравственномъ вліяніи, не болѣе. Самая степень этого вліянія измѣнялась сообразно съ временными и мѣстными обстоятельствами. Дѣйствительную власть имѣлъ римскій епископъ только надъ 10, непосредственно ему подчиненными, итальянскими провинціями ([12]).

Правда, эдиктами Валентиніана и Граціана и потомъ Валентиніана III онъ признанъ былъ главою церквей западной имперіи, правда и то, что самая теорія верховной власти римскаго первосвященника, какъ преемника Св. Петра, начинала уже высказываться римскими епископами; тѣмъ не менѣе ихъ притязанія признавались положительно только въ западной Иллиріи. Въ Африкѣ, на соборахъ 407 и 418 годовъ постановлено было отлучать отъ церкви священниковъ и другихъ членовъ духовенства, которые вздумали бы перенести дѣло на судъ римскаго епископа. Въ Галліи, римскій епископъ пользовался спорами о первенствѣ и, оказывая всѣми силами содѣйствіе арльскому епископу, онъ достигъ того, что сей послѣдній призналъ себя викаріемъ римскаго престола въ Галліи. Впрочемъ далѣе нѣкотораго нравственнаго вліянія непростирались успѣхи римскаго епископа ([13]). Самый Арль былъ центромъ управленія только для пяти юго-восточныхъ провинцій; остальныя же были отъ него независимы. Такимъ

---

(12) Ecclesiæ suburbicariæ перечислены у Гизелера t. I, стр. 345, прим. b.

(13) Въ дѣлѣ о посвященіи вьеннскимъ митрополитомъ епископа въ Дьё Папа Иларій дѣйствовалъ весьма осторожно. Не смотря на приговоръ римскаго епископа, Дьё постоянно оставался подъ юрисдикціею Вьенны.

образомъ отсутствіе централизаціи необходимо заставляло рѣшать всѣ дѣла, относившіяся до всей Галліи, на соборахъ епископовъ. Здѣсь, вмѣстѣ съ вопросами, касавшимися точнѣйшаго опредѣленія нѣкоторыхъ пунктовъ христіанскаго ученія, обсуживались вопросы церковнаго управленія, споры относительно нѣкоторыхъ обрядовъ и частные случаи уклоненія отъ каноновъ. На соборахъ же епископовъ утверждались и приводились въ исполненіе нѣкоторыя постановленія, принадлежащія собственно къ области гражданскаго права или законовъ государственнаго благоустройства. Чѣмъ болѣе слабѣла свѣтская власть, тѣмъ болѣе расширялся кругъ дѣятельности членовъ церкви и въ минуту паденія западной римской имперіи епископы явились единственными хранителями римскаго права точно такъ, какъ они же были единственными представителями римской образованности (14).

Чтобы вполнѣ понять всю противуположность духовнаго и свѣтскаго общества и все превосходство перваго, нужно обратиться къ умственной дѣятельности того и другаго, сравнить между собою памятники духовной и свѣтской литературъ. Характеръ послѣдней намъ уже извѣстенъ нѣсколько; кромѣ общаго понятія, которое мы имѣемъ, мы довольно близко присмотрѣлись къ произведеніямъ самаго славнаго изъ свѣтскихъ писателей этого времени. На всей свѣтской литературѣ лежитъ клеймо умственнаго

(14) 6-й канонъ Анжерскаго собора относится къ опредѣленію гражданскихъ отношеній супруговъ. 10-мъ канономъ Везонскаго собора опредѣляется участь и состояніе незаконнорожденныхъ и подкидышей, 13-мъ Оранжскаго собора постановлено оказывать помощь сумасшедшимъ, 7 канономъ того же собора обезпечиваются права вольноотпущенныхъ См. Revillout. De l'Arianisme des peuples germaniques qui ont envahi l'empire romain. p. 134 въ прим.

безплодія ([15]) и самые талантливые изъ ея дѣятелей не находятъ въ себѣ достаточныхъ силъ для сколько нибудь значительнаго и серьезнаго труда. Безсиліе мысли и пустота или мелочность внутренняго содержанія служатъ отличительнымъ признакомъ современной свѣтской литературы и ея самодовольное притязаніе на родственное сходство съ цвѣтущими временами древней образованности только рѣзче выставляетъ на свѣтъ ея глубокое паденіе. Не то видимъ въ литературѣ духовной. Тѣмъ замѣтнѣе различіе въ содержаніи, чѣмъ полнѣе сходство относительно внѣшней формы; принятіе духовными писателями искусственнаго, риторическаго способа выраженія свѣтской литературы, очевидно, должно было стѣснять правильное, свободное развитіе ихъ мысли. Уже простое перечисленіе тѣхъ вопросовъ, которые занимали умы духовенства Галліи V вѣка, можетъ дать довольно ясное понятіе о характерѣ умственной дѣятельности членовъ Церкви. Разумѣется, главною и ближайшею ея цѣлію прежде всего было точнѣйшее опредѣленіе нѣкоторыхъ пунктовъ ученія Церкви и опроверженіе ложныхъ толкованій и ересей, которыя возникали въ это время. Въ этомъ отношеніи уже одна борьба съ аріанствомъ, принесеннымъ въ Галлію германскими завоевателями, должна была держать умы православнаго духовенства въ постоянномъ напряженіи. Сражаясь съ послѣдователями Арія, епископы Галліи не только старались защитить свою паству отъ еретическихъ заблужденій; можно сказать, что въ этой борьбѣ они являлись не

---

(15) Namque virtutes artium istarum seculis potius priscis seculorum rector ingenuit: quæ per ætatem mundi jam *senescentis*, *lassatis veluti seminibus emedullatæ* parum aliquid hoc tempore in quibuscumque, atque id in paucis mirandum ac memorabile ostentant. Sid. l. VIII, 6.

просто поборниками чистоты христіанскаго ученія, но и защитниками самаго христіанства. Вмѣстѣ съ тѣмъ они отстаивали и всю будущность европейской цивилизаціи, развитіе которой условливалось христіанствомъ. Кромѣ того Церкви въ V вѣкѣ приходилось бороться съ тѣми заблужденіями, которыя возникали между членами христіанскаго общества. Такъ въ 450 г. Папа Левъ Римскій посылаетъ въ Галлію свое письмо къ Флавіану противъ ереси Евтихія вмѣстѣ съ посланіемъ Св. Кирилла Александрійскаго противъ Несторія, и 44 епископа Галліи сходятся на соборъ, чтобы торжественно осудить заблужденія Евтихія и Діоскора. Въ знаменитомъ спорѣ бл. Августина съ Пелагіемъ епископы Галліи приняли дѣятельное участіе: двое изъ нихъ обвинили Пелагія въ ереси на соборѣ въ Діосполѣ, (415 г.) а потомъ на соборѣ африканскихъ епископовъ (418). Въ 429 г. Германъ Оксеррскій вмѣстѣ съ Лупомъ, епископомъ Труа, отправились въ Британію, чтобы опровергнуть ученіе Пелагія на самой его родинѣ. Въ 446 г. тотъ же Германъ въ сопровожденіи Севера Трирскаго предпринялъ съ тою же цѣлію вторичное путешествіе въ Британію. Около 426 г. опроверженъ и осужденъ былъ въ Галліи Лепорій, который къ мнѣніямъ Пелагія примѣшивалъ еще заблужденія ереси Евіонитовъ ([16]).

Споръ Пелагія рѣшенъ былъ собственно не въ самой Галліи, а на соборахъ восточныхъ епископовъ, въ Африкѣ и въ Италіи; за то такъ называемое полупелагіанство волновало почти исключительно эту страну. Полупелагіанство, старавшееся примирить

---

(16) Neander, 11 Band, 3 Abth. 1249. Бенедиктинцы Св. Мавра полагаютъ осужденіе Лепорія прежде 419 г. См. Hist. litter. de France, II p. 168.

мнѣнія Пелагія съ противуположнымъ ученіемъ епископа Гиппоны, получило начало въ монастыряхъ южной Галліи и, хотя въ его опроверженіи принялъ дѣятельное участіе великій учитель африканской церкви, однако, и въ особенности послѣ кончины блаж. Августина, главными дѣятелями оставались галльскіе епископы и первое мѣсто между защитниками Августина занималъ Просперъ Аквитанскій. Здѣсь не мѣсто входить въ изложеніе этого спора; скажемъ только, что онъ былъ тѣмъ продолжительнѣе, что въ числѣ такъ называемыхъ полупелагіанъ находились люди, славившіеся строгостію своей жизни, знаніемъ и добродѣтелями и занимавшіе высокое положеніе въ галльской церкви. Такъ основателемъ этой системы почитаютъ (17) Кассіана, строителя знаменитаго монастыря Св. Виктора въ Марселѣ, гдѣ, какъ говорятъ, собралось скоро до 5,000 монаховъ. Кассіанъ, отличавшійся подвигами воздержанія, началъ свое монастырское поприще въ Виѳлеемской обители и потомъ, проведя болѣе 17 лѣтъ въ самыхъ отдаленныхъ пустыняхъ Ѳиваиды, нѣкоторое время находился въ числѣ лицъ, близкихъ къ Св. Іоанну Златоусту, посвятившему его во діаконы. Его сочиненія о правилахъ монастырской жизни и о подвигахъ пустынножителей доставили ему громкую извѣстность въ Галліи. Поборникомъ же полупелагіанства былъ и знаменитый Фаустъ Ріезскій, которымъ гордилось галльское духовенство (18). Къ тому же приверженцы этого мнѣнія, отвергая нѣкоторыя положенія бл. Августина,

---

(17) Начерт. Ц. Ист. издани. отъ Коммис. Д. Учил. 1823 г. стр. 458.

(18) Къ числу же полупелагіанъ принадлежали Винцентій Лериньскій и Евхерій, не менѣе Кассіана и Фауста пользовавшіеся общимъ уваженіемъ.

принимали главные пункты его ученія и съ негодованіемъ отвергали всякое общеніе съ послѣдователями Пелагія. Самое имя полупелагіанъ дано было имъ уже гораздо позже. Не удивительно поэтому, что не смотря на жаркую полемику съ обѣихъ сторонъ, вызвавшую большое число сочиненій, дѣло оставалось нерѣшенымъ до самаго 529 года, когда на соборѣ въ Оранжѣ осуждены были мнѣнія полупелагіанцевъ, хотя въ то же время не всѣ положенія ихъ противниковъ были признаны справедливыми. Въ V же вѣкѣ на многочисленныхъ соборахъ перевѣсъ чаще оставался, благодаря особенно личному вліянію Фауста, на его сторонѣ. Мы упоминали уже объ ереси Вигиланція, опровергнутой блаженнымъ Іеронимомъ; назовемъ еще одинъ споръ, сильно занимавшій умы Галліи въ V вѣкѣ, именно споръ о томъ, тѣлесна или безтѣлесна душа человѣка. И здѣсь представителями противуположныхъ мнѣній явились люди, пользовавшіеся огромною извѣстностію: съ одной стороны Фаустъ Ріезскій, съ другой Мамертъ Клавдіанъ, намъ уже нѣсколько знакомый.

Не говоримъ о другихъ вопросахъ меньшей важности. Такимъ образомъ уже этого, далеко не полнаго перечисленія главныхъ пунктовъ, на которые обращена была умственная дѣятельность членовъ галльской церкви V вѣка, достаточно, чтобы показать всю ея важность. Въ борьбѣ съ заблужденіями и ересями крѣпла мысль духовныхъ писателей, но этой борьбой не ограничивалась ихъ дѣятельность. Можно указать въ V вѣкѣ на множество христіанскихъ поэтовъ. Такъ Просперъ Аквитанскій избралъ содержаніемъ своимъ поемы защиту ученія бл. Августина противъ полупелагіанъ; такъ многіе облекали въ гекзаметръ свои толкованія на Св. Писаніе или свои сѣтованія объ упадкѣ современной нравственности; мы находимъ множество гимновъ, благочестивыхъ

надписей и эпитафій ([19]). Житія Святыхъ, прославленныхъ подвигами благочестія, составляли большой отдѣлъ церковной литературы и начинали уже по немногу вытѣснять изъ обращенія между читающимъ классомъ произведенія древнихъ, языческихъ писателей ([20]). Не говоримъ о письмахъ и посланіяхъ, которыми безпрестанно пересылались епископы и другіе члены духовенства и которые также становились общимъ достояніемъ ([21]). Все это прямо относится къ дѣятельности церковной; но духовенство занималось и тѣмъ, надъ чѣмъ должны бы, кажется, трудиться по преимуществу литераторы свѣтскіе. Достаточно назвать Сальвіана Мар-

---

(19) Кромѣ большой поэмы Проспера Аквитанскаго De ingratis, contra Pelagianos, ему же принадлежатъ De providentia divina opusculum; in obtrectatorem Augustini episcopi; Item in eundem; Epitaphium Nestorianæ et Pelagianæ hæreseon. Сатиру Марія Виктора противъ современныхъ нравовъ мы уже нѣсколько знаемъ, равно какъ и Евхаристиконъ Павлина. Марію же Виктору принадлежитъ толкованіе на книгу Бытія, въ гекзаметрахъ. Въ письмахъ Сидонія мы находимъ многочисленныя указанія на произведенія христіанскихъ поэтовъ этого времени.

(20) Изъ житій святыхъ, относящихся къ V вѣку, самыя замѣчательныя безспорно житіе Германа Оксеррскаго, написанное Консенціемъ свящ. Ліонскимъ, жизнь Мартина Турскаго, написанная Сульпиціемъ Северомъ, и его три діалога о подвигахъ восточныхъ монаховъ и Мартина Турскаго. Павлинъ изъ Перигора написалъ VI книгъ жизни Мартина въ стихахъ и посвятилъ ихъ Перпетую, епископу Тура.

(21) Кромѣ писемъ Сидонія, къ литературнымъ памятникамъ V вѣка относятся двѣ книги писемъ Руриція, Лиможскаго епископа (въ 1 книгѣ 18, во второй 64 письма). Bibl. Max. Patr. v. VIII; 16 писемъ Дезидерія, Кагорскаго епископа, и 20 писемъ къ нему отъ разныхъ лицъ. Ibid. Письмо Фауста Ріезскаго; 9 писемъ Сальвіана Марсельскаго; письма Лупа, Ремигія и другихъ членовъ галльской церкви.

сельскаго, оставившаго такой полный анализъ административнаго и нравственнаго состоянія современной Галліи, Геннадія, также марсельскаго священника, который составилъ каталогъ знаменитыхъ писателей IV и V вѣковъ и на отзывахъ котораго главнымъ образомъ основывается сужденіе позднѣйшихъ историковъ литературы ([22]). Такимъ образомъ въ то время, когда свѣтская литература добровольно осудила себя на безплодную и мелочную дѣятельность, духовенство приняло подъ свою защиту и остатки свѣтской науки. Свѣтскія школы падали или пустѣли; въ монастыряхъ южной Галліи получали образованіе люди, сдѣлавшіеся главными двигателями умственной жизни этого времени. Дѣятельность знаменитыхъ обителей, Лериньской и св. Виктора, могла бы быть превосходнымъ содержаніемъ для историко-литературной монографіи. Разрывъ съ древнимъ образованіемъ еще не совершился; напротивъ духовные писатели усвоили себѣ всѣ средства древней науки и пользовались ими съ бо́льшимъ искусствомъ, чѣмъ самые свѣтскіе литераторы. Нельзя не привести характеристическаго, хотя и проникнутаго риторствомъ, отрывка изъ письма Сидонія къ знаменитому Фаусту, по поводу одного изъ потерянныхъ его сочиненій ([23]). Въ немъ довольно картинно изображается отношеніе древней философіи къ умственной дѣятельности церковныхъ писателей. «Богатый этими дарами духа и образованія, пишетъ Сидоній ([24]), ты обручился по совѣту Второзаконія съ прекрасной супругой. Еще въ юности, ты увидѣлъ ее между рядами непріятелей и плѣнился ею во время самаго боя. Тебя не

---

(22) Замѣтимъ еще хронику Проспера Аквитанскаго.

(23) См. Hist. Litt. de France II, 616.

(24) Sidon. Epistol. l. IX, 9 ad Faustum.

могли отразить окружающіе ея враги и ты вынесъ ее на рукахъ побѣдоноснаго желанія; я разумѣю философію, которая силою исторгнутая изъ числа нечестивыхъ знаній, оставивъ убранство суетнаго вѣроученія и гордость мірской науки ([25]), сбросивъ складки ветхой одежды т. е. покровы печальной діалектики, скрывающіе развращенные и лживые нравы, просвѣтлѣнная соединилась съ тобою въ мистическихъ объятіяхъ. Отъ юности, ты сдѣлалъ изъ нея твою спутницу, твою неразлучную подругу. Вмѣстѣ вы упражнялись на городскихъ палестрахъ, вмѣстѣ изнуряли плоть въ далекихъ пустыняхъ; съ тобою она была въ Атенеѣ, съ тобою въ монастырѣ, съ тобой она отреклась отъ мірскихъ знаній и устремилась къ изученію высшей науки. Теперь, когда она соединилась съ тобою, всякій, кто возстанетъ противъ тебя, пойметъ, что онъ борется съ Платономъ церкви Христовой ([26]).» Припомнимъ отзывъ того же Сидонія о Мамертѣ Клавдіанѣ. Можно сказать, что въ рядахъ галльскаго духовенства находились ученѣйшіе люди того времени и это естественно, потому что въ церкви искали убѣжища самые серьезные умы изъ числа свѣтскихъ писателей, тѣ, которые, не довольствуясь поверхностнымъ образованіемъ, изучили глубоко древнюю науку и убѣдились въ ея несостоятельности. Бо́льшая часть епи-

---

(25) Raso capillo superfluæ religionis. Для объясненія приведемъ мѣста изъ Второзаконія, на которыя указываетъ Сидоній: и узриши въ плѣнѣ жену добру обличіемъ, и возлюбиши ю, и поймеши ю себѣ въ жену. И введеши ю внутрь въ домъ твой, и да обріеши главу ея, и да обрѣжеши ногти ея. И да совлечеши ризы плѣнныя ея съ нея: и да сядетъ въ дому твоемъ.... и по семъ внидеши къ ней. Второзак. XXI, 11—13.

(26) Sidon. l. IX, ep. 9 ad Faustum.

скоповъ V вѣка славилась своими знаніями; всѣ безъ исключенія принадлежали къ числу послѣднихъ защитниковъ древняго образованія противъ приближавшагося варварства первыхъ временъ средневѣковой исторіи.

Говоря объ умственной дѣятельности членовъ галльскаго духовенства V вѣка, гдѣ первое мѣсто занимали богословскіе споры, нельзя не упомянуть о томъ духѣ, которымъ проникнуты были эти споры, объ истинно христіанскомъ милосердіи къ заблуждавшимся. Самая борьба съ лжеучителями велась исключительно оружіемъ мысли, и духовенство съ негодованіемъ возставало противъ преслѣдованія еретиковъ (27). Трогательный примѣръ этого отвращенія отъ насильственныхъ мѣръ находимъ мы въ житіи Мартина Турскаго. Когда, увлеченные излишнею ревностію, многіе епископы требовали у похитителя престола, Максима, осужденія и казни Присцилліана и его послѣдователей, Мартинъ, бывшій уже епископомъ, отказался имѣть общеніе съ тѣми, которые требовали смерти заблуждавшихся. Почти въ тоже время другой знаменитый учитель церкви, св. Амвросій Медіоланскій отказался по той же причинѣ дать Максиму лобзаніе мира. Уступивъ не столько просьбамъ Максима, сколько его обѣщанію помиловать осужденныхъ, Мартинъ согласился наконецъ служить вмѣстѣ съ Итаціемъ, главнымъ изъ

---

(27) Исключеніе представляетъ Просперъ Аквитанскій, поэма котораго противъ пелагіанъ написана съ крайнимъ ожесточеніемъ. Пелагій, котораго нравственнымъ качествамъ и строгости жизни отдавалъ такую полную справедливость бл. Августинъ въ самомъ увлеченіи спора, называется у Проспера не только anguis, но даже bestia; Полупелагіане, къ числу которыхъ принадлежали такіе люди какъ Кассіанъ и Винцентій Леринскій величаются эпитетами insanae ferae, vasa irae, morbi flatus и т. д.

преслѣдователей присциллианистовъ, но тотчасъ раскаялся въ своей уступчивости. По словамъ легенды, записанной современнымъ біографомъ Мартина Турскаго, Сульпиціемъ Северомъ, ангелъ явился Мартину на дорогѣ изъ Трира, чтобы поднять упавшій духъ епископа; но съ этой поры, по собственному признанію, Мартинъ уже не съ прежнею легкостію изцѣлялъ бѣсноватыхъ и считалъ это Божіимъ наказаніемъ за то, что имѣлъ общеніе съ людьми, требовавшими крови ([28]). Вотъ что говоритъ Евагрій, ученикъ Мартина, доказывая необходимость путемъ убѣжденія разрушать возраженія даже язычниковъ противъ истинъ христіанской религіи. «Многіе думаютъ, пишетъ онъ въ предисловіи къ своему діалогу между философомъ Аполлоніемъ и христіаниномъ Закхеемъ ([29]), многіе думаютъ, что скорѣй должно презирать, чѣмъ опровергать всѣ возраженія язычниковъ; такъ они суэтны и чужды истинной мудрости; но я думаю, что въ такомъ презрѣніи есть много безполезной гордости.... Если мы приблизимъ свѣтильникъ къ очамъ слѣпыхъ и они не увидятъ свѣта, по крайней мѣрѣ пусть почувствуютъ теплоту его.» Трудно полнѣе и лучше представить дѣйствіе христіанскаго милосердія и любви даже относительно тѣхъ, кто рѣшительно отвергалъ Евангельское ученіе. При такой терпимости и желаніи доказать и сдѣлать доступною для пониманія каждаго истину христіанской религіи, ясно, какъ велика и плодотворна была умственная дѣятельность членовъ церкви и на какой недосягаемой высотѣ стояла она

---

(28) Sulpicii Severi dialogus III 15. Bibl. Max. Patr. VI, 370. Sedecim postea vixit annos, nullum synodum adiit, ab omnibus episcoporum conventibus se removit, прибавляетъ біографъ Мартина.

(29) См. мѣсто, приведенное Гизо въ его Histoire de la civilisation en France VI leçon.

надъ пустою, лишенною внутренняго содержанія свѣтскою литературою.

Мы старались показать въ общихъ чертахъ рѣзкую противуположность духовнаго и свѣтскаго общества; нужно ли говорить о томъ различіи, которое замѣчается между нравами того и другаго, различіи тѣмъ болѣе разительномъ, что нравы свѣтскаго общества, особенно высшихъ классовъ, еще были проникнуты привычками языческаго образа жизни. Полное нравственное преобразованіе совершалось въ тѣхъ, кто принималъ христіанство не однимъ внѣшнимъ образомъ. «Я спрашиваю, восклицаетъ язычникъ Рутилій Нуманціанъ, оплакивая потерю одного изъ лучшихъ друзей своихъ, который во цвѣтѣ лѣтъ, богатый и знатный, наслаждавшійся счастливымъ супружествомъ, отрекся отъ всего, чтобы, принявъ христіанство, бѣжать въ далекую пустыню,—я спрашиваю теперь: эта секта не производитъ ли болѣе гибельнаго дѣйствія чѣмъ отрава Цирцеи; тогда перемѣна происходила въ одномъ тѣлѣ, теперь измѣняется самая душа человѣка (30).» Да, христіанство чудеснымъ образомъ измѣняло самую душу и въ исторіи церкви мы найдемъ не одинъ примѣръ, какъ отъ разгульной, богатой жизни быстро переходилъ человѣкъ, котораго коснулось вѣяніе божественнаго ученія, къ самымъ труднымъ подвигамъ пустынножительства, подобно другу Рутилія, одного изъ послѣднихъ языческихъ писателей Галліи (31).

---

(30) Nunc, rogo, deterior Circæis secta venenis?

Tunc mutabantur corpora, nunc animi.

Rutilii Numantiani Itinerarium l. I, v. 526. Edit. Panckoucke, Bibliothèque Latine française.

(31) Современное сказаніе говоритъ, что Аттила былъ такъ пораженъ святостію жизни Луна, епископа Труа, что послѣ Шалонской битвы просилъ его проводить Гунновъ до самаго Рейна, вѣря, что

Среди этого-то общества, въ ряду знаменитѣйшихъ епископовъ Галліи занялъ каѳедру Сидоній послѣ долговременной политической и литературной дѣятельности. Насъ не будетъ удивлять быстрота перехода и избранія. Такіе примѣры встрѣчаются безпрестанно въ исторіи церкви этого времени. Въ избраніи епископа принимала дѣятельное участіе вся христіанская община и потому здѣсь представлялись самые разнообразные случаи. Часто какъ бы внезапное вдохновеніе останавливало выборъ на достойнѣйшемъ. Кто не знаетъ, какъ былъ избранъ св. Амвросій Медіоланскій? Вотъ что разсказываетъ Григорій Турскій объ избраніи одного изъ предшественниковъ Сидонія на епископскую каѳедру Оверни ([32]). Послѣ смерти Венеранда, стали выбирать ему преемника; между гражданами образовались партіи и большое смятеніе было въ народѣ. «Когда въ воскресенье собрались на совѣщаніе епископы, одна неизвѣстная женщина, посвятившая себя Богу, смѣло вошла къ нимъ и сказала: «Выслушайте меня, служители Божіи! Вы знаете, что нѣтъ Божія благословенія на тѣхъ, кого до сихъ поръ предлагаютъ для священства. Сегодня Господь Самъ изберетъ себѣ служителя. И такъ перестаньте смущать и возбуждать къ раздору народъ; вооружитесь терпѣніемъ, потому что Богъ укажетъ того, кто будетъ управлять этою церковью.» Епископы еще дивились этимъ словамъ,

---

присутствіе такого святаго мужа спасетъ ихъ отъ бѣдствій. См. жизнь Лупа, 24 іюля у Godescard. Припомнимъ встрѣчу Германа Оксеррскаго съ вождемъ Алановъ. О томъ, какъ измѣняется жизнь человѣка, возложившаго на себя церковныя обязанности, можетъ дать понятіе разсказъ Сидонія объ его посѣщеніи Максима. См. l. IV, 24.

(32) Gregor. Turon. Histor. II, 13. Венерандъ умеръ 24 дек. 423 г.

когда внезапно вошелъ Рустикъ, священникъ изъ самаго Клермона: онъ былъ указанъ видѣніемъ женщинѣ. Увидѣвъ его, она сказала: «вотъ избранный Богомъ, вотъ кого Господь назначилъ быть вашимъ епископомъ; пусть посвятятъ его.» При этихъ словахъ, весь народъ, отложивъ всѣ другія намѣренія, провозгласилъ Рустика достойнымъ. Еще замѣчательнѣе избраніе Германа Оксеррскаго. Начальникъ военной границы, онъ не только не думалъ вступить когда нибудь въ духовное званіе; но даже не разъ грозилъ смертію Аматору, епископу Оксерра, который вооружался противъ его увлеченія звѣриной ловлей и разрушалъ охотничьи трофеи, воздвигаемые Германомъ по старому обычаю въ заповѣдныхъ дубравахъ. Въ видѣніи возвѣщено было Аматору, что онъ долженъ скоро умереть и что Германъ будетъ ему наслѣдовать. Немедленно, Аматоръ отправился въ Отенъ къ префекту преторіи, чтобы испросить его согласія на переходъ Германа въ духовенство, и возвратившись въ Оксерръ, собралъ народъ и къ общему изумленію почти насильно посвятилъ Германа въ священники, объявивъ, что назначаетъ его своимъ преемникомъ. Германъ, какъ извѣстно, былъ лучшимъ украшеніемъ галльской церкви ([33]). Въ письмахъ Сидонія находимъ мы не менѣе любопытные случаи нѣсколько другаго рода. Сидоній разсказываетъ намъ ([34]), какъ въ Шалонѣ по смерти епископа Павла начались выборы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пропски претендентовъ. Одинъ выставлялъ на видъ свое знатное происхожденіе, другой, новый Апицій опирался на многочисленныхъ паразитовъ; наконецъ

---

(33) Godescard. Vies des Saints. 31 Juillet. Германъ родился 380 г. умеръ 448 г. Жизнь его написана Констанціемъ, священникомъ Ліонскимъ, по просьбѣ Паціента, епископа того же города.

(34) Sidon. l. IV, ep 25.

третій тайной сдѣлкой обязался на счетъ доходовъ церкви вознаградить усердіе своихъ приверженцевъ. Паціентъ, благочестивый епископъ Ліона, и Евфроній Отенскій, видя эти происки, и съ согласія другихъ епископовъ, неожиданно посвятили Іоанна, бывшаго архидіакономъ Шалонской церкви. Въ другомъ письмѣ ([35]), Сидоній подробно описываетъ избраніе въ Буржѣ, при которомъ онъ самъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Претендентовъ было такъ много, что въ день выбора они едва могли помѣститься на двухъ скамьяхъ. Жители Буржа обратились къ Сидонію съ просьбою, чтобы онъ указалъ имъ на достойнѣйшаго и онъ избралъ имъ Симплиція.—Мы привели нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, какъ въ Галліи еще не установились формы избранія и какія разнообразныя побужденія могли имѣть вліяніе на выборъ.

Относительно Сидонія замѣтимъ, что онъ, не смотря на свою свѣтскую жизнь, отличался семейными добродѣтелями и искреннею набожностію и что галльское духовенство давно уже знало его съ этой стороны ([36]). Для жителей Оверни, которымъ грозило вестготское завоеваніе, очень важно было имѣть епископомъ самаго богатаго и знатнаго владѣльца провинціи, сильнаго своими связями при дворѣ и въ высшемъ сословіи. Собственно объ избраніи мы ничего не знаемъ.

---

(35) Sidon. l. VII, 9.

(36) Мы говорили уже о его близкихъ сношеніяхъ со многими епископами. Мамертъ Клавдіанъ посвятилъ ему свое сочиненіе: De statu Animæ. Præfectorio, Patricio, doctissimo et optimo viro, Solli Sidonio Claudianus salutem..... Proinde consilium tuum asserito et defensitato. quoniam si in his secus aliquid ego conscriptionis periclitabor, tu editionis. Vale et vige bonis viris, *veteris reparator eloquentiæ*. Въ самой книгѣ Клавдіанъ называетъ Сидонія *frater amantissime*. См. Bibl. Patr. t. VI, 1045.

Григорій Турскій, который не забываетъ вносить въ свою исторію всѣ замѣчательныя событія Церкви, говоритъ только, что Сидоній занялъ епископскую каѳедру послѣ кончины Епархія, и указываетъ преимущественно на его высокое положеніе въ обществѣ и на знатность происхожденія (37) и тѣмъ самымъ даетъ замѣтить, какія соображенія могли руководить жителей Оверни при избраніи его своимъ пастыремъ. Не должно забывать, что эта провинція находилась въ опасности, что ей нуженъ былъ не только глава собственно церковнаго управленія, но и дѣятель политическій. Борьба съ Вестготами Оверни и другихъ еще сохранившихъ независимость областей I Аквитаніи не была только защитой римской провинціи противъ германскихъ завоевателей, а борьбой православнаго населенія съ готскими послѣдователями нечестивой ереси Арія. При такомъ характерѣ войны, естественными вождями становились епископы, которые въ это время и безъ того имѣли значеніе политическое. Вотъ почему, во время избранія епископа въ Буржѣ, митрополіи I Аквитаніи, Сидоній говоритъ, объясняя народу трудность избрать ему па-

---

(37) Quo (Eparchio) migrante, Sidonius ex præfecto (Romæ) substituitur, vir secundum sæculi dignitatem nobilissimus, et de primis Galliarum senatoribus ita, ut filiam sibi Aviti imperatoris in matrimonio sociaret. Greg. Tur. Hist. l. II, 21. Самый годъ избранія Сидонія неопредѣленъ съ точностію. Послѣдніе издатели Григорія Турскаго годомъ смерти Епархія, а слѣдовательно и избранія Сидонія полагаютъ 473. Въ нѣкоторыхъ рукописныхъ каталогахъ, между Епархіемъ и Сидоніемъ помѣщаются еще два неизвѣстные епископа. Издатели литературной исторіи Франціи относятъ избраніе Сидонія къ концу 471 года (Hist. litt. de France II, 554). Съ ними согласенъ и Жерменъ, приводящій и вычисленія, на которыхъ основывается это предположеніе. См. Essai historique sur Apollinarius Sidonius p. 19 n. 3.

стыря, который бы удовлетворилъ общимъ требованіямъ: «Если я выберу кого нибудь изъ монаховъ; будь онъ подобенъ Павлу, Антонію, Иларіону и Макарію, тотчасъ я услышу шумный ропотъ толпы пигмеевъ, которые будутъ жаловаться и скажутъ: избранный имѣетъ всѣ достоинства игумена, а не епископа: онъ болѣе способенъ предстательствовать о душахъ передъ небеснымъ Судіею, чѣмъ защищать тѣло отъ судей земли» ([38]). Въ письмахъ Сидонія мы находимъ безпрестанно указанія на практическую дѣятельность епископовъ ([39]). Населеніе провинцій постоянно старалось о томъ, чтобы его епископъ принадлежалъ къ числу мѣстной аристократіи; потому что въ это несчастное время, при отсутствіи всякаго другаго обезпеченія, онъ являлся единственнымъ защитникомъ интересовъ населенія, единственнымъ блюстителемъ права и общественной безопасности, точно также какъ и естественнымъ покровителемъ просвѣщенія, и все условливалось его личнымъ вліяніемъ. Обстоятельства требовали отъ епископа, кромѣ христіанскихъ добродѣтелей, достаточнаго ученаго образованія, а главное, политическаго смысла. И чѣмъ смутнѣе становились дѣла Галліи, тѣмъ болѣе расло политическое значеніе епископовъ. Оттого-то мы видимъ, что нѣкоторыя фамиліи пріобрѣли въ извѣстныхъ провинціяхъ почти исключительное предпочтеніе передъ другими относительно занятія церковныхъ должностей. Такъ, напримѣръ, Григорій, епископъ Тура, изъ 18 своихъ предшественниковъ только съ 5-ю не состоялъ въ родствѣ ([40]). Въ Сидоніи же соединялись всѣ условія, чтобы, въ

---

(38) Sidon. l. VII, 9, Concio.

(39) См. Sid. Epistolarum l. III, 5; l. IV, 6; l. V, 1; l. VI, 3, 4, 10; l. VII, 4, 10; l. VIII, 13 и мн. др.

(40) Præter quinque episcopos, reliqui omnes qui sacerdotium

предстоящей борьбѣ съ Готами, онъ могъ стать во главѣ православнаго населенія Оверни.

Паніанилла была еще жива, когда ея мужъ былъ возведенъ на епископскую каѳедру Оверни. Безбрачіе не сдѣлалось еще необходимымъ условіемъ для занятія высшихъ должностей въ церкви. Требовалось только, чтобы избранный замѣнилъ братской любовью супружескія отношенія и въ исторіи Церкви этого времени мы находимъ много тому примѣровъ. Германъ Оксерскій жилъ съ Евстахіей, своей супругой, какъ братъ съ сестрою ([41]); Иларій былъ женатъ, когда въ 353 году его посвятили въ епископы Пуату ([42]). Безспорно, самый замѣчательный примѣръ мы встрѣчаемъ въ жизни Павлина, ученика Авзонія и прославленнаго епископа Нолы. Теразія, какъ мы знаемъ изъ переписки Авзонія съ бывшимъ его воспитанникомъ, много содѣйствовала рѣшимости своего супруга посвятить себя исключительно подвигамъ христіанской жизни и вмѣстѣ съ нимъ отреклась отъ міра, чтобы сопровождать его въ Кампанію къ гробницѣ св. Феликса. Всѣ письма Павлина проникнуты нѣжной привязанностью къ неразлучной спутницѣ его жизни; значительная часть ихъ написана отъ имени обоихъ ([43]). Съ другой стороны, блаж. Августинъ и другіе знаменитые члены Церкви адресовали свои посланія Павлину и его святой сестрѣ

Turonicum susceperunt, parentum nostrorum prosapiæ sunt conjuncti. Greg. Turon. Hist l. V, 50.

(41) Godescard. Vies des Saints. VI, 493.

(42) Ibid. t. I.

(43) Severo fratri *Paulinus et Therasia peccatores*. Bibl. Max. Patr. VI p. 166. — Meropius *Paulinus et Therasia*, Sancto et Amando fratribus. ib. 207. ep 26. См. также письма 31, 34, ib. Domino fratri Augustino *Paulinus et Therasia peccatores*, ep. 41, ib. p. 235, также письма 42, 44, 45. Письмо къ Романіану N 46.

Теразіи ([44]). Эти отношенія лучше всего показываютъ, до какой нравственной высоты подняло христіанство бракъ, бывшій только гражданскимъ обязательствомъ въ понятіяхъ древнихъ. Средневѣковая легенда въ варварскихъ стихахъ разсказываетъ чудо, совершившееся при погребеніи Ретиція, епископа Отена ([45]). Супруга Ретиція, отличавшаяся христіанскими добродѣтелями, умерла черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ избранія его епископомъ и когда послѣ смерти самого Ретиція открыли гробъ ея, чтобы вмѣстѣ съ нею положить тѣло того, съ кѣмъ дѣлила она земную жизнь, рука умершей приподнялась, какъ бы привѣтствуя желаннаго гостя ([46]). Супруги лицъ,

---

(44) Бл. Августинъ надписываетъ свои посланія: Dominis laudabilibus in Christo sanctissimis fratribus *Paulino et Therasiæ*. См. письма 42, 80, 95.

Укажемъ на письмо Сальвіана Марсельскаго къ Ипатію и Квіетѣ, родителямъ его жены. Это письмо, написанное имъ отъ имени жены и дочери, въ которомъ онъ извѣщаетъ ихъ о принятомъ намѣреніи жить братски съ супругой, рѣзко противорѣчитъ тономъ другимъ сочиненіямъ Сальвіана: такъ много въ немъ нѣжнаго чувства. См. Bibl. Max. Patr. VIII, 378 и слѣд. стран.

(45) Ретицій участвовалъ на соборѣ въ Арлѣ 314 года противъ ереси Донатистовъ.

(46) Epigrammata vet. Patr. Monast. S. Galli. Auctoris incerti in laudibus Domini. Bibl. Max. Patr. v. XXVII, p. 527.

Conjugium memini summa pietate fideque,
Lex divina tamen meritum cumulabat amoris.
Et votum ambobus, socium præcedere morte,
Mœrorique pio curam mandare sepulcri.
Sed prior uxorem decreti pagina legit.
Tunc vir sollicitus largo jubet ore cavari,
Post mortem fiunt quæ membris hospita saxa:
Susciperet veniens, æternaque fœdera jungens,
Ut quos viventes tenuisset lectulus idem,
Post præcepta Dei, bustum commune levaret.

избранныхъ епископами, обыкновенно посвящались въ діакониссы, если желали посвятить себя церковной дѣятельности и заслуживали того строгостію жизни (47). Папіанилла, которую Сидоній называетъ въ письмахъ доброй женою и еще лучшей сестрою, жила еще по крайней мѣрѣ три года послѣ избранія его епископомъ Оверни (48). Росція, дочь клермонтскаго епископа, воспитывалась подъ его надзоромъ у ея бабки по матери (49).

Въ самое тяжелое время занялъ Сидоній епископскую каѳедру Оверни. Передъ завоевательнымъ стремленіемъ Готовъ, одушевленныхъ фанатическимъ прозелитизмомъ, I Аквитанія оставалась совершенно беззащитной, не смѣя ждать ни откуда помощи. Въ Италіи, мѣсто Олибрія, умершаго 28 октября 472 года, занялъ Гликерій (5 марта 473) по волѣ Гундобальда Бургундскаго, который какъ бы наслѣдовалъ власть Рицимера, своего дяди по матери. Гундобальдъ могъ бы еще сколько нибудь помочь цен-

---

Sensit vota sui conjunx præsaga mariti,
Magnaque temporibus tribuit miracula castis.
Nam cum defunctis jungantur brachia membris
Et repetita manus constringat vincula trunco,
Ne quibus humanæ complentur munera vitæ,
Accidat informis fluitatio dissociatis.
Immensum dictu, quo tempore vita peracta est,
Jungendus sociæ prospecta sede maritus.
Postquam morte viri reserata est janua lacti
Horrendumque larem jam lux ingrata retexit.
Deprensa est lævam protendens fœmina palmam
Invitans socium gestu viventis amoris.

(47) См. Neander II Band, I Abth. 337.

(48) Licet sis uxor bona, soror quoque optima es. Sid. l. V, 16. Письмо относится къ концу 474 года.

(49) Ibid. in fine.

тральнымъ провинціямъ Галліи, разумѣется, не изъ желанія сохранить Риму эти области, а изъ своекорыстныхъ побужденій бургундскаго конунга, въ глазахъ котораго Вестготы хотѣли завладѣть одною изъ лучшихъ земель Галліи, давно уже возбуждавшею въ Бургундахъ тоже самое желаніе. Гундобальдъ не имѣлъ впрочемъ политической ловкости своего предшественника; онъ не съумѣлъ внушить къ себѣ довольно уваженія даже въ тѣхъ войскахъ, которыя находились подъ его непосредственнымъ начальствомъ. Гликерій, его созданіе, не получилъ признанія отъ восточной имперіи; а это признаніе составляло главное основаніе законности императорской власти, потому что, не смотря на раздѣленіе, обѣ половины составляли одно политическое цѣлое. Византійскій императоръ Левъ провозгласилъ своимъ товарищемъ Юлія Непота, племянника знаменитаго Марцелліана, въ пользу котораго возстала было южная Галлія послѣ смерти Авита. Юлій Непотъ, наслѣдовавшій послѣ дяди независимое владѣніе въ Далмаціи, явился съ флотомъ передъ Равенной; Гликерій не могъ сопротивляться и бѣжалъ сначала въ Римъ, а оттуда въ Остію, гдѣ и былъ захваченъ. Ничтожностію онъ могъ напомнить Аттала и ему также сохранена была жизнь побѣдителемъ. 4 іюня 474 г. Непотъ былъ провозглашенъ императоромъ въ Римѣ. Очевидно, что при такихъ быстрыхъ перемѣнахъ, происходившихъ въ Италіи, Аквитаніи I нечего было ждать съ этой стороны помощи, хотя восшествіе на престолъ Непота было встрѣчено съ радостію жителями провинцій. Отъ него точно также какъ прежде отъ Антемія ожидали очень многаго. Паденіе Гликерія, а вмѣстѣ съ нимъ и власти Гундобальда, ближайшимъ слѣдствіемъ имѣло то, что лишило Аквитанію и послѣднихъ защитниковъ, еще сдерживавшихъ стремленіе Готовъ. Гундобальду ничего не оста-

валось дѣлать въ Италіи и онъ явился въ отцовское наслѣдіе, чтобы начать кровавый споръ съ Хильперихомъ, до сихъ поръ пользовавшимся особеннымъ авторитетомъ между сыновьями Гундіоха (50). Въ междоусобной войнѣ, тетрархамъ бургундскимъ не возможно было думать о защитѣ Оверни и Аквитаніи; ихъ дружины, охранявшія главные города этой провинціи, должны были возвратиться домой, чтобы примкнуть къ тому или другому вождю. Усобицы между сыновьями Гундіоха имѣли еще одно печальное слѣдствіе для Аквитаніи. Многіе изъ аристократовъ Аквитаніи I имѣли богатыя владѣнія въ провинціяхъ, доставшихся Бургундамъ; нѣкоторые были при дворѣ и въ службѣ Хильпериха или жили въ городахъ, признававшихъ его власть. Такимъ образомъ война между бургундскими королями и обыкновенныя слѣдствія ея, опустошенія подрывали матеріальное благосостояніе аристократіи именно въ то время, когда она должна была собрать всѣ свои силы для борьбы съ Готами. Многіе кромѣ того были замѣшаны въ распрю бургундскихъ королей или возбуждали противъ себя подозрительность и ненависть той или другой стороны. Въ письмахъ Сидонія есть любопытныя указанія на тяжелое положеніе знатныхъ галлоримскихъ владѣльцевъ въ предѣлахъ бургундскихъ королевствъ во время этой борьбы между Гундобальдомъ и Хильперихомъ. Клермонтскій епископъ долженъ былъ ѣздить въ Вьенну, воспользовавшись осеннимъ временемъ, когда Оверни нечего было бояться вторженія Вестготовъ. Аполлинарій, одно изъ самыхъ значительныхъ лицъ Галліи, богатый владѣлецъ Вьеннской провинціи, сынъ Тау-

---

(50) Сидоній называетъ Хильпериха magister militum, victoriosissimus vir. Sid. l. V, 6.

маста ([51]), вмѣстѣ съ Ферреоломъ и Петроніемъ обвинявшаго Арванда передъ римскимъ сенатомъ, и слѣдовательно жаркій поборникъ римской власти въ Галліи, былъ обвиненъ передъ Хильперихомъ въ томъ, будто возстаніе въ Везонѣ въ пользу Гундобальда произошло вслѣдствіе его происковъ ([52]). Сидоній открылъ обвинителей. — Это были Галлоримляне, которые изъ корыстныхъ цѣлей примкнули къ варварскимъ королямъ и сравнительно съ которыми, по замѣчанію клермонтскаго епископа, самые варвары отличались кротостію ([53]). Характеръ Хильпериха, и безъ того подозрительный, въ это время особенно благопріятствовалъ коварнымъ внушеніямъ. Къ счастію, его супруга, которую Сидоній сравниваетъ то съ Танаквилою, то съ Агриппиной, подругой Германика, своимъ вліяніемъ спасла Аполлинарія отъ непріятностей, разсѣявъ опасенія Хильпериха ([54]). Она отличалась преданностію къ право-

---

(51) Таумастъ жилъ около нынѣшняго S. Paul-Trois Chateaux (Drôme). Вѣроятно это тотъ самый Аполлинарій, о которомъ мы упоминали во 2 главѣ. См. стр. 190 пр. 94.

(52) Tuo præcipue machinatu oppidum Vasionense partibus *novi principis* applicari, l. V, 6. Сирмондъ, издатель Сидонія не сомнѣвается, чтобы это новый властитель не былъ римскій императоръ. Петиньи дополняетъ догадку Сирмонда и видитъ въ Везонскомъ дѣлѣ возстаніе въ пользу Юлія Непота, подавленное Хильперихомъ. Etudes, II, 284. Предположеніе Форіеля, относящаго этотъ темный намекъ Сидонія къ Гундобальду, явившемуся изъ Италіи, едва ли не имѣетъ на своей сторонѣ болѣе вѣроятности. Fauriel, Histoire de la Gaule méridionale, I, 320.

(53) Quos se jamdudum perpeti inter clementiores barbaros Gallia gemit. Sid. l. V, 7.

(54) Temperat Lucumonem nostrum Tanaquil sua.... cujus studio scire vos par est, nihil interim quieti fratrum communium apud animum communis patroni juniorum Cibaratarum venena nocuisse, neque

славію и воспитала въ тѣхъ же чувствахъ дѣтей своихъ. Послѣ побѣды Гундобальда, она погибла мучительной смертію и изо всего семейства побѣдитель пощадилъ только двухъ дочерей ея, изъ которыхъ старшая, Хрона, заключилась въ монастырѣ, вторая же, Клотильда много содѣйствовала крещенію Хлодвига, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательному торжеству православія надъ аріанствомъ въ Галліи (55). Такимъ образомъ переворотъ, совершившійся въ Италіи и отозвавшійся въ Галліи, не только оставилъ Аквитанію безъ защиты противъ Готовъ со стороны имперіи или Бургундовъ; но и лишилъ ее части собственныхъ силъ, запутавъ многихъ ея владѣльцевъ въ борьбу бургундскихъ тетрарховъ.

До сихъ поръ въ германскихъ племенахъ, явившихся въ Галлію уже аріанами, мы не замѣчали фанатизма. Бургунды и Вестготы въ своихъ отношеніяхъ къ православному населенію, среди котораго они размѣстились, дѣйствовали далеко не такъ, какъ Вандалы въ Африкѣ или впослѣдствіи Лангобарды въ Италіи. Нѣтъ сомнѣнія, что одна изъ главныхъ причинъ заключалась въ самой ихъ постановкѣ относительно имперіи, съ вынужденнаго или добровольнаго согласія которой они утвердились на ея земляхъ, какъ союзники и подданные Рима. Начать преслѣдованія значило разорвать эти отношенія, а мы видѣли, какое глубокое уваженіе вселялъ Римъ въ вар-

---

quidquam, Deo propitiante, nocitura; si modo, quandiu præsens potestas Lugdunensem Germaniam regit, nostrum suumque Germanicum præsens Agrippina moderetur. Ibid.

(55) Igitur Gundobaldus.... uxorem ejus (Chilperici), ligato ad collum lapide, aquis immersit. Hujus duas filias exsilio condemnavit, quarum senior, mutata veste Chrona; junior Chrotechildis vocabatur. Greg. Tur. Hist. II, 28.

варовъ въ самую эпоху своего паденія. Были и другія причины. Бургунды, напримѣръ, по самому народному характеру, были неспособны къ фанатической нетерпимости. Не безъ вліянія оставалась и малочисленность варваровъ сравнительно съ окружавшимъ ихъ галлоримскимъ населеніемъ. Замѣтимъ еще одно обстоятельство, нѣсколько объясняющее отсутствіе враждебныхъ столкновеній: это постоянная зависимость, подчиненное положеніе аріанскаго духовенства относительно свѣтской власти. Аріане хотѣли устроить свое духовенство совершенно по образцу православнаго. Одновременно мы находимъ у нихъ и собранія еретическихъ епископовъ и даже стремленіе къ централизаціи церковнаго управленія, къ патріархату ([56]). Одного недоставало аріанскому духовенству, чтобы походить въ своемъ устройствѣ на православное; но этотъ недостатокъ былъ главнымъ и условливалъ скорое паденіе самаго ученія. Аріанское духовенство не могло существовать безъ поддержки со стороны свѣтской власти. Странное явленіе представляетъ собою аріанизмъ, принятый умами юныхъ германскихъ народовъ. При первомъ близкомъ сопоставленіи двухъ противоположныхъ вѣрованій было ясно, которое изъ нихъ ближе подходило къ ихъ натурѣ, за кѣмъ должна была окончательно остаться побѣда. Борьба была тяжела для аріанскаго духовенства, если бы даже оно и выходило на состязаніе съ тѣми же силами какъ и православное. Но у него къ тому же не было и достаточнаго образованія, чтобы съ успѣхомъ противиться православнымъ епископамъ, опиравшимся на вѣковыя преданія Церкви, защищавшимъ догматы, преданные

---

(56) Такъ въ Африкѣ аріанскій епископъ Карѳагена присвоивалъ себѣ первенство и нѣкоторую власть надъ другими еретическими епископами.

Божественнымъ Учителемъ. Аріане могли прибѣгать къ однимъ софизмамъ діалектики, но и діалектика требовала нѣкотораго образованія. Уже одно то, что бо́льшая часть споровъ аріанскихъ епископовъ съ православными вызвана была желаніемъ германскихъ королей и происходила подъ предсѣдательствомъ свѣтскихъ чиновниковъ ([57]), указываетъ ясно, какъ не по силамъ чувствовали себѣ аріане эти состязанія. Православные епископы напротивъ съ жаромъ искали ихъ. Пропаганда Аріева ученія могла совершаться только посредствомъ матеріальной силы, путемъ преслѣдованій т. е. только тогда, когда вожди германскихъ народовъ, вслѣдствіе фанатизма или политическихъ расчетовъ, начинали заботиться о распространеніи ереси. У Вестготовъ это стремленіе впервые внесено Ейрихомъ. Въ его предшественникахъ не замѣтно и тѣни фанатической нетерпимости, напротивъ, мы видимъ многочисленныя доказательства ихъ расположенія къ православному духовенству.

Аріанскіе епископы и священники, прибывшіе съ Готами въ Галлію, очевидно, не могли быть руководителями германскихъ королей въ трудномъ дѣлѣ ихъ политическаго воспитанія. Эту заботу взяло на себя православное духовенство, которое вмѣстѣ съ древней наукой хранило и богатое содержаніе государственнаго и частнаго права Римлянъ. Прибавимъ къ этому глубокое уваженіе, которое внушало къ себѣ духовенство германскимъ вождямъ нравственными своими достоинствами. Даже Ейрихъ, самый упорный гонитель православія, не могъ защититься отъ невольнаго чувства почтенія; отношенія готскаго короля къ Епифанію Павійскому, о которыхъ мы упомянемъ ниже, лучше всего доказываютъ это. Орі-

---

(57) Укажемъ на поведеніе Гундобальда Бургундскаго и Леовигильда Вестготскаго.

ентъ, епископъ Оша (Auch), былъ однимъ изъ довѣренныхъ лицъ при Теодерихѣ I и пользовался своимъ вліяніемъ для уменьшенія неизбѣжныхъ послѣдствій варварскаго поселенія на земляхъ имперіи ([58]). Мы видѣли, какъ дѣйствовалъ Фридерихъ, братъ Теодериха II, относительно православнаго духовенства. Такое поведеніе готскихъ королей заставляло многихъ современниковъ предполагать въ нихъ по крайней мѣрѣ равнодушіе къ ереси ([59]), если не тайное расположеніе къ ученію Церкви. Все измѣнилось съ той поры, какъ Ейрихъ занялъ мѣсто убитаго Теодериха II.

Ейрихъ способностями далеко превосходилъ своихъ предшественниковъ; полную справедливость въ этомъ отношеніи отдаетъ ему Сидоній въ томъ самомъ письмѣ, которымъ онъ извѣщаетъ Василія Эзскаго о фанатизмѣ готскаго короля и о гибельныхъ слѣдствіяхъ его гоненій. Никогда Вестготское государство не достигало такого могущества, какъ въ продолжительное правленіе Ейриха. Матеріальныя силы Вестготовъ были увеличены прибытіемъ съ востока новыхъ дружинъ. Остготы, поселившіеся между Савой и Дунаемъ послѣ паденія гуннскаго могущества, не могли долѣе выносить безпрестанныхъ войнъ съ окружающими ихъ германскими племенами, недавними союзниками въ борьбѣ съ преемниками Аттилы. Въ то время, когда бо́льшая часть ихъ съ Теодемиромъ ударила на византійскую имперію, чтобы оружіемъ добыть себѣ болѣе спокойныя мѣста для поселенія, другіе, подъ начальствомъ Видемира, съ тою же цѣлію бросились въ Италію, гдѣ

(58) См. Revillout. De l'arianisme des peuples germaniques p. 131.

(59) Смотри приведенный выше отзывъ Сидонія о Теодерихѣ II на 164 страницѣ. Этимъ же могутъ объясниться и благосклонные отзывы Сальвіана Марсельскаго о Вестготахъ.

еще управлялъ ничтожный Гликерій. Остготскій вождь умеръ дорогой, но его сынъ того же имени продолжалъ начатое предпріятіе и, уступивъ убѣжденіямъ, а главное, деньгамъ Гликерія, перешелъ въ Галлію, гдѣ его дружины слились съ родственнымъ племенемъ Вестготовъ, значительно увеличивъ ихъ силы (60).

Прежде, чѣмъ вступить въ послѣдній, рѣшительный споръ съ имперіею, Ейрихъ испробовалъ силу своего оружія въ Испаніи противъ Свевовъ (468 и 469 гг.). Кассіодоръ говоритъ объ его значеніи въ германскомъ мірѣ, о вліяніи готскаго вождя на королей другихъ племенъ: Варновъ, Геруловъ, Туринговъ. Тоже самое еще съ большими подробностями засвидѣтельствовано Сидоніемъ (61). Ейрихъ во многомъ могъ напомнить Теодериха Остготскаго. Онъ вовсе не былъ врагомъ римской цивилизаціи; напротивъ вся его дѣятельность носитъ на себѣ замѣтные слѣды римскаго вліянія. Ко времени Ейриха относится редакція вестготскихъ законовъ, въ которой сказалось такъ много римскаго; главнымъ министромъ готскаго короля является въ числѣ другихъ галлоримскихъ совѣтниковъ знаменитый литераторъ того времени, Леонъ Нарбоннскій, пользовавшійся большимъ вліяніемъ. Преслѣдованіе православія было дѣломъ политическаго расчета, слѣдствіемъ ошибочной системы, которая вмѣсто того, чтобы упрочить существованіе вестготскаго государства, главнымъ образомъ содѣйствовала его паденію. При современномъ разложеніи національностей ничто не препятствовало сліянію германскихъ поселенцевъ въ

---

(60) Іорнандъ, изд. Панкука стр. 396. Gallias tendit, seseque cum parentibus jungens Wesegothis, unum corpus efficitur.

(61) Смотри 9 письмо VIII книги Сидонія, приведенное ниже.

одинъ народъ съ окружавшимъ его населеніемъ, если бы Ейрихъ, затронувъ единственные живые интересы Галлоримлянъ, именно религіозныя убѣжденія, не положилъ къ этому неодолимой преграды. Въ Галліи, какъ впослѣдствіи въ Италіи, въ борьбѣ православія съ аріанствомъ впервые выразилось сознаніе противуположности между туземнымъ населеніемъ и варварскими пришельцами. Въ обѣихъ странахъ паденіе аріанскихъ государствъ было слѣдствіемъ ошибочной системы ихъ властителей; только та роль, которую въ Италіи выполнилъ Юстиніанъ В., въ Галліи выпала на долю Хлодвига франкскаго (62). Заблужденію Ейриха содѣйствовалъ, быть можетъ, примѣръ Вандаловъ, воздвигшихъ страшное гоненіе на православное духовенство въ Африкѣ. Готскій король со всѣмъ увлеченіемъ страсти преслѣдовалъ исполненіе своихъ замысловъ: его фанатизмъ не только вполнѣ увлекъ Готовъ, онъ сообщился даже Бургундамъ, менѣе всѣхъ германскихъ народовъ способнымъ къ ролѣ гонителей. Это вліяніе на возбужденіе въ Бургундахъ чуждой и несвойственной имъ нетерпимости какъ нельзя лучше выразилось въ названіи *готскаго закона*, подъ которымъ было извѣстно аріанство въ областяхъ, занятыхъ Бургундами (63).

Чѣмъ далѣе расширялъ на счетъ имперіи Ейрихъ предѣлы своихъ владѣній, тѣмъ яснѣе высказывались его враждебныя намѣренія относительно православія, тѣмъ далѣе заходилъ онъ въ своемъ преслѣ-

---

(62) Значеніе религіознаго различія между туземнымъ населеніемъ Италіи и германскими завоевателями этой страны и его вліяніе на образованіе новой италіянской народности съ особенною ясностію раскрыто въ сочиненіи г. Кудрявцева: Судьбы Италіи отъ паденія западно римской имперіи до возстановленія ее Карломъ В.

(63) *Gothica lex*. Смотри мѣсто изъ житія Сигизмунда, приведенное Revillout, sur l'arianisme des peuples germaniques p. 67 n. 7.

дованіи. Въ первые же два года послѣ избранія Сидонія епископомъ, вся первая Аквитанія, за исключеніемъ Берри и Оверни была, въ рукахъ Вестготовъ, и равнины Берри ждала та же участь, когда даже гористыя области Руэрга и Геводана покорились безъ сопротивленія. Когда въ 472 или 473 г. жители Буржа обратились къ Сидонію съ просьбою избрать имъ пастыря, Клермонтскій епископъ принужденъ былъ просить епископовъ другихъ провинцій пріѣхать въ этотъ городъ, потому что епископы областей I Аквитаніи были подъ властію Ейриха, а одинъ онъ не могъ совершить посвященія (64). Уже это запрещеніе сношеній принадлежитъ къ числу мѣръ, направленныхъ противъ православія. Прежде, не смотря на политическое раздѣленіе, границы церковныхъ провинцій оставались, какъ онѣ были до сихъ поръ, и духовенство съѣзжалось на свои соборы, не смотря на военныя дѣйствія. Аріане такъ были ободрены рѣшимостію Ейриха содѣйствовать всѣми силами ереси, что не только начали подымать голову въ тѣхъ городахъ, гдѣ прежде, составляя незамѣтное меньшинство, они боялись чѣмъ нибудь обнаружить свое присутствіе (65); они являлись иногда вызывать на со-

(64) Мы имѣемъ письмо Сидонія къ Агрецію, митрополиту 4 Ліонской или Сеннонской провинціи. Сидоній прямо говоритъ: nec te, quanquam Senoniæ caput es, inter hæc dubia subtraxeris intentionibus medendis Aquitanorum; quia minimum refert, quod nobis est in habitatione divisa provincia, quando in religione causa conjungitur. His accedit, quod de urbibus Aquitanicæ primæ solum oppidum Arvernum romanis reliquum partibus bella fecerunt. Quapropter in constituendo præfatæ civitatis antistite, provincialium collegarum deficimur numero, nisi metropolitanorum reficiamur assensu l. VII, 5. Смотри также письмо къ Евфронію, епископу Отена, l. VII, 8, котораго также просилъ Сидоній пріѣхать въ Буржъ.

(65) Такъ въ Буржѣ при избраніи епископа аріане очень интриговали. См. Sid. l. VII, 8.

стязаніе православныхъ епископовъ. Готъ Модагарій началъ было распространять аріанскія заблужденія въ Провансѣ, но былъ опровергнутъ Василіемъ, Эзскимъ епископомъ ([66]). Вообще, споры съ православными были не по силамъ аріанскому духовенству; гораздо дѣйствительнѣе могли быть мѣры другаго рода. Вотъ какъ описываетъ Сидоній печальное положеніе православныхъ церквей въ готскихъ владѣніяхъ. «Узнайте скорѣй тайную болѣзнь православнаго общества, пишетъ онъ къ Василію Эзскому ([67]), и поспѣшите оказать явную помощь. Въ Бордо, Перигё, Родезѣ, Лиможѣ, Геводанѣ, Озѣ (Eause), Базасѣ, Коммиджѣ, Ошѣ и во многихъ другихъ городахъ, гдѣ смерть похитила епископовъ, не назначаютъ новыхъ на мѣсто умершихъ, чтобы черезъ нихъ не могло получать посвященія низшее духовенство, и духовное разореніе такимъ образомъ далеко распространяется. Безпрестанно новыя утраты пастырей, такъ что это положеніе могло бы возбудить жалость не только въ современныхъ еретикахъ, но даже въ ересеначальникахъ первыхъ временъ: до того тяжело отчаяніе народа, смертію лишеннаго епископовъ и у котораго отнимаютъ самую вѣру. Въ опустошенныхъ діоцезахъ и приходахъ видно полное отсутствіе попеченія. Видимъ обвалившіеся верхи церквей, разломанныя двери и входъ въ базилику, заросшій колючимъ кустарникомъ. Увы! стада не только отдыхаютъ въ полуразрушенныхъ входахъ; они щиплютъ зеленую траву на мѣстѣ самыхъ алтарей. Не только опустѣли сельскіе приходы; въ самыхъ городахъ собранія въ церквахъ становятся рѣд-

---

(66) Qui viderim Modaharium civem Gothum Arianæ hæresecos jacula vibrantem, quo tu spiritualium testimoniorum mucrone confoderis. Sid. l. VII, 5.

(67) Sid. Epist. ibid.

ками. Что же остается утѣшительнаго вѣрующимъ, когда гибнетъ не только церковное благочиніе, но и самая память о немъ? Выбыло духовное лицо, и, если рукоположеніе не даетъ ему преемника, въ этой церкви умираетъ самое священство, а не только священникъ. Чего можно надѣяться тамъ, гдѣ со смертію одного человѣка какъ бы вымираетъ и вѣра? Посмотрите ближе на гибель членовъ высшаго духовенства и вы вполнѣ поймете, что, сколько похищено смертію епископовъ, въ столькихъ же городахъ потрясена самая вѣра.» Только что Сидоній успѣлъ посвятить Симплиція епископомъ Буржа, какъ уже Симплицій, вмѣстѣ съ Крокомъ, епископомъ Нима, былъ силою исторгнутъ изъ среды своей паствы и отправленъ въ ссылку ([68]). Преслѣдованіе православныхъ было слѣдствіемъ личнаго увлеченія Ейриха. «Признаюсь, пишетъ Сидоній къ тому же Василію ([69]), не смотря на ужасъ, внушаемый могуществомъ короля Готовъ, я не столько боюсь за римскія стѣны, сколько за христіанскія учрежденія. Говорятъ, самое имя православія до того ненавистно ему, что сомнѣваешься, не болѣе ли онъ начальникъ ереси, нежели вождь народа.»

Страшная гроза готова была разразиться надъ Овернію, послѣдней провинціей на всемъ пространствѣ между океаномъ, Пиринеями, Роной и Луарой, которая еще признавала власть Рима. Врагъ со всѣхъ почти сторонъ обложилъ ее, а у ней не было никакихъ средствъ къ защитѣ кромѣ отчаяннаго мужества сельскаго и городскаго населенія. Если бы дѣло шло объ одной политической зависимости отъ Вестготовъ, Овернь, вѣроятно, послѣдовала бы при-

---

(68) Sidon. l. VII, 6.

(69) Ibid.

мѣру другихъ провинцій, безъ сопротивленія покорившихся варварамъ; но тутъ грозило торжество готскаго закона надъ православіемъ и борьба получила религіозное значеніе. Люди, у которыхъ при другихъ обстоятельствахъ не замѣтно было и слѣдовъ римскаго патріотизма, являются передъ нами съ характеромъ, достойнымъ старыхъ временъ римской доблести. На первомъ планѣ сталъ епископъ Оверни, прежній риторъ временъ упадка, политическій дѣятель безъ всякихъ политическихъ убѣжденій, теперь какъ бы переродившійся подъ вліяніемъ новаго своего положенія. Трудно узнать Сидонія въ этомъ новомъ лицѣ, выступившемъ на сцену, и только вкоренившееся риторство еще обнаруживаетъ въ его письмахъ прежняго литератора.

Борьба Оверни съ Вестготами — событіе тѣмъ болѣе замѣчательное, что подобнаго мы не находимъ въ исторіи послѣдняго времени римской имперіи. Мы указали уже на причины, объясняющія это исключительное явленіе. Это были: во-первыхъ, религіозный характеръ борьбы православнаго населенія противъ фанатическихъ послѣдователей Аріевой ереси; во-вторыхъ, особенное положеніе самой Оверни, гдѣ населеніе еще сохранило мужественную энергію и гдѣ отношенія низшаго и высшаго классовъ общества были далеко не таковы, какъ въ другихъ областяхъ имперіи. Къ сожалѣнію до насъ дошло довольно мало свѣдѣній о войнѣ съ Готами. За исключеніемъ Сидонія, развѣ одинъ Григорій Турскій можетъ сообщить намъ нѣсколько любопытныхъ указаній; но главнымъ и, можно сказать, единственнымъ источникомъ остаются письма клермонтскаго епископа. До насъ дошли они не всѣ и притомъ не вполнѣ въ ихъ первоначальномъ видѣ. При изданіи ихъ Сидоній имѣлъ цѣль преимущественно литературную и этой цѣли жертвовалъ всѣмъ остальнымъ. Кромѣ

указаній самого автора на позднѣйшее исправленіе слога, кромѣ просьбъ его, обращенныхъ къ литературнымъ друзьямъ о томъ же самомъ ([70]), лучшее доказательство находимъ мы въ размѣщеніи самыхъ писемъ. Чтобы не наскучить читателю однообразіемъ содержанія, Сидоній нарочно перемѣшалъ письма, какъ признается самъ онъ ([71]). Такимъ образомъ въ нихъ нѣтъ ни хронологическаго порядка, ни распредѣленія по внутреннему содержанію или даже по лицамъ, къ которымъ они были адресованы, а этимъ сильно затрудняется возможность ими пользоваться.

Прямымъ слѣдствіемъ этого является до сихъ поръ не установившаяся хронологія писемъ Сидонія и возможность относить одно и тоже письмо къ различному времени тѣмъ болѣе, что въ нихъ мы находимъ полнѣйшее отсутствіе числовыхъ указаній. Что изданы не всѣ письма, объ этомъ говоритъ самъ Сидоній ([72]). Во-первыхъ, многія письма не вошли въ собраніе переписки, потому что этого не хотѣлъ самъ авторъ; во-вторыхъ, даже въ тѣхъ, которыя дошли до насъ, необходимо допустить позднѣйшую передѣлку, прибавку или опущеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, не смотря на то, что біографы клермонтскаго епископа стараются доказать противное ([73]) Сидоній объясняетъ ограниченное число изданныхъ писемъ тѣмъ, что, не думая прежде объ

---

(70) Sidon. l. I, 1; l. VIII, 1, 16; IX, 3, 11. Участіе Петронія и Констанція въ исправленіи слога признано самимъ авторомъ.

(71) Nec faciet materia, ut immensa, fastidium, quia cum singulæ causæ singulis ferme epistolis finiantur; cito cognitis in quæ oculum intenderis, ante legere cessabis, quam lecturire desistas. Sid. l. VII, 18.

(72) Ibid.

(73) Germain. Essai historique sur Apoll. Sidon. p. 75. Того же

изданіи, онъ не собиралъ и не берегъ своей переписки (74). Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыхъ писемъ и, по всей вѣроятности, самыхъ интересныхъ для насъ онъ самъ не захотѣлъ сообщить публикѣ. Не забудемъ, что изданіе переписки Сидонія относится уже къ тому времени, когда Овернь была въ рукахъ Готовъ и клермонтскій епископъ вытерпѣлъ ссылку въ Ливію. Аріанскіе властители подозрительно смотрѣли на сношенія между собою православныхъ епископовъ, и неосторожное слово могло повести за собою большія непріятности. Если и въ прежнее время Сидоній былъ очень остороженъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ письмахъ, которыя назначались для изданія, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ уничтожить теперь все, что могло возбудить неудовольствіе или подозрительность завоевателей. Этимъ же объясняются и позднѣйшія измѣненія въ дошедшихъ до насъ письмахъ. До такой степени изданіе переписки было дѣломъ исключительно литературнымъ, что цѣлыя письма написаны лишь за тѣмъ, чтобы помѣстить ихъ въ этомъ сборникѣ. Таково письмо къ Тонанцію Ферреолу, сочиненное съ цѣлію показать уваженіе автора къ знаменитому сановнику Галліи и для того помѣщенное въ VII книгѣ, почти исключительно занятой перепиской съ епископами (75). Таково 15 письмо IX книги, написанное для того, чтобы успокоить Геласія, обижавшагося отсутствіемъ своего

мнѣнія и издатели литературной исторіи Франціи см. т. II стр. 544 и, какъ кажется, новѣйшіе издатели Сидонія, Грегуаръ и Колломбе.

(74) Quæ ob hoc in manus pauca venerunt, quia mihi nihil de libelli hujusce conscriptione meditanti hactenus incustodita nequeunt inveniri. Sid. l. VII, 18.

(75) Sidon. Epist. l. VII, 12.

имени въ сборникѣ ([76]). Слѣды частныхъ измѣненій замѣтны во многихъ письмахъ ([77]).

Такимъ образомъ и единственный источникъ для исторіи борьбы Оверни съ Готами является намъ далеко не въ совершенно удовлетворительномъ видѣ, а отсутствіе хронологическихъ указаній дѣлаетъ нѣкоторыя письма почти безполезными. Постараемся собрать изъ отрывочныхъ, но дающихъ однако же много матеріаловъ, показаній Сидонія сколько нибудь полное изображеніе этого, въ высшей степени замѣчательнаго эпизода изъ исторіи паденія римской имперіи.

Борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ: она началась, вѣроятно, въ самый же годъ избранія Сидонія епископомъ и кончилась не побѣдой Ейриха, а постыдной уступкой Оверни со стороны римскаго правительства. Упорной защитѣ благопріятствовала гористая мѣстность провинціи и крѣпкое положеніе самаго города. Нѣсколько разъ Ейрихъ долженъ былъ выводить свои ополченія изъ Оверни, чтобы потомъ ударить на нее съ новыми силами. Овладѣть Оверніо во чтобы то ни стало, было необходимо Ейриху, чтобы дать естественныя границы готскому государству. Сидоній понималъ планы Ейриха. Вотъ что писалъ онъ въ 472 или 473 г. къ Мамерту, епископу Вьенны: «Носится слухъ, что Готы двинулись въ римскія земли. Несчастные Оверицы, мы всегдашніе ворота для этихъ вторженій. Потому-то на насъ и обращена вся ненависть непріятеля, что въ насъ только, съ Божіею помощію, они и находятъ един-

(76) Probas, neque deprecor, me deliquisse; deliqui quippe, qui nec dum nomine tuo ullas operi meo litteras junxerim.

(77) Такъ въ письмѣ къ Винцентію о судѣ надъ Арвандомъ (l. I, 7) слова: metu creditorum successuros sibi optimates æmulabatur, намъ кажутся прибавкой, сдѣланной при изданіи писемъ.

ственную преграду своему стремленію расширить свои владѣнія отъ Океана до Роны и Луары. Окрестныя страны уже давно поглощены наглымъ нападеніемъ со стороны грознаго государства» ([78]). Ежегодныя вторженія Ейриха производились лѣтомъ; они сопровождались опустошеніемъ страны, сожженіемъ жатвы, уводомъ стадъ и разореніемъ селеній ([79]). Только глубокая осень или зима заставляла Готовъ отступать и доставляла Овернцамъ нѣсколько мѣсяцевъ отдыха, чтобы приготовиться къ новой борьбѣ ([80]). Подъ знаменами вестготскаго вождя неволей шли жители I Аквитаніи, принужденные сражаться противъ своихъ соотечественниковъ, геройская защита которыхъ возбуждала полное въ нихъ сочувствіе. Мы имѣемъ любопытное письмо Сидонія, которое хорошо изображаетъ печальное положеніе Аквитанцевъ, по несчастію или изъ малодушія поставленныхъ въ необходимость жертвовать жизнію за дѣло, имъ ненавистное. «Если рѣдко доходятъ до тебя наши письма, пишетъ Сидоній къ Кальминію, съ которымъ, какъ видно, онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ, причиной тому не наша гордость, но слишкомъ великое могущество другаго ([81]). Не спрашивай меня болѣе объ этомъ, потому что ваши собственныя опасенія могутъ объяснить вамъ мое вынужденное необходимостію молчаніе. Объ одномъ только я могу сожалѣть открыто, именно о томъ, что, отдѣленные другъ отъ друга столкновеніями враждующихъ партій, мы не можемъ насладиться взаимнымъ свиданіемъ. Ты являешься безпокойнымъ взо-

---

(78) Sidon. Epist. VII, 1.

(79) Sidon. Epist. VI, 12.

(80) Cum primus æstas decessit autumno, et Arvernorum timor potuit aliquantisper ratione temporis temperari, Viennam veni. V. 6.

(81) Sed aliena *impotentia* fecit. Impotentia вмѣсто nimia potentia.

рамъ отечества только тогда, когда страшная воля чужеземца заставляетъ васъ прикрываться латами, а насъ укрѣпленіями. Тебя приводятъ сюда плѣнникомъ и ты принужденъ со слезами на глазахъ опоражнивать твой колчанъ стрѣлъ. Мы однако же не винимъ тебя, потому что твои желанія направлены не туда, куда стрѣлы. Такъ какъ по временамъ, если не вслѣдствіе прочныхъ договоровъ, то по крайней мѣрѣ вслѣдствіе ненадежныхъ перемирій, намъ блеститъ надежда освобожденія, мы упрашиваемъ тебя, чтобы ты чаще бесѣдовалъ съ нами въ письмахъ. Я знаю, что осажденные граждане хранятъ къ тебѣ дружбу, которая забываетъ, какъ ненавистна въ тебѣ роль осаждающаго» ([82]). Это письмо дышетъ грустію и лучше всего показываетъ, какимъ тяжелымъ испытаніямъ подвергалось и безъ того ослабѣвшее нравственное чувство людей этого времени. Здѣсь дѣло шло не объ однихъ политическихъ симпатіяхъ, подавленныхъ желѣзною волею Ейриха; на первомъ планѣ стояли интересы религіозные. Вся борьба носитъ на себѣ этотъ характеръ.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ, Вьенна, бывшая подъ властію Бургундовъ, была постигнута разнаго рода бѣдствіями: въ землетрясеніяхъ рушились зданія, страшные пожары свирѣпствовали въ городѣ и стада оленей, гонимыя изъ лѣсовъ таинственнымъ страхомъ, являлись среди изумленнаго населенія города ([83]). Паническій страхъ овладѣлъ жителями; знатные и простой народъ толпами покидали городъ. Тогда Мамертъ, благочестивый епископъ Вьенны, установилъ такъ называемыя Rogationes—общественныя моленія, сопровождаемыя постомъ и церковными

---

(82) Sidon. Epist. V, 12.

(83) Sidon. Epist. VII, 1.

процессіями. Эти моленія, укротившія гнѣвъ Божій, поразивший Вьенну, ввелъ въ своемъ городѣ клермонтскій епископъ въ виду грозившей опасности со стороны Вестготовъ. Моленія продолжались три дня. Чтеніемъ ветхозавѣтныхъ пророковъ приготовлялся народъ къ покаянію; утѣшительныя слова Евангелія и Апостольскихъ посланій слѣдовали за тѣмъ и книги Товіи, Юдиѳи и Есѳири, прочитываемыя вполнѣ, ободряли его упавшій духъ картиной страданій Еврейскаго народа, не разъ избавляемаго чудесной помощію свыше. «Я приглашаю тебя, пишетъ Сидоній къ Апру, богатому владѣльцу Оверни, жившему въ горныхъ укрѣпленіяхъ ([84]), я приглашаю тебя на это торжество, гдѣ смиренно склоняется чело, въ это собраніе, гдѣ распростерты на молитвѣ граждане».

Клермонтскій епископъ во все время борьбы съ Ейрихомъ оказался достойнымъ вождемъ православнаго населенія и обнаружилъ не только замѣчательную дѣятельность, но и небывалую въ немъ твердость духа. Героическій порывъ какъ бы увлекъ и поднялъ его въ уровень съ совершавшимися событіями. Новое его положеніе дало возможность въ бо́льшихъ размѣрахъ приложить къ общему благу тѣ добрыя качества его сердца, которыя прежде раскрывались только въ тѣсномъ кругу семейныхъ и дружескихъ отношеній. Можно бы подумать, что какимъ-то чудомъ измѣнились самыя основанія его характера: такъ много энергіи и самоотверженія выказалъ онъ въ этой борьбѣ забытой и оставленной всѣми провинціи съ самымъ могущественнымъ изъ германскихъ народовъ, съ даровитымъ вождемъ, умѣвшимъ занять первое мѣсто между другими варварскими предводителями. Здѣсь нужно впрочемъ обратить вниманіе на чело-

---

(84) Sidon. Epist. V. 14.

вѣка, стоявшаго весьма близко къ Сидонію и имѣвшаго на него огромное вліяніе. Если клермонтскій епископъ во всѣхъ оффиціальныхъ сношеніяхъ стоитъ на первомъ планѣ, если при преобладаніи религіозныхъ интересовъ на него смотрѣли какъ на естественнаго вождя поборниковъ православія, то душею защиты былъ Эдиціій, сынъ императора Авита, братъ Папіанилы, супруги Сидонія. Чѣмъ ближе присматриваемся мы къ этой замѣчательной личности, нѣсколько заслоненной краснорѣчивымъ епископомъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ томъ, что ему главнымъ образомъ принадлежитъ честь геройскаго сопротивленія, что въ немъ искалъ опоры и самъ Сидоній, когда изнемогалъ въ тяжелыхъ испытаніяхъ его духъ, не закаленный еще въ школѣ несчастій. Во всей дѣятельности Эдиція мы находимъ то, что было такою рѣдкостію въ это смутное время, именно цѣльность характера, полное отсутствіе легкомысленной измѣнчивости въ образѣ дѣйствій и въ убѣжденіяхъ, которою особенно отличаются политическіе дѣятели этой эпохи. Отъ начала до конца остался Эдиціій вѣренъ самому себѣ, ни разу не измѣнивъ первоначальному направленію, не сдѣлавъ ни одного ложнаго шага. По натурѣ человѣкъ по преимуществу практическій, въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова, Эдиціій составлялъ и въ этомъ отношеніи рѣзкую противоположность съ большинствомъ своихъ современниковъ, у которыхъ практическое направленіе почти всегда совпадало съ политической безнравственностію и переходило въ своекорыстное стремленіе, не останавливавшееся передъ выборомъ средствъ.

Сынъ или, какъ думаютъ нѣкоторые ([85]), пасынокъ Авита, Эдиціій принадлежалъ къ числу бога-

---

(85) Histoire litt. de France II, 578.

тѣйшихъ владѣльцевъ Оверни; въ самомъ городѣ у него былъ огромный домъ ([86]), а средства, которыя извлекъ онъ изъ своихъ помѣстій во время борьбы, лучше всего доказываютъ его огромное состояніе. Первая молодость прошла въ гимнастическихъ упражненіяхъ, псовой и ястребиной охотѣ. Блестящее воспитаніе, какое давали Эдиціію, собрало въ Овернь ученыхъ людей этого времени, и Сидоній говоритъ о томъ вліяніи, какое имѣлъ Эдиціій на аристократическую молодежь своей родины, заставивъ ее полюбить латинскую рѣчь и замѣнить ею кельтскіе діалекты, до сихъ поръ бывшіе разговорнымъ языкомъ даже высшаго общества. «Ты нѣкогда заставилъ сдѣлаться Римлянами тѣхъ, которыхъ ты же потомъ не допустилъ обратиться въ варваровъ», пишетъ къ нему клермонтскій епископъ, говоря объ его заслугахъ отечеству ([87]). Мы знаемъ характеръ тогдашняго воспитанія и тѣмъ болѣе растетъ наше уваженіе къ Эдиціію, что на немъ не замѣтно ни малѣйшаго слѣда господствующаго направленія. Риторство, разъѣдавшее самыя лучшія натуры, не оказало своего обычнаго вліянія надъ умомъ Эдиція. До насъ не дошли подробности о дальнѣйшей дѣятельности сына Авита до той поры, когда событія въ Оверни не вызвали его на сцену. Знаемъ только, что посвятивъ себя военному поприщу, онъ былъ назначенъ при Антемiѣ начальникомъ войскъ въ Италіи и ему обѣщано было достоинство Патриція, уступавшее значеніемъ только консульству ([88]). Во время заговора Сероната, Сидоній, по просьбѣ овернской аристократіи, вызывалъ его изъ Италіи, гдѣ разрывъ Антемія съ Рици-

---

(86) Refertis capacissimæ domus atriis. Sid. l. III, 3.

(87) .... quod quos olim Latinos fieri exegeras, barbaros deinceps esse vetuisti. Kidon. l. III, 3.

(88) Sidon. l. V, 16.

меромъ обнаружилъ ясно безсиліе законной власти передъ наглымъ произволомъ варварскаго временщика. Эдиціій явился въ Овернь уже тогда, когда Готы осаждали главный городъ этой провинціи, хотя мы и не знаемъ, должно ли отнести его появленіе къ послѣдней осадѣ Клермона (474 г.) или къ одной изъ предыдущихъ. Послѣднее кажется болѣе вѣроятнымъ; защита Оверни безъ Эдиція, по крайней мѣрѣ по нашему убѣжденію, дѣло слишкомъ загадочное. Прибытіе Эдиція въ осажденный городъ напоминаетъ подвиги средневѣковаго рыцарства, гдѣ личная отвага совершала чудеса. По счастію на этотъ разъ письмо Сидонія не только передаетъ намъ всѣ подробности подвига, но и довольно хорошо изображаетъ радость жителей при видѣ любимаго вождя, такъ неожиданно явившагося среди нихъ. Мы думаемъ, что это же самое письмо можетъ нѣсколько показать, какъ велико должно было быть вліяніе Эдиція на воодушевленіе защитниковъ Оверни. Разскажемъ на основаніи отзывовъ очевидца, какъ было дѣло (89). Жители города собрались на полуразрушенныхъ стѣнахъ, когда разнеслась вѣсть, что на обширной равнинѣ, разстилавшейся у подножія горы, на которой построена крѣпость, происходитъ жаркая схватка. Люди всѣхъ сословій, пола и возрастовъ толпились на укрѣпленіяхъ, смотря на необыкновенное событіе, совершавшееся предъ ихъ глазами, и которому, какъ справедливо замѣтилъ клермонтскій епископъ, съ трудомъ можетъ повѣрить потомство. Съ 18 всадниками пробирался Эдиціій къ осажденнымъ (90), когда увидѣлъ, что равнина между нимъ

(89) Sidon. epistol. l. III, 3.

(90) У Григорія Турскаго разсказъ объ осадѣ Клермона очевидно пріобрѣлъ уже характеръ легенды. Такъ Эдиція сопровождаютъ только 10 человѣкъ, Greg. Tur. Hist. II, 24. Этому характеру ле-

и городомъ занята многочисленнымъ непріятелемъ. Съ отчаянною рѣшимостію бросился Экдиціи въ средину враговъ, чтобы открыть себѣ оружіемъ путь въ Клермонъ. Готы были поражены неожиданностію и дерзостію нападенія. Имя Экдиція, раздававшееся среди сѣчи, еще болѣе увеличило ихъ ужасъ. Растерявшіеся вожди позабыли, какъ велики ихъ собственныя силы, не видали, какъ ничтожно число спутниковъ Экдиція Въ паническомъ страхѣ спѣшили Вестготы отступить къ вершинѣ довольно утесистаго холма, чтобы тамъ подъ защитою мѣстности выдержать нападеніе. Только не многіе, увлеченные отвагой, остались назади и погибли подъ мечемъ галлоримскаго героя. Экдиціи со своею дружиною остался одинъ на всей равнинѣ, гдѣ Готы не посмѣли держаться. Ни одинъ изъ его спутниковъ не палъ въ битвѣ и, спѣша воспользоваться временемъ, побѣдитель съ торжествомъ въѣхалъ въ ворота Клермона. «Здѣсь, продолжаетъ Сидоній, мнѣ легче вообразить, чѣмъ выразить словомъ, сколько привѣтствій, рукоплесканій, слезъ и радости встрѣтило твое безпрепятственное возвращеніе въ городъ. Надобно было видѣть атріи твоего обширнаго дома, наполненные зрителями твоего славнаго тріумфа. Подъ поцалуями однихъ изчезала пыль, тебя покрывавшая; другіе брали улила, покрытыя пѣной и кровью; третьи переворачивали конскія сѣдла, смоченныя потомъ; тѣ разстегивали завязки гибкихъ пластинокъ твоего шлема; эти занимались развязываніемъ узловъ на твоихъ поножахъ (ocreæ); одни считаютъ зубцы мечей, притупившихся въ сѣчѣ, другіе трепещущими

генды довольно рѣзко противорѣчитъ сухой и сжатый тонъ разсказа. Quem Ecdicium miræ velocitatis fuisse, multi commemorant. Nam quidam vice multitudinem Gothorum cum decem viris fugasse perscribitur.

пальцами измѣряютъ отверстія, проколотыя и прорубленныя на твоихъ латахъ. Здѣсь, хотя многіе съ радостными тѣлодвиженіями сжимали въ объятіяхъ твоихъ спутниковъ, но бо́льшій порывъ народнаго ликованія обращался къ тебѣ и не смотря на то, что тебя окружала безоружная толпа, ты и вооруженный не скоро бы изъ нея вырвался. Съ чрезвычайною вѣжливостію ты выслушивалъ даже пошлости поздравителей и, стараясь освободиться отъ горячихъ объятій тѣснившей тебя толпы, ты былъ доведенъ до того, благодушный истолкователь любви народной, что долженъ былъ благодарить особенно тѣхъ, кто свободнѣе наносилъ тебѣ оскорбленія».

Эдиній былъ достоинъ этой восторженной привязанности своихъ согражданъ; съ его появленіемъ война съ Готами приняла другой оборотъ. Овернскій вождь собралъ, по всей вѣроятности, изъ своихъ же колоновъ родъ небольшой арміи (91) и содержалъ ее на свой счетъ. Съ этой дружиной онъ не только защищалъ городъ, но переносилъ военныя дѣйствія на открытое поле, останавливая вторженія варваровъ, отплачивая съ лихвою за ихъ опустошенія. Неожиданными нападеніями онъ держалъ непріятеля въ постоянной тревогѣ и не разъ готскіе отряды гибли въ отдѣльныхъ схваткахъ съ Эдиніемъ. Борьба энергически ведена была съ обѣихъ сторонъ. Ейрихъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы сломить упорное сопротивленіе Оверни. Легкое завоеваніе другихъ областей 1 Аквитаніи, даже Руерга и Геводана, которые по своей гористой мѣстности представляли возможность защиты, только возбуждало его во что бы то ни стало овладѣть этимъ послѣднимъ оплотомъ галлоримской народности и са-

(91) Taceo deinceps collegisse te privatis viribus publici exercitus speciem. Sid. Epist. III, 3.

маго православія, какъ ему казалось. Къ тому же неудача могла имѣть вредное вліяніе на исполненіе его задушевныхъ плановъ. Чѣмъ долѣе продолжалось сопротивленіе, тѣмъ опаснѣе могло сдѣлаться положеніе самихъ Вестготовъ. Населеніе I Аквитаніи, покорившееся имъ только потому, что не нашло себѣ твердой точки опоры и было застигнуто въ расплохъ, очевидно не могло равнодушно смотрѣть на пораженіе ненавистныхъ аріанъ. Оно волновалось, выжидая благопріятной минуты для возстанія, и Ейрихъ все далѣе заходилъ въ насильственныхъ мѣрахъ, чтобы сдерживать тайное недоброжелательство своихъ новыхъ подданныхъ. Каждое лѣто дружины Вестготовъ входили съ разныхъ сторонъ въ Овернь. Не имѣя возможности вести правильную осаду, отражаемые на приступахъ къ городу, защищенному столько же выгоднымъ мѣстоположеніемъ, какъ и укрѣпленіями, они стояли лагеремъ подъ его стѣнами до тѣхъ поръ, пока наступавшая зима, особенно суровая въ этой провинціи, не принуждала ихъ расходиться по домамъ. Тогда защитники Оверни исправляли поврежденія въ стѣнахъ, запасались съѣстными припасами и, усиливъ по возможности средства защиты, готовились къ отраженію новыхъ вторженій. Въ это же время дѣлались попытки, если не получить какую нибудь матеріальную помощь со стороны имперіи, то по крайней мѣрѣ воспользоваться ея посредничествомъ, чтобы заключить миръ съ ожесточеннымъ врагомъ. Такъ, еще при самомъ началѣ борьбы, Сидоній писалъ къ своему родственнику Авиту, который, какъ видно изъ письма, занималъ довольно высокое мѣсто въ администраціи и пожертвованіемъ значительнаго имѣнія возлѣ самыхъ предмѣстій Клермона доказалъ свою преданность Оверниской церкви ([92]).

---

(92) Sidon. l. III, 1. ad Avitum.

Клермонтскій епископъ умолялъ Авита употребить все вліяніе, чтобы остановить готское вторженіе ([93]). Мы не знаемъ послѣдствій этого письма; но изъ того, что война продолжалась, можемъ уже заключить, что переговоры, если они и были, не имѣли никакого успѣха.

Наступилъ 474 годъ. Изнуренная провинція съ трепетомъ ждала новаго вторженія, и Вестготы не замедлили своимъ прибытіемъ. На этотъ разъ къ ужасамъ осады присоединился еще голодъ, открывшійся въ городѣ ([94]). Только страхъ подпасть власти аріанскаго фанатика, озлобленнаго неудачами, могъ удержать жителей Оверни отъ малодушной сдачи, и они еще разъ напрягли свои силы для послѣдней борьбы. Эдицій со своей дружиной безпрерывно дѣлалъ смѣлыя вылазки и наконецъ нанесъ Готамъ такое пораженіе въ открытомъ полѣ, что они рѣшились отступить прежде, чѣмъ наступила зима. Похоронивъ на скоро часть своихъ убитыхъ, они, чтобы скрыть свою потерю или чтобы лишить торжествующаго непріятеля возможности по длиннымъ волосамъ отличить Готовъ отъ Римлянъ, отрѣзали трупамъ головы, оставивъ обезображенные останки на самомъ полѣ сраженія. Впрочемъ, когда наступилъ

---

(93) Quod cujus meriti esse possit, quippe si vestra crebro illud præsentia invisat, vel Gothis credite, qui sæpenumero etiam Septimaniam suam fastidiunt, vel refundunt, modo invidiosi hujus anguli etiam desolata proprietate potiantur. Sed fas est, præsule Deo, vobis inter eos et rempublicam mediis, animo quietiora concipere. Quia, etsi illi veterum finium limitibus effractis, omni vel virtute vel mole possessionis turbidæ, metas in Rhodanum Ligerimque proterminant, vestra tamen auctoritas pro dignitate sententiæ, sic partem utramque moderabitur, ut et nostra discat, quid debeat negare cum pétitur, et poscere adversa desinat, cum negatur. l. III, 1.

(94) Sid. l. VII, 7. Greg. Turon. l. II, 24.

день, Вестготы устыдились своего малодушія и рѣшились предать землѣ тѣла своихъ товарищей. Погребеніе производилось на скоро. Не одѣвали покойниковъ, не совершали надъ ними обычныхъ обрядовъ. Экдиціи не далъ времени кончить даже и эту печальную церемонію. Тогда упавшіе духомъ варвары, не рѣшаясь вступить въ новую битву, начали свое безпорядочное отступленіе. На телѣгахъ, покрытыхъ кровью, навалены были грудами трупы тѣхъ, кому не успѣли еще Готы отдать послѣдняго долга. Преслѣдуемые овернскими отрядами, Готы останавливались на минуту только тогда, когда имъ попадалась на дорогѣ какая нибудь хижина. Они бросали туда тѣла убитыхъ и сжигали ихъ вмѣстѣ съ жильемъ, заступавшимъ мѣсто погребальнаго костра (95).

Это была послѣдняя попытка Ейриха оружіемъ покорить упорную провинцію. Овернцамъ дорого досталась побѣда. Уже во время осады, жители Клермона вытерпѣли всѣ бѣдствія (96); теперь имъ оставалась впереди цѣлая зима и за нею въ будущемъ новое вторженіе, а разоренная страна, покрытая развалинами, отказывала своимъ защитникамъ въ средствахъ существованія. Все, что могло подвергнуться уничтоженію, тѣмъ или другимъ способомъ было разрушено и опустошено Готами, стѣны падали въ развалинахъ и наконецъ между гражданами начались раздоры. Въ то время, какъ одни хотѣли защищаться до послѣдней крайности, другіе,

---

(95) Sidon. Epist. l. III, 3.

(96) Hoccine meruerunt inopia, flamma, ferrum, pestilentia, pingues cædibus gladii, et macri jejuniis præliatores? Propter hujus tamen inclytæ pacis expectationem, avulsas muralibus rimis herbas in cibum traximus; crebro per ignorantiam venenatis graminibus infecti, quæ indiscretis foliis succisque viridantia, sæpe manus fame concolor legit. Sidon. l. VII, 7.

истомленные осадой, настаивали на невозможности сопротивленія и требовали сдачи. Тогда во всемъ блескѣ выказались нравственныя достоинства главныхъ вождей, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось и то значеніе, какое имѣла борьба Оверни съ Готами для всей Галліи. Сидоній, безъ вѣдома Паніанилы, почти таясь отъ нея, продалъ серебряную домашнюю посуду и роздалъ вырученныя деньги бѣднымъ ([97]). Экдицій разослалъ своихъ слугъ по окрестностямъ, куда разбрелись несчастные жители Клермона; онъ велѣлъ собирать неимущихъ и привозить ихъ въ его жилище. Тамъ на счетъ доблестнаго вождя кормилось во все продолженіе голоднаго времени болѣе 4000 человѣкъ обоего пола и потомъ точно тѣмъ же порядкомъ ихъ развезли по домамъ. За то, по разсказу почти современной легенды, въ одну ночь небесный голосъ произнесъ ему слѣдующія слова: Экдицій! за это дѣло ты и твое потомство не будете нуждаться во вѣки въ хлѣбѣ; ибо ты повиновался словамъ Моимъ и, насыщая бѣдныхъ, утолилъ Мой голодъ ([98]). Не одни оверискіе вожди старались уменьшить тяжесть послѣдствій варварскаго нашествія. Овернь очевидно защищала не одну свою самостоятельность, а была представительницею самыхъ дорогихъ интересовъ для всей, нѣкогда римской Галліи; она отстаивала православіе противъ фанати-

---

(97) Nesciente conjuge, vasa argentea auferebat a domo, et pauperibus erogabat. Greg. Turon. Histor. eccles. Franc. l. II, 22.

(98) Nam invalescente fame, misit pueros suos cum equis et plaustris per vicinas sibi civitates, ut eos qui hac inopia vexabantur sibi adducerent. At illi euntes, cunctos pauperes quotquot invenire potuerunt, adduxere ad domum ejus. Ibique eos per omne tempus sterilitatis pascens, ab interitu famis exemit. Fuereque, ut multi ajunt, amplius quam quatuor millia promiscui sexus. Greg. Turon. l. II, 24.

ческаго преслѣдованія со стороны готскаго короля. За то теперь симпатіи населенія другихъ областей, особенно духовенства выказались съ полной силой. Со всѣхъ сторонъ въ опустошенную Овернь тянулись обозы съ съѣстными припасами. Мы знаемъ изъ благодарственнаго посланія Сидонія къ ліонскому епископу Паціенту о томъ, какъ много оказалъ помощи этотъ благочестивый святитель. Огромные запасы хлѣба были отправлены по Ронѣ и Саонѣ въ города, наиболѣе нуждавшіеся въ средствахъ существованія. Черезъ руки ліонскаго же епископа, пользовавшагося огромнымъ вліяніемъ въ областяхъ, занятыхъ Бургундами, шли вѣроятно и вспоможенія отъ другихъ епископовъ. Сидоній, истощивъ въ письмѣ всѣ выраженія благодарности, называетъ Паціента не только добрымъ отцемъ, но и урожайнымъ городомъ ([99]). До насъ, какъ мы уже замѣтили, дошли далеко не всѣ письма Сидонія. По всей вѣроятности, при полномъ ихъ изданіи мы нашли бы доказательства участія и другихъ членовъ духовенства въ вспоможеніи Оверни.

Изъ Ліона же пришли Оверни и другаго рода помощь, быть можетъ, еще болѣе необходимая. Клермонъ, по словамъ Сидонія, почти столько же обезлюдѣлъ отъ внутреннихъ раздоровъ, какъ и отъ варварскихъ нашествій ([100]); только что вынесенныя бѣдствія разрушили единодушіе гражданъ, составлявшее до сихъ поръ главную силу Оверни. Умирить враждебныя партіи не могъ ни Экдиній, ни

(99) Inter hæc temporum mala, bonus sacerdos, bonus pater, bonus annus es, quibus operæ pretium fuit, fieri famem suam periculo, si aliter esse non poterat tua largitas experimento. Sid. l. VI, 12.

(100) Inveneris civitatem non minus civica simultate, quam barbarica incursione vacuatum. S. d. l. III, 2.

самъ Сидоній. Тогда, по вызову послѣдняго, въ Клермонъ явился ліонскій священникъ Констанцій, лицо замѣчательное во многихъ отношеніяхъ. Констанцій происходилъ изъ знатнаго рода ([101]) и неизвѣстно, какимъ путемъ доведенъ былъ до того, что отказался отъ свѣта. По собственному желанію, онъ остался священникомъ ліонской церкви. Объ его высокомъ образованіи сохранились многочисленныя свидѣтельства; нѣкоторые даже полагаютъ, что Констанцій былъ преподавателемъ риторики въ Ліонѣ ([102]). Принадлежа къ лучшимъ поэтамъ своего времени, онъ былъ однако же серьезнѣе своего клермонтскаго друга. По крайней мѣрѣ единственное упоминаніе объ его поэтическомъ талантѣ мы находимъ въ описаніи освященія церкви въ Ліонѣ. Благочестивый Паціентъ, не пожалѣвшій сокровищъ для построенія храма ([103]), хотѣлъ придать его освященію всевозможную торжественность. Празднество продолжалось 8 дней, и знаменитый Фаустъ Ріезскій, уступивъ просьбамъ собравшихся епископовъ, произнесъ слово, увлекшее его слушателей ([104]). Констанцій, вмѣстѣ съ Секундиномъ и Сидоніемъ, долженъ былъ поэтическими надписями украсить стѣны базилики. Къ сожалѣнію, Сидоній, посылая Гесперію тройные трохеи, написанные имъ по этому случаю, отказался въ одномъ и томъ же письмѣ помѣстить и стихотворенія Констанція. «Для новобрачной всего невыгоднѣе, если спутница превосходитъ ее красотою» замѣчаетъ Сидоній ([105]). Но если для насъ потеряны поэтическія

---

(101) Persona.... nobilitate sublimis Sid. ibid.

(102) Histoire litt. de France II, 543.

(103) См. описаніе этой церкви у Сидонія l. II, 10.

(104) Pariter erectis sensibus, auribusque curvatis audiebamus. Sid. l. IX, 3.

(105) Nam sicuti novam nuptam nihil minus quam pulchrior pro-

произведенія Констанція, то ліонскій священникъ оставилъ потомству другой трудъ, принадлежащій къ важнымъ историческимъ памятникамъ этой эпохи. Мы разумѣемъ житіе Св. Германа Оксеррскаго, написанное Констанціемъ по просьбѣ Паціента Ліонскаго и его брата Цензурія, епископа Оксерра, черезъ сорокъ лѣтъ по смерти самаго Германа. Это житіе считалось образцовымъ литературнымъ произведеніемъ и Геникъ, монахъ IX вѣка, переложилъ его въ стихи по обычаю своего времени. Констанцію же приписываютъ нѣкоторые и житіе Юста Ліонскаго. Съ клермонтскимъ епископомъ Констанцій находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; по его просьбѣ Сидоній издалъ первыя 7 книгъ своей переписки, подвергнувъ ихъ прежде пересмотру Констанція; ему же предоставлена была честь изданія 8 книги, собранной по настоянію Петронія, знаменитаго арльскаго юриста ([106]). Вообще въ дошедшихъ до насъ письмахъ высказывается глубокое уваженіе Сидонія къ талантамъ и нравственнымъ качествамъ ліонскаго священника. Въ 474 г. Констанцій, не смотря на преклонныя лѣта и слабость здоровья ([107]), поспѣшилъ явиться въ Клермонъ, чтобы своимъ вліяніемъ примирить враждующихъ гражданъ. Его не остановила ни суровость зимы, ни трудность переѣзда по дорогамъ, заваленнымъ снѣжными обвалами или сдѣлавшимся почти непроходимыми по случаю разлившихся водъ. Въ Клермонѣ, въ виду окрестностей, покрытыхъ костями и трупами погибшихъ въ битвѣ и оставшихся безъ погребенія, среди зданій, обва-

---

nuba decet; et sicuti, si vestiatur albo quisque fuscus, fit nigrior и т. д. Sidon. l. II, 10.

(106) Sidon. Epist. l. VIII, 16.

(107) Quod persona ætate gravis, infirmitate fragilis. Sid. III, ep. 2.

лившихся или полуобгорѣлыхъ, Констанцій плакалъ надъ опустошеніемъ страны и умолялъ народъ забыть свои раздоры и прежде всего думать о возможномъ возстановленіи средствъ къ защитѣ. Кругомъ его тѣснились люди всѣхъ сословій и возрастовъ, и съ каждымъ ліонскій проповѣдникъ умѣлъ говорить языкомъ, ему понятнымъ. «Совѣтуя всѣмъ примириться между собою, пишетъ къ нему Сидоній ([108]), ты возвратилъ имъ согласіе, гражданъ отечеству. По твоему убѣжденію граждане снова сошлись не только въ чувствахъ, но и въ одномъ и томъ же городѣ; наши стѣны обязаны тебѣ возвращеніемъ въ нихъ народа, народъ возвращеніемъ согласія».

Такимъ образомъ, послѣ страшныхъ несчастій, постигшихъ Оверни, у нея не было недостатка въ матеріальной и нравственной помощи со стороны другихъ провинцій. Блеснула было надежда и на помощь отъ имперіи. Въ концѣ осени 474 года въ Арль прибылъ квесторъ Лицинніанъ, посланный Юліемъ Непотомъ въ Галлію вѣроятно съ тѣмъ, чтобы на мѣстѣ изслѣдовать положеніе дѣлъ и вступить, если можно, въ переговоры съ Готами. Прибытіе Лицинніана ободрило жителей Оверни тѣмъ болѣе, что посланный императора привезъ Экдицію дипломъ на званіе патриція, обѣщанное ему еще Антеміемъ ([109]). Сидоній спѣшилъ извѣстить Папіаниллу, оставившую, какъ кажется, по его совѣту городъ на время осады, о новой почести, которою хотя и поздно награждались заслуги Экдиція ([110]). Въ то же время клер-

---

(108) Pacem omnibus suadens, caritatem illis, illos patriæ reddidisti. Quibus tuo monitu non minus in unum concilium, quam in unum oppidum revertentibus, muri tibi debent plebem reductam, plebs reducta concordiam. Sidon. Epist. l. III, 2.

(109) Sidon. Epist. l. V, 16.

(110) Celerrime, si cogites ejus ætatem, si merita, tardissime. Ibid.

монтскій епископъ писалъ въ Арль или Нарбонну къ своему школьному товарищу и другу Феликсу. Этимъ письмомъ, назначавшимся, какъ видно изъ его тона и похвалъ Лициніану, не для одного Феликса, Сидоній умолялъ дать скорѣй извѣстіе о томъ, справедливы ли слухи, дошедшіе до Оверни, и какого рода было порученіе, данное Непотомъ квестору ([111]). Изъ этого письма, написаннаго зимою 474 года, видно, что Сидоній не надѣялся много на недавнее пораженіе Готовъ и ждалъ новаго вторженія. «Извѣстите скорѣе, пишетъ онъ, справедливы ли слухи, чтобы тѣ, которыхъ ни снѣжные дни, ни безлунныя и бурныя ночи не могутъ принудить оставить охраненіе стѣнъ, могли хотя не много отдохнуть отъ продолжительнаго напряженія. Правда, врагъ удаляется на зимнія квартиры; но разъ вкоренившійся въ сердца страхъ развѣ только забывается на нѣсколько времени, но не оставляетъ насъ. Утѣшьте насъ добрымъ извѣстіемъ, потому что наше дѣло ближе къ вамъ, нежели наша родина» ([112]).

Готскій король, видя невозможность сломить геройское сопротивленіе Оверни, рѣшился принять другія мѣры. Не смотря на свои огромныя силы и ежегодныя вторженія онъ не могъ принудить эту провинцію измѣнить Риму; онъ хотѣлъ теперь, чтобы самъ Римъ отступился отъ Оверни, такъ великодушно переносившей всякаго рода бѣдствія, защищая номинальную власть римскаго правительства. Вмѣсто того, чтобы грозить новой осадой Клермону, онъ началъ готовиться къ нападенію на приморскія области между Роной и Альпами. Вѣсть объ этихъ приготовленіяхъ распространила ужасъ между жителями

---

(111) Sidon. Epist. III, 7.
(112) Ibid.

провинцій Нарбоннской 2 и приморскихъ Альповъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ встревожила и самаго Юлія Непота. Здѣсь былъ центръ римскаго управленія Галліею и самые богатые торговые города; кромѣ того эти провинціи прилегали къ самой Италіи и открывали въ нее дорогу. Имперія не имѣла достаточныхъ силъ для отпора Ейриху, а на сопротивленіе со стороны самаго населенія надѣяться было невозможно. Среднее и высшее сословія утратили всю энергію, были заняты единственно матеріальными, своекорыстными интересами; низшее было задавлено притѣсненіями фиска и мѣстной аристократіи. Вмѣсто того, чтобы, подобно овернскимъ колонамъ, вооружиться на защиту провинцій подъ предводительствомъ своихъ владѣльцевъ, оно, вѣроятно, скорѣе стало бы доброжелательствовать германскимъ завоевателямъ. Римскому правительству оставалось выбирать одно изъ двухъ: или защищать оружіемъ ближайшія провинціи Галліи противъ страшнаго врага, или выдать ему на жертву отдаленную область, не во время оказывавшую чудеса патріотизма и вѣрности. Непотъ избралъ послѣднее. Овернь была отрѣзана отъ Италіи и римскихъ провинцій южной Галліи владѣніями Бургундовъ и Вестготовъ, и до сихъ поръ только соперничество этихъ варварскихъ народовъ спасало ее отъ завоеванія. Съ точки зрѣнія эгоистической и близорукой политики, ея уступка не наносила чувствительнаго ущерба интересамъ римскаго правительства, по крайней мѣрѣ интересамъ матеріальнымъ, тогда какъ вторженіе Готовъ въ южную часть Вьеннской провинціи и во 2 Нарбонскую грозило бѣдой самой Италіи. Переговоры съ Ейрихомъ поручены были четыремъ епископамъ южной Галліи: Леонтію Арльскому, Греку Марсельскому, Василію Эзскому и Фаусту Ріезскому; въ нихъ принималъ участіе и квесторъ Лициніанъ, довѣренное лицо Непота. Главнымъ

условіемъ мира ставилъ Ейрихъ уступку Овернн и римскіе уполномоченные согласились на это постыдное для чести римскаго правительства требованіе.

Сидоній получилъ извѣстіе о началѣ переговоровъ и объ участіи въ нихъ епископовъ южной Галліи; онъ спѣшилъ сообщить одному изъ уполномоченныхъ, Василію Эзскому, записку о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Галліи. Въ письмѣ къ нему, онъ разсматриваетъ вопросъ съ точки зрѣнія религіозныхъ интересовъ и указываетъ на положеніе православнаго духовенства въ областяхъ, занятыхъ еще прежде Вестготами. Описавъ въ рѣзкихъ чертахъ фанатическое преслѣдованіе Ейриха и уже обнаружившіяся гибельныя слѣдствія гоненій, клермонтскій епископъ такъ заключаетъ свое посланіе: «Вы обсуживаете условія договора между обоими государствами: поставьте же непремѣннымъ условіемъ дружбы и согласія, чтобы было разрѣшено посвященіе епископовъ и чтобы тѣ области, которыя войдутъ въ составъ готскихъ владѣній, остались за нами по вѣрѣ, если уже онѣ не могутъ остаться подъ одною съ нами властію» ([113]). Этотъ важный историческій документъ написанъ довольно спокойнымъ тономъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Сидоній изображаетъ печальное состояніе православныхъ церквей въ готскихъ владѣніяхъ. Очевидно, клермонтскій епископъ и не предчувствовалъ, чѣмъ могутъ кончиться переговоры. Назначеніе епископовъ главными упол-

---

(113) Sidon. l. VII, 6. Tu sacratissimorum pontificum Leontii, Fausti, Græci, urbe, ordine, caritate medius inveneris; per vos mala foederum currunt, per vos regni utriusque pacta conditionesque portantur. Agite quatenus hæc sit amicitia, concordia principalis, ut, Episcopali ordinatione permissa, *populos Galliarum, quos limes Gothicæ sortis incluserit, teneamus ex fide, etsi non tenemus ex fœdere.*

номоченными окончательно успокоивало его. Дѣло, которое защищала Овернь въ отчаянной борьбѣ съ Готами, было общимъ дѣломъ для православнаго населенія всей Галліи, естественными вождями котораго были епископы. Изо всего видно, что Сидоній надѣялся на то, что даже области I Аквитаніи, еще прежде захваченныя Готами, будутъ уступлены Ейриху только на условіяхъ, обезпечивавшихъ судьбу православнаго населенія.

Громовымъ ударомъ для Оверни была вѣсть о томъ, какою цѣною купленъ былъ миръ съ Ейрихомъ. Отчаяніе и негодованіе овладѣло великодушными защитниками этой провинціи, когда они узнали, что Римъ уступилъ ее Готамъ и уступилъ безъ всякихъ условій. Сидоній написалъ рѣзкое письмо къ Греку, епископу Марсели, въ которомъ, едва ли не въ первый разъ въ жизни, заговорилъ языкомъ исполненнымъ высокаго краснорѣчія. Мы приведемъ почти вполнѣ это посланіе, проникнутое благороднымъ негодованіемъ (114).

«Вотъ опять Аманцій, обыкновенный переносчикъ моихъ бездѣлокъ, возвращается въ свою Марсель (115). Черезъ него я передалъ бы вамъ мою веселую болтовню, если бы былъ въ состояніи шутить въ то время, когда душа моя удручена горемъ. Такова теперь судьба нашего несчастнаго уголка, котораго участь, по словамъ молвы, завиднѣе во время войны, нежели во время мира. Цѣною нашего рабства куплена безопасность другихъ провинцій. О горе! рабство Оверницевъ, которые, если заглянуть въ прошлое, нѣкогда смѣли называть себя братьями Лати-

(114) Sidon. Epist. l. VII, 7.

(115) См. письма Сидонія Греку, l. VI, 8; VII, 11; IX, 4. Исторія Аманція забавно разсказана Сидоніемъ во 2 письмѣ VII книги.

новъ и гордились происхожденіемъ отъ троянской крови ([116]). Если я напомню послѣднія событія, Оверицы собственными силами остановили успѣхи оружія общаго врага. Имъ, заключеннымъ въ городскихъ стѣнахъ, не только не страшно было могущество Готовъ; не разъ распространяли они ужасъ въ самомъ лагерѣ осаждающихъ. Въ битвахъ съ сосѣдями, каждый былъ въ одно время и вождемъ и простымъ воиномъ. Теперь вся выгода отъ этихъ сраженій досталась вамъ, вся тяжесть несчастія пала на нихъ. Они изъ любви къ государству не побоялись предать законамъ Сероната, замышлявшаго передать провинціи въ руки Готамъ, Сероната, котораго правительство насилу рѣшилось казнить даже и послѣ его улики и осужденія. Это ли заслужили мы, перенося голодъ, пожары, битву и язву, бойцы, изнуренные постомъ, но насытившіе мечи свои кровію враговъ? Для этого ли знаменитаго мира кормились мы травами, сорванными въ ращелинахъ стѣнъ и часто, обманутые сходствомъ листьевъ и сока, собирали на пищу исхудалыми отъ голода руками ядовитыя растенія? За эту-то, столько разъ и такимъ образомъ испытанную, нашу преданность насъ выдаютъ, какъ я слышалъ. Постыдитесь, прошу васъ, постыдитесь этого мира, который не принесетъ ни пользы, ни славы. Вы ведете переговоры; вы первый, даже въ отсутствіе Цезаря, не только пересматриваете уже заключенные договоры, но и заключаете новые. Я прошу васъ, простите мнѣ рѣзкую правду; горе вызываетъ эти

---

(116) Это притязаніе Оверицевъ на происхожденіе отъ Троянъ засвидѣтельствовано Луканомъ:

Arvernique ausi Latio se fingere fratres,
Sanguine ab Iraco populi.
Pharsal. I, 427,

дерзкія слова. Вы мало заботитесь объ общемъ благѣ и, сходясь на совѣщанія, старастесь не столько о томъ, какъ отвратить общественныя опасности, сколько о вашихъ частныхъ выгодахъ. Когда кончатся эти обманы? Не долго и нашимъ предкамъ гордиться этимъ именемъ; у нихъ начинаетъ уже прекращаться потомство. Во что бы то ни стало, уничтожьте этотъ постыдный договоръ. Если необходимо, мы съ радостію еще разъ выдержимъ осаду, еще разъ сразимся и вытерпимъ голодъ. Но если предательски будутъ выданы тѣ, кого не могли одолѣть силой, ясно, что этотъ жестокій и безчестный поступокъ придуманъ вами».

«Зачѣмъ давать волю печали? Простите несчастнымъ и не ставьте имъ въ виду ихъ отчаянія. Другія уступленныя области ждутъ себѣ только порабощенія, Оверицы казни. Если вы не можете помочь нашему отчаянному положенію, по крайней мѣрѣ, мы умоляемъ васъ, сдѣлайте такъ, чтобы не погибли окончательно тѣ, у которыхъ должна умереть свобода. Готовьте зе́мли для изгнанниковъ, выкупъ для плѣнныхъ, запасы для переселенцевъ. Если наши стѣны должны уже отвориться врагамъ, да не затворятся ваши передъ пришельцами».

Протестъ Сидонія остался безъ слѣдствій. Страхъ готскаго нашествія на области, до сихъ поръ какъ-то избѣгавшія варварскихъ опустошеній, слишкомъ овладѣлъ римскими уполномоченными и участь Оверни была рѣшена окончательно. Мы незнаемъ, какъ совершилось занятіе ея Готами. Эдиций спасся во владѣнія Бургундовъ, гдѣ, при дворѣ варварскихъ властителей, встрѣтили его съ полнымъ радушіемъ. Напрасно Юлій Непотъ вызывалъ его въ Италію, чтобы вручить начальство надъ войсками. Знаменитый вождь отказался служить тому, кто малодушно предалъ врагамъ вѣрную провинцію, не щадившую

крови для защиты его власти ([117]). Онъ не уступилъ также и убѣжденіямъ Сидонія, который черезъ нѣсколько времени вызывалъ его возвратиться въ Овернь ([118]). Съ этихъ поръ изъ исторіи исчезаетъ безъ слѣда имя послѣдняго доблестнаго Римлянина, перваго христіанскаго рыцаря новой Европы. По всей вѣроятности, Экдиціи кончилъ свою жизнь въ подвигахъ христіанскаго благочестія, которое составляло такую же неотъемлемую принадлежность его благороднаго характера какъ и ни когда не измѣнявшее ему мужество.

Не такова была судьба другаго вождя героическаго населенія Оверни, Сидонія. Онъ не могъ, безъ полнаго забвенія своихъ пастырскихъ обязанностей, оставить Клермонъ и рѣшился ждать распоряженія Ейриха. Къ тому же во всякомъ случаѣ, оставаясь въ Оверни, онъ подвергался меньшимъ опасностямъ, нежели доблестный его сподвижникъ. Званіе епископа защищало отъ ярости даже и со стороны ерети-

---

(117) Іорнандъ, у котораго находимъ это извѣстіе, называетъ Овернскаго вождя Деціемъ. Euricus cernens Arvernam occupat civitatem, ubi tunc præerat Decius nobilissimus senator, et dudum Aviti imperatoris..... filius..... Hujus ergo filius Decius diu certans cum Vesogothis, nec valens antestare, relicta patria, maximeque urbe Arvernate hoste, ad tutiora se loca collegit. *Quod audiens Nepos imperator, præcepit Decio relictis Galliis ad se venire, in locum ejus Oreste magistro militum ordinato.* Iornandis, De rebus Geticis. Edit. Panckoutcke p. 362. Отказъ Экдиція виденъ изъ назначенія Ореста тотчасъ послѣ предложенія Непота.

(118) Sidon. Epist. l. III, 3. Igitur, si quod nostratium precatibus acquiescis, ac tutum in patriam receptui canere festina, et assiduitatem tuam periculosæ regum familiaritati celer exime, quorum consuetudinem spectatissimus quisque flammarum naturæ bene comparat, quæ sicut paululum a se remota illuminant, ita satis sibi admota comburunt.

ческаго короля Готовъ. Участь Сидонія рѣшена была скоро. Онъ сосланъ былъ подъ строгій присмотръ въ Ливію, крѣпость около испанской границы. Воротившись, онъ не засталъ уже и западной римской имперіи.

Уже въ тотъ же годъ обнаружилось все безсиліе власти Юлія Непота. Угрожаемый снова Ейрихомъ, онъ отправилъ къ нему Епифанія Павійскаго, и въ переговорахъ съ готскимъ королемъ всего лучше выказались и значеніе православнаго духовенства, и ничтожность свѣтской власти римскаго правительства. Непотъ долженъ былъ признать полную самостоятельность готскаго государства и заключить миръ съ Ейрихомъ, какъ равный съ равнымъ. До сихъ поръ, во время самыхъ ожесточенныхъ войнъ, варвары признавали свое зависимое положеніе относительно имперіи. Но, и согласившись на предложенія Епифанія, Ейрихъ не могъ удержаться, чтобы не высказать полнаго презрѣнія къ особѣ Юлія Непота. «Я исполняю твою просьбу, уважаемый святитель, потому что въ моихъ глазахъ болѣе значитъ личность самого посла, чѣмъ вся власть пославшаго», сказалъ онъ павійскому епископу ([119]).

28 Августа 475 г. Непотъ долженъ уже былъ оставить Италію. Ровно черезъ годъ, того же числа, въ Піаченцѣ отрубили голову Оресту, главному виновнику его сверженія, и послѣдній римскій императоръ, Ромулъ Августулъ былъ сведенъ съ престола возмутившимися воинами Одоакра, не произведя своимъ паденіемъ никакого измѣненія въ событіяхъ совершавшихся въ предѣлахъ нѣкогда бывшей западной римской имперіи.

---

(119) Facio, venerande papa, quæ poscis quio grandior apud me est legati persona quam potentia destinantis. См. Pétigny, Etudes sur l'époque mérovingienne t. II, 301, въ примѣчаніи.

Южныя области Галліи, для спасенія которыхъ пожертвовали Непотъ и его малодушные галлоримскіе совѣтники единственной провинціей, еще сохранявшей преданность Риму, были захвачены Ейрихомъ безъ всякаго сопротивленія. Въ то же время, весь пиринейскій полуостровъ, за исключеніемъ города и области Картагены, управлявшихся собственными магистратами, и гористыхъ областей Галиціи и Бискаи, призналъ его власть. Вестготы заняли первое мѣсто между всѣми германскими народами, утвердившимися въ Галліи. Казалось, имъ суждено было утвердить на прочныхъ основаніяхъ могущественное государство.

Положеніе Сидонія въ бѣдномъ замкѣ близь Каркассона ([120]) было весьма непріятное. Клермонтскій епископъ чувствовалъ къ варварамъ отвращеніе и ненависть, соединенныя еще съ бо́льшимъ страхомъ. Это чувство происходило столько же изъ аристократической гордости родовитаго Галлоримлянина, сколько и изъ сознанія своего умственнаго превосходства; но болѣе всего оскорбляла Сидонія грубость нравовъ и привычекъ германскихъ варваровъ. Человѣку, возросшему среди изысканнаго и утонченнаго образа жизни высшаго круга, Бургунды и Готы, явившіеся въ Галлію, казались дикарями, каждый поступокъ которыхъ непріятно дѣйствовалъ на ихъ избалованные нервы. Это враждебное чувство было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значительнѣе становилась роль варваровъ въ судьбахъ римской имперіи и чѣмъ опаснѣе было его высказывать. Очень хорошо изображается впечатлѣніе, производимое варварами на изысканныхъ Галло-

---

(120) Въ 12 миляхъ отъ Каркассона по дорогѣ въ Нарбонну. Авторы Исторіи Лангедока полагаютъ, что Ливія или Ливіана, куда сосланъ былъ Сидоній, находилась на мѣстѣ, называемомъ теперь Compendu. См. примѣч. Грегуара и Коллombe къ Сидонію II р. 363.

римлянъ, въ слѣдующемъ небольшомъ стихотвореніи Сидонія, написанномъ послѣ взятія Бургундами Ліона въ началѣ правленія Майоріана или быть можетъ въ то время, когда бургундскіе гарнизоны стояли по городамъ I Аквитаніи, защищая ее отъ замысловъ Ейриха. «Какъ! ты требуешь, пишетъ Сидоній къ Катуллину, просившему у него эпиталамы ([121]), чтобы я сложилъ стихъ въ честь фесценинской Діоны, я, среди толпы косматыхъ варваровъ и вынося звуки германскаго нарѣчія; я, принужденный съ пріятной улыбкой расхваливать пѣсню, которую поетъ объѣвшійся Бургундъ, намазывая волосы тухлымъ масломъ. Хочешь, я скажу тебѣ, отчего не возможна поэма? Моя муза отвергла шестистопный стихъ съ тѣхъ поръ, какъ видитъ патроновъ ростомъ въ 7 футовъ. Счастливы глаза твои и уши, я скажу даже, счастливо твое обоняніе: десять Бургундовъ не оскорбляютъ его каждое утро отрыжкой лука и проклятаго чесноку ([122]). Гиганты, которыхъ едва помѣститъ въ себѣ кухня Алкиноя, не ломятся на самомъ разсвѣтѣ къ тебѣ въ комнату, какъ будто ты дряхлый родственникъ ихъ отца или мужъ ихъ кормилицы.—Но уже моя муза замолкла, пошаливъ этими немногими эпдекасиллабами; она боится, что ихъ сочтутъ за сатиру». Страхъ передъ варварами безпрестанно обнаруживается въ Сидоніѣ ([123]). Можно

---

(121) Carm. XII, ad v. c. Catulinum, quod propter hostilitatem barbarorum epitalamium scribere non valeret.

122) Felicemque libet vocare nasum,

Cui non allia sordidæque cæpæ

Ructant mane novo decem apparatus.

(123) Passim. См. особенно 8 письмо V книги къ Секундину, ліонскому поэту, написавшему сатиру противъ бургундскихъ властителей (tyrannopolitanorum). Nec difficulter applicor etiam tuta metuentibus, говоритъ Сидоній въ письмѣ къ Аполлинарію. l. IV. 6.

представить, каково было его положеніе, когда каждую ночь, едва закрывалъ онъ глаза, возлѣ самой спальни раздавался вѣчный споръ и брань двухъ готскихъ старухъ, самыхъ сварливыхъ, пьяныхъ и отвратительныхъ, какихъ только можно вообразить, по замѣчанію несчастнаго епископа ([124]). Скучно и однообразно тянулись для него дни изгнанія. Сидоній искалъ развлеченія въ литературныхъ занятіяхъ и перевелъ по просьбѣ министра Ейриха, Леона Нарбоннскаго, жизнь Аполлонія Тіанскаго ([125]). Дружескія отношенія Сидонія съ нарбоннскимъ юристомъ начались еще гораздо прежде; теперь Леонъ употребилъ свое вліяніе на готскаго короля, чтобы облегчить участь изгнанника.

Неизвѣстно когда и по какому случаю, знаменитый галльскій поэтъ и ученый обратилъ на себя вниманіе варварскаго предводителя, вѣроятно однако же не прежде того времени, когда Агриппинъ предалъ Нарбонну въ руки Теодериха II. Мы знаемъ только, что относительно Ейриха Леонъ занималъ тоже положеніе, какое Кассіодоръ при дворѣ Теодериха В. Остготскаго; его значеніе увеличилось особенно съ

---

(124) Vix dabatur luminibus inflexis parvula quies; nam fragor illico, quem movebant vicinantes impluvio cubiculi mei duæ quæpiam Gethides anus quibus nihil unquam litigiosius, bibacius, vomacius erit. Sidon. l. VIII, 3.

(125) Apollonii Pythagorici vitam, non ut Nicomachus senior e Philostrati, sed ut Tacitus Victorianus e Nicomachi schedio exscripsit, quia jusseras, misi. Ibid Никомахъ и Викторіанъ были, какъ кажется, ученые занимавшіеся свѣреніемъ и исправленіемъ рукописныхъ текстовъ. По словамъ Сирмонда до насъ дошли экземпляры Тита Ливія, свѣренные ими. Сирмондъ полагаетъ, что жизнь Аполлонія была только переписана Сидоніемъ; но мнѣніе большинства и слова самаго Сидонія заставляютъ думать, что это былъ переводъ. См. Hist. litt. de France II 567.

тѣхъ поръ, какъ Ейрихъ не только сдѣлался самостоятельнымъ владѣтелемъ; но, овладѣвъ всею южною Галліею и утвердившись въ Арлѣ, занялъ первое мѣсто между другими германскими вождями, еще чувствовавшими свое подчиненное положеніе относительно имперіи. Леонъ каждый день былъ призываемъ въ совѣтъ могущественнаго короля; во всѣхъ подробностяхъ ему извѣстны были государственныя тайны, переговоры съ близкими и дальними народами, военные планы, однимъ словомъ вся дипломатическая и административная система новаго правительства ([126]). Потомокъ Фронтона, славнаго учителя Марка Аврелія, нарбонскій юристъ изящной латинской рѣчью писалъ для Ейриха дипломатическія бумаги, которыми готскій король грозилъ заморскимъ народамъ т. е. восточной имперіи или можетъ быть Вандаламъ, или заключалъ мирный договоръ съ побѣжденными Франками. Черезъ его же руки шли и оффиціальныя сношенія Ейриха съ его галлоримскими подданными. Готскій король, по словамъ Сидонія, въ одно время и сдерживалъ силою оружія покоренные народы и старался законами сдержать само оружіе, т. е. Готовъ ([127]).

---

(126) Quotidie namque per potentissimi consilia regis, totius sollicitus orbis, pariter ejus negotia, et jura, foedera et bella, loca, spatia, merita cognoscis. Unde quis justius sese ad ista succinxerit, quam ille quem constat gentium motus, legationum varietates, facta ducum, pacta regnantum, tota denique publicarum rerum secreta didicisse. Sidon. l. IV, 22.

(127) Sepone pauxillulum conclamatissimas declamationes, quas oris regii vice conficis, quibus ipse rex inclytus modo corda terrificat gentium transmarinarum, modo de superiore cum barbaris ad Vachalim trementibus foedus victor innodat, modo per promotæ limitem sortis, ut populos sub armis, sic frenat arma sub legibus. Sidon. l. VIII, 3.

При дворѣ, среди германскихъ дружинниковъ, Леонъ сохранилъ и свой римскій образъ жизни, и преданность къ православію; въ этомъ новое сходство его съ Кассіодоромъ. Важное свидѣтельство объ его вліяніи представляетъ Еннодій, разсказывая посольство Епифанія Павійскаго и его переговоры съ завоевателемъ, грозившимъ въ конецъ уничтожить римское владычество въ Галліи. Леонъ, по словамъ Еннодія, приготовилъ самый лестный пріемъ епископу Павіи, заранѣе расположивъ въ его пользу Ейриха; его же содѣйствіемъ много объясняется и самый успѣхъ возложеннаго на Епифанія порученія (128). И теперь по его же ходатайству возвращенъ былъ Сидоній изъ ссылки въ Ливію. Объ этомъ говоритъ положительно Клермонтскій епископъ, посылая своему другу переведенную для него жизнь Аполлонія Тіанскаго (129). Въ характерѣ этого загадочнаго лица видитъ Сидоній сходство съ Леономъ, за исключеніемъ только различія въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Этимъ сравненіемъ думаетъ онъ сказать самую большую похвалу министру Ейриха, забывая строгій приговоръ церкви надъ ученіемъ и образомъ жизни Аполлонія Тіанскаго (130).

Оставивъ Ливію, клермонтскій епископъ не былъ однако же возвращенъ къ своей паствѣ. Подъ предлогомъ нужныхъ объясненій его задерживали въ Бордо, гдѣ жилъ тогда Ейрихъ, не допускавшій его къ себѣ, но и не позволявшій возвратиться въ Овернь.

---

(128) См. Histoire litt. de France t. II p. 629.

(129) Nam dum me tenuit inclusum mora moenium Livianorum, cujus incommodi finem post opem Christi tibi debeo.... Sidon. l. VIII, 3.

(130) Lege virum, *fidei catholicæ pace præfata*, in plurimis similem tui. Далѣе Сидоній подробно объясняетъ, въ чемъ заключается это сходство. Ibid.

Въ письмѣ къ Фаусту Рієзскому жаловался Сидоній на свое печальное положеніе и на подозрительность готскаго правительства. «Ваше краснорѣчіе, писалъ къ нему Сидоній ([131]), не измѣнилось точно также какъ и ваша доброта. Я съ удовольствіемъ получилъ письмо ваше, потому что оно краснорѣчиво, выраженіе вашего ко мнѣ расположенія, потому что оно ничемъ не вынуждено. Впрочемъ въ настоящее время, попросивъ и получа заранѣе прощенія, я выскажу мое мнѣніе, что при отдаленіи насъ другъ отъ друга, при сообщеніяхъ, затрудненныхъ подозрительностію возмущенныхъ народовъ, для насъ безопаснѣе и лучше отказаться отъ дѣятельной переписки и, оставивъ на время обмѣнъ писемъ, осудить себя на молчаніе. Какъ ни тяжело и ни грустно для людей, соединенныхъ тѣсною дружбою, это рѣшеніе, оно вызвано не произвольною прихотью, а важными и хорошо извѣстными причинами разнаго рода. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что посланецъ не можетъ пробраться безъ допроса мимо стражи, стоящей по большимъ дорогамъ. Если онъ, какъ ни въ чемъ невинный, и не подвергается опасности, тѣмъ не менѣе его встрѣчаетъ много затрудненій: усердный допрашиватель старается вывѣдать всѣ тайны посланнаго. Если по случаю онъ растеряется въ отвѣтахъ на предложенные ему вопросы; тогда думаютъ, что ему приказано на словахъ передать то, чего не могли отыскать въ бумагахъ. Посланный подвергается оскорбленіямъ, а пославшій становится лицемъ заподозрѣннымъ ([132]).

---

(131) Sidon. l. IX, 3, ad Faustum.

(132) Любопытно, какими предосторожностями должны были окружать свою дѣятельность представители высшихъ интересовъ, въ смутное время паденія западной римской имперіи. У Сидонія мы находимъ упоминанія о такъ называемыхъ *litteræ formatæ* (напр. l.

Особенно это бываетъ теперь, когда договоры, заключенные прежде между народами-соперниками, становятся сомнительными по случаю нѣкоторыхъ

VI, 8; l. VII, 2 и др.). Такого рода письма были въ употребленіи еще въ первые вѣка христіанской церкви. Въ послѣднее время римской имперіи они снова, какъ кажется, сдѣлались необходимостію, особенно когда переписка между православными епископами затруднялась вслѣдствіе подозрительности варварскихъ, аріанскихъ властителей. Epistola formata удостовѣряла, что податель дѣйствительно принадлежитъ къ извѣстной церкви и слѣдовательно человѣкъ надежный. Противъ поддѣлки принимались слѣдующія предосторожности. На верху письма ставились 4 начальныя греческія буквы наименованія лицъ Св. Троицы и Св. Петра, т. е. *П. Т. А. П.* Буквы въ греческомъ языкѣ имѣли числовое значеніе, Сумма 4-хъ буквъ вмѣстѣ съ буквою А., взятою отъ заключительнаго аминь, равнялась 660. Сверхъ того числовое значеніе первой буквы имени лица пишущаго, второй буквы имени того, къ кому адресовано письмо. третьей буквы изъ имени лица, о которомъ идетъ рѣчь и четвертой имени города, откуда отправлено письмо, составляло въ сложности извѣстную сумму, которая и прописывалась въ письмѣ, скрѣпленномъ подписью епископа и его печатью. Ключь къ разгадкѣ значенія числа строго держался въ тайнѣ епископами. Черезъ надежныхъ посланцевъ, снабженныхъ такими письмами, православные епископы могли сноситься между собою во время самыхъ страшныхъ гоненій со стороны фанатическихъ послѣдователей Арія. (См. примѣч. Грегуара и Колломбе къ соч. Сидонія. т. II стр. 146).

Еще любопытнѣе существованіе особенной литературной школы и особеннаго латинскаго языка, понятнаго лишь для немногихъ. *J. Quicherat* въ замѣчательномъ изслѣдованіи, помѣщенномъ во II томѣ Bibliothèque de l'école des chartes (Fragments inédits de littérature latine p. 130 — 143) приводитъ чрезвычайно интересные факты по поводу изданныхъ Анжело Маи въ 1833 году сочиненій подложнаго Виргилія (*Epistolæ de octo partibus sermonis* и *Eptomæ*). Не подлежитъ никакому сомнѣнію существованіе особой школы или литературнаго общества, члены котораго подъ заимствованными или вымышленными именами (*Homerus*, *Cicero*, *Horatius*, *Bientius*, *Glen-*

спорныхъ условій ([133]); кромѣ того душа моя истерзана домашними огорченіями. Изгнанникъ изъ родины, я удаленъ сюда подъ видомъ исполненія обязанности или, что будетъ вѣрнѣе, вслѣдствіе необ-

---

gus, *Maceronto* и т. д.) старались среди варваровъ сохранить нѣкоторыя преданія римской литературы и значеніе литераторовъ. Школа имѣла условный языкъ, условное письмо и способъ выраженія, понятные только для адептовъ. Такъ изъ epitomæ видно, что сверхъ обыкновенной латини было еще 10 языковъ: *Semedia*, *numeria*, *metrofia*, *lumbrosa*, *sincolla*, *belsabia*, *bresina*, *militana*, *spela*, *polema*, (137 пр. 5). Фраза *Spes Romanorum periit* писалась по условіямъ *scinderationis phonorum* такъ: *rr. ss. pp. mm. nt. ee. oo. av. ii.* (138). Объясненіе причинъ, вызвавшихъ этотъ способъ, приводимое Лже-Виргиліемъ, указываетъ по замѣчанію Quicherat на три главныя причины конечной гибели римской литературы: на чрезмѣрную изысканность выраженія, принимаемую за высшее достоинство, на утрату вкуса и на страхъ передъ варварами. Лже-Виргилій, по собственному показанію, былъ родомъ изъ Галліи и христіанинъ. Анжело Маи, издавшій его сочиненія, нашелъ и указаніе на его мѣстопребываніе въ эпитетѣ *Tolosanus*. Онъ относитъ Лже-Виргилія ко времени внуковъ Хлодвига. *I. Quicherat*, сближая его съ неизвѣстнымъ поэтомъ, къ которому Эннодій написалъ стихотвореніе: De quodam stulto qui Virgilius dicebatur, съ загадочнымъ Виргиліемъ, историкомъ и поэтомъ, на котораго ссылается сокращеніе церковной исторіи Григорія Турскаго, говоря о происхожденіи Франковъ, основываясь на нѣкоторыхъ указаніяхъ извлеченныхъ изъ самыхъ сочиненій Лже-Виргилія, и т. д. полагаетъ, что онъ былъ современникомъ Ейриха Вестготскаго, а слѣдовательно и Аполлинарія Сидонія.

(133) Plusque in hoc tempore, quo æmulantum invicem sese pridem foedera statuta regnorum denuo per conditiones discordiosas ancipitia redduntur. Форіель (Histoire de la Gaule méridionale 1, 339) полагаетъ, что эти слова относятся къ несогласіямъ, возникшимъ между Вестготами и Непотомъ тотчасъ послѣ уступленія Оверни и прекращеннымъ Епифаніемъ Павійскимъ. Съ этимъ согласиться довольно трудно. Сидоній пробылъ около года въ Ливіи и писалъ

ходимости и подвергаюсь всякаго рода непріятностямъ. Здѣсь я терплю всѣ лишенія чужестранца, тамъ всѣ бѣдствія изгнанника» (134).

Письмо къ Лампридію, написанное въ это же время, служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ тяготился Сидоній неизвѣстностію своей участи. Онъ рѣшился наконецъ, во что бы то нистало, выйти изъ этого сомнительнаго положенія, хотя бы даже цѣною нравственнаго униженія. Твердости воли, стойкости характера не было вовсе въ натурѣ клермонтскаго епископа. Неизмѣннымъ оставалась одна преданность православію и добродѣтели частнаго человѣка и пастыря. Какъ скоро лицо духовное смѣшалось политическимъ дѣятелемъ, передъ нами является тотъ же Сидоній, съ которымъ познакомились мы, разсказывая исторію Авита, Майоріана и Антемія, неисправимый риторъ, человѣкъ безъ крѣпкихъ убѣжденій, безъ надежной точки опоры. Поступокъ Сидонія, о которомъ идетъ теперь рѣчь, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія, что главнымъ двигателемъ героическаго сопротивленія Оверни противъ Готовъ былъ Экдиній, своимъ присутствіемъ и личнымъ вліяніемъ поддерживавшій слабую волю клермонтскаго епископа. Сидоній ви-

---

къ Фаусту уже изъ Бордо. Зимой 474 г. Овернь еще держалась а 28 Августа слѣдующаго года Непотъ уже оставилъ Италію. Письмо клермонтскаго епископа написано слѣдовательно послѣ переговоровъ Епифанія. Гораздо вѣроятнѣе отнести слова Сидонія къ Бургундамъ, съ которыми Готы, по его же извѣстію, находились въ это время въ войнѣ.

Hic Burgundio septipes frequenter.

Flexo poplite supplicat quietem, говоритъ Сидоній въ панегирикѣ Ейриху. (l. VIII ep. 9). Съ Франками Готы находились также въ непріязненныхъ отношеніяхъ. См. тамъ же и приведенное выше 3 письмо VIII книги.

(134) Quia patior hic incommoda peregrini, illic damna prescripti. l. IX, 3.

дѣлъ, что Ейрихъ считаетъ его непримиримымъ врагомъ готскаго владычества и боится отпустить въ Овернь, чтобы не подать повода къ новому возстанію, къ которому могли бы примкнуть и другія провинціи, озлобленныя фанатизмомъ завоевателя.

Ейрихъ имѣлъ полное право опасаться тайнаго и явнаго недоброжелательства со стороны галлоримскаго населенія, тѣмъ болѣе, что его отношенія къ Бургундамъ и, какъ кажется, также и къ Франкамъ запутались и едва ли не перешли въ непріязненныя дѣйствія. Тайные переговоры Галлоримлянъ съ Византійскимъ императоромъ Зенономъ въ 477 г. доказывали, что въ Галліи не совсѣмъ еще умерли надежды на освобожденіе (135). Осторожное поведеніе Ейриха относительно Оверни, довольно рѣзко противорѣчившее его крутому и рѣшительному характеру, выказываетъ его опасенія и стараніе ослабить ненависть и ужасъ, возбужденные его завоеваніемъ. Сидоній, потерявши терпѣніе и не будучи въ силахъ выносить долѣе своей почетной ссылки, хотѣлъ показать, что не только вполнѣ примиряется съ новымъ положеніемъ дѣлъ, но что онъ даже увлеченъ могуществомъ и славою новаго властителя. Лучшимъ средствомъ обнаружить эту перемѣну въ убѣжденіяхъ показался ему панегирикъ. Такимъ образомъ еще разъ выходилъ Сидоній на прежнюю дорогу. Чтобы показать вполнѣ все значеніе прежнихъ панегириковъ, ему недоставало только написать хвалебное слово ожесточенному врагу его второй родины, варвару, въ конецъ уничтожившему римское владычество въ Галліи, неумолимому гонителю православія, и онъ не остановился передъ этимъ (136). Адресовать

(135) См. Fauriel t. I p. 343.

(136) Рагнагильдъ, супругъ Ейриха, Сидоній еще прежде написалъ небольшое стихотвореніе, впрочемъ не отъ своего имени.

панегирикъ самому Ейриху было не совсѣмъ прилично, тѣмъ болѣе, что это новое произведеніе должно было казаться искреннимъ и безкорыстнымъ выраженіемъ настоящаго образа мыслей автора и его взгляда на современное положеніе дѣлъ. Сидоній помѣстилъ похвалу Ейриху въ посланіе къ Лампридію. Стихотвореніе такъ замѣчательно, что мы не можемъ опустить его. Оно важно столькоже для исторіи готскаго государства, какъ и для опредѣленія характера самаго автора. Приведемъ его вполнѣ ([137]).

«Зачѣмъ ты вызываешь меня воспѣть теперь Цирру ([138]) или Каменъ Гіантійскихъ или ученыя струи Геликона, брызнувшія изъ подъ копыта быстраго Пегаса? Честь нашей поэзіи, Лампридій, зачѣмъ требуешь у меня пѣсни, какъ будто я похитилъ дель-

---

Еводій, одинъ изъ знатныхъ Галлоримлянъ, находившихся въ службѣ у Готскаго короля, хотѣлъ поднести королевѣ серебряный сосудъ для умыванья, сдѣланный въ формѣ раковины, и просилъ своего друга написать 12 стиховъ, которые могли бы быть вырѣзаны по 6 съ каждой стороны сосуда. Вотъ стихотвореніе Сидонія. «Пусть раковина, на которой Тритонъ влачитъ по волнамъ Цитерею, уступитъ этой при первомъ сравненіи. Умоляемъ, склонись немного съ высоты твоего величія и прими, великая покровительница, этотъ малый даръ. Удостой принять Еводія въ число твоихъ кліентовъ. Возвышая его, ты сама возвеличишься. Ты дочь, невѣстка и жена королей; да будетъ же у тебя и сынъ, который бы царствовалъ и вмѣстѣ съ отцомъ и послѣ отца. Счастлива влага, заключенная здѣсь въ свѣтломъ металлѣ: ликъ твоей госпожи еще свѣтлѣе, потому что когда королева удостоиваетъ склонить въ тебя лице свое, его бѣлизна отражается на серебрѣ». Сидоній имѣлъ настоящее понятіе о степени развитія и вкусовъ готской царицы. Тамъ болѣе оцѣнятъ то на чемъ вырѣзана надпись, чѣмъ самую надпись, пишетъ онъ, посылая стихи Еводію. Plus charta vestra quam nostra scriptura laudabitur. l. IV, 8.

(137) Sidon. Epistol. VIII, 9 ad Lampridium.

(138) Городъ въ Фокидѣ, посвященный Аполлону.

фійскія принадлежности делосскаго бога, какъ будто, новый Аполлонъ, я владѣю священной завѣсой, треножникомъ, лирой, колчаномъ, стрѣлами и грифонами, какъ будто меня вѣнчаетъ двойной вѣнокъ зеленаго плюща и винограда».

«*Титиръ* ты уже получилъ твое поле; ты ходишь подъ сѣнію миртъ и платановъ; ты ударяешь въ барбитонъ и, соглашая твой голосъ съ звуками струнъ, поешь твои дивныя пѣсни».

«Я нахожусь здѣсь вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ и только разъ видѣлъ властителя; онъ не имѣетъ для меня свободнаго времени, потому что покорный міръ также ждетъ отъ него отвѣта».

«Здѣсь виденъ Саксонъ съ голубыми глазами. Привыкшій къ морю, онъ страшится земли. Ножницы не только подстригли его волоса на маковкѣ, онѣ совершенно ихъ срѣзали, и гладко выстриженная голова кажется короче въ то время, какъ лицо стало какъ бы длиннѣе».

«Здѣсь старый Сигамбръ, остриженный послѣ нанесеннаго тебѣ пораженія, ты закидываешь назадъ вновь опущенныя пряди волосъ».

«Здѣсь бродитъ Герулъ съ зеленоватыми щеками; онъ обитаетъ у крайнихъ предѣловъ Океана и цвѣтъ его лица напоминаетъ морскія травы».

«Здѣсь Бургундъ, ростомъ въ семь футовъ, безпрестанно преклоняя колѣна, молитъ о мирѣ».

«Остготъ получаетъ новую силу, имѣя такихъ покровителей. Онъ тѣснитъ сосѣднихъ Гунновъ и гордится тамъ здѣсь одержанными побѣдами».

«Здѣсь и ты, Римлянинъ, ищешь спасенія; онъ проситъ у тебя защиты, Ейрихъ, противъ ордъ скиѳскихъ степей, когда большая медвѣдица грозитъ смутами. Онъ молитъ, чтобы Гаронна, сильная пребываніемъ на ея берегахъ Марса, защитила ослабѣв-

ній Тибръ ([139]). Самый Арзакъ Парѳянинъ проситъ, чтобы ему позволено было царствовать въ чертогахъ Сузы, хотя бы подъ условіемъ платежа дани. Зная, что въ странахъ, прилежащихъ къ Босфору, дѣлаются огромныя военныя приготовленія, онъ не надѣется на берегахъ Евфрата защитить Персію, смущенную однимъ звономъ оружія. Онъ, который воображалъ себя родственникомъ небесныхъ свѣтилъ и гордился однимъ происхожденіемъ съ Аполлономъ, онъ прибѣгаетъ теперь къ мольбамъ и оказывается простымъ смертнымъ ».

«Среди всего этого, мои дни тянутся въ безполезныхъ отсрочкахъ. *Титиръ*, перестань возбуждать мою музу; я удивляюсь, но не завидую твоей славѣ, я, который, не получая ничего и напрасно тратя мольбы, сдѣлался *Мелибеемъ* ([140]). »

Нельзя было болѣе польстить Ейриху. Готскій Августъ немогъ заподозрить галльскаго Виргилія въ римскомъ патріотизмѣ, и наградой панегиристу было позволеніе воротиться въ Овернь и вступить въ безпрепятственное отправленіе своей должности. Черезъ нѣсколько времени, Леонъ Нарбоннскій, вѣроятно по приказу или по крайней мѣрѣ съ согласія Ейриха, обратился къ Сидонію съ вызовомъ написать исторію готскаго завоевателя. Должно сказать къ чести

---

(139) Hinc, Romane, tibi petis salutem,
Et contra Scythicæ plagæ catervas,
Si quos Parrhasis ursa fert tumultus,
Eorice, tuæ manus rogantur,
Ut Martem validus per inquilinum
Defenset tenuem Garumna Tibrim. ibid.

(140) Sed tu, o Tityre, parce provocare;
Nam non invideo magisque miror,
Qui, dum nil mereor, precesque frustra
Impendo, Meliboeus esse cœpi.

клермонтскаго епископа, что панегирикъ Ейриху стоилъ ему тяжелаго усилія надъ собою. Въ письмѣ къ Лампридію проглядываетъ сознаніе того, какъ странно должна была звучать хвалебная пѣснь въ устахъ защитника Оверни, какимъ позоромъ покрывался авторъ, покупая, цѣною подобнаго униженія, милость готскаго завоевателя ([141]). Сидоній рѣшительно отказалъ Леону Нарбоннскому. Его письмо поэтому случаю проникнуто скорбнымъ чувствомъ; для насъ оно кажется какъ бы продолженіемъ упомянутаго письма къ Лампридію. Говоря о трудностяхъ, неминуемо встрѣчающихъ лицо духовнаго званія, которое вздумало бы заняться изложеніемъ современной исторіи, о ненависти, которую навлекаетъ оно на себя, высказывая свои убѣжденія, о твердой рѣшимости совершенно отказаться отъ литературы, Сидоній какъ бы намекаетъ на непріятное для него впечатлѣніе произведенное послѣднимъ панегирикомъ ([142]). Клермонтскій епископъ сравниваетъ своего нарбоннскаго друга съ Тацитомъ, убѣждавшимъ Плинія написать исторію своего времени; онъ совѣтуетъ ему послѣдовать примѣру знаменитаго историка и са-

---

(141) En carmen quod recensens otiabundus, nostrumque sudorem ac pulverem spectans, veluti jam coronatus auriga de podio. De reliquo, non est quod suspiceris par me officii genus repetiturum, etiamsi delectere præsenti, nisi prius ipse destiterim vaticinare magis damna quam carmina. Въ другомъ мѣстѣ того же письма Сидоній, говоря Лампридію о мучительномъ своемъ положеніи, о глубокомъ уныніи, имъ овладѣвшемъ, дѣлаетъ весьма граціозное сравненіе. Quod si quopiam casu ineptias istas, quas, inter animi supplicia conscripsimus, nutu indulgentiore susceperis, persuadebis mihi.... similes etiam chordæ lyricæ violentius tensæ, quæ quoplus torta, plus musica est. Sidon. l. VIII, 9.

(142) См. Sidon. l. IV, 22.

мому взяться за трудъ, для исполненія котораго у него такъ много условій ([143]).

Возвратившись въ Овернь, Сидоній нашелъ тамъ намѣстникомъ Ейриха Викторія, одного изъ галлоримскихъ сторонниковъ готскаго короля. Уже одно замѣщеніе такого важнаго поста не Готомъ, а Галлоримляниномъ, и притомъ православнымъ, доказываетъ, съ какою осторожностію обращался Ейрихъ съ провинціей, такъ отчаянно боровшейся за свою независимость. Викторій является представителемъ той части галлоримской аристократіи, которая искренно примкнула къ германскимъ предводителямъ. Правитель Оверни далеко не отличался нравственными достоинствами. Григорій Турскій, который называетъ его дукомъ всей Септиманіи, оставилъ намъ нѣсколько воспоминаній объ его продолжительномъ управленіи провинціей. ([144]) Изъ разсказа турскаго епископа, бывшаго родомъ изъ самой Оверни, можно вывести самое невыгодное заключеніе о Викторіѣ. Страстный любитель женщинъ, онъ довелъ Овернцевъ до того, что они рѣшились было убить его.

---

(143) Ibid. idque ab exemplo nunc melius aggrederis, quia et ego Plinio, ut discipulus, assurgo, et tu vetusto genere narrandi jure Cornelium antevenis, *qui seculo nostro si revivisceret, teque qualis in litteris, et quantus habeare conspicaretur, modo verius Tacitus esset.* ibid.

(144) Gregor. Turon. Historia eccles. Franc. II, 20. Eorichus autem Gothorum rex, Victorium ducem super septem civitates præposuit. Григорій Турскій полагаетъ продолжительность управленія Викторія въ 9 лѣтъ. Fuit autem Arvernis annis novem. Но потомъ самъ же прибавляетъ: post cujus excessum regnavit Eorichus annos quatuor, чѣмъ и уничтожаетъ вѣроятность своего показанія. Ейрихъ умеръ въ 484 г. Овернь покорилась ему въ концѣ 474 или въ началѣ 475 года. Если Викторій бѣжалъ за 4 года до смерти Ейриха, то онъ немогъ долѣе 6 лѣтъ управлять Овернію.

Какъ доказательство самаго наглаго своеволія, можетъ служить его поступокъ съ овернскимъ сенаторомъ Евхеріемъ, о которомъ мы имѣемъ самый лестный отзывъ Сидонія ([145]). Оклеветавъ его по личной ненависти и заключивъ въ оковы, Викторій, не имѣя вѣроятно данныхъ для его осужденія, рѣшился просто убить его. Ночью, онъ приказалъ извлечь Евхерія изъ темницы, положить его связаннаго подлѣ ветхой стѣны и обрушить ее на несчастнаго ([146]). Вооруживъ противъ себя общую ненависть населенія и возбудивъ, какъ кажется, неудовольствіе самаго Ейриха, Викторій бѣжалъ въ Римъ и тамъ былъ побитъ каменьями за наглые и насильственные поступки съ женщинами. Послѣ этого свидѣтельства Григорія Турскаго, насъ могъ бы удивить совершенно противоположный отзывъ Сидонія, если бы мы не знали случая, которымъ онъ вызванъ. При всѣхъ своихъ нравственныхъ недостаткахъ, Викторій имѣлъ одно важное достоинство: онъ былъ искренно преданъ православію. Въ то время, когда во владѣніяхъ Ейриха въ развалинахъ падали православныя церкви или оставались безъ священниковъ, Викторій, по словамъ того же Григорія Турскаго, соорудилъ въ Оверни двѣ базилики, одну во имя Св. Лаврентія, другую во имя Св. Германа. Когда въ Оверни умеръ Авраамъ, уроженецъ Персіи, бѣжавшій изъ родины отъ преслѣдованій Варана и Издигерда II, Викторій, оказывавшій глубокое уваженіе къ смиренному иноку и присутствовавшій при его послѣднихъ минутахъ, принялъ на свой счетъ издержки погребенія и Си-

---

(145) Sidon. Epist. l. III, 8, по нѣкоторымъ выраженіямъ можно догадываться, что Евхерій принималъ самое дѣятельное участіе въ защитѣ Оверни.

(146) Gregor. Turon. Hist. II, 20.

доній, написавшій эпитафію Аврааму, не упустилъ случая съ похвалою отозваться о новомъ правителѣ Оверни ([147]).

Дальнѣйшая дѣятельность Сидонія исключительно посвящена исполненію пастырскихъ обязанностей и безспорно это лучшая сторона его жизни. Время было тяжкое для православнаго населенія и если мы обратимъ вниманіе на то, что дѣлалось въ другихъ областяхъ готскаго государства, мы вполнѣ поймемъ, почему Сидоній, выхваляя ревность къ церкви Викторія, какъ бы забывалъ о возмутительномъ произволѣ управленія ввѣренной ему провинціи. Преслѣдованіе Ейриха было въ полномъ разгарѣ и теперь, когда Готамъ ни откуда не грозила опасность, они могли дать волю своей фанатической нетерпимости. Знаменитый Фаустъ Рієзскій былъ отправленъ въ ссылку.

Уроженецъ Британіи, хотя съ молодости поселившійся окончательно въ Галліи, Фаустъ сохранилъ въ своемъ характерѣ упрямую настойчивость своихъ соплеменниковъ ([148]). Заключившись въ монастырѣ Лериньскомъ, онъ пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность строгостію жизни и христіанскимъ краснорѣчіемъ. Уже въ 447 году онъ получилъ самое лестное доказательство уваженія со стороны знаменитѣйшаго изъ

---

(147) Sidon. Epist. l. VII, 17. Къ Волузіану; письмо Сидонія любопытно для опредѣленія отношеній между монашествующими и епископами. Авраамъ былъ основателемъ монастыря въ Оверни, и, послѣ его смерти, Сидоній поручаетъ Волузіану ввести между братіею правило обителей Лериньской и Гриньинской (statuta Lirinensium Partum vel Grininсensium). О Викторіѣ въ этомъ письмѣ говоритъ Сидоній, quem jure seculari patronum, jure ecclesiastico filium, excolo ut cliens, ut pater diligo, qui satis docuit, quæ sibi aut qualis erga famulos Christi cura ferveret.

(148) О Фаустѣ см. большую статью въ литературной исторіи Франціи, изданной Бенедиктинцами конгрегаціи св. Мавра т. II.

членовъ галльской церкви. Иларій Арльскій на собраніи епископовъ принудилъ Фауста, бывшаго тогда простымъ игуменомъ и священникомъ, занять мѣсто между собою и Θеодоромъ Фрежюскимъ, къ эпархіи котораго принадлежала Леринская обитель. Въ началѣ 462 года Фаустъ былъ избранъ епископомъ Ріеза и занялъ высокое положеніе между галльскимъ духовенствомъ. Въ виду грозившей опасности со стороны аріанства, онъ обнаружилъ замѣчательную смѣлость и дѣятельность. Онъ ратовалъ противъ ереси проповѣдями, такъ увлекавшими его слушателей, письмами, расходившимися повсюду, толкованіемъ богослужебныхъ гимновъ и наконецъ небольшими сочиненіями, направленными противъ главныхъ пунктовъ ученія Арія и Македонія ([149]). Это былъ опаснѣйшій врагъ аріанства, потому что ни одинъ изъ современныхъ епископовъ Галліи не пользовался бо̀льшею извѣстностію какъ богословъ. Не даромъ Сидоній называетъ его Платономъ Христовой Церкви. У клермонтскаго же епископа мы находимъ весьма интересный разсказъ, дающій понятіе о томъ, какъ смотрѣли современники на творенія ріезскаго епископа. Ріохатъ, священникъ и монахъ, Бретонъ по происхожденію, возвращался изъ Ріеза на родину. Два или три мѣсяца онъ пробылъ въ Оверни, потому что смуты, волновавшія сѣверную Галлію, не позволяли ему продолжать путешествія. Ласково принятый оверискимъ епископомъ, онъ много говорилъ съ нимъ о Фаустѣ, показывалъ ему полученные подарки и т. д. Едва только отправился Ріохатъ изъ Оверни, какъ кто-то увѣдомилъ Сидонія, что британскій монахъ скрылъ отъ него самое драгоцѣнное

---

(149) Legi ejus et adversus Arianos et Macedonianos parvum libellum. Gennad. c. 85.

пріобрѣтеніе, что онъ везетъ въ Британію новое сочиненіе Фауста, еще неизвѣстное галльскимъ епископамъ. Сидоній тотчасъ пустился въ погоню, остановилъ Ріохата и принудилъ его немедленно показать утаенное сочиненіе. Прочитавъ его съ увлеченіемъ, онъ спѣшилъ продиктовать проворнымъ писцамъ важнѣйшія мѣста. Епископъ и монахъ плакали, читая и перечитывая сочиненіе знаменитаго учителя, и Сидоній съ торжествомъ воротился въ Овернь, везя съ собою духовную добычу, какъ называетъ онъ пріобрѣтенныя извлеченія изъ книги Фауста ([150]). Въ 481 г. Ейрихъ сослалъ въ заточеніе упорнаго противника. Мѣстомъ ссылки престарѣлаго, почти уже столѣтняго ([151]) защитника православія, были, какъ кажется, горы Лимузена. Сохранившіяся письма Фауста къ Феликсу и Руриціо показываютъ, какою заботливостію и попеченіемъ окружали многочисленные почитатели маститаго старца во все время его изгнанія, продолжавшагося до самой смерти Ейриха (484 г.) ([152]).

Не на одного Фауста обрушилось прослѣдованіе готскаго фанатика. Валерій Антибскій, Граціанъ Тулузскій, Девтерій, епископъ Ницы, Леонтій, епископъ Фрежюса, и другіе епископы 2 Нарбоннской провинціи погибли во время гоненій ([153]). Тѣмъ знамена-

---

(150) Spoliis onastum caritatis et spiritualis compotem prædæ me domum retuli. Sidon. Epist. l. IX, 9.

(151) Cujus ita dictis vita factisque dupliciter inclaruit, ut quando quidem tuos annos jam dextra numeraverit.... decedas. ibid. Римляне считали до ста по пальцамъ лѣвой руки, сотни и тысячи по пальцамъ правой руки. Фаустъ родился въ концѣ IV вѣка, умеръ, какъ полагаютъ, не ранѣе 490 г. См. Hist. litt. de France t. II p 590.

(152) См. письма Фауста въ VIII томѣ Bibl. Maxim. Patrum.

(153) См. Revilloit p. 143. Григорій Турской говоритъ слѣдующее: Hujus tempore et Evarix, rex Gothorum.... gravem in Galliis

тельнѣе умѣренность Ейриха относительно Оверни и вообще I Аквитаніи. Въ то время, когда, по словамъ Сидонія, въ другихъ мѣстахъ съ трудомъ осмѣливались исправлять поврежденія въ церквахъ уже существовавшихъ, Елафій строилъ въ горахъ Руерга новую базилику и, такъ какъ Родезъ, главный городъ этого діоцеза, оставался безъ епископа, Сидоній, не смотря на осеннее время и на трудность горныхъ дорогъ, ѣхалъ совершить торжественное освященіе (154). Какъ будто страшныя битвы прежнихъ вторженій глубоко врѣзались въ память готскаго короля, и Экдицій даже въ изгнаніи былъ геніемъ хранителемъ своей родины, сдерживая фанатическіе порывы Ейриха.

Самымъ любопытнымъ памятникомъ епископской дѣятельности Сидонія безспорно является его переписка съ главнѣйшими членами галльской церкви. Къ сожалѣнію мы не можемъ остановиться на ней подробно и должны ограничиться самыми характеристическими чертами. Замѣтимъ прежде всего, что, по своему исключительно литературному воспитанію, клермонтскій епископъ не былъ совершенно подготовленъ къ богословской дѣятельности. Онъ самъ хорошо сознавалъ недостаточность своего теологическаго образованія и, хотя ревностно предался изученію св. Писанія послѣ своего избранія въ епископы; но мы видѣли, какое направленіе должна была принять его дѣятельность почти въ самомъ ея началѣ.

---

super Christianos intulit persecutionem. Truncabat passim perversitati suæ non consentientes, clericos carceribus subigebat. Sacerdotes vero, alios dabat exsilio, alios gladio truncabat.... Maxime tuus Novempopalanæ, geminæque Germaniæ (Aquitaniæ) urbes, ab hac tempestate depopulatæ sunt. Greg. Turon. II, 25.

(154) Sidon. Epist. IV, 15.

Борьба съ Готами не могла оставлять много времени для мирныхъ занятій. Не удивительно, что Сидоній не могъ принимать участія въ богословскихъ разсужденіяхъ своего времени, что напримѣръ въ извѣстномъ спорѣ Фауста Ріезскаго съ Мамертомъ Клавдіаномъ онъ обнаружилъ полное непониманіе важности дѣла и писалъ обоимъ противникамъ письма, одинаково наполненныя риторическими похвалами, въ которыхъ трудно доискаться самаго смысла ([155]). Неудивительны и самые промахи Сидонія, не разъ встрѣчающіеся въ его сочиненіяхъ ([156]). Повторимъ, самъ Сидоній чувствовалъ недостаточность своего знанія и не скрывалъ этого. Если не смотря на это, знаменитѣйшіе по глубокой учености и святости жизни епископы Галліи такъ высоко цѣнили его пастырскую дѣятельность и такъ много ожидали отъ нея, значитъ, его заслуги церкви заключались преимущественно въ практической сторонѣ этой дѣятельности и въ нравственномъ вліяніи клермонтскаго епископа. Замѣтимъ еще особенность Сидонія. Сдѣлавшись епископомъ, онъ рѣшился отказаться отъ литературныхъ занятій и исключительно посвятить себя трудамъ, непосредственно относящимся къ его новому званію. Нѣсколько разъ повторяетъ Сидоній, что онъ прощается навсегда съ свѣтской поэзіей и намѣренъ воспѣвать только подвиги первыхъ проповѣдниковъ христіанства въ Галліи, и однако же прежнія привычки брали верхъ ([157]). Риторскія замашки видны

---

(155) См. высокопарныя похвалы Фаусту и Клавдіану по поводу ихъ сочиненій.

(156) См. напр. Carm. XVI, v. 18, гдѣ Сидоній перемѣшалъ событія Ветхозавѣтной исторіи.

(157) См. 13 и 15 письма IX книги. Въ заключительномъ письмѣ IX книги Сидоній говоритъ:

безпрестанно въ его перепискѣ съ духовными лицами. Въ благодарственномъ письмѣ къ Паціенту ліонскому онъ сравниваетъ благочестиваго епископа съ Триптолемомъ и только потомъ думаетъ поправить ошибку, приведя примѣръ Іосифа, спасшаго Египетъ отъ голода ([158]). Не разъ совершенно неожиданно почти вслѣдъ за высказаннымъ намѣреніемъ отречься отъ свѣтской поэзіи является классическая цитата изъ Виргилія или Горація ([159]). Риторство слишкомъ вкоренилось въ натуру Сидонія и отъ него не легко было отдѣлаться; близкое же знакомство съ классическою литературою, даже нѣкоторое тщеславіе и гордость этимъ знакомствомъ было почти общею принадлежностію духовныхъ лицъ того времени, даже тѣхъ, кому нельзя какъ Сидонію сдѣлать упрека въ легкомысліи ([160]).

Пересматривая переписку Сидонія, относящуюся къ послѣднему періоду его дѣятельности, нельзя не остановиться съ удовольствіемъ на тѣхъ письмахъ, гдѣ онъ, отложивъ въ сторону литературныя притязанія, говоритъ о дѣлахъ, въ которыхъ по своему

Denique ad quodvis epigramma posthac
Non ferar pronus, teneroque metro
Vel gravi, nullum cito cogar exhinc
Promere carmen.

Persecutorum nisi questiones
Forsitan dicam meritosque cœlum
Martyres mortis pretio parasse
Præmia vitæ.

(158) Sidon. Epist. VI, 12.

(159) См. заключеніе IX книги его писемъ, конченное ссылкой на Горація.

(160) Въ нашемъ изложеніи мы не разъ приводили примѣры, особенно въ I главѣ.

званію онъ могъ или долженъ былъ принимать участіе. Въ нихъ высказывается все важное значеніе епископа въ это время. Сюда относятся во первыхъ многія письма, которыми клермонтскій епископъ ходатайствуетъ передъ своими товарищами о помощи своимъ кліентамъ въ судебныхъ дѣлахъ ([161]). Видно, какое вліяніе имѣлъ голосъ епископа передъ гражданскимъ трибуналомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, повсюду рядомъ съ феодальнымъ графомъ мы найдемъ епископа какъ представителя преданій римскаго права. Сюда же относятся и тѣ письма, которыми Сидоній вмѣшивается въ частную и семейную жизнь членовъ своей паствы. Въ письмахъ такого рода вполнѣ выказывается превосходное сердце клермонтскаго епископа. Укажемъ напримѣръ на письмо, которымъ Сидоній испрашиваетъ прощеніе виновному, но раскаявшемуся сыну у справедливо раздраженнаго отца, или ходатайствуетъ за несостоятельнаго должника передъ его великодушнымъ кредиторомъ ([162]). Послѣднее письмо особенно интересно для характеристики нравовъ и только значительный объемъ его заставляетъ насъ отказаться отъ его перевода. Укажемъ еще на письмо по поводу одной дѣвушки, похищенной колономъ друга Сидонія ([163]).

Въ другомъ отношеніи важны письма епископа Оверни къ Лупу. Епископъ Труа давно уже зналъ и любилъ Сидонія. Теперь, услышавъ объ его избраніи, онъ спѣшилъ привѣтствовать новаго собрата. Подобно Фаусту Ріезскому, Лупъ началъ свое поприще въ обители Леринской, давшей такъ много про-

---

(161) См. напр. l. V, 1, 6; l. VI, 3, 4, 5.

(162) Sidon. Epist. l. IV, 24.

(163) Sidon. l. V, 19.

славленныхъ членовъ галльской церкви ([164]). Онъ покинулъ монастырь только за тѣмъ, чтобы продать и раздать бѣднымъ свое имѣніе. Избранный въ епископы, онъ сохранилъ всю строгость монастырской жизни, принималъ пищу разъ въ два или три дня, изъ двухъ ночей одну проводилъ на молитвѣ, носилъ власяницу и спалъ на голой доскѣ. Въ 429 г. Лупъ вмѣстѣ съ Германомъ Оксерскимъ посѣтилъ Британію, чтобы сразиться тамъ съ приверженцами Пелагія, и мы уже упоминали, какъ поразилъ онъ Атиллу святостію своей жизни. Потомокъ знатнаго рода, епископъ Труа лучше другихъ могъ понимать, какъ глубоко вкореняется гордыня въ сердце человѣка. Въ письмѣ къ Сидонію, онъ прежде всего спѣшилъ напомнить зятю Авита о необходимости совершенно отречься отъ суетнаго тщеславія, несовмѣстимаго съ христіанскимъ смиреніемъ, котораго требуетъ Церковь отъ своихъ служителей. Строгія напоминанія соединяются въ письмѣ Лупа съ выраженіями трогательной привязанности: «Мужайся, мой старый другъ, мой юный братъ, пишетъ онъ къ Сидонію ([165]); послѣднее названіе уничтожаетъ собою всѣ предшествовавшія, и я готовъ забыть все, относящееся къ нашей прежней дружбѣ, потому что новыя узы, налагаемыя на тебя твоимъ званіемъ, соединятъ насъ и тѣснѣе и крѣпче». За то и письма Сидонія къ епископу Труа рѣзко выдаются изо всей его переписки. Передъ знаменитымъ учителемъ обнажаетъ

---

(164) О жизни Лупа смотри у Бенедиктинцевъ во 2 томѣ Литературной исторіи Франціи.

(165) Письмо Лупа къ Сидонію помѣщено вполнѣ въ изданіи сочиненій Клермонтскаго епископа Грегуара и Колломбе. См. Notice sur Sidonius, par M. Péricaud, bibliothécaire de la ville de Lyon p. XXIV.

Сидоній язвы души своей, съ нимъ говоритъ онъ съ полнымъ сознаніемъ своей духовной немощи и, забывая риторическіе пріемы, достигаетъ иногда до полной красоты выраженія ([166]).

Въ другихъ мѣстахъ мы привели уже письма Сидонія къ Василію Эзскому, Греку Марсельскому, Фаусту. Они могутъ дать нѣкоторое понятіе объ этомъ въ высшей степени любопытномъ памятникѣ этого времени.

Извѣстіе о кончинѣ клермонтскаго епископа находимъ мы у Григорія Турскаго. Благочестивый историкъ франкской церкви свидѣтельствуетъ объ увлекательномъ краснорѣчіи Сидонія ([167]), о которомъ мы имѣемъ впрочемъ показанія и самихъ современниковъ ([168]). Изъ легенды, приведенной нѣсколько далѣе епископомъ Тура, мы видимъ, что послѣдніе годы жизни Сидонія прошли въ тяжкихъ испытаніяхъ. Если на него и не обращалось прямо преслѣдованіе Ейриха и его преемника, во всякомъ случаѣ клермонтскій епископъ не могъ пользоваться расположеніемъ готскихъ властителей: защита Оверни была еще свѣжа въ памяти. Сидоній тяжелыми страданіями искупалъ легкомысленныя увлеченія своей жизни.

Разскажемъ самое сказаніе, записанное Григоріемъ Турскимъ. Оно хорошо изображаетъ и самое положеніе Сидонія и то, какъ смотрѣло на него овернское населеніе. Два священника изъ самой Оверни возстали, по словамъ легенды, противъ своего епископа и лишили его почти всякаго значенія въ дѣлахъ церковныхъ. Ободренный безнаказанностію и кротостію Сидонія, одинъ изъ нихъ простеръ свою

---

(166) Особенно замѣчательно 1 письмо VI книги.

(167) Gregor. Turon. Histor. l. II, 22.

(168) См. отзывы Мамерта Клавдіана, Рурицій Лиможскаго Авита Вьенскаго.

дерзость до того, что рѣшился силою извлечь епископа изъ самой базилики. Злая смерть Арія постигла нечестивца почти передъ самымъ исполненіемъ его замысла, и его сообщникъ смирился на время. Скоро Сидоній занемогъ лихорадкою и, чувствуя приближеніе кончины, просилъ, чтобы, по обычаю первоначальной церкви, его перенесли въ базилику. Толпы народа, мужчинъ, женщинъ, даже дѣтей, съ рыданіями окружали отходящаго епископа. «Пастырь добрый, говорили они съ плачемъ, зачѣмъ удаляешься отъ насъ, зачѣмъ оставляешь насъ сиротами»? Окруженный такими выраженіями любви народной, умирающій сказалъ: «не бойся, народъ мой, живъ братъ мой Апрункулъ, онъ будетъ твоимъ святителемъ». Не понявъ значенія сказаннаго, народъ думалъ, что Сидоній произнесъ эти слова подъ наитіемъ вдохновенія свыше, хотя никто не зналъ, что такъ скоро исполнится предсказаніе епископа.

Послѣ смерти Сидонія, продолжаетъ легенда, нечестивый священникъ, остававшійся въ живыхъ, захватилъ всю власть въ церкви и началъ распоряжаться, какъ будто онъ былъ уже епископомъ. Въ своей гордынѣ онъ дерзалъ произносить богохульныя слова: Господь призналъ меня правымъ передъ Сидоніемъ, и вотъ Онъ передалъ мнѣ власть его. Наступило Воскресеніе, и торжествующій врагъ Сидонія собралъ знатнѣйшихъ гражданъ Оверни на богатое пиршество въ жилищѣ епископовъ. Тамъ, занявъ первое мѣсто, онъ величался передъ присутствующими, когда служитель, разносившій вино, обратился къ нему съ рѣчью и разсказалъ свое таинственное видѣніе прошлой ночи. Ему казалось, что онъ присутствуетъ въ судилищѣ, гдѣ передъ престоломъ Всевышняго стоялъ Сидоній вмѣстѣ съ ожесточеннымъ врагомъ своимъ, недавно погибшимъ такъ неожиданно. Среди безчисленнаго стеченія народа и

святителей въ бѣлыхъ одеждахъ произнесено было осужденіе нечестивцу, и трепещущій служитель былъ вызванъ къ престолу и получилъ повелѣніе подъ страхомъ смерти объявить остававшемуся въ живыхъ гонителю Сидонія, что и онъ также зовется на судъ съ оскорбленнымъ имъ епископомъ. Едва кончилъ служитель разсказъ свой, какъ священникъ, выронивъ чашу съ виномъ, палъ мертвый среди пораженныхъ ужасомъ гостей. «Такъ совершилось божественное осужденіе, заключаетъ легенда, да никто не усомнится, что вмѣстѣ наслѣдовали адскія мученія тѣ, которые вмѣстѣ беззаконно возставали противъ своего святаго епископа» ([169]).

Въ этомъ сказаніи вполнѣ высказалось настоящее значеніе епископства Сидонія Населеніе Оверни не знало или забыло о чуждой для него дѣятельности ліонскаго литератора, о его раболѣпномъ преклоненіи передъ каждой побѣдой политическихъ партій, о его панегирикѣ готскому аріанину; оно хранило въ благодарномъ воспоминаніи его увлекательное и, можетъ быть, безъискусственное краснорѣчіе, его геройскую защиту усыновившей его провинціи, его всегдашнее состраданіе къ несчастнымъ, и Сидоній остался въ народной памяти, окруженный ореоломъ высокой христіанской добродѣтели. Исторія, безпристрастный судія государственныхъ дѣятелей, не можетъ скрыть отъ потомства темныхъ сторонъ въ жизни клермонтскаго епископа и произноситъ судъ на основаніи его же собственныхъ показаній. Тѣмъ не менѣе, при самомъ строгомъ приговорѣ надъ литературною и политическою дѣятельностію Сидонія, историкъ не можетъ не задуматься невольно надъ простодушнымъ разсказомъ народной легенды. Его мнѣніе о характерѣ клермонтскаго епископа останется въ полной

(169) Gregor. Turon Hist. II, 23.

силѣ, но яснѣе представится ему великое значеніе христіанской Церкви въ это несчастное время. Она подымала на недосягаемую для нихъ высоту нравственнаго очищенія растерявшихся политическихъ дѣятелей; она снимала съ нихъ двойное клеймо политическаго безвѣрія и бездушнаго риторства, если только они не успѣли еще растратить добрыхъ качествъ своей натуры и сохранили семейныя и частныя добродѣтели.

Сидоній пережилъ Ейриха и умеръ въ субботу 21 августа 488 или 489 года ([170]). Въ исторіи сохранилось нѣсколько воспоминаній о судьбѣ его ближайшихъ потомковъ. Сидоній съ особенною заботливостію занимался воспитаніемъ своего единственнаго сына, Аполлинарія. Уже будучи епископомъ, онъ читалъ съ нимъ Теренція и Менандра ([171]), ему хотѣлъ передать онъ и свое высокое положеніе въ обществѣ и свое знаніе римской литературы. Много надеждъ возлагалъ на него клермонтскій епископъ ([172]). Аполлинарій не наслѣдовалъ непріязненнаго чувства къ варварамъ, такъ часто высказываемаго отцомъ его; онъ искренно примкнулъ къ германскимъ вождямъ. Уже тѣсной дружбой съ Викторіемъ, съ которымъ вмѣстѣ бѣжалъ онъ въ Италію и едва не подвергся одинаковой съ нимъ участи, онъ достаточно показалъ, что примиряется съ современнымъ положеніемъ дѣлъ на родинѣ ([173]), и если было время, что готское правительство заподозрило было его въ тайномъ недоброжелательствѣ, то эти сомнѣнія уничтожились очень скоро.

---

(170) Жерменъ полагаетъ кончину Сидонія въ 489 г. Г. Перико согласно съ мнѣніемъ Бенедиктинцевъ конгрегаціи Св. Мавра относитъ ее къ 488 г. къ 58 году его жизни и 18 его епископства.

(171) Sid. l. IV, 11.

(172) Sidon. Epist. l. V, 12.

(173) Pétiguy II, 418.

Въ битвѣ при Вугле, гдѣ окончательно было подорвано владычество Вестготовъ въ Галліи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшена была судьба аріанства, Аполлинарій, предводительствуя овернскими ополченіями, храбро бился подъ знаменами сына Ейриха ([174]). Аполлинарій, подобно отцу, умеръ епископомъ Оверни, но онъ дарами закупилъ благосклонность одного изъ сыновей Хлодвига, по жребію подѣлившихъ между собою города Галліи, и этимъ путемъ достигъ епископской каѳедры ([175]). Отъ внука съ ужасомъ и отвращеніемъ отрекся бы Сидоній, легкомысленный, малодушный, но искренній приверженецъ римской старины, послѣдній боецъ за спасеніе римской образованности. Аркадій, сынъ Аполлинарія, былъ однимъ изъ тѣхъ презрѣнныхъ Галлоримлянъ, которыхъ такими рѣзкими чертами изобразилъ его дѣдъ, говоря объ обвинителяхъ Аполлинарія. Римскаго сохранилось въ немъ одно имя, да изворотливая ловкость, съ какою онъ пользовался грубыми страстями варваровъ для своихъ личныхъ выгодъ. Онъ былъ причиною страшнаго опустошенія своей родины ([176]) и однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ кровавой враждѣ сыновей Хлодвига. Когда Клотарь и Хильдебертъ замыслили погубить малолѣтныхъ сыновей своего брата, Хлодомира, чтобы воспользоваться его наслѣдіемъ, Аркадій явился къ Клотильдѣ, у которой обманомъ похитили ея внуковъ. Онъ предложилъ ей на выборъ смерть или постриженіе ея питомцевъ и далъ кровавое истолкованіе отвѣту забывшейся отъ ужаса и негодованія королевы ([177]). Такъ на самомъ потом-

---

(174) Greg. Turon. Hist. II, 37.

(175) Gregor. Turon. Hist. III, 2.

(176) Gregor. Turon. Hist. III, 9 и 10.

(177) Gregor. Turon. Hist. III, 18.

ствѣ Сидонія обнаружился неизбѣжный переходъ къ варварству, начало котораго видѣли мы еще при жизни клермонтскаго епископа. Дѣдъ еще хранилъ обманчивыя надежды на возможность существованія, если не римской имперіи, то по крайней мѣрѣ римской образованности и тѣсно соединенныхъ съ нею формъ быта; онъ самъ былъ блестящимъ представителемъ литературныхъ и общественныхъ преданій падающаго Рима. Внукъ развѣ только личной отвагой уступалъ франкскимъ дружинникамъ; грубостію побужденій, отсутствіемъ всякихъ нравственныхъ началъ и холодной жестокостію онъ могъ спорить съ каждымъ изъ нихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе. XVI

Глава I. Фамилія Сидонія, воспитаніе, характеръ школьнаго образованія въ Галліи V вѣка, преподаваніе философіи, права; греческій языкъ, грамматика, риторика, поэзія; общій выводъ; жалобы на упадокъ литературы. Сидоній по выходѣ изъ школы; его характеръ, женитьба. Жизнь высшаго сословія; виллы, положеніе женщины; день знатнаго Галло-Римлянина; ужинъ въ Арлѣ при имп. Майоріанѣ; охота; путешествія; отношеніе къ нисшему сословію; письмо къ Ерифію о праздникѣ въ Ліонѣ; литературный кружокъ въ Галліи V вѣка. . . . . * . . . 1

Глава II. Смерть Валентиніана III и вступленіе на престолъ Петронія Максима. Современное положеніе префектуры Галлій; варварскія военныя поселенія въ Галліи; поселеніе варваровъ цѣлыми племенами; отпаденіе Арморики отъ имперіи; Саксы, Франки, Аллеманы, Бургунды, Бестготы, колоніи Аланъ. Правленіе Максима; Авитъ; его избраніе императоромъ; панегирикъ Сидонія; паденіе Авита; Майоріанъ; возстаніе Галліи; причины неудачи; взятіе Бургундами Ліона; описаніе Теодериха II Готскаго; панегирикъ Сидонія Майоріану; Сидоній въ Арлѣ; ссора съ Пеоніемъ и ужинъ у Майоріана; удаленіе Сидонія отъ

стр.

политической дѣятельности; его поѣздки въ различныя провинціи Галліи. Событія въ Галліи по смерти Майоріана и борьба Эгидія съ Рицимеромъ; шаткость общественнаго мнѣнія. Вступленіе на престолъ Антемія; Сидоній въ Римѣ; выборъ патрона; Панегирикъ Антемію; увлеченіе Сидонія новымъ его положеніемъ. Дѣло Арванда и странное поведеніе Сидонія; его удаленіе отъ двора. Положеніе I Аквитаніи вообще и Оверни въ особенности; Сидоній епископъ. Общій характеръ его политической дѣятельности. . . 111

Глава III. Рѣзкая противуположность духовнаго и свѣтскаго общества въ послѣднее время существованія западной римской имперіи. Избраніе Сидонія въ епископы Оверни; его отношенія къ Папіанилле. Положеніе Оверни и вліяніе на ея судьбу послѣднихъ событій въ Италіи. Аріанскій фанатизмъ Ейриха Вестготскаго. Борьба православной Оверни съ аріанскимъ завоевателемъ. Роль Сидонія. Эдиціи; послѣдняя попытка Ейриха оружіемъ покорить Овернь. Слѣдствія готскихъ вторженій: голодъ и внутренніе раздоры въ Оверни. Констанцій Ліонскій. Перемѣна плановъ Ейриха; переговоры и постыдная выдача Оверни со стороны римскаго правительства. Пастырская дѣятельность Сидонія и переписка съ епископами. Разсказъ Григорія Турскаго о кончинѣ Сидонія. Его потомки. 247

ОПЕЧАТКИ.

Въ книгу вкралось нѣсколько важныхъ ошибокъ и опечатокъ, которыя необходимо исправить. Таковы:

		Напечатано:	*Должно читать:*
стран.	строка.		
6	4 снизу	объ Аттилѣ	объ Атталѣ.
48	9 —	при осадѣ Рима Аларихомъ должно было грозить безуспѣшно страшными казнями, чтобы и т. д.	при осадѣ Рима Аларихомъ должно было грозить безуспѣшно страшными казнями *рабамъ*, чтобы и т. д.
70	1 сверху	*Лампурдскимъ* локустамъ	*байоннскимъ* локустамъ
140 и 230 стр.		ошибочно походъ Литорія черезъ Овернь обозначенъ 438 и 437 гг. должно читать 436 годъ.	

Остальныя опечатки не такъ важны, чтобы особенно обозначать ихъ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 003 091 767 4